СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К 60-летию М. Н. ПОКРОВСКОГО

Доклады в обществе

Преподавание истории

Критика и библиография

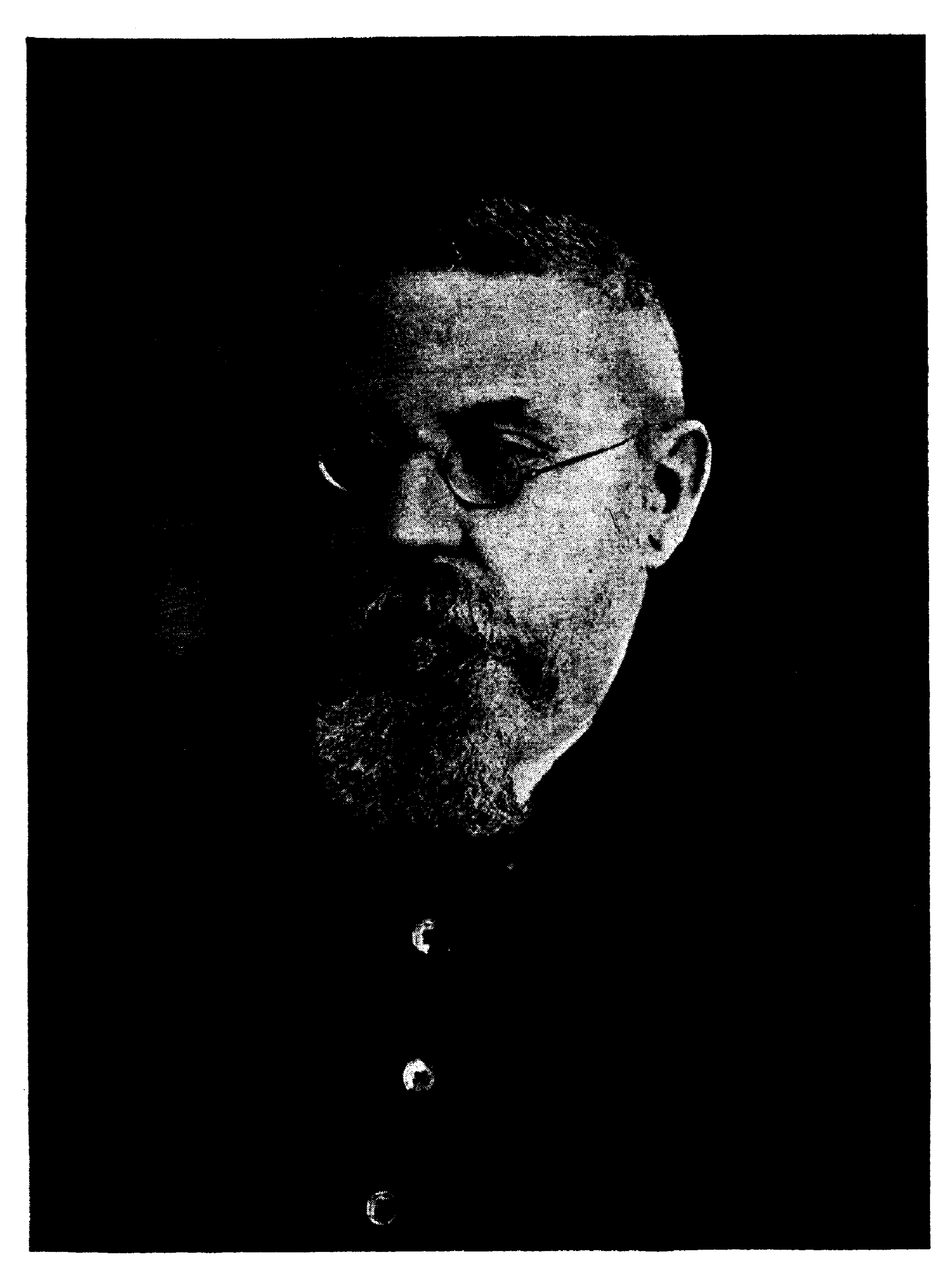
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ОБЗОРЫ

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ.

Хроника

Указатель



М. Н. ПОКРОВСКИЙ

А. В. Шестаков

М. Н. Покровский—историк-марксист

(К 60-летию с дня его рождения)

Работ о М. Н. Покровском, как историке, не много. Наиболее полная, но чрезвычайно слабая и неверная характеристика М. Н. Покровского, как историка, имеется в книге М. В. Нечкиной—«Русская история в освещении экономического материализма» (Казань, ГИЗ, 1922 г.). Некоторых сторон «критики» М. В. Нечкиной нам придется коснуться дальше. Затем идет более содержательная статья Н. Рубинштейна—«М. Н. Покровский—историк России» в журнале «Под Знаменем марксизма» № 10—11, 1924 г., вслед за которой в том же журнале помещена, имеющая очень ценный биографический характер, заметка самого М. Н.—«По поводу статьи тов. Рубинштейна». Отдельные странички посвящены М. Н. Покровскому в работах Большакова, Пичеты, Вознесенского, Цвибака и др., но все они очень мало касаются его общих оценок, как историка. Далее можно отметить дискуссионные статьи и замечания о М. Н.—Троцкого, Плеханова, Степанова-Скворцова и др. и, наконец, более многочисленные рецензии разных авторов об отдельных произведениях нашего юбиляра. В т. 32 «Энциклопедического словаря» Гранат имеется о нем небольшая биографическая справка. Буржуазная историография по вполне понятным причинам все еще продолжает замалчивать М. Н. Покровского и только лишь за последние годы историки эмигранты начинают всерьез коситься в его сторону.

Таким образом о М. Н. Покровском, как историке в целом, по существу, сказано очень мало. Будущему историографу М. Н. придется начинать свое исследование почти на пустом месте. Задача настоящей статьи поставить лишь некоторые вехи для этой историографии.

Два слова о нашем методе.

М. Н. Покровский—научный деятель-историк, но эту область его творчества нельзя брать изолированно от его общественной и политической деятельности. Он сам говорит, что «конкретные формы исторической интерпретации всякий историк берет из окружающей практики, сознает он это или нет». («Под Знаменем марксизма» № 10—11, 1924, стр. 210).

Отсюда вытекает задача исследовать в какой общественной среде вырос М. Н. Покровский-историк, как развивалась его историческая методология, роль в этом процессе пролетарского революционного движения и т. п.

М. Н. Покровский начал печататься в начале 90-х гг. прошлого века. Первые его работы это—рецензии на исторические книжки в библиографи-

ческом отделе «Русской Мысли». Дальше идут статьи в коллективной «Книге для чтения по истории средних веков» под ред. П. Г. Виноградова. Эти статьи весьма характерны для оценки первых марксистских шагов М. Н. Они растянулись на несколько лет вплоть до начала 900-х годов. Итак, М. Н. Покровский, как историк, впервые выступает в 90-годах прошлого века.

90-е годы это эпоха бурного развития русской промышленности и вместе с этим «вызревания» русского пролетариата, который начал осознавать себя, как класс, переходя постепенно от экономической борьбы к политической, выростая в гегемона надвигающейся революции. Одновременно усиливается проникновение марксистских идей в среду интеллигенции и передовых групп рабочих. От разрозненных кружков социал-демократия стягивается в «Союзы борьбы», и, наконец, в 1898 г. проводит первый с'езд РСДРП.

Марксистская мысль в начале 90-х годов все же далеко не успела захватить широкие круги учащейся молодежи и само рабочее движение не привлекало широкого общественного внимания и только после знаменитых петербургских стачек марксизм все более и более входит в «моду».

Рассматривая первые работы М. Н. Покровского в этот «утробный» период развития марксистской мысли в России, приходится констатировать, что его марксизм был тогда еще в «эмбриональном» состоянии. В первых статьях М. Н. в «Книге для чтения по истории средних веков» виден серьезный эрудит в вопросах средневековья, главным образом, в странах сопредельных с Средиземным морем, но анализ экономической подпочвы в этих статьях мало заметен.

М. Н., как историк с окраской исторического материализма наиболее четко выявляется в статье «Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков». Она писалась как раз в тот период, когда начали появляться такого же типа работы из области русской истории Туган-Барановского—«Русская фабрика», Рожкова—«Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.» (обе вышли в 1898 г.) и Ленина «Развитие капитализма в России» (1899 г.).

Марксистская мысль к этому времени уже сделала серьезные завоевания как среди студенческих, так и рабочих кругов. Хотя это еще был период «разброда, распада, шатания» (Ленин) в кругах социал-демократии, выражавшийся в «экономизме», теоретическим источником которого был «легальный марксизм» и «бернштейнианство», но уже намечался серьезный поворот к «искровству», а через II с'езд РСДРП и к большевизму.

«Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков» ставит М. Н. Покровского в ряды тех марксистов, которые уже отходили от «легального марксизма», но которые еще только подходили к революционному марксизму. Идеологические позиции М. Н. в этот период еще не совсем тверды. В статье «Местное самоуправление в древней Руси» в сборнике «Мелкая земская единица» (1903 г.) он еще далеко не освободился от взглядов старой исторической школы, с которой он был связан по преемственности в качестве «ученика», но уже в другой статье «Идеализм» и «законы

истории» по поводу книги Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий» (1904 г.) он совершенно явно обнаруживается, как «воинствующий материалист», решительно разоблачающий всю «анти-историчность» Риккерта. В этой статье он дает следующее определение «историка-материалиста»: такой историк «считается с ценностями, которые имеют громадное значение для подавляющего большинства людей всех стран и времен. Но какие это низменные ценности. Какой-то кусок хлеба, какие-то вопросы «ножа и вилки», иронизирует он по адресу Риккерта (ж. «Правда» т. III, 1904 г., стр. 121). Но почти одновременно (в 1905 г.) появляется новая статья М. Н. «Земский собор и парламент», где опять обнаруживается, что автор еще не мог стряхнуть с себя теории внеклассового происхождения самодержавия, с которой он впоследствии так успешно сражается [1].

Мертвый хватал живого, но явно побеждал живой. Исторический материалист М. Н. Покровский явно подчеркивает свои симпатии к борьбе подавляющего большинства за «низменные ценности». Одновременно он пишет о своем учителе В. О. Ключевском в рецензии на его «Курс истории», что направление последнего «само уже понемногу становится предметом истории» («Правда» т. III, 1904 г., стр. 215).

Несомненно, что т. Н. Рубинштейн в ст. «М. Н. Покровский—историк России» [2] несколько преувеличивает, заявляя, что в 1898—99 годах концепция М. Н. была уже определенно марксистской. К историческому материализму—марксизму М. Н. подошел позднее.

Сам М. Н. об этом пишет, что период до 1905 г. «можно охарактеризовать, как период демократических иллюзий и экономического материализма (разрядка всюду автора). В центре стояло: обосновать экономическую интерпретацию исторического процесса. Задача, главным образом, академическая — русскую историю нужно было понять, иначе не дашь ее понять другим, попросту не изложишь ее, а я как раз начинал выработку своих курсов. Как типичный «академик» политически я (да и не один я, а, думаю, мы—тогдашние историки материалисты) был настолько мало чуток, что отлично уживался с буржуазными демократами: тошнить нас начинало только от буржуазного либерала. Классовой борьбы не было около нас — а с массами мы, академики, соприкасались мало. При том же классовая борьба принимала в те дни иной раз очень уродливые формы (зубатовщина): уложить их в нашу демократическую программу было очень трудно... Классовая борьба оставалась теорией и как чистая теория мало отражалась в исторических построениях» [2].

Тов. Н. Рубинштейн допустил ошибку ставя за одни скобки—«марксизм» и «экономический материализм». Тот же М. Н. Покровский раз'ясняет, что такое «экономический материализм» 90-х годов: «фронт «экономического материализма» тянулся от Плеханова и Ленина слева до Максима Ковалевского и Милюкова (!) на крайнем правом фланге»... «Экономический материализм» до революции 1905 г., М. Н. Покровский характеризует,

[1] См. напр. стр. 311, 338—339.

[2] «Под Знаменем марксизма» № 10—11, 1924.

как «широчайшее марксистское пятно», расплывшееся чуть не на всю русскую историографию, которое при таких условиях должно было отличаться не только неопределенностью очертаний, но и большой тусклостью окраски» [1].

М. Н. Покровский в указанной статье об'ясняет, что этот этап в русской марксистской историографии был реакцией, своего рода «извилиной», «вывихом», до известной степени необходимым «для того, чтобы вышибить раз навсегда сладенькую легенду «суб'ективной социологии», делившей всех исторических деятелей на добрых и злых, для того, чтобы проложить дорогу хотя бы элементарно-научному пониманию истории» [2].

Несомненно, что важнейшая заслуга М. Н. Покровского на этом раннем этапе русской марксистской исторической мысли состоит именно в этом «прокладывании дороги». Он был тогда единственным марксистом историком, который уже в «истории России в XIX в.» сумел ряд важнейших вопросов русской истории — декабризм, реформу 1861 г. и др. —осветить по-новому, по-марксистски. Если в этой его работе, как и в других, относящихся к периоду 1905—1906 гг., марксизм М. Н. Покровского еще не совсем свободен от старых влияний, то все же здесь мы имеем огромное продвижение вперед.

М. Н. выдвигается перед 1905 г. и в качестве общественного деятеля. Вместе с Н. А. Рожковым они «бунтуют» против правительства в Педагогическом обществе.

В 1905 г. М. Н. Покровский вступает в состав лекторской группы Московского комитета с.-д. фракции большевиков. С этого времени он связывает всецело свою жизнь с борьбой пролетариата. Революция 1905 г. оставляет неизгладимый след и на дальнейшем развитии М. Н., как историка марксиста.

«1905 г.,—говорит он по этому поводу,—дал новую задачу и заставил решительно пересмотреть первый этап «революционного марксизма»... «Самое главное, что нам дал этот памятный год—это было превращение диалектики исторического процесса из отвлеченного литературного термина в живой, осязаемый и конкретный факт, факт не только наблюдавшийся нами воочию, но факт нами пережитый. Мы просто не могли смотреть на прошлое глазами не пережившего революцию человека. Это был новый этап развития исторического материализма в России, точно соответствовавший новому историческому этапу, в который вступила историческая жизнь нашей страны» [3].

Эту новую полосу в своем историческом развитии М. Н. Покровский открывает небольшой чисто теоретической работой «Экономический материализм», которая вышла в 1905 г. Историографы М. Н. Покровского почему-то мало уделяют внимания этой в высшей степени любопытной книжке М. Н. Покровского. Ее нельзя назвать изложением только философского кредо «нового» М. Н. Покровского. В такой же степени, как и его истори-

---

[1] Ст. «Задачи о-ва историков-марксистов» в «И. М.» № 1, 1926 г., стр. 5.
[2] Там же, стр. 8.
[3] «Ист.-марк.» № 1, 1926, стр. 7.

ческие работы в «Книге для чтения», она касается истории средневековья в Западной Европе и русской истории, с такими же интересными «параллелями», которых мы почти ни у кого не встретим до М. Н. Но этой работой М. Н. в известной мере подводит итоги прошлому, дает им оценку и набрасывает общую характеристику своей новой методологии. Название книжки «Экономический материализм» было далеко не случайным. Терминология: «экономический материализм», «исторический материализм», «диалектический материализм» в 1905—1906 гг.—не была так дифференцирована, как сейчас. М. Н. Покровский употребляет все эти три термина, почти не делая между ними различия. Все это у него об'единяется в превалирующем термине «экономический материализм», каким он и озаглавливает свою книжку. Между «экономическим материализмом» и марксизмом он устанавливает следующее различие: «Марксизм сложнее, чем «экономический материализм» просто». «Марксизм не только об'ясняет историю экономическими причинами, но и представляет себе эти экономические причины в определенной форме классовой борьбы. Это — революционный исторический материализм, в отличие от мирного эволюционного материализма многих буржуазных писателей, например, английского историка Роджерса, написавшего целую книгу об «Экономическом истолковании истории» [1].

Таким образом М. Н. воюет здесь только против принципа «эволюционизма», но не против самого термина «экономический материализм» [2].

Кроме неопределенности терминологии относительно материализма и марксизма, встречается ряд «туманностей» вроде следующих: «Все явления в мире связаны между собой механической (разрядка моя *А. Ш.*) причинной связью» (стр. 11), «механическая причинность мирового процесса» (стр. 12) и т. д. Эти вскользь оброненные слова о «механической причинности», конечно, также не случайны. Как видно из текста М. Н. Покровский усердно занимался философией. Он ссылается на Декарта, французских материалистов, Сен-Симона, Фурье, Оуэна (в «Книге для чтения...» он показал себя хорошим знатоком философии древних и их влияния на идеологию средних веков) и др. Он несомненно читал Маркса, Энгельса, Плеханова и, конечно, Ленина, хотя о последнем и не упоминает, может быть, по цензурным условиям. Кроме того, он занимался Риккертом, занимался Авенариусом, Махом и другими европейскими философами того времени [3]. Откуда взялись эти отзвуки теории механической причинности в «Экономическом мате-

[1] Стр. 4 упомянутой брошюры.

[2] Кстати, очень курьезное впечатление производят историографические рассуждения М. Нечкиной о М. Н. Покровском, как «эволюционисте» типа Роджерса. В своей работе «Русская история в освещении экономического материализма» (на стр. 104) она пишет: «Он внимательно и осторожно приглядывается к ходу исторических событий, никогда не устанавливает резких скачков, с особенной любовью исследует микроскопические процессы, считая медленность и постепенность их показателем особой важности и прочности явлений»...

[3] См. напр. его ст. «Идеализм» и «законы истории». «Правда» т. II—III, 1904 г.

риализме» сказать трудно[1], но, вероятно, их следует поставить в связь с этими философскими занятиями М. Н. Покровского, до известной степени отразившими и тот «уклон», который в истории марксизма в России был отражен впоследствии политической группировкой «Вперед». Но главное, что особенно подчеркивает М. Н. в книжке «Экономический материализм», это принцип зависимости надстроек государства, идеологий, личности и т. д. от общественных отношений, в свою очередь строющихся на базе экономики.

Он хорошо об'ясняет «динамику» марксизма, «выражающуюся в теории классовой борьбы, как движущего начала истории». В месте с этим он дает об'яснение в чем заключается диалектический метод Маркса—Энгельса на ряде исторических примеров. На основании всех этих показаний можно сказать, что М. Н. Покровский в период 1905—1907 гг. в области философии истории весьма близок к ортодоксальному марксизму, причем старое идеалистическое «наследство» отражалось на его политических взглядах и исторических работах лишь в виде своеобразных отступлений и уклонов, сказавшихся главным образом, на отдельных деталях его исторических исследований, которые он исправлял в последующих изданиях или новых работах. Таким образом, к писанию своего пятитомника «Русская история с древнейших времен» он подошел во всеоружии марксистской методологии: к этой работе он приступил в эмиграции, в которой пробыл с 1908 по 1917 г.[2].

Таким образом М. Н. Покровский как историк-марксист встает перед нами во весь свой рост еще до революции 1917 г. «Русская история с древнейших времен» представляет безусловно наибольшую ценность из всех работ М. Н. этого периода. Она является до настоящего времени единственным марксистски выдержанным курсом, ставшим настольным пособием для студентов комвузов и вузов.

«Русской историей с древнейших времен» М. Н. Покровский по существу произвел полную революцию в этой отрасли науки.

Все старые схемы исторического процесса в ней решительно отвергнуты. От теории «борьбы со степью», «внеклассового происхождения самодержавия» и т. п. не осталось и следа. Русская история с головы была поставлена на ноги. В пятитомнике дан прекрасный анализ истории происхождения крепостного права, его влияния на различные стороны исторического

---

[1] В ст. «Идеализм» и «законы истории» есть напр. такие строки: «Чем сложнее наука, тем большую роль в ней играют гипотезы, т. е. такие положения, которые доказать до конца нельзя, которые всегда оставляют некоторое место личному убеждению. Отсюда современный критический позитивизм, в лице, главным образом, Маха и его школы, выдвинул критерий научности»... («Правда» т. III, 1904 г., стр. 125). М. Н. в дальнейшем тексте нигде не отмежевывается от этого «критического позитивизма».

[2] В эмиграции, кроме «Русской истории с древнейших времен», он начал писать и сотрудничать в заграничной интернациональной прессе (ряд статей по внешней политике, выпущенных потом отчасти отдельным изданием). До этих статей в «Истории России в XIX в.» он напечатал «Крымскую войну», «Завоевание Кавказа», «Внешнюю тактику России в конце XIX в.» и др. В этих статьях по внешней политике М. Н. Покровский в значительной степени определился, как крупнейший исследователь в этой области истории.

процесса, показана вся закулисная стряпня реформы 1861 г., оставившей нам в наследство пресловутые остатки крепостничества, сыгравшие такую огромную роль в нашем революционном движении.

Там же впервые М. Н. была весьма четко сформулирована концепция торгового капитализма в России, его роль в крепостничестве и т. д. На этом фоне очень рельефно изображена классовая природа первого и последнего революционного движения буржуазии на примере декабристов, вскрыта роль и характер крестьянских движений, начиная с древних эпох.

Все изложение «Русской истории с древнейших времен» построено на тесной увязке хода исторического процесса в России с ходом его в Западной Европе. Это было ценнейшим вкладом в русскую историческую мысль. До М. Н. Покровского русские историки такой увязки не делали, лишь мимоходом касаясь вопросов внешней политики, в связи с описанием войн, дипломатических шагов и т. п. М. Н. Покровский устанавливает теснейшую связь и взаимозависимость внутренней истории России с ее внешней политикой[1].

Наступает революция 1917 г. М. Н. Покровский в рядах ленинцев. В родной ему Москве после Октябрьской революции его избирают первым председателем Московского Совета рабочих депутатов, затем председателем Совета народных комиссаров Московской области, позже Замнаркомпросом РСФСР, председателем ГУС'а и т. д.

Несмотря на чрезвычайную перегрузку по всем этим важнейшим постам, «сверхдьявольскую обстановку», как выражается М. Н., он все же находит время и для занятий по истории. В 1918 г. он заканчивает II часть «Очерка по истории русской культуры» и приступает к другой новой капитальной работе—к созданию учебника по русской истории. Только при том колоссальном запасе знаний в области мировой и русской истории, какой имелся у М. Н., только при помощи отточенного марксистского метода, которым он в наше время овладел в совершенстве и только при его огромном литературном таланте можно было создать «Русскую историю в сжатом очерке». Эта работа широко проникла в рабочие массы и выдержала ряд изданий. Без нее не строится ни одна программа по русской истории, без нее не обходится ни один из учащихся почти по всей сети нашего просвещения. «Сжатый очерк» несколько труден для школьника, его приходится «грызть зубами» и иному рабфаковцу. Он труден не по языку, а по огромному богатству мысли историка.

В этом учебнике, говоря словами автора, уложена «окончательная концепция русского исторического процесса».

Революция 1917 г., по словам М. Н. «доделала то, что уже было заложено во втором периоде (1905—1917 гг.), доделала так радикально, что здание получило совершенно новый вид, неожиданный отчасти для самого архитектора в пору закладки фундамента» («Под Знаменем марксизма» № 10—11, 1924, стр. 211).

[1] Какое огромное значение придает этой связи М. Н. видно из того, что и в «Русской истории в сжатом очерке» он поместил, так называемые «Синхронистические таблицы», обрисовывающие эту связь в весьма наглядной форме.

В «Сжатом очерке» дана «действительно материалистическая картина русского исторического процесса» в большевистском освещении.

Далее идут его работы «Очерк по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.», статьи и редакция работ по истории революций 1905 и 1917 гг. Вместе с этим М. Н. выпускает ряд работ по внешней политике.

М. Н. Покровский—как историограф—не менее выдающееся явление в нашей исторической науке последних лет.

Итак пройденный М. Н. путь в области истории, в основном, это путь развития всей нашей марксистской исторической мысли. Он как никто другой является живым олицетворением этого пути и всякий, кто поставит себе задачу изучения вопроса, как овладел и марксизм и большевизм русской историей, должен будет начать прежде всего с изучения работ М. Н. Покровского. Марксистская историческая мысль в России несомненно теснейшим образом переплетается с нашей революционной пролетарской борьбой. М. Н. Покровский также несомненно стал историком-марксистом, историком большевиком, потому, что он связал свою жизнь с этой борьбой, потому что он не только вырос в атмосфере наших революций, но и был их активным участником.

После этого беглого очерка исторического развития М. Н. Покровского необходимо остановиться на тех общих вопросах исторической науки, по которым М. Н. сказал «новое» слово. Об его марксистском методе уже говорилось выше. М. Н. Покровский—признанный глава и лидер революционного марксизма в русской историографии. Он воинствующий историк-марксист, при помощи марксистского метода, беспощадно разоблачающий своих противников. Но, применяя этот медот к изучению исторических явлений, М. Н. Покровский устанавливает целый ряд положений историко-философского порядка, которые обогащают небогатую науку философии истории.

Его ранняя работа—о Риккерте—«Идеализм» и «законы истории», а также и «Экономический материализм» весьма характерны в этом отношении. К затронутым в них проблемам он возвращается не раз и в последующих своих работах. С Риккертом и его школой он полемизирует, напр., в «Очерке истории русской культуры». В статьях в ряде предисловий к своим основным работам, в самом тексте этих работ, особенно в таких, как «Марксизм и особенности исторического развития в России», «Борьба классов и русская историческая литература», М. Н., как правило, постоянно останавливается на методологических проблемах в историческом исследовании. Приведем несколько примеров. Так, М. Н. решительный противник риккертианства, признающего за историей лишь «индивидуализацию» явлений и отрицающего «генерализирующее» значение истории. М. Н. считает, что эта точка зрения в корне «антиисторична», что при помощи марксистского метода история имеет возможность выводить «общие законы», необходимые для людей в их классовой борьбе за переделку человеческого общества.

М. Н. Покровский решительно отмежевывается также от «механистов», которые все явления природы, в том числе и человеческого общества, связы-

вают железной цепью необходимости, не зависящей ни от чьей сознательной воли [1].

В ряде статей М. Н. Покровский останавливается на марксистской схеме исторического процесса. Он подвергает критике известную плехановскую формулировку этой схемы, указывая, что автор «Основных вопросов марксизма» сделал «попытку сколь возможно эмансипировать политический момент из-под влияния производительных сил». («Марксизм и особенности исторического развития в России», стр. 8), отодвигая «социально-политический строй» от «состояния производительных сил» и отгораживая его «экономическими отношениями». К вопросу о «базисе» и «надстройке», несмотря на то, что это азбука марксизма, М. Н. возвращается не раз, так как здесь еще недостаточно сказать, что «экономика», лишь в «конечном счете» является подосновой исторического процесса. Для революционного марксиста «один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям и действующим извне историческим влияниям и т. д. может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи данных обстоятельств» (Маркс).

М. Н. Покровский пишет, что «никогда не надо забывать слов Маркса и Энгельса,—они оба неоднократно на этом настаивали,—что хотя история и делается в определенной экономической обстановке, на определенной экономической базе, без понимания которой и сама история останется нам непонятной,—но делают историю все-таки люди, которые непосредственно могут руководиться и не экономическими мотивами. Анализ этих мотивов, даже совсем индивидуальных (Маркс это нарочито подчеркивает), вовсе не сводит нас с почвы метода историко-материалистического и не превращает нас в «психологистов» [2].

М. Н. Покровский не только применяет марксизм в исследовании исторических явлений, но и самый метод улучшает, уточняет. Он делает это, главным образом, в связи с критикой русской историографии. Анализ враждебных марксизму исторических концепций он чаще всего производит над общими схемами исторического процесса этих историков. Не только в своих лекциях, опубликованных в книжке «Борьба классов и русская историческая литература», но и в целом ряде других своих работ он отмечает, что идеология домарксистских историков это есть «отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом, интересов классовых. «Всякая идеология,—говорит он,—есть кривое зеркало, которое дает вовсе не подлинные изображения действительности, а нечто такое, что даже с изображением в кривом зеркале сравнить нельзя, ибо в кривом зеркале вы все-таки свое лицо узнаете по некоторым признакам... Здесь же идеологически настолько может быть замаскирована действительность, что брюнет ока-

[1] По существу старый экономический материализм и приводил историка к механистам.

[2] «Ист.-марк.» № 1, 1926, стр. 9.

жется блондином, бородатый человек окажется бритым, совершенно как херувим и т. д. Ко всякой исторической книжке надо иметь ключ, все равно, как имеешь ключ к шифру»[1].

Как образец тонкости работы М. Н. Покровского в «подыскании ключа к шифру» можно, напр., отметить его анализ классового содержания славянофильства. Здесь не следует смешивать М. Н. Покровского в период до 1905 г., когда он тоже писал о славянофилах в статье «Земский собор и парламент» и изображал их чем-то вроде «демократов» вообще, с М. Н. Покровским в наш период пролетарской диктатуры, когда он об'ясняет их отрицательное отношение к государству тем, что они рисовали себе это государство, как политическое орудие того промышленного капитализма, от которого «помещики экономически страдали, в особенности в тот период, когда был аграрный кризис...» («Ист.-марксист» № 3, 1927, стр. 8).

Вскрывая классовую подоплеку историографии, М. Н. Покровский, ссылается, как на любопытный образец этого рода—на наиболее националистическую школу XIX в.—германскую историческую школу Ранке. Эта школа, по словам М. Н., отображала националистическую идеологию германской буржуазии, стремившейся к образованию внутреннего рынка. Соответствующие явления в области экономических отношений создали и в России такого же рода школы в лице Чичерина, Соловьева, Кавелина и др. Исходя из этих общих предпосылок, М. Н. Покровский мастерски вскрывает причины создания у них особых концепций великодержавности, государства и его происхождения и т. д. М. Н. Покровский об'ясняет почему все русские буржуазные историки были государственниками, провозгласившими теорию, что само русское общество создано государством. Заимствование этой теории, как известно, М. Н. Покровский с исключительной талантливостью раскрыл у Плеханова, Троцкого.

Несомненным вкладом в философию истории являются те статьи и замечания М. Н. Покровского, которые относятся к критике так называемого «экономического материализма» — этой разновидности вульгаризованного марксизма, который сплошь и рядом проникает даже в современную марксистскую литературу, хотя бы в виде упоминавшейся выше книжки М. Нечкиной. В руководящей программной статье, вернее речи, при открытии о-ва историков-марксистов (1 июня 1925 г.) М. Н. Покровский сообщил, как возникло это миросозерцание, почему исторически оно было неизбежно (как реакция на буржуазные концепции истории, так и на «суб'ективно-социологический метод»). Далее он дает анализ «экономического материализма» на примерах исторических работ Н. А. Рожкова[2]. Экономическим материализмом питались Виппер, Милюков и др. Типичным образцом экономических материалистов, по мнению М. Н. Покровского, являются русские меньшевики и их концепция истории революции 1905 г., а также их оценка Октябрьской революции.

---

[1] «Борьба классов и русская историческая литература», 1923, «Прибой», стр. 11.

[2] Последнему посвящены также, имеющие очень важное значение, страницы в «Борьбе классов...» (109—118).

От характеристики исторической методологии М. Н. перейдем к некоторым проблемам, в постановке которых ему принадлежит роль пионера-исследователя. На первом месте должны быть поставлены его работы по периодизации русской истории, о торговом капитализме в России и история внешней политики.

До М. Н. Покровского в русской исторической науке марксистской схемы исторического процесса в России, можно сказать, не существовало. Считать маркистской схему Н. А. Рожкова невозможно. М. Н. вполне прав, называя Н. А. Рожкова «до-марксистским историческим материалистом».

Разбирая общую периодизацию истории, данную Н. А. Рожковым, М. Н. указывает, что она совершенно не выдержана ни с какой точки зрения. Н. А. Рожков дает такие определения своим «периодам»: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодальное общество или общество варваров, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция и 9) капитализм [1].

В этой схеме есть признаки общекультурные (1-й и 2-й периоды), социальные (3-й, 4-й, 5-й и 8-й), юридические (6-й и 7-й), и только один экономический (9-й), и по такой «синкретической» схеме построена вся 12-томная работа Н. А. Рожкова. Но вернемся к М. Н. Покровскому. Его схема русского исторического процесса в нашей вольной интерпретации сводится в общих чертах к следующему. Период с VIII по X век характеризуется им, как «задружный» быт—первобытное коммунистическое общество, на котором вырастает разбойничий торговый капитализм, и затем древний феодализм, продолжающийся до XVI в. С этого времени до XVIII в. развертывается новый «феодализм», параллельно с которым растут элементы общественных отношений торгового капитала. Торговый капитализм, продолжая разворачиваться с XVII в., со второй половины XIX в. постепенно уступает место промышленному капитализму, который, в свою очередь, сменяется элементами финансового капитализма до Октября, а после Октябрьской революции социалистическими общественными отношениями при диктатуре пролетариата. В этой схеме мы видим полное отрицание схемы Бюхера, который, как типичный историк буржуа, подходит к периодизации общественного развития с техническим делением эпох на охоту, скотоводство, земледелие, торговый и промышленный капитализм, как хозяйственные формы. М. Н. Покровский берет общественную сторону в развитии человечества, на основе которой возможно установление классовых взаимоотношений в историческом процессе, а вместе с тем и классовой борьбы [2].

---

[1] Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительном историческом освещении», т. I, стр. 21 (1919 г.).

[2] Хотя бы в примечании следует упомянуть о попытке историка С. Вознесенского внести поправки в схему периодизации М. Н. Покровского. За последним он признает лишь «некоторую ценность» (см. стр. 9 книжки этого автора «Русская история», указатель литературы). С. Вознесенский «режет» историю России на 8 эпох. Перечислять их все нет необходимости. Отметим лишь некоторые. Так 1-я—с VI по IX в. характеризуется, как эпоха «добывающей промышленности и племенного быта». 6-я эпоха—это «эпоха господства рабовладельческого сель-

М. Н. не опубликовал своей периодизации русской истории с точной датировкой по векам, как это делали старые историки, а также и Н. А. Рожков. Может быть, принимая во внимание замечание М. Н. об историческом процессе, как о диалектическом развитии отдельных общественных формаций, часто идущих параллельно друг другу, это сделать вообще невозможно.

В «Очерках по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.» М. Н. пишет: «Нельзя себе представлять так: «Тум, тум, тум— идет торговый капитал, пришел. Тум, тум, тум—идет промышленный капитал, пришел. Тум, тум, тум—приходит социализм, пришел... Так нельзя себе представлять. Живой исторический процесс есть переплет всевозможных течений... Если бы в истории не было таких извивов, то не стоило бы заниматься историей: социологии было бы за глаза достаточно» (стр. 126).

Теория торгового капитализма по отношению к русской истории впервые сконструирована М. Н. Покровским. По поводу этой теории, подробно разработанной как в общих курсах, так и в отдельных статьях и популярных работах М. Н. Покровского, были попытки критики со стороны молодых историков-марксистов.

А. Слепков и Г. Марецкий, не возражая против самого понятия «торговый капитализм», обвиняли М. Н. Покровского в схематическом раскрытии внутренней сущности этого капитализма. Они находили, что М. Н. Покровский дает слишком сплошную характеристику торгового капитала, «об'единяя помещика и купца в одну категорию торговых капиталистов» и т. п.

Возражая критикам [1], М. Н. развернул широкую историческую картину колониальной политики царизма, убедительно доказывая, что весь исторический процесс в России с далеких времен, до царствования Николая последнего включительно, развертывался, главным образом, на основе торгово-капиталистической системы эксплоатации трудящихся масс как метрополии, так и колоний. В разные исторические периоды менялись методы эксплоатации, но сущность оставалась та же.

Попутно М. Н. останавливается и на характеристике государственной власти в России—на самодержавии, и дает интересную оценку его классовой сущности в зависимости от общего хода развития капитализма в нашей стране. Полемика учеников с М. Н. дала ему возможность высказаться по

ского хозяйства и сословно-дворянской монархии». 7-я—«эпоха зарождения промышленного и аграрного капитализма и борьбы самодержавия с либерализмом (первая половина XIX в.)» и т. д. в том же роде. Напрасно только автор в защиту своей схемы ссылается на авторитет «Ученого Комитета Петроградского губполитпросвета» и др. Вся его «периодизация» не только некоторой, но и никакой цены не имеет после того, что дал для русской истории М. Н. Покровский. Если уж «уточнять» М. Н., то во всяком случае не по С. Вознесенскому.

[1] См. об этом ст. «К вопросу об особенностях исторического развития России» в журн. «Под Знаменем марксизма» № 12, 1924 г., переизданную также в сборнике «Марксизм и особенности исторического развития России», Л. 1925 г., стр. 92—142. Об этом же см. предисловие к «Очеркам по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.», ГИЗ, 1927.

этому вопросу с достаточной полнотой и ясностью. Статьи М. Н., несомненно, явились ценным вкладом, не только для русской истории, но и для философии истории вообще. Подлинно марксистский анализ хозяйственных отношений в России, русской внешней политики и колониальной системы вместе с обстоятельным разбором роли в этих явлениях разных фаз капитализма и вытекающих из этого взаимоотношений между торгово-капиталистической и промышленной буржуазией, дают нам право считать, что в конце концов прав «учитель», а не «ученики».

Разработка русской истории М. Н. Покровским в разрезе социальных движений, как древней, так и новой и новейшей истории, в основном сделана мастерски. Лишь только ее отдельные моменты, в связи с появлением новых материалов, потребовали некоторых уточнений. Так, например, ряд характеристик: Пугачева, Павла I, Александра I и др., данных им в «Истории России в XIX в.», или в «Русской истории с древнейших времен», а также в энциклопедическом словаре бр. Гранат, М. Н. в настоящее время переработаны совершенно заново, представляя лучший образец марксистских работ этого рода. Попутно важно отметить самокритику М. Н. Покровского, который не раз подчеркивал необходимость и полную целесообразность пересмотра ряда своих исторических положений в связи с новыми фактами, материалами и т. п. Когда по этому поводу критики, вроде т. Чужака, в книжке «Правда о Пугачеве», пытались дискредитировать М. Н. Покровского, как историка, якобы постоянно меняющего свои точки зрения, то в результате получилось только смешно. М. Н. Покровский никогда не отказывался от права критики самого себя и в качестве диалектического материалиста даже свое собственное историческое развитие он формулирует как «движение». «Наука истории движется и я с нею»,—говорит он о себе.

Необходимо еще указать, что в работах по русской истории М. Н. Покровским даны, до сих пор игнорируемые буржуазными историками, солидные характеристики колониальной политики русского царизма на примерах захватов Средней Азии, Кавказа и пр. Эти главы его работ тесно связаны с исследованиями по внешней политике и являются до сих пор единственным пособием для наших советских востоковедов, изучающих историю своих стран в эпоху захвата их русским царизмом.

О М. Н. Покровском, как об историке революционного движения XX века, можно сказать, что он является одним из пионеров и в этой области, давшим законченные общие очерки по этому вопросу. Отдельные историки, главным образом, его ученики, касались в своих работах лишь отдельных проблем революционного движения в России. М. Н. в своем «Очерке по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» и в «Сжатом очерке» дал освещение этого процесса в целостном виде. В своем изображении революционного процесса XIX и XX вв. он во всем следует по стопам Ленина, которого он часто цитирует и у которого заимствует ряд положений. Так, он вполне правильно оценивает в русской революции роль крестьянства (некоторые детали его исследований все же нуждаются в уточнении и пересмотре вследствие новых архивных данных), по-

ленински правильно определяет роль пролетариата в революции, безжалостно уничтожает всякие попытки буржуазии, и, в частности, П. Н. Милюкова, примазаться к революции в качестве революционного крыла. В одном из своих последних выступлений о книжке П. Милюкова «Распад России», он разоблачает контрреволюционность новой теории П. Милюкова об «импортированном государстве», которой он пытается обосновать свой вывод о «государстве большевиков», как инородном наросте на теле русского народа.

Взор историка-марксиста М. Н. Покровского глубок и дальновиден, его пытливый ум и отточенная марксистская теория делают великое дело разрушения всех вредных для пролетарской борьбы идеологических извращений и оценок исторического процесса. Свою огромную эрудицию и блестящий талант публициста М. Н. Покровский полными пригоршнями бросает революционным массам не только Советского Союза, но и нашим товарищам за рубежом. Многие из его работ переводятся на иностранные языки и по ним пролетарии Запада знакомятся с русской историей, русским революционным движением, учатся по ним понимать законы развития человеческого общества с тем, чтобы применить эти знания в своей борьбе за освобождение от капиталистического ига.

М. Н. Покровский, являясь руководителем новой школы историков-марксистов, возглавляет такие учреждения, как Коммунистическая Академия, общество историков-марксистов, Институт красной профессуры, РАНИОН и др., где он также и практически руководит кадрами своих учеников, ведущих историческую работу в том же направлении, как и их руководитель и учитель.

«Для того, чтобы писать какую бы то ни было историю, — говорит М. Н. Покровский, — нужно обладать специфическим историческим талантом, который есть такой же талант, как талант экспериментатора. В известной степени с этим талантом нужно родиться, в известной степени его выработать в себе, но он является первым условием. При наличии этого таланта и хорошего выдержанного, выработанного маркистского мировоззрения можно написать историю...» («Историк-марксист» № 3, 1927, стр. 56). Если все это так, то М. Н. Покровский, несомненно, родился с талантом историка и хорошо овладел марксистским мировоззрением. Это и дает ему возможность талантливо изображать исторический процесс, исторические явления, давать яркие характеристики событий и лиц. Крупнейший мастер стиля, талантливый популяризатор—М. Н. Покровский может считаться воистину историком русского пролетариата, его вождем в области исторической мысли.

Ко всему этому надо добавить огромную популярность М. Н. Покровского среди наших педагогов-обществоведов, перед которыми он выступает неизменно на всех с'ездах, для которых он пишет свои работы по методике, для которых он издает журнал «Обществоведение в трудовой школе» и т. д. Через эту армию просвещенцев массы трудящихся наших школ II ступени, наших рабфаков, совпартшкол, комвузов и др. знают М. Н. Покровского, знакомятся с его идеями. Эта сторона деятельности М. Н. Покровского

несколько остается в тени и до сих пор мало освещена в небогатой литературе о М. Н.

Подводя общие итоги деятельности М. Н. Покровского, как историка-марксиста, можно сказать, что это один из тех крупнейших людей нашего времени, значение которых еще в недостаточной степени оценено современниками. На исчерпывающую оценку М. Н. Покровского, конечно, ни в какой мере не претендует и наша статья. Она лишь черновой набросок об М. Н. Покровском, как историке-марксисте, который еще далеко не закончил своего научного пути и от которого мы имеем все основания ожидать новых ценных вкладов в теорию марксизма и историческую науку.

Д. Кин

М. Н. Покровский как историк Октябрьской революции

М. Н. Покровский не написал специального труда об Октябрьской революции. В ряде докладов и статей, посвященных этой теме, М. Н. Покровский не дает еще детальной картины революции. Однако, им разработана цельная, стройная схема, освещены основные моменты революции, и одно собрание уже опубликованных работ М. Н. Покровского по этому вопросу представляет собой крупнейший вклад в ленинскую историю Октября.

Следует вместе с тем, в самом же начале подчеркнуть, что М. Н. Покровский является не только историком великой пролетарской революции, но всю его исследовательскую работу по истории России следует рассматривать, как историю подготовления Октября. Для М. Н. Покровского пролетарская революция является «основным стержнем революционного движения в России». Октябрьская революция мощным прожектором озарила самые отдаленные углы русской истории, и многое представилось в новом, более четком свете. Как правильно отмечает М. Н. Покровский в предисловии ко второму тому трудов исторического семинара Института красн. профессуры «Очерков по истории Октябрьской революции», написание ленинской истории Октября есть дело десятилетия, притом дело коллективное. В связи с этим следует отметить, что М. Н. Покровский не только дал на основе ленинского понимания Октября правильную ориентировку в исследовании Октябрьской революции, но явился инициатором и руководителем коллективного изучения ее. Деятельность и выступления М. Н. Покровского в «Обществе историков-марксистов» и журнале общества, в Институте красной профессуры и т. д., наглядно свидетельствуют об этом. И если за последние годы уже кое-что сделано в изучении истории Октябрьской революции и гражданской войны, то в этом отношении огромная заслуга принадлежит М. Н. Покровскому.

И другая, весьма важная по своему значению черта М. Н. Покровского, как ученого и историка пролетарской революции. М. Н. Покровский не только писал эту историю, он принимал в ней активное участие. А еще Каутский в свое время отметил, что «мыслитель, который, вооружившись всеми этими предпосылками, приступает к исследованию области, в которой занят также практически, легко может при этом достигнуть результатов, совершенно недоступных простому наблюдателю. В особенности это можно

сказать об истории. Практик-политик, при достаточной подготовке, гораздо легче поймет политическую историю и лучше будет в ней разбираться, чем кабинетный ученый, практически совершенно незнакомый с движущими силами политики» [1].

Помимо того, что М. Н. Покровский является революционером-историком, он партийный историк, историк-большевик. «Беспартийность» в науке, которую Ленин бичевал, как отказ от подлинной научности и идейный переход на сторону буржуазии, чужды М. Н. Покровскому.

М. Н. Покровский в своих трудах подверг изучению историю революции в России в различные эпохи ее развития, он изучал историю революций против торгового капитала, крестьянские войны, революцию эпохи развивающегося промышленного капитализма, т. е. революцию буржуазную и революцию эпохи империализма, монополистического капитализма, революцию пролетарскую, социалистическую, причем М. Н. Покровский отметил методологически чрезвычайно важные черты и особенности этих трех типов революций. Крестьянские войны являются стихийными, неорганизованными восстаниями-бунтами (хотя между понятиями «бунт» и «революция» М. Н. Покровский не воздвигает китайской стены, говоря, что бунт есть неудавшаяся революция, революция есть удавшийся бунт), нередко выступающими в чуждом их подлинному существу реакционном облачении. Эта черта стихийности, непланомерности характерна и для буржуазных революций. «Прежние революции, французская, например,—говорит М. Н. Покровский,—всецело подлежали действию так называемого закона «гетерогении целей». Попросту говоря, их деятели стремились к одним целям, а исторический процесс осуществлял совершенно другие цели» [2]. Это нельзя отнести целиком к революции 1905 г. Причина в том, что гегемоном в первой революции, буржуазной по своему характеру, являлся пролетариат и его партия, опиравшаяся в своей борьбе на принципы научной политики, политики марксистской. В первой русской революции мы наблюдаем не гетерогению целей, а просто неудачу, поражение революции, что не одно и то же. Но все же, как четко показал это М. Н. Покровский, первая русская революция прошла в общем и целом неорганизованно. Совершенно иное нужно сказать в отношении Октябрьской революции. «В нашей революции с самого начала присутствовал принцип известного плана» [3]. Или, как в другом месте говорит М. Н. Покровский: «История Октябрьской революции начала писаться, как это ни странно, даже раньше, чем самая революция осуществилась» [4]. Эта революция по ленинскому плану является как бы предвестником того строя, осуществить который стремится пролетариат в социалистической революции, строя, основанного на базе организованного планового, сознательно-регулируемого хозяйства.

---

[1] К. Каутский. Происхождение христианства, М. 1923, стр. 3.

[2] «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. Предисловие М. Н. Покровского, стр. III.

[3] Там же, стр. IV.

[4] «Историк-марксист», т. 5. «Октябрьская революция в изображениях современников», стр. 3.

Будучи чрезвычайно оригинальной по своей трактовке и тонкому конкретно-историческому анализу, концепция пролетарской революции М. Н. Покровского не является оригинальной в том смысле, как Ленин называл, напр., «оригинальной» теорию перманентной революции, схему Троцкого, мимо которой все время шла действительная жизнь, мимо которой пойдет и научная история Октября. Она чужда и той «оригинальности», которую Октябрьская революция получила в изображении Зиновьева и Каменева, копировавших сухановские взгляды на революцию. Концепция Октября М. Н. Покровского является разработкой ленинской схемы, ленинского задания и «плана» революции. М. Н. Покровский указывает, в чем заключается задача марксистского исследователя—историка Октября. «...Нельзя ограничиться простым нанизыванием конкретных исторических фактов на отдельные клетки ленинской схемы: это совсем не будет история. Тут нужно показать, как преломлялась эта схема во всех отдельных уголках исторического процесса, как и почему при бесконечном разнообразии сил, участвовавших в этом процессе, в общем и целом получились итоги, вполне соответствующие марксистским заданиям, ленинским заданиям»[1].

И тем труднее задача историка, что жизнь сложнее всяких схем. Для М. Н. Покровского революция—«борьба непрерывно движущихся, переплетающихся между собою общественных сил»[2], или как писал Ленин, «процесс действительного развития всегда идет запутанно, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога». Этого никогда не забывает М. Н.

М. Н. Покровский глубоко прощупывает исторические корни Октябрьской революции. Если историю буржуазной русской революции он ведет от движения левого крыла декабристов в лице Пестеля и «Соединенных славян», стремившихся к вооруженному низвержению крепостнического строя, то далеких предшественников пролетарской революции М. Н. Покровский видит в движении 1825 г. «в лице рабочих Исаакиевского собора, бомбардировавших Николая Палкина камнями и поленьями, в лице петербургских мастеровых, густыми толпами наполнявших все улицы, прилегавшие к Сенатской площади, в лице дворовых людей петербургской знати, еще через 20 лет тепло вспоминавших неудачное восстание»[3].

Таковы «кусочки эпилога» в далеком прологе—революции 1825 г.

Программу аграрной русской революции М. Н. Покровский ведет от земельной программы Пестеля. Пусть она шла не дальше своеобразной полунационализации, пусть «якобинец в полковничьей форме», Пестель надеялся дать свою программу сверху, не опираясь на крестьянскую революцию. Нужно однако видеть ее пророческие черты в отношении той программы национализации земли, которую осуществила лишь Октябрьская революция. Очень легко, как это и делалось, отмахнуться от всяких попыток глубокого зондирования истории голой ссылкой на диалектику, указанием на то, что программу Пестеля нельзя считать «прототипом» программы национализации

---

[1] Предисловие ко II т. «Очерков по истории Октябрьской революции», стр. IV.
[2] М. Н. Покровский—Борьба классов и русская историческая литература, стр. 121.
[3] Ст. «14/26 декабря 1825 г.», «Правда» от 26 декабря 1926 г.

земли, осуществленной советской властью, хотя бы потому, что между обоими лежит более чем вековая полоса истории. Говорить так, значит ломиться в открытую дверь. Программа Пестеля не является программой последовательной, доведенной до конца буржуазной революции, развернутой программой американского пути развития сельского хозяйства, как рисовал его Ленин. Сам М. Н. Покровский нисколько не идентифицирует программы Пестеля с программой Октябрьской революции. Национализация земли, реализованная диктатурой пролетариата, является в ее руках мероприятием социалистическим по своему значению, но кто попробует оспаривать, что в то же время мы имеем здесь налицо и осуществление задач, не доделанных буржуазной революцией? А поскольку это так, постольку от аграрной программы буржуазного демократа Пестеля можно протянуть связующую нить к аграрной программе советского правительства, как ни различны они по своей социальной значимости.

. Пророческие черты будущей пролетарской революции М. Н. Покровский видит в «Молодой России», в ее программе и целях, в рабочей программе партии «Народной воли». Можно спорить, разумеется, против того, что в идее диктатуры революционной партии и организации общественного хозяйства, провозглашенных «Молодой Россией» есть пророческие черты пролетарской диктатуры и строя, вызванного к жизни Октябрьской революцией, ибо «Молодая Россия» не знает классовой диктатуры пролетариата, пролетарского социализма. Но ведь пример с «Молодой Россией» является лишь частностью в схеме М. Н., и последняя нисколько не пострадает, если отказаться от отдельных ее деталей. Во всяком случае метод М. Н. Покровского, его попытка добраться до глубочайших пластов той почвы, которая питала могучие корни пролетарской революции, является не только законным, но и в высшей степени плодотворным, подлежащим дальнейшему применению в исследовании истории Октября. Корни революционного движения русского пролетариата и социал-демократии Ленин также искал в далеком революционном прошлом России. Он подчеркивал неоднократно, что предшествующее «национальное» революционное движение взрыхлило почву для пролетарского социализма. «Мы гордимся,—писал, напр., Ленин,—тем, что эти насилия (царизма—*Д. К.*) вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х гг., что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [1].

Отыскивая корни Октябрьской революции в русской почве, в русских условиях, М. Н. Покровский в то же время рельефно показывает, что Октябрьская революция явление интернациональное, начало международной пролетарской революции; и на международной арене, а не только внутри России следует искать ключей к пониманию Октября. Только беря русские отноше-

[1] Ленин, т. XIII, ст. «О национальной гордости великороссов».

ния в тесном переплете с отношениями мировыми, только исходя из всей международной обстановки краха империализма, можно понять условия возникновения и развития Октябрьской революции. «Наша рабочая революция,—говорит М. Н. Покровский в «Очерках по истории революционного движения в России»,—это, как все мы прекрасно понимаем,—... есть явление мировое. Это не есть национальная революция, об'яснимая в узких рамках, вытекавшая исключительно из русских условий, местных и временных условий России».

В анализе условий возникновения мировой войны и участия России в ней и причин, породивших пролетарскую революцию М. Н. Покровский, следуя за Лениным, дополняет его, как историк.

К проблеме войны и русского империализма М. Н. Покровский подходил неоднократно. В изучении этих вопросов, М. Н. Покровский шел, как и во всем своем творчестве оригинальными путями, пил из собственной чаши. Дав мастерскую, многокрасочную конкретно-историческую картину войны, М. Н. Покровский, пользуясь его собственным выражением, не дал «законченной» философии войны. Но все же то, что дано М. Н. Покровским в этой области, является верным руководством (не догмой!) в исследовании вопроса об участии России в мировой войне. Несмотря на значительную роль «национального» русского финансового капитала (чего несколько недооценила «школа Крицмана»), среди факторов, определивших участие России в мировой войне, нельзя опровергнуть того, что Россия участвовала в ней в качестве «вассала» Антанты. Нельзя опровергнуть и того, что политически в России до Февральской революции непосредственно не господствовал ни промышленный, ни финансовый капитал. Попытки об'явить монархию в России XX в. буржуазной жестоко биты. Русская буржуазия очень близко подошла к власти и особенно во время войны, но не ей, а военно-феодальному империализму в лице торгово-крепостнического самодержавия принадлежала государственная власть до самой Февральской революции. «Совершенно вразрез с метафизическим, твердым, как дерево, пониманием слова «империализм», но в полном согласии с диалектическим пониманием империализма,—говорит М. Н. Покровский,—война 1914 г. для России была переходом от военно-феодального империализма (внешней политике торгово-феодального государства, к империализму периода капиталистических монополий (внешней политике финансового капитала). Именно сама война и должна была быть той ступенью, пройдя которую, русский финансовый капитал из вассала должен был превратиться в сюзерена. Смысл «победного конца» именно в этом и должен был заключаться. Разгром России в 1915 г. спустил вассала, однако же, еще на одну ступеньку ниже, сделал его, продолжая сравнение, «арьер-вассалом». Отсюда Россия после февраля 1917 г. была в большей степени империалистической страной, чем в 1914 г., но еще в меньшей степени самостоятельно-империалистической страной, чем до войны»[1]. Диалек-

[1] М. Н. Покровский. — Империалистическая война. Сб. статей 1915—1927 гг., стр. 268. Разрядка наша.

тика мировой войны была такова, что она ускорила развитие монополистических тенденций русского капитализма.

Всеми этими моментами и об'ясняется своеобразие революции 1917 г., как революции международной по своему значению и тенденциям и пролетарской по своему характеру.

Еще в статьях за годы войны М. Н. Покровский, занимаясь детальным анализом причин, вызвавших мировую войну, подходит к рассмотрению империализма, как загнивающего, умирающего капитализма и подчеркивает, что империалистический мир вступает в период пролетарских революций. Вооруженный тонким инструментом марксистской методологии и превосходным знанием международных отношений, М. Н. Покровский «нащупывает» те вопросы, которые не только были со всей четкостью поставлены, но и гениально разрешены Лениным в таких работах, как статьи «О Штутгартском конгрессе» (1907), «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913) и, наконец, в непревзойденном ленинском «Империализме» (1916).

Загнивающий международный капитализм, внутренние противоречия которого достигают огромной остроты, дает первую серьезную трещину еще в период первой русской и последовавших за ней азиатских революций (Турция, Персия, Китай). Революция в России и Азии вызывает передвижку в области мировых отношений, в частности, отношений колониальных. Это еще более способствует необычайному обострению противоречий империализма, развязывает силу революции. Империализм попадает в порочный круг. Он стремится предотвратить революцию. Европейский империализм путем финансовой поддержки помогает русскому самодержавию укрепиться после разбитой революции 1905 г. Такую помощь он оказывает «китайскому Столыпину»—Юан-Шикаю, который на полученные в Европе деньги подавляет у себя дома революцию. В годы перед войной кривая европейского рабочего движения резко поднимается кверху, что пытался затушевать Тарле. На Западе это, прежде всего, относится к Англии[1]. То, что мы имеем в настоящее время в Англии, началось не после мировой войны, а еще до нее. В России перед войной происходит под'ем рабочего движения, который заставляет вспоминать о «безумном» 1905 годе.

Основной целью войны для буржуазии всех участвующих в ней стран было — предупредить надвигающуюся с неудержимой, стихийной силой социальную революцию»[2].

Империалистская война, являвшаяся «превентивной» по отношению к революции, ускорила ход пролетарской революции. Революция началась в России, где господствовал военно-феодальный империализм, и как подчеркивает М. Н. Покровский была облегчена тем, что в России правящие группы как-то забыли о рабочем классе, о революционном под'еме накануне

---

[1] См. ст. «Виновники войны» в сб. «Империалистская война».

[2] Сб. «Империалистская война» М. Н. Покровский—«Виновники войны», стр. 73. Разрядка наша.

войны. Вопрос можно поставить шире: в период войны об опасности революции забыла не только русская, но и международная буржуазия. Только поэтому русская буржуазия и союзнический капитал решились пойти в России на «маленькую революцию ради большой войны» и «подтолкнули падающего»—русский царизм. Это забвение имеет свои причины: европейская социал-демократия так основательно предала рабочий класс, так позорно капитулировала перед империализмом, что, казалось, рабочий класс во всем мире нерушимыми цепями прикован к колеснице капитализма. Даже русская буржуазия, несмотря, на более чем сомнительный успех проведения политики «военно-промышленного» приручения рабочего класса, забыла о притаившейся опасности в лице революционного пролетариата. Буржуазия забыла о том, что русские оборонцы-плехановцы и гвоздевцы, в роли представителей рабочего класса, не более как самозванцы.

Революция 1917 г. являлась, прежде всего, революцией антивоенной, антиимпериалистической [1]. И так как за время войны Россия продвинулась очень значительно вперед по пути финансово-капиталистического развития, то вопрос о пролетарской революции стал вопросом ближайшего будущего. И именно такое понимание обусловливает цельную, стройную, глубоко-монистическую концепцию Октябрьской революции у М. Н. Покровского. Антиимпериалистический характер классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства в семнадцатом году определяет революцию Февраля—Октября, как внутренне-единый процесс, модифицирующий на различных этапах развития.

«Февральская революция,—говорит Покровский,—была не только рабочей революцией, не только пролетарской революцией по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и фактически стала у власти, но неизбежно была и социалистической революцией совершенно об'ективно... Гениальная голова Ленина только лучше и скорее других схватила положение, поняла, что кроме перехода всего хозяйственного процесса в руки пролетариата, т. е. социалистическая революция, как мы ее понимаем, ничего другого быть не может и ничего другого придумать нельзя, что об'ективными условиями момента диктуется именно эта самая социалистическая революция» [2].

Учащаяся публика нередко высказывает недоумение по поводу того, что М. Н. Покровский определяет Февральскую революцию, как революцию пролетарскую, социалистическую. Разумеется, когда иные умудряются изобразить Октябрь, как предельную буржуазную революцию, то неудивительно, что характеристики, формулировки Покровского кажутся несколько неожиданными. Октябрьская революция, как революция пролетарская—едина, монолитна и монистична, и ее первым этапом является Февраль. Что Февральская революция буржуазная, это т. Покровский повторяет неоднократно, но сказать так, значит еще ничего не сказать. М. Н. ставит вопрос глубже. Февральская революция непосредственно вела к социалисти-

---

[1] История рев. движения в России. Изд. 2-ое, стр. 184.

[2] М. Покровский.—История революц. движения в России, стр. 191.

ческой революции, являлась ее началом и в этом смысле была пролетарской. Распад капиталистических производственных отношений достиг во время войны высокой степени. Чтобы прекратить войну и направить развитие производительных сил по иному пути, надо было закончить войну, а закончить ее нельзя было без революции против капитала, т. е. революции пролетарской. Власть советов могла быть установлена еще в феврале, ибо об'ективные предпосылки были налицо, чего не было—это суб'ективных предпосылок.

В другом месте М. Н. Покровский писал «Диктатура пролетариата «де-факто» была уже налицо 12 марта 1917 г. Ей восемь месяцев понадобилось, чтобы завоевать себя «де-юре» [1]. Советы, создавшиеся в феврале, являлись зародышем пролетарской диктатуры, государства типа Парижской коммуны—вот какое содержание вкладывает М. Н. Покровский в свою, «остраненную» характеристику февраля. Пролетариат являлся решающей силой уже в феврале 1917 г.—ему нужно было окончательно избавиться от влияния оппортунистической интеллигенции и закрепить, углубить связь со своим союзником в деревне, связь, проявившуюся еще в февральском рабоче-солдатском перевороте, чтобы оформить свою диктатуру. У М. Н. Покровского в его «Очерках по истории революционного движения» еще не разработан был вопрос о том, как ставил Ленин в период войны проблему соотношения демократической и социалистической революции. В статье «Октябрьская революция в изображениях современников» («Историк-марксист» т. 5) этот вопрос полностью разработан. Но уже в «Очерках» М. Н. Покровский, показал, какое конкретное содержание и выражение в соответствии с обстановкой империалистической войны получила ленинская идея непрерывной революции, идея перерастания буржуазной революции в социалистическую. Уже Февральская революция, создав советы, фактически закладывает основы будущей пролетарской диктатуры, но к пролетарской революции можно было перейти лишь в меру подготовленности и организованности рабочего класса и его связи с трудящимися массами крестьянства. Для вызревания суб'ективных предпосылок социалистической революции в пролетариате, в том числе и такой предпосылки, как воссоздание могучей партии, организации всей системы советов понадобилось более восьми месяцев.

Для того, чтобы лучше оттенить особенности концепции Октябрьской революции М. Н. Покровского, интересно сравнить ее с концепцией другого историка по профессии, почитавшегося марксистом, Н. А. Рожкова, Рожкова того периода, когда он «принял» Октябрь. Тем более это необходимо, что самим Покровским достаточно исчерпывающим образом разобраны концепции таких публицистов, не-историков по специальности, как, например, Л. Троцкий. В вопросе о сущности империализма Н. А. Рожков не сумел подняться даже до высоты гильфердинговского, не говоря уже о ленинском, понимании теории империализма. Сущности империализма, как монополистического капитализма Н. А. Рожков недооценил, и поэтому понимание причин мировой войны остается для него книгой за семью печатями. Ленинская трактовка империализма, как монополистического финансового капитализма, не

[1] М. Покровский.—История революционн. движения в России, стр. 194.

была усвоена Н. А. Рожковым, как и ленинская теория генезиса, образования империализма. Для Рожкова кредитование, финансирование промышленных предприятий, постепенно и неизбежно втягивавшее финансистов в управление индустрией — «самый первоначальный корень происхождения финансового капитализма»[1]. Первоначальный корень финансового капитализма по Рожкову лежит т. о. не в условиях производства, а в кредитных отношениях. Во главу угла Рожков ставит концентрацию банков, правда, он говорит и о концентрации производства, но всего значения его он не уясняет. Империализм для него равен колониальной политике[2]. Н. А. Рожков говорит об империалистической войне 1914—1918 гг., обязанной своим происхождением финансовому капитализму,—поискам за внешними рынками для сбыта фабрикатов, стремлению захватить источники сырья, поместить экспортируемые капиталы, наконец (!) захватить экономическую монополию[3]. Борьба за мировую экономическую монополию стоит у него на последнем плане. Насколько путает Рожков в вопросе о сущности империализма, можно судить по следующим словам, характеризующим его попытку об'яснить причину участия России в мировой войне. Русская буржуазия, говорит Рожков, была худосочна, «но именно поэтому империалистическое хищничество было близко ее сердцу: чем примитивнее капитализм, тем более склонен он при прочих равных условиях—к грубым приемам эксплоатации»[4].

Худосочие русского капитализма, как основа его империалистской политики, — вот что лишь сумел сказать Рожков по кардинальному для историка новейшей России вопросу о русском империализме. Империализму Рожков противопоставляет «культурный капитализм», полагая, что путем войны русская буржуазия стремилась достигнуть «культурного» капитализма.

Такова «философия» войны в «Истории» Рожкова. При определении же причин революции Рожков еще дальше уходит от марксизма. «Революция диктовалась об'ективной необходимостью создать в России культурное и самостоятельное народное хозяйство»[5]. «И более культурная часть буржуазии и трудящиеся массы—те и другие по-своему, сообразно своему классовому положению,—именно и стремились к хозяйственной культурности и самостоятельности. Реальными, действительными, как показали потом события, были стремления не буржуазии, а именно пролетариата»[6]. Перед буржуазией и пролетариатом стояли, оказывается, общие, одинаковые цели. Интересы некультурной буржуазии в рядах крупного капитала победили и буржуазия устремилась к империалистическому хищничеству. Отсюда вытекала невозможность совместной работы демократии с крупной буржуазией.

---

[1] Н. А. Рожков.—Русская история в сравнит. историч. освещении, т. XII, стр. 195, 196. Разрядка наша.

[2] «С этим вывозом финансового капитала и его господством,—пишет Н. Рожков,—в отсталых странах связана колониальная политика или империализм»... Там же, стр. 198.

[3] Н. А. Рожков.—Русск. ист. в срав. ист. осв., т. XII, стр. 269.

[4] Там же, стр. 276.

[5] Там же, стр. 392.

[6] Там же, стр. 274.

Выход мог бы быть в создании правительства без представителей крупной буржуазии, из одних меньшевиков и эсеров, с подчинением его советам. Но меньшевики и эсеры на это не пошли[1]. Поэтому революция пошла максималистскими путями. Русский рабочий по своей отсталости «никогда не проводил резкой грани между программой-минимум и программой-максимум», и недружелюбно встречал «речи о необходимости об'ективной подготовки социалистической революции достижением высокого уровня развития производительных сил, высоко-развитой техники»[2].

Вследствие этой своей психологии российский пролетариат, подвергшийся искусной большевистской агитации, пошел на Октябрьскую революцию. Но каков исторический смысл Октябрьской революции?—Она лишь предельная буржуазная революция. «Октябрьская революция была более решительной победой над царизмом, чем революция Февральская, но победить в гражданской войне.... и, следовательно, окончательно, реально, а не только формально, уничтожить царизм без прямого курса на социализм было невозможно» («без царя, а правительство рабочее?» — *Д. К.*). Для того, чтобы окончательно уничтожить царизм, нужно было вызвать энтузиазм рабочих и крестьян. Как же было достигнуть этого при отсталой психологии русских рабочих и тем более крестьян, которые в 1905 г. «удовлетворились сухой коркой хлеба» (Рожков)? Разумеется, путем передачи им фабрик и земель. Главное, было уничтожить царизм. «В этом независимо от идеологических предпосылок Октябрьской революции, содержанием которых являлась задача приступа к мировой социалистической революции, была об'ективная национальная причина необходимости национализации земли, фабрик, заводов и банков»[3]. Таким образом, если для Ленина буржуазно-демократические завоевания являются побочным продуктом социалистической революции в Октябре, то для Рожкова социалистическое в Октябре является побочным продуктом буржуазно-демократической революции. Напрасно Октябрьская революция разрядилась в павлиньи перья идеологии социализма и международной пролетарской революции. Об'ективный смысл, основные задания Октябрьской революции совершенно иные. По отношению к Октябрьской революции Н. А. Рожков устанавливает «гетерогению целей». Отсюда у Рожкова установка на созидание государственного капитализма при господстве советов, непонимание ленинского пути к социализму и кооперативного плана Ленина, вера в спасительность концессий и т. д. Такова мелкобуржуазная концепция пролетарской революции[4]. Вывод совершенно ясен. Кто пытается создать иную

---

[1] Н. А. Рожков. — Русская ист. в сравн. истор. освещении, т. XII, стр. 290.

[2] Там же, стр. 287.

[3] Там же, стр. 304. Разрядка наша.

[4] Прекрасным pendant к мыслям, развиваемым Н. А. Рожковым в «Истории», служит очевидно непредназначавшаяся к печати записка Рожкова, предоставленная нам для ознакомления аспирантом РАНИОНА, т. Степановым, написанная им по всем видимостям в 1924 — 25 годах. Здесь Рожков прямо ставит точки над и. «Ведь старый режим был сокрушен не в феврале и марте, а в октя-

концепцию Октябрьской революции в отличие от ленинской, тот придет к рожковщине, к сухановщине, или троцкизму, т. е. иначе говоря к той или иной разновидности меньшевизма. По этому пути не пошел М. Н. Покровский.

Антиимпериалистский характер революции 1917 г., как революции буржуазно-демократической перераставшей социалистическую, является для М. Н. Покровского основным стержнем его схемы. Еще во время войны Ленин подчеркивал, что благодаря империалистской войне буржуазно-демократическая революция необычайно приблизилась к революции социалистической. Как исследователь-историк М. Н. Покровский облекает эту ленинскую идею плотью, прощупывают тот позвонок, который связывает обе революции. «Вплоть до самого Октября 1917 г. борьба сосредоточивалась около двух вопросов: о земле и мире. Исторически оба вопроса были тесно связаны. Можно сказать, что если бы вопрос о земле был окончательно разрешен в 1905—1917 гг., войны либо не было бы вовсе, либо она привела бы к своему непосредственному результату—падению династии, гораздо скорее» [1]... Если бы в 1905 г. земля перешла в руки крестьянства, русская промышленность получила бы огромный рынок, для заполнения которого понадобились десятилетия. Известный под'ем промышленности действительно оказался возможным, благодаря частичному переходу к крестьянам земель от испуганных размахом революции помещиков и результатам столыпинской реформы. Но так как вопрос о внутреннем рынке не был коренным образом разрешен, то русская промышленность, как и в конце прошлого и начале нынешнего столетия, вошла в тупик... «Дворянская камарилья, как и в 1904 году без войны не надеялась уже вести буржуазию в своем кильватере... Буржуазия же, поставленная перед дилеммой: или довести до конца революцию 1905 г., или попытать счастия в новой военной авантюре, памятуя «безумие стихии» в октябре—декабре 1905 г. и слегка попризабыв Мукден и Цусиму, охотнее шла на второе, чем на первое». «Эта историческая связь аграрного переворота и войны в 1917 г. превратилась в практическую связь аграрного переворота и мира. Что с революцией связывает крестьянство именно земля, этого могли не видеть, уже с весны 1917 года, только слепые... Дать старику крестьянину землю, держа на фронте его работников-сыновей, было также невозможно, как не дать земли этим работникам, когда они воротятся с фронта. Земля и мир опять были связаны неразрывным клубком. Все упиралось таким образом в вопрос о мире» [2].

Земля и мир—вот два момента, которые необычайно тесно переплелись между собой в революции 1917 г. Вместе с тем эти оба момента не заключают в себе ничего социалистического, они являются требованиями еще демократической революции, как таковой. Однако без свержения империализма немыслима была реализация этих требований. Только пролетарская революция

бре и во время гражданской войны 1919—20 г. и сокрушить его можно было, только опираясь на максимализм масс... Поэтому можно не разделять мнения Ленина о коммунистическом мессианизме России в Европе, но признавать правильным путь коммунистической революции в России необходимо.

[1] М. Покровский. — Противоречия г-на Милюкова, М. 1922 г., стр. 36.

[2] М. Покровский. — Противоречия г-на Милюкова, стр. 39-40.

походя, попутно сумела осуществить задачи буржуазно-демократической революции. Борьба против русского империализма за мир и землю была по существу борьбой против порабощения России международным финансовым капиталом—отсюда глубоконациональное значение Октябрьской революции. В связи с разбором основной установки М. Н. Покровского в вопросе о характере революции 1917 г., интересно рассмотреть один частный вопрос, имеющий, однако, крайне важное значение для понимания всего переплета отношений в революции 1917 г. Речь идет о проблеме т. н. «добросовестного оборончества». По этому вопросу в литературе наблюдался ряд неясностей. Еще в 1917 г. довольно распространенным в партии являлось такое об'яснение, что социальной основой оборончества является крестьянин, защищающий свою землю, такие об'яснения приводились далее на VI с'езде партии[1]. Как известно, и Л. Троцкий видел базу оборончества в «национально-патриотической ограниченности деревни». Но если так, то не совсем понятно, в чем антиимпериалистский характер Февральской революции. Если ставить вопрос о кулачестве, зажиточном крестьянстве, которое экономическими нитями было связано с империалистской буржуазией через банковскую систему, кредитные товарищества, сберегательные кассы и т. д., то оно, как подчеркивал Ленин, действительно тяготело к империалистам. Об оборончестве деревенской верхушки можно говорить. Иное дело в отношении мелкого и мельчайшего крестьянства. В каком смысле допустимо здесь говорить об их оборончестве, М. Н. Покровский показал, какова задача историка в этом вопросе. Можно было бы—и это делалось—пойти путем «механического нанизывания конкретных фактов на отдельные клетки ленинской схемы» и сказать, что так как крестьянство мелкобуржуазно, то оборончество имело базу в крестьянстве. Но как быть тогда с частью рабочих, которые поддались угару оборончества. Ответ Л. Троцкого очень прост—пролетариат, для сохранения связи с оборонческими массами солдат—«крестьянством, сплоченным в армию» и из уважения к ним и к их социал-патриотическим вождям, усвоил общее настроение оборончества. Но раньше нужно доказать, что оборончеством была заражена сплошь вся солдатская масса. Вот это-то и трудно сделать. Различные данные показывают обратное. Солдаты на фронте не были заражены оборончеством, иное дело в тылу, где они подвергались систематическому воздействию оборонческих лидеров совета. Социальную базу оборончества нужно искать в городской мелкой буржуазии, интеллигенции и собственнических слоях крестьянства. Масса рабочих и мелкого крестьянства поддалась «добросовестному оборончеству», которое было явлением более широкого порядка. «Добросовестное оборончество» было не выражением классовых настроений, или, тем паче, классовых интересов рабочих и беднейшего крестьянства. (Ленин не выделяет этих двух групп, не считает оборончество специфически крестьянским настроением, поскольку малосознательные рабочие, также как и крестьяне, поддавались влиянию шовинистической агитации), а выражением того факта, что эти классы, вследствие своей «несознательности, рутины, забитости, неорганизованности», «в образе мыслей» шли «за буржуазией» таково

[1] «Крестьянину есть что терять и он настроен оборончески»,—говорил Н. Бухарин на с'езде. Протоколы, изд. 1927 г., стр. 103.

совершенно правильное толкование М. Н. Покровским т. н. «добросовестного оборончества» [1].

Вопрос о выходе России из войны и Брестском мире занимает крупное место в произведениях М. Н. Покровского, посвященных Октябрю. М. Н. Покровский изучает вопрос с точки зрения международных отношений в двух разрезах—с точки зрения использования противоречий внутри международного империализма и с точки зрения возможности существования страны пролетарской диктатуры с империалистским миром. Это не значит ни в коей мере, что другие стороны проблемы, напр., вопрос о соотношении классовых сил в России, не интересуют или оставляются без внимания М. Н. Покровским. Но именно международный круг проблем больше всего привлекает его внимание. Основываясь, главным образом, на знаменитых ленинских «тезисах о мире», М. Н. Покровский приходит к следующему основному выводу. Брестский мир явился единственным путем к ликвидации зависимости России от международного империализма обоих враждующих лагерей (в этом и его национальное значение). В конкретной ситуации, сложившейся в период Октябрьской революции, антантовский империализм был опаснее для республики советов, чем империализм германский: от немцев можно было при существовавших условиях откупиться, с антантовским же капиталом, рассматривавшим Россию, как свою вотчину, возможностей такого сговора не было. «Брестский мир,—говорит М. Н. Покровский,—был великолепным стратегическим маневром, создав из германского фронта прикрытие для нас... от гораздо более опасных для нас антантовских фронтов» [2]. Что именно Антанта была для нас более опасна, об этом свидетельствует ее попытка вовлечения нас снова в войну и роль Антанты в период гражданской войны. Изучая историю борьбы за мир, М. Н. Покровский подходит к чрезвычайно интересному вопросу о том, как задача удержания России в рядах анти-германской коалиции по мере развертывания пролетарской революции отходит на второй план по сравнению с задачей борьбы против развивающейся социалистической революции. Разумеется, этот сдвиг происходит постепенно. Он начинается еще в ноябре, когда союзнические миссии дают полусогласие образовавшемуся в ставке правительству Чернова на заключение перемирия, как средство вырвать у большевиков власть [3]. Еще в первой половине 1918 г. союзники пытаются восстановить антигерманский фронт, используя для этого эсеров, чехо-словаков и т. д., но все больше и больше по мере развертывания пролетарской революции и увеличения шансов на победу над Германией, «антигерманский фронт» на Востоке делается псевдонимом фронта антисоветского.

К разработке советской главы нашей истории М. Н. Покровский лишь подошел. Михаилом Николаевичем дана периодизация послеоктябрьского

[1] «Историк-Марксист», том 5, 1927 г. Статья М. Н. Покровского—Октябрьская революция в изображениях современников, стр. 26.

[2] М. Н. Покровский.—Советская глава нашей истории, «Большевик», № 14, 1924, стр. 14. Об этом же ст.—Октябрьская револ. и Антанта, «Пролетарская Революция» № 6(69).

[3] «Красная новь» кн. 11. Ноябрь 1927 г. Ст. М. Н. Покровского—Большевики и фронт в октябре—ноябре 1917 г., стр. 169.

периода, в основу которой был положен политический момент—положение диктатуры пролетариата по отношению к непролетарским слоям в Советской республике и за границей. М. Н. устанавливает пять периодов с Октября до 1923 г. и дальше:

1. Октябрь 1917—осень 1918—переход к социалистическому хозяйству при господстве среди пролетариата пацифистских иллюзий в международных и внутренних отношениях.

2. 1918—1919—период гражданской войны против буржуазно-помещичьей и демократической контрреволюции и иностранной интервенции и процесс стихийной милитаризации хозяйства и всей системы организации пролетариата.

3. 1920—весна 1921—период военного коммунизма.

4. 1921—1923—реакция против иллюзий военного коммунизма, первоначальный период нэпа.

5. 1923 и последующие годы—период возвращения к плановому хозяйству с введением нэпа в границы абсолютно необходимого.

Эта попытка периодизации вызвала возражения в печати, главным образом, в том отношении, что нельзя периодизировать революцию по типу иллюзий, распространенных в различные моменты революции. Разумеется, если считать, что М. Н. действительно считал типы иллюзий основным принципом периодизации, то тогда возражения нужно считать целиком правильными. Но критики не хотели видеть того, что М. Н. на самом деле пытался охватить три ряда признаков экономического, политического и идеологического порядка. Достаточно было для этого внимательно прочесть ту же статью в «Большевике» или брошюру «7 лет пролетарской диктатуры». Иной вопрос, насколько это М. Н. удалось. Выпячивание момента иллюзий, являющееся несомненным фактом, преследовало лишь, по нашему мнению, задачу заострения внимания читателя на наиболее яркой стороне вопроса и имело скорее литературное значение, чем принципиальное. Вместе с тем, для истории идеологии пережитого периода, несмотря на отдельные спорные обобщения, наброски т. Покровского имеют огромное значение.

Прием заострения, известного перегиба палки с целью приковать внимание к тем или иным моментам, которые хочется запечатлеть в головах читателей и слушателей, является свойственным для М. Н., склонного к парадоксам, беспощадно разрушающего «привычные», «общепринятые» представления, зачастую являющиеся только легендами. Перегибы палки с «педагогическими» целями допускал нередко и Ленин.

Можно и нужно спорить по поводу изложенной М. Н. схемы советского периода истории. Периодизация советской эпохи—большой и специальный вопрос, требующий особого рассмотрения, огромной предварительной работы по изучению прежде всего чисто фактической стороны пережитого нами периода. К сожалению, в этой области ничего почти не делается. Трудно, очень трудно заковать в схемы законченной периодизации живую жизнь, сегодняшний наш день, ибо «теория, друг мой, сера, но вечно зелено древо жизни», как любил повторять Ильич. Однако, если брать схему М. Н. Покровского не как об'ект поверхностной критики, то несмотря на ошибочные ее

стороны следует признать ее значение, как первой глубокой попытки периодизации нашей революции, которая будет привлекать внимание исследователей «Советской главы нашей истории».

Концепция империалистской войны Октябрьской революции, разработанная М. Н. Покровским, дает основной ключ к изучению истории гражданской войны. Лишенная корней в народных массах, экономически зависимая от иностранного капитала, политически бессильная и разбитая пролетарской революцией, русская буржуазия не в силах была организовать без помощи иностранной интервенции серьезную борьбу против диктатуры пролетариата. Сам Милюков в своей книге «Россия на переломе» косвенно вынужден был признать, что классовая белая гвардия, ненавидимая народными низами, без поддержки со стороны иностранной буржуазии, не представляла собой серьезной силы [1]. Работами по гражданой войне, вышедшими в результате работы семинара М. Н. Покровского в Институте красной профессуры, это вполне доказано. Международно-империалистский характер белого похода против республики советов об'ясняет то, что в период гражданской войны мы нашли столь значительную, решающую для нас поддержку двух главных союзников наших—западноевропейского пролетариата и крестьянства внутри страны. «Помогло, опять-таки, именно то, что наша революция носила определенно антиимпериалистский характер. Поскольку наша революция носила этот антиимпериалистский характер, империалистский характер носила вся наша реакция. Она вся должна была получить окраску определенных интересов мирового империализма» [2]. Противоречия в лагере мирового империализма при наличии интернациональной солидарности рабочего класса и военно-политического союза рабочего класса и крестьянства обусловили крах белогвардейского похода против революции. Эту мысль М. Н. Покровский развивает необычайно убедительно, и, как это свойственно методу М. Н. Покровского, он от анализа ряда исторических событий переходит к общим выводам, которые ярким пламенем освещают содержание целой исторической полосы, какой являлась гражданская война. М. Н. Покровский приводит несколько фактов, характеризующих первостепенную для судьбы нашей революции роль антагонизмов в среде империалистских держав. В апреле 1919 г. английский генерал Мильн предлагает Деникину вооружение на 100 тыс. человек. В мае 1919 г. англичане высаживают греческие войска в Смирне и Малой Азии и ведут борьбу против кемалистской революции. «Внимательный человек должен обратить внимание, что там и тут английский генерал, тот же самый, странствует с одного на другой берег Черного моря» [3]. 1920 г.—в марте англичане захватывают Константинополь, и в марте же Польша об'являет войну России. Все это казалось бы совершенно самостоятельные, не связанные друг с другом события в различных географических пунктах. Между тем, точно так же как русско-японская война являлась по существу столкновением двух империализмов—английского и германского, так и войны Польши и Со-

---

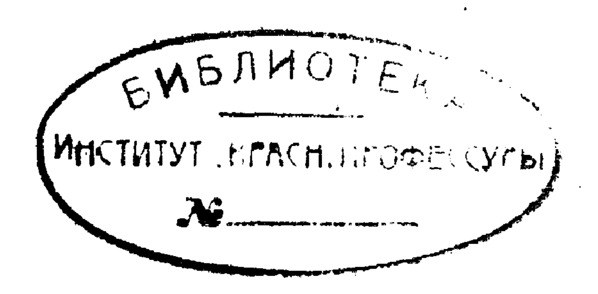
[1] См. «Россия на переломе», ч. II, стр. 4,5.
[2] М. Н. Покровский. «7 лет пролетарской диктатуры» ГИЗ, стр. 20.
[3] Там же, стр. 24.

ветской России, Греции и кемалистской Турции, ряд эпизодов гражданской войны в Советской России, борьба различных групп белых между собой, ряд конфликтов между белыми правительствами и Грузией, Польшей, Румынией, прибалтийскими государствами, все это лишь внешние проявления борьбы между империализмами двух союзных государств—Англии и Франции.

Противоречия в лагере империализма об'ясняют причину неудачи белогвардейских замыслов. Если Франция была заинтересована в воссоздании России для укрепления своего господства на континенте, то Англия преследовала совершенно противоположные цели—она стремилась расчленить нашу республику, ввергнуть ее в бездну анархии, вызвать разрушение ее производительных сил. Этим об'ясняется то, что Англия поворачивалась спиной к белым именно в момент их наибольших успехов—так было почти на всех фронтах. В свете внутри-империалистских отношений много непонятных эпизодов гражданской войны делаются вполне ясными.

Изучение истории гражданской войны еще только недавно началось. Всестороннее изучение ее начнется лишь тогда, когда пролетарские революции на Западе разобьют пока еще непроницаемые стены шкапов с секретными дипломатическими документами, хранящимися в министерствах иностранных дел Англии, Франции и др. стран, но несомненно, что историческая мысль в будущем пойдет по тому же пути, по которому пошел М. Н. Покровский. Этот широкий международный подход М. Н. Покровского к событиям «внутренней» истории нашей страны является его крупнейшей заслугой.

Если выразить в количестве печатных листов все написанное М. Н. Покровским об Октябрьской революции, то получится не очень много. Но меньше всего можно судить о научном значении работ М. Н. по количеству печатной бумаги. Работы М. Н. Покровского об Октябре дают основную установку для конкретно-исторического изучения Октябрьской революции и гражданской войны. В этом их главная ценность. Но мы верим и в то, что все до сих пор сделанное М. Н. в затронутой нами области является лишь началом, эскизными набросками того большого полотна, которого марксистская историческая мысль и широкие партийные и трудящиеся массы ждут от М. Н. Покровского.



П. Горин

М. Н. Покровский как историк первой русской революции

Не считая работы Ленина «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—7 г.» и ряда его статей, посвященных 1905 году, можно определенно сказать, что в общем, подлинно марксистское, а тем самым, подлинно-научное изучение первой русской революции, фактически началось только после революции 1917 года. Конечно, одна из существенных причин такого положения заключалась в тщательной заботе самодержавия, чтобы итоги действительно научного изучения первой рабочей революции не были достоянием широких масс. Этим об'ясняется, что царизм, подчас сравнительно легко разрешая многотомные «научные суррогаты», жестоко расправлялся с какой-нибудь маленькой брошюркой, написанной ортодоксальным марксистом. Такая политика самодержавия естественно не могла не дать соответствующие результаты: к 1917 г. мы не имели истории 1905 г., написанной революционными марксистами. Даже в первые годы Октябрьской революции студенчеству наших вузов и комвузов нередко в качестве основного пособия рекомендовалась многотомная, меньшевистская работа «Общественное движение в России в начале XX века», вышедшая под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова [1].

Положение с научной литературой не изменилось и с выходом в 1922 году книги Л. Троцкого «1905». Быстрое исчезновение с рынка его первого издания безусловно служило лучшим показателем огромного интереса со стороны читателей к новейшей истории. Однако «1905» не мог удовлетворить даже рядового рабочего читателя. Живо описанные отдельные яркие революционные эпизоды чуждо выглядели на фоне общих неверных суждений автора о движущих силах и характере революции 1905 года. Не случайно «две души» книги—блестяще описанные отдельные эпизоды революции на ряду с меньшевистским схематизмом—явились предметом споров. И в этой части не приходится умалять «заслугу» книги. Огромный интерес к первой рабочей революции и попытка Л. Троцкого преподнести «1905», как образчик подлинно марксистской литературы, естественно не мог не вызвать решительного отпора со стороны историков-марксистов. Многим, вероятно, еще памятна горячая полемика между М. Н. Покровским и Л. Троцким, развернувшаяся на

[1] Первый том вышел в 1909 году, издание последующих томов затянулось до годов войны. VI том собрания сочинений Ленина, в котором собраны его статьи о 1905—6 г., вышел только в 1922 г. почти одновременно с работой Л. Троцкого «1905».

страницах наших журналов и газет тотчас по выходе «1905». Мы, пожалуй, не ошибемся, если отметим, что выход книги «1905» в свою очередь ускорил появление работы М. Н. Покровского[1], противопоставляющей псевдо-марксистской троцкистской схеме подлинно марксистскую, большевистскую концепцию 1905 г. Однако, прежде чем перейти непосредственно к разбору этой работы М. Н. Покровского, специально посвященной им изучению первой русской революции и скромно названной самим автором только «зачатком научного курса», мы позволили себе напомнить читателю полемику М. Н. Покровского с Л. Троцким, развернувшуюся в 1922 году по вопросу о внеклассовом происхождении самодержавия. Эти, казалось бы на первый взгляд, «отдельные» вопросы истории, имевшие огромное политическое значение несколько лет тому назад, в наши дни приобретают еще более злободневный и актуальный характер.

Вопросы внеклассового происхождения самодержавия в настоящее время, как известно, официально разделяются нашей буржуазией и мелкобуржуазной меньшевистской историей, хотя своим происхождением теория «внеклассовой теории развития русского самодержавия» обязана Б. Н. Чичерину, как характеризует его М. Н. Покровский, идеологу «тамбовского полукрепостника». Эта теория, подновленная в свое время Ключевским, соединившим теорию закрепощения Чичерина с Соловьевской теорией борьбы «со степью», стала преемлемой для русской буржуазной интеллигенции и не случайно нашла своего горячего стороника в лице П. Милюкова.

Общие методологические основы меньшевизма в свою очередь не могли не соблазнить теорией внеклассового происхождения самодержавия и русских меньшевиков (в том числе Плеханова и Мартова), попавших на эту буржуазную приманку. Вытащив эту теорию из пыльного архива науки, Л. Троцкий тоже пытался преподнести ее, как нечто ортодоксально-марксистское, подлинно-революционное, классово-пролетарское, хотя в социологии эта теория занимает, примерно, такое место, как первая машина Д. Уайта в современной технике. Правда, защиту своих позиций Л. Троцкий подкрепляет новыми, подчас «оригинальными» аргументами, вроде экономической отсталости развития России, превращавшей самодержавие в посредника между Россией и Западом, что якобы и делало русское самодержавие надклассовой организацией независимой от туземной классовой борьбы. Этот взгляд Л. Троцкого об экономической отсталости России, по существу, взгляд западно-европейского мелкобуржуазного интеллигента, знания которого о России ограничивались полнейшим ее незнанием, само собою разумеется, ничего общего не имеет с ленинским пониманием. Как известно, Ленин никогда огульно не зачислял Россию в разряд варварских или колониальных стран и отсталость России им понималась только в смысле существования на ряду с элементами высокой техники и современных форм капитализма и докапиталистических отношений. Но при этом всегда подчеркивалось «ведущее начало». Напомним, например, о «пяти укладах». Самобытность России и ее отсталость,

---

[1] М. Н. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, «XX век», вып. I. 1896—1906 г.г. изд. «Красная новь», 1923 г., 289 стр.

бывшие долгое время коньком народничества, в наше время блестяще опровергнуты М. Н. Покровским в его четырехтомной «Русской истории», в которой он наглядно показал, что экономическое развитие России было подвержено законам развития, аналогичным Западной Европе. Не случайно поэтому, что выступление Л. Троцкого, пытавшегося реставрировать старые реакционные мысли, встретило решительный отпор со стороны М. Н. Покровского, который со свойственной ему непримиримостью к искажениям марксизма вскрыл не только мелкобуржуазные ошибки Л. Троцкого и классовую природу этих иллюзий, но и показал, насколько политически вредны пролетариату подобные заблуждения.

Приведя обильный фактический материал, иллюстрирующий развитость денежного хозяйства в России в XVI веке, и показав, что и в дальнейшем Россия аналогично Западной Европе шла по тому же пути капиталистического развития, М. Н. Покровский в своей последней статье, связанной с выступлением Л. Троцкого, так резюмирует итоги развития: «Легенда «о примитивной экономической основе», на которой воздвигалась московская государственность задолго до Романовых, должна быть сдана в архив вместе с легендами «о борьбе со степью» и «закрепощении и раскрепощении»—все три легенды составляют одно неразрывное целое. Московская Русь XVI века была не примитивнее, по своим экономическим условиям, нежели любая европейская страна позднего средневековья... Политический момент в России, как и во всех других странах, никогда не был самодовлеющим: московский абсолютизм не «обгонял» развития экономических отношений, а был точным их отображением» [1].

М. Н. Покровский подверг также тщательному разбору сравнение России с Западом и отметил отличительные черты развития России, вытекавшие нередко из более быстрого темпа развития у нас отдельных капиталистических отраслей производства. Он указал Л. Троцкому, что отсутствие пышных средневековых городов в России никак не может быть об'яснено только нашей экономической отсталостью.

«В резком противопоставлении русского и западноевропейского города у Л. Троцкого,—пишет он,—чрезвычайное преувеличение и «упрощенство!». Конечно, Москва XVI—XVII вв. не была похожа на Флоренцию и Антверпен (хотя и была «немного больше Лондона»—по словам английского путешественника XVI века Флетчера),—но тип старорусского города был тот же, что и средневекового города Западной Европы. Этот тип у нас не достиг такого пышного расцвета, как на Западе. Почему? Потому что торговый капитал, сложившийся в России позднее, чем на Западе, но развивавшийся быстрее, задушил наше городское ремесло еще в пеленках, превратив его в систему дамашнего производства, начиная уже с XVII в.» [2]. Столкновение России с Западом, неизбежно приводившее, по мнению Л. Троцкого, к закрепощению и колонизации России и к самостоятельности существования самодержавия, опровергнуты М. Н. Покровским самым решительным образом,

[1] «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия», журн. «Вестник Ком. Академии», 1923 г., кн. IV.

[2] Ст. «Троцкизм и особенности исторического развития России».

который показал, что соприкосновение России с Западом, наоборот, стимулировало дальнейшее капиталистическое развитие и укрепление самостоятельности и независимости России. «Соприкосновение с Западной Европой,—пишет он,—сильнейшим образом стимулировало, поощрало развитие нашего торгового капитализма, но если бы туземное накопление не предшествовало этому соприкосновению, Россия была бы чисто колониальной страной на подобие даже не Индии, (там свое накопление тоже было), а центральной Африки»[1].

Как видим, оценки влияния на Россию со стороны Запада у М. Н. Покровского и Л. Троцкого диаметрально противоположны. М. Н. Покровский решительно возражал, что исторический процесс России шел по пути превращения ее в колонию западноевропейского капитала. Он разоблачил фальшь этой теории и, наоборот, показал, что Россия сама была одним из величайших колониальных государств мира, располагавшим крупнейшими колониями на юге и востоке. «Перед 1905 годом,—писал он в 1925 году,—отчасти и после у нас распространены были разговоры о том, колониальная страна Россия или нет, колониальный тип развития у нас или нет. При этом имелось в виду, что Россия сама есть колония для западноевропейского капитала. Не обращали внимания на другую сторону, что Россия есть одно из величайших колониальных государств (разрядка автора. *П. Г.*) мира, что колония она или нет по отношению к западноевропейскому капиталу, является обладательницей самых больших колоний, какие только имеет какое-либо другое европейское государство, исключая Англию и Францию»[2]. Действительно эта сторона характера социального развития России выпала из поля внимания Л. Троцкого, а между тем она могла бы послужить серьезным коррективом в его утверждении о внеклассовости русского самодержавия.

В настоящей статье мы конечно не претендуем на изложение всей полемики, и тех аргументов, при помощи которых М. Н. Покровским так блестяще и убедительно были разоблачены мелкобуржуазные иллюзии Л. Троцкого. Нам необходимо только отметить, что уже в этой полемике между М. Н. Покровским и Л. Троцким косвенно шел спор о движущих силах и характере первой русской революции (характер самодержавия, отсталость России и т. д.), а кроме того, теория «внеклассового происхождения самодержавия», по признанию самого Л. Троцкого, ставила своей задачей борьбу с ленинским пониманием 1905 года, стремясь при этом и исторически обосновать теорию перманентной революции[3]. Напомним также, что в пылу полемики с Л. Троцким у М. Н. Покровского выковалась та революционно-марксистская концепция первой русской революции, которая и нашла свое

[1] Из статьи «Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма», «Правда», 5/VI—1922 г.

[2] К вопросу об особенностях исторического развития России, журн. «Под Знаменем марксизма», 1925 г., № 5.

[3] Л. Троцкий «1905», стр. 296, ГИЗ; его статья «Пароход—не пароход, а баржа», «Правда,» 1922 г. от 7 июля и т. п.

выражение в вышедшей в 23 году III ч. «Сжатом очерке», посвященном исключительно 1905 году. То огромное количество литературы по 1905 году, которое вышло в 1925 году, в связи с двадцатилетием первой революции, а также сравнительно обильная литература по истории классовой борьбы в XX веке и истории ВКП(б) находится под самым непосредственным влиянием общей концепции М. Н. Покровского. Отдельные монографические работы, написанные марксистами, по различным проблемам революции чаще всего подкрепляют те оценки, которые мы находим в III части. Все это заставляет нас признать, что работа М. Н. Покровского является блестящей подлинно марксистской работой. Это становится еще более очевидным, если мы III часть сравним с работами Л. Троцкого «1905» или Н. Рожкова «Русская история» т. XII, претендующими на марксистскую ортодоксальность. Мы не говорим уже о беглой оценке 1905 года, данной П. Милюковым в его последней работе «Россия на переломе» [1]. По существу эти вышеуказанные работы и представляют основные схемы первой революции, имеющиеся в современной исторической литературе о 1905 г. Схема П. Милюкова—ярко выраженная кадетская схема; меньшевистская концепция (с некоторыми, правда, оттенками) нашла свое выражение в работах Н. Рожкова и Л. Троцкого и подлинно марксистская (тем самым подлинно научная), в работах М. Н. Покровского (не говоря конечно уже о работах В. И. Ленина). Правильность такого утверждения мы и постараемся сейчас показать.

Уже в таком общем основном вопросе о характере революции мы, конечно, находим различные оценки.

Революция 1905 года для Милюкова—это конфликт Николая II с «народом» [2]. Экономический кризис хотя и влиял на подготовку революции, однако не был ее основной причиной; главное же «в верховной власти» и предоставление Николаем II министерских кресел кадетам гарантировало бы полное успокоение [3]. Кадеты же с своей стороны провели бы в более либеральной редакции столыпинскую аграрную реформу и тогда наступило бы царство всеобщего мира и равенства.

Философия русской буржуазии оказывалась довольно примитивной.

Иную оценку революции мы встречаем у меньшевистских историков Н. Рожкова и Л. Троцкого. Н. Рожков не преминул отнести первую русскую революцию к разряду обычных (подобно Зап. Европе) буржуазных революций, правда, с некоторыми особенностями, не исключающими, однако, что русская буржуазия являлась классом заинтересованным в революции. И не случайно задачу революции 1905 года он формулировал, как борьбу за «культурный капитализм». Правда, такая оценка задач революции 1905 года не удовлетворяет другого представителя меньшевистского лагеря Л. Троцкого. Его аргументация несравненно оригинальнее. К революции 1905 года он под-

---

[1] П. Милюков. «Россия на переломе» т. 1, стр. 400, т. 2, стр. 281, Париж, 1927 г. В этой работе в 1 т. одна глава посвящена разбору первой революции. Отдельные же замечания о 1905 г. разбросаны и по другим главам.

[2] П. Милюков. «Россия на переломе» т. I. стр. 2.

[3] См. об этом брошюру П. Милюкова «Три попытки» из истории русского лже-конституционизма. Париж, 1921 г.

ходит с меркой теории перманентной революции, которая даже по признанию самого Л. Мартова является разновидностью меньшевизма.

Нередко склонны думать, что Л. Троцкий оценивал революцию 1905 года, как социалистическую. Это совершенно неверно. В своей работе «1905» он сам признается, что «вопрос никогда не шел для нас, можно ли Россию перевести прямо в социализм. Такая постановка вопроса требует совершенно особого устройства головы» [1].

Отрицание социалистических элементов в революции Л. Троцкий допускает даже при условии осуществления ленинского положения о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». «Правительство,—пишет он,—опирающееся непосредственно на пролетариат и через него на революционное крестьянство, еще не означает социалистической диктатуры» [2].

М. Н. Покровский решительно отвергает суждения о революции 1905 года, как об обычной буржуазной революции, похожей на зап.-европейские, а также разоблачает и троцкистские поправки к этой меньшевистской теории. Он, правда, не отрицает буржуазный характер революции 1905 года. В своем инструктивном докладе на совещании при отделе печати ЦК РКП(б) 7-го октября 1925 года он даже неоднократно предостерегает слушателей от опасности затушевывания буржуазных задач революции 1905 года и преувеличении ее социалистических целей. «Ленин был прав,—говорит он в заключение,—когда обрушивался на тех, к т о г о в о р и л о с о ц и а л и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и 1905 г о д а» [3].

Но уже в своей первой работе, посвященной 1905 году, он особо подчеркивает разницу в понимании термина «буржуазная революция» у большевиков и меньшевиков. Термин «буржуазная революция,—пишет он,—можно понимать двояко: или это означает революцию, создавшую условия необходимые для существования буржуазного капиталистического строя, или же это означает революцию, которою руководит буржуазия. В первом смысле понималось название «буржуазная революция» в 1905—7 гг. преимущественно нами—большевиками. Во втором смысле понимали его меньшевики и в особенности Плеханов, на этом основании настаивавший, чтобы пролетариат всеми силами поддерживал буржуазию, которая-де сделает революцию» [4].

Иными словами, М. Н. Покровский обращает внимание на разграничение вопроса о характере революции, и ее движущих силах. Ленинский раз-

---

[1] Л. Т р о ц к и й «1905 г.» стр., 272, изд. 1922 г. По мнению Л. Троцкого революция в России может явиться прологом социалистической революции Запада и только при поддержке Запада возможно социалистическое развитие в России. «Перед революционной властью,—пишет он,—будут стоять об'ективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» («1905» стр. 286). Конечно, подобное заявление не больше, как тактическая маскировка меньшевизма, признавшего буржуазный характер революции, понимая под буржуазными задачами революции, переход власти только в руки буржуазии.

[2] Там же, стр. 252.

[3] М. Н. П о к р о в с к и й. «Значение рѐволюции 1905 г.», ГИЗ, 1925 г., стр. 20.

[4] М. Н. П о к р о в с к и й «Русская история в сжатом очерке», ч. III, 1923 г., стр. 10.

бор этого основного положения, как известно, остался непостижимой тайной для русских меньшевиков и Л. Троцкого.

В том же введении к своей работе М. Н. Покровский дальше делает попытку сравнить нашу революцию с буржуазными революциями Западной Европы. Это сравнение и позволяет ему вскрыть отличительные черты первой революции, благодаря которым 1905 год оказался «прологом» и «генеральной репетицией» 1917 года. «Русская революция,—пишет он,—прошла, таким образом, две ступеньки, что и дает все основания разделить дальнейшее изложение на две части». Напомним при этом, что М. Н. Покровский подчеркивает двоякий характер революции, в которой наряду с главными буржуазными задачами прорывались и социалистические элементы, чтобы увидеть, что он целиком стоит на точке зрения ленинизма. Ленин, как известно, не отрицал буржуазных задач, стоящих перед русской революцией, но тактика пролетариата в этой «буржуазной» революции им понималась далеко не так, как у меньшевиков и Л. Троцкого. «Мы не остановимся на пол-пути,—писал он неоднократно еще в 1905 году,—потому что в современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различные и разнородные социальные войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна обще-народная борьба (за свободу буржуазного общества) за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» [1].

Подводя итоги этому беглому сравнению оценок характера революции 1905 года у различных авторов, не трудно уловить коренные различия в понимании этого основного вопроса. Эти выводы у разбираемых нами авторов далеко не случайны и находятся в тесной связи с оценкой движущих сил революции, с оценкой той потенциальной революционной энергии, которая была заложена у буржуазии, пролетариата и крестьянства.

Для «внеклассовой» истории П. Милюкова буржуазии, конечно, не существует. Это неприятное для кадетского слуха понятие подменено «обществом» и «народом», «лучшими представителями интеллигенции» и т. п. борющимися силами за конституционное переустройство России. Естественно, что симпатии кадетского историка на их стороне, но эти—«верхи русского общества», недостаточно поддержанные «некультурным народом», были подавлены самодержавием.

Меньшевистские историки не боятся произносить слово буржуазия. Для них это вполне законный термин. Однако отсутствие диалектического чутья и мелкобуржуазные иллюзии, разделяемые меньшевиками, не позволили им вскрыть подлинное лицо русской буржуазии. Мы не говорим уже о тех меньшевистских иллюзиях, развиваемых в коллективной работе «Общественное движение в России в начале XX века», в особенности в статьях А. Потресова и Л. Мартова, обосновывающих неизбежность союза пролетариата

---

[1] Ленин, статья в «Пролетарии», № 20.

с буржуазией[1]. Современная меньшевистская историческая наука пошла дальше, но не порвала со своими прошлыми иллюзиями. «Русское общество (читай буржуазное общество—*П. Г.*),—пишет Н. Рожков,—воспитанное все сверху до низу в условиях продолжающегося уже в течение нескольких столетий самодержавно-дворянского, полицейско-бюрократического режима, было политически весьма слабо развито и потому оно все за малыми исключениями, о которых будет сказано ниже, было заражено конституционными иллюзиями»[2].

Как видим, меньшевистские историки, не преминули изобразить русскую буржуазию, как борца за конституционные требования. Эту легенду прекрасно опроверг сам П. Милюков в своей брошюре «Три попытки»[3], показав, что конституционные требования кадетской партии не более, как дипломатическая игра с самодержавием.

Контрреволюционная природа русской буржуазии, правда, несравненно удовлетворительней вскрыта в работах Л. Троцкого. Отдельные, подчас блестящие, страницы показывают политическую трусость русской буржуазии. Но в своей критике, разоблачающей неспособность русской буржуазии быть руководителем революции, Л. Троцкий однако не отрицает неизбежность руководства революции со стороны буржуазии вообще. От официального меньшевизма его отличает только то, что руководство революцией у него логически переходит в руки иностранной буржуазии. Это естественно вытекает из однажды брошенного образного сравнения исторического развития России с Западной Европой «Пароход, не пароход, а баржа»[4].

«Летопись рассказывает,—говорит Л. Троцкий в другом месте,—что мы в IX веке призывали из-за моря варягов, чтобы установить при их помощи нашу государственность. Затем пришли шведы, чтобы научить нас европейскому ратному искусству. Томас и Кнопп обучили нас текстильному делу. Англичанин Юз насадил на нашем юге металлургическую промышленность, Нобель и Ротшильд превратили Закавказье в фонтан нефтяных барышей. И в то же время викинг всех викингов—великий интернациональный Мендельсон превратил Россию в домен бирж»[5].

Мы, конечно, не отрицаем огромную роль иностранного капитала, но считаем совершенно неверным, что иностранному капиталу в России принадлежало такое решающее влияние. Основная ошибка Л. Троцкого заключается в противоположении в целом русского капитала иностранному без подразделения последнего на свои национальные составные части, конкурировавшие между собой за влияние. Это и привело Л. Троцкого к таким оши-

[1] «Это противоречие (между буржуазией и пролетариатом)—пишет Л. М.—теоретически было разрешено социал-демократической мыслью, исходящей из закономерности развития общества, вступавшего на путь капитализма» (Обществ. движение, т. I, из статьи Л. М. «Итоги политического развития»)

[2] Н. Рожков. «Русская история», т. XII, стр. 102. Разрядка наша. *П. Г.*

[3] Милюков. «Три попытки», изд. Франко-русская печать, 1921 г.

[4] Название одной из статей Л. Троцкого, полемизирующего с М. Н. Покровским по вопросу о самостоятельности экономической и политического развития России.

[5] Л. Троцкий «1905» стр. 29.

бочным выводам и политическая роль буржуазии и ее удельный вес в классовой борьбе Л. Троцким значительно искажена.

М. Н. Покровский возражает против такого игнорирования роли туземного накопления. Правда, вопрос о соотношении иностранного и туземного накопления в разных работах М. Н. Покровского трактуется по-разному, но в основном М. Н. Покровский решительно высказывается против преувеличения Л. Троцким роли иностранного капитала в России [1]. Утверждение М. Н. Покровского, что туземное накопление играло крупную роль в экономическом развитии России и в XIX, и в XX веке лишь завершает его общую схему исторического процесса в России, не потерявшей своей экономической самостоятельности.

Это внимание к туземному накоплению в России дало возможность М. Н. Покровскому исторически верно определить роль буржуазии и дать ей соответствующую оценку. М. Н. Покровский не отмахивается, подобно Л. Троцкому, простым заявлением о контрреволюционности русской буржуазии и ее политической незначимости. Он наоборот признает, что русская буржуазия в общих событиях 1905 г. занимала далеко не последнее место. Разбору классовой характеристики буржуазии 1905 года им в III части сжатого очерка посвящена даже специальная глава «Конституционные потуги буржуазии».

Признавая пролетариат главной движущей силой революции, который в союзе с революционной частью крестьянства и составлял подлинно-революционные кадры, М. Н. Покровский разбирает тактику буржуазии. «Недостаточной революционностью восставшей массы,—пишет он,—пользовалось, мы видели, и правительство, т. е. помещики, то пытаясь подкупить (булыгинская дума, 17 октября), то запугивая (9 января, декабрь 1905 г.). Эту недостаточную революционность еще больше использовала и буржуазия, пытаясь развратить движение. Масса боролась за права по несознательности, не понимая, что от старой власти нечего ждать прав, что нужно самой стать властью и тогда права придут сами. Буржуазия старалась внушать массе, что эта борьба за права и есть настоящая «правильная» революция, а борьба за власть есть «анархия». Но развращая массу, буржуазия в то же время и пользовалась ею, пользовалась для запугивания власти, т. е. помещиков, которые ни с кем не хотели делиться своими «правами», даже с буржуазией [2]».

---

[1] «Мы имеем,—пишет он в первом издании сжатого очерка,—в первое десятилетие XX века очень любопытное явление, которое можно назвать национализацией русского капитализма (разрядка автора *П. Г.*). Это место выброшено автором в последнем издании 1928 года, а во втором издании «Очерков революционного движения» даже высказано согласие с выводами т. Ванага. Однако в последнем издании—третьей части «Сжатого очерка» вопрос о соотношении русских и иностранных капиталов в России оставлен открытым. Повидимому та полемика, которая разгорается между сторонниками иностранного и туземного накопления, в значительной степени осложненная отсутствием точных цифровых данных заставила М. Н. Покровского временно воздержаться от уточнения этого вопроса.

[2] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», ч. 3, стр. 222. Разрядка автора. *П. Г.*

Эта на наш взгляд классическая характеристика целиком выясняет тактику русской буржуазии в революции 1905 года. Однако М. Н. Покровский вскоре подчеркивает, что «буржуазия была одним целым только по отношению к пролетариату... Но сама по себе буржуазия была собранием различных групп и расхождение их интересов всего легче сказывается на их отношениях к власти. Этим расхождением и об'ясняется то, что буржуазия не образовала у нас одной политической партии»[1]. Внутри буржуазии М. Н. Покровский различает три группы: 1) буржуазная интеллигенция, 2) правые и 3) центр. Сравнивая русскую революцию 1905 года с 1848 годом и выявляя ее особенности, М. Н. Покровский показывает, почему буржуазная интеллигенция, представлявшая «собою буржуазную идеологию в наиболее чистом виде», однако, не стала идеологией всего русского буржуазного общества, и первую скрипку играли октябристы. Блестяще написанные страницы главы о русской буржуазии ярко вскрывают бессилие русской буржуазной интеллигенции, которая в результате своей тактики «игры на повышение и понижение революции» 1905—07 гг. свою политическую игру сыграла на сравнительно долгий срок и после разгрома первой государственной думы. Отличительной особенностью изучения М. Н. Покровским роли русской буржуазии в 1905 году следует отметить, что разбор роли буржуазии в 1905 году им дан в аспекте Октябрьской революции. В начале своей главы он обращает внимание читателя, что «роль эта (русской буржуазии—*П. Г.*) была во многом пророческой: русская буржуазия 1905 года давала возможность предвидеть буржуазию 1917 года»[2].

Как видим, оценка буржуазии у разбираемых нами авторов совершенно различна. Заслуга М. Н. Покровского заключается в том, что он опроверг Рожковское заявление о конституционных настроениях буржуазии, но в то же время не свел ее роль подобно Троцкому до политического нуля. Кроме того, он не только показал единый фронт буржуазии, сплоченный против пролетариата и крестьянства, и спекулировавший на повышении и понижении революции, но детально вскрыл противоречия и в самом лагере буржуазии и выявил причины, почему ее реакционная часть возглавляла движение русской буржуазии. Диалектический метод революционного марксизма, примененный М. Н. Покровским, позволил ему дать блестящий научный очерк истории буржуазии в 1905 г. Диаметрально противоположные оценки у М. Н. Покровского, Н. Рожкова, Л. Троцкого, не говоря уже о Милюкове, мы находим и по вопросу о роли пролетариата,—этому одному из основных вопросов изучения революции 1905 г.

Для «внеклассовой» теории П. Милюкова, конечно не существует пролетариата. Рабочее декабрьское восстание 1905 года—это только «попытка революционной части общественности решить спор московскими баррикадами». В общей кадетской схеме противопоставления самодержавия и общественности не оказалось места понятию «пролетариат».

---

[1] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке, ч. III, стр. 222. Разрядка автора *П. Г.*

[2] Там же.

Псевдо-марксистская меньшевистская история формально признавая классовую борьбу, также не смогла в должной мере определить удельный вес пролетариата в революции. Н. Рожков, правда, не мог не отметить, что в сравнении с буржуазными революциями на Западе «первой важной, можно сказать, важнейшей особенностью России было здесь то, что ни в одной буржуазно-демократической революции не было такого многочисленного по своему составу пролетариата, как именно у нас». Он не отрицает также, что пролетариат был гегемоном революции. «Конечно, появление и умножение этого класса-вождя, гегемона революции, и передового ее борца явились следствием развития производственного капитализма»[1]. Под таким заявлением конечно подпишется любой большевик. Однако, несколькими строками ниже, Н. Рожков приводит такие «но», которые в вопросах оценки пролетариата проводят борозду между ним и большевистской трактовкой вопроса. Оказывается, причина поражения пролетариата в 1905 г. заключалась в том, «что он не был под гегемонией квалифицированных рабочих (в рабочей аристократии. *П. Г.*), которых было относительно немного... «Ему (т. е. русскому пролетариату. *П. Г.)* нечего было терять и это его революционизировало». И далее Н. Рожков говорит о вытекающей из этого положения неорганизованности и стихийности движения. Иными словами, то, в чем большевики видели преимущество русского рабочего движения—ничтожную роль рабочей аристократии в России, являющуюся основным оплотом социал-демократии и соглашательства—Н. Рожковым выдается как зло.

Такое заявление Н. Рожкова конечно не случайно. Оно логически вытекает из общей его схемы неизбежности развития России по шаблону западных государств. Формальная логика скрыла от Н. Рожкова, что наряду с отрицательным значением запоздалого развития России, в этом были и «некоторые положительные результаты». В своем стремлении догнать Европу русский капитализм сразу усваивал высокую европейскую технику. Не даром в начале XX в. русская промышленность была наиболее концентрированной в мире. А это обстоятельство и имело огромное политическое преимущество. Пролетариат в России был наиболее нивеллированным, что в значительной степени способствовало его классовой монолитности. В этом смысле сравнительно с Н. Рожковым аргументация Л. Троцкого значительно интереснее,—который в своей работе «1905» признает огромное значение этого факта на русское рабочее движение. Только недооценка классово-потенциальных возможностей русского пролетариата не позволила Л. Троцкому притти к общему выводу с большевиками. Дамоклов меч западноевропейского капитализма постоянно заставляет его капитулировать[2]. М. Н. Покровский убедительно доказывает

---

[1] Н. Рожков.—Русская история, т. XII, стр. 150.

[2] «Главную массу населения городов России,—пишет Л. Троцкий, — составляет в настоящее время индустриальный пролетариат. Уже одна эта аналогия подсказывает мысль о возможности такой исторической ситуации, когда победа «буржуазной революции оказывается возможной только через завоевание революционной власти пролетариатом. Перестает ли от этого революция быть буржуазной? и да, и нет. Это зависит не от формального определения, а от дальнейшего развития событий. Если пролетариат сброшен коалицией буржуазных классов, в том числе и от освобожденного им крестьян-

меньшевистские ошибки в оценке роли пролетариата в 1905 г. То, что пролетариат уже в 1905 году был гегемоном революции—для большевиком давно не составляло секрета. «Мы говорим всегда,—пишет М. Н. Покровский,—что пролетариат был гегемоном, по-русски вождем, нашей первой революции 1905 года»[1]. Главная причина поражения рабочей революции 1905 года заключалась не в неспособности русского пролетариата, как класса, возглавить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а в отсутствии союза пролетариата и крестьянства. Резолюция,—пишет М. Н. Покровский,—тогда не удалось, говорят нам, потому, что не было настоящей смычки между рабочим и крестьянином — они действовали врозь, дали разбить себя поодиночке и на этом сыграл царизм. Это верно, такого стройного, почти нога в ногу рабочего и крестьянского движения, как в 1917 г. за 20 лет раньше не было»[2]. М. Н. Покровский конечно не отрицает, что недостаточная организованность пролетариата, «экономизм» и т. п. моменты играли крупную роль в неудаче революции. Всем этим вопросам он уделил огромнейшее внимание и вскрыл отличия пролетариата 1905 и 1917 гг., но в противовес меньшевистским историкам Н. Рожкову и Л. Троцкому он одну из основных причин поражения революции (помимо ошибок в самом рабочем движении) видит в отсутствии смычки пролетариата с крестьянством, в то время, как меньшевистские историки преимущественно ограничиваются ошибками самого пролетарского движения (притом преподносимых ими довольно тенденциозно) и игнорируют возможность союза пролетариата и крестьянства, как одного из основных условий успеха революции. Но прежде чем перейти к разбору этого вопроса, мы несколько остановимся на различных оценках тактики пролетариата в период крупнейших событий 1905 года. Мы лишены возможности разногласия сравниваемых нами авторов проследить последовательно по всем событиям 1905 года и остановимся только на таких крупнейших явлениях, как октябрьская забастовка, советы и декабрьское восстание.

Октябрьская забастовка, знаменовавшая собою начало открытой классовой борьбы, оказала огромное влияние на последующее развитие событий. Не случайно, что этот пролог открытой гражданской войны для П. Милюкова

ства, революция сохранит свой ограниченный буржуазный характер. Если же пролетариат сможет и сумеет все средства своего политического господства привести в движение для того, что разбить национальные рамки русской революции, эта последняя сможет стать прологом мирового социалистического катаклизма». «1905» стр. 261. Разрядка наша *П. Г.*

Многочисленные писания о нередко отсутствующей ясной позиции Л. Троцкого куда менее убедительны, чем вышеприведенные его слова. Л. Троцкий не отрицает, что пролетариат в России составляет «главную массу населения городов» и возможно завоевание «революционной власти пролетариата». Но как он решает дальнейший вопрос о характере этой власти? «Безупречно». Его рассуждения хороши на все случаи и в значительной мере напоминают тактику во время Брестского мира. Но и в этой безупречной формулировке Л. Троцкого не трудно уловить, что в основном она определена недостаточной верой в силы русского пролетариата, что и об'ясняет отсутствие ясного ответа.

[1] М. Н. Покровский.—Значение революции 1905 г., стр. 21, 1925 г. Разрядка автора *П. Г.*

[2] Там же.

был высшей точкой развития революции и «единения общественности». Ничего странного в этом конечно нет. Для русской буржуазии, привыкшей бунтовать на коленях, манифест 17 октября, как ответ самодержавия на происходящие события, был пределом высших мечтаний. Некоторые слои буржуазии даже были обеспокоены чересчур «левым курсом» самодержавия. Большинство же буржуазной интеллигенции торжествовало победу и полагало, что октябрьской забастовкой можно поставить точку на дальнейшее развитие событий. Но любопытно, что аналогичные кадетские иллюзии соблазнили и многих «марксистов». Н. Рожков даже главу об октябрьской забастовке озаглавил «Высший под'ем революции». Никогда позже,—пишет Н. Рожков,—успех не венчал так революционные усилия, как то было в октябрьские дни» [1]. Причина же этого успеха, по мнению Н. Рожкова, «заключалась в полной изоляции правительства, оставшегося только с кучкой черносотенцев. Забастовке сочувствовали все» [2]. В следующей главе он об'ясняет, почему революция достигла таких «успехов». В самой неприкрытой и бесцеремонной форме Н. Рожков вещает что после октябрьской забастовки «широкая социальная база, на которой проходила революция, несомненно исчезла [3]». Другими словами, он считает, что вся последующая тактика пролетариата была глубоко ошибочна и конечно декабрьское восстание не пользуется симпатией автора. Такая общая оценка тактики пролетариата в 1905 году вполне может быть приемлема буржуазией. Общенациональный характер октябрьского движения настолько подчеркнут Н. Рожковым, что руководящая роль рабочих масс во всеобщей октябрьской забастовке значительно искажена. Правда, что в большинстве русская буржуазия в октябрьские дни не отвергала стачку, как метод «терроризирования» самодержавия, но даже левые представители буржуазной оппозиции вели решительную борьбу против возможного перехода стачки в вооруженное восстание. Пролетариат не держал курс на вооруженную борьбу с царизмом. В работах Н. Рожкова и Л. Троцкого общим для обоих авторов остается недостаточная оценка необходимости вооруженного восстания. Правда, дальше мы увидим, что если Н. Рожков вообще отвергает неизбежность восстания, то Л. Троцкий признает его обязательным этапом революции и доказывает его необходимость. Ближайшее же раскрытие понятия «вооруженного восстания» Л. Троцким показывает совершенное непонимание ленинского учения о вооруженном восстании, как искусстве.

Огромная заслуга М. Н. Покровского состоит в том, что он резко опроверг широко распространенную кадетско-меньшевистскую легенду, что достоинства всеобщей октябрьской стачки заключались в ее всеобщности и мирности. «Настроение масс,—пишет он,—в это время (т. е. октябрьской забастовки. *П. Г.*) таково и в Питере, и в Москве, что уж если когда можно было говорить о вооруженном восстании, так именно теперь. То, что октябрьская забастовка не перешла в вооруженное восстание, было первой неудачей рабочей революции». Дальше М. Н. Покровский об'ясняет, почему это произошло: «Тут помимо всего прочего,—пишет он,—надо помнить, что

---

[1] Н. Рожков. Русская история, т. XII, стр. 72.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 75.

стачка вспыхнула стихийно, что революционные организации были к ней не готовы [1]».

Вопрос о неизбежности вооруженного восстания это вообще водораздел, резко разделяющий большевистских историков от кадетско-меньшевистского лагеря. Не случайно в своей работе Н. Рожков все время стремится даже показать, что «к повстанческим настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это конечно понятно, им поистине нечего терять, кроме цепей [2]». Такое откровенное признание конечно не характерно для всей меньшевистской литературы. В наши дни меньшевистская критика вооруженного восстания несравненно оригинальнее. Нельзя не отметить, что признание вооруженного восстания с одновременной подменой подлинного марксистского понятия восстания, как военного искусства, в современной меньшевистской литературе наиболее удачно проделано Л. Троцким [3].

Для Ленина вооруженное восстание это неизбежный и необходимый момент рабочей революции. Для него вооруженное восстание—искусство. Еще в 1905 году в статье «Революционная армия и революционное правительство» т. Ленин писал: «Дело таких (т. е. вооруженных—*П. Г.*) отрядов провозгласить восстание, дать массам военное руководство (разрядка Ленина—*П. Г.*). Необходимо для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить—сначала хотя бы в небольшой части территории государства—полную политичекую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирное время, но которые выступают на первый план в эпоху революции. Только создав эти новые задачи, только поставив их смело и широко,—отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного строительства [4]».

Приведенная выдержка из работы Ленина дает ясное представление о понимании вооруженного восстания большевиками.

---

[1] М. Н. Покровский.—Русская история в сжатом очерке, ч. 3, стр. 169.

[2] Н. Рожков.—Русская история, т. XII, стр. 96.

[3] Небольшевистское понимание Л. Троцким вооруженного восстания уже отмечено нами в докладе: «Чем же были советы Р. Д. в 1905 г.» (см. Историк-марксист, т. I), и вызвало недовольство Л. Троцкого. В его сочинениях т. II, ч. II было помещено пространное примечание, разбирающее нашу работу «Очерки по истории советов Р. Д. в 1905 г.» (изд. унив. Свердлова 1905 г.) и упомянутый доклад в Ком. Академии. В этом примечании большое внимание уделено пониманию Л. Троцким вооруженного восстания и упорно доказывается отсутствие расхождений у него с Лениным. В своем ответе Л. Троцкому «Ошибки» истории и «непогрешимости» Л. Троцкого (журнал «Пролетарская революция» № 6/65, 1927 г.), мы показали необоснованность подобных заявлений. В настоящей статье мы ограничиваемся только общим указанием ошибок Л. Троцкого в понимании им вооруженного восстания.

[4] Ленин.—Собр. соч., т. VI, стр. 268. Разрядка Ленина. *П. Г.*

Для Л. Троцкого же «вооруженное восстание только «технический» момент, который может входить, но может и не входить в революцию», «мы отнюдь,—говорит он в другом месте,—не стремимся монополизировать в своих руках подготовку и проведение восстания. Для таких претензий нужен был бы громадный избыток сил, которого у нас вовсе нет» [1]. А вот как, напр., Л. Троцкий понимает решающий момент революции. Рассматривая развитие революции, как ряд многочисленных стихийных стачек, революция, наконец, достигает своего последнего этапа—всеобщей стачки мирно ликвидирующей реакцию [2].

Это «теоретизирование» всеобщей стачки, собственно, не является открытием Л. Троцкого. Он в значительной степени повторяет выступление в начале XX века Розы Люксембург и Ролланд-Гольст. Но если в то время всеобщая стачка, как метод борьбы с парламентаризмом, имела революционизирующее значение, то в наши дни, когда пролетарское движение обогатилось новыми формами движения в эпоху социалистической революции, подмена вооруженного восстания всеобщей стачкой явно приобретает реакционный характер. Эта теория Л. Троцкого уже в 1905 г. дала ряд отрицательных результатов и, в частности, на практике Петербургского совета в 1905 г., что блестяще вскрыто М. Н. Покровским.

М. Н. Покровский решительно разоблачает теорию стачкизма. Изучение рабочего движения в 1905 г. не случайно дано им под углом зрения способности пролетариата к вооруженной борьбе. Понимание пролетариатом необходимости вооруженного восстания и его практическая подготовка, ведь, являются лучшим показателем классовой сознательности рабочих масс.

Уже описывая события 9 января, М. Н. Покровский интересуется вопросом о стихийном порыве масс к вооруженному отпору самодержавию. Обыкновенно эта сторона многих историков не интересовала. В своем последнем издании М. Н. Покровский готовности масс к вооруженному отпору в январские дни уделил еще больше внимания.

---

[1] Л. Троцкий.—Собр. соч., т. II, ч. I, стр. 234—235. Разрядка наша. *П. Г.*

[2] «Теперь,—пишет он,—мысленно устраните профессиональный союз, союз с его точными методами учета, стачку распространите на всю страну, поставьте перед ней большую политическую цель, противопоставьте пролетариату государственную власть в качестве непосредственного врага, окружите обоих союзниками—действительными, возможными, мнимыми, прибавьте индиферентные слои, за обладание которых идет жестокая борьба, армию, из которой лишь в вихре революции выделяется революционное крыло, преувеличенные надежды с одной стороны, преувеличенные страхи с другой, причем те и другие в свою очередь, являются реальными факторами событий, пароксизмы биржи и перекрещивающиеся влияния международных связей и вы получите обстановку революции. При этом суб'ективная воля партии, даже «руководящей» является лишь одной из многих и притом далеко не самой крупной силой». («1905», стр. 236).

Подкупающая красота фразы скрывает однако главное для решительного момента революции—нет вооруженного восстания. Перед нами картина «мирной революции» бескровно побеждающая в условиях общей анархии и паники в рядах реакции. Мы оставляем уже в стороне умаление роли партийных организаций.

Выясняя стихийный характер движения, и бесцеремонно выявляя ошибки рабочих масс, он все же не мог не отметить, что «тем не менее 9 января осталось первым в истории революции днем, когда на улицах царской столицы (на Васильевском острове) возникли баррикады, настолько серьезные, что попытки разогнать толпу конницей, столь привычные при прежних манифестациях, теперь не удавались: наткнувшись на заграждения и осыпаемая сверху кирпичами и камнями, кавалерия дала тыл. Но против винтовок кирпичи, конечно, устоять не могли, и пехота скоро завладела первыми петербургскими баррикадами»[1]. Эта сторона дела, подход к вооруженному восстанию, как к искусству, у М. Н. Покровского красной нитью проходит и в описании восстаний в Черноморском и Балтийском флоте.

Вооруженное восстание для М. Н. Покровского не было чем-то неожиданным в развитии революции 1905 года. «С лета 1905 года,—пишет он,—на очередь практически ставится задача, о которой в декабре 1904 года казалось безумием было бы думать,—задача вооруженного восстания»[2]. Неслучайно в своем разборе рабочего движения второй половины 1905 года М. Н. Покровский даже озаглавил эту часть работы: «Всеобщая стачка и вооруженное восстание». В ней рядом примеров иллюстрирует вредность мирно-стачкистских иллюзий и решительно заявляет, что «то, что октябрьская забастовка не перешла в вооруженное восстание, было первой неудачей рабочей революции».

В последнем издании III части «Сжатого очерка» он еще решительнее подчеркивает вредность революционной фразы. Показывая большевистское настроение рабочих масс, М. Н. Покровский отмечает, что «отсутствие устойчивого руководства, склонность к тому, что потом стали называть «соглашательством», наметились, таким образом, у вождей петербургского движения осени 1905 года с первых шагов... И как всегда и всюду «соглашательство» сочеталось неизменно с господством революционной фразы и наклонностью к демонстрациям самого «решительного» характера, но не преследовавшим никаких определенных целей... Если передовые рабочие превосходно понимали, что речь идет о низвержении самодержавия вооруженной рукой, их меньшевистским руководителям это было гораздо менее ясно»[3]. Какое огромное значение М. Н. Покровский придает вооруженному восстанию, как военному искусству, видно хотя бы из его такого замечания, когда он говорит о ноябрьском восстании в Черноморском флоте: «Севастополь был на волоске от того, чтобы превратиться в первую «красную крепость» Российской республики; окажись во главе восстания, не интеллигент чеховского типа (Шмидт. *П. Г.*), мечтавший о том, чтобы совершить революцию без кровопролития, а настоящий военный человек и Николай остался бы без Черноморского флота»[4]. Переходя же к московскому вооруженному восстанию, как высшему этапу пролетарской борьбы 1905 г., М. Н. Покровский с глубоким

[1] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 116, 1928 г.
[2] Там же, стр. 139. Разрядка автора—*П. Г.*
[3] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 165.
[4] Там же, стр. 174.

отвращением отнесся к такого рода заявлениям, как плехановское «не нужно было браться за оружие», или рожковское, что к «повстанческому настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые рабочие». М. Н. Покровский блестяще опроверг, что декабрьские вооруженные восстания в Москве и провинции были неизбежным этапом развития рабочего движения, и вскрыл вздорность утверждения Н. Рожкова. Для него московское вооруженное восстание занимает почетное место на ряду с Парижской коммуной. Читая живо написанные (во втором издании еще более дополненные новые материалы) страницы, посвященные декабрьскому вооруженному восстанию, невольно живешь одними мыслями с историком-революционером, бесстрашно анализирующим ошибки, чтобы изучением их подготовить победу. Для М. Н. Покровского декабрьское вооруженное восстание это завершение всей предшествовавшей борьбы 1905 года. «Декабрьское восстание,—пишет он,—не только об'ективно было необходимо и мы не могли его предотвратить, но было совершенно необходимо и как политический шаг» [1]. «Нет никакого сомнения,—пишет он,—что если бы московские рабочие не выступили в декабре с оружием в руках, говорить о революции 1905 г. было бы очень трудно; оттого буржуазия, которой очень хотелось, чтобы в России дело отнюдь не дошло до революции, да еще пролетарской, рабочей, так и настаивала, что «в Москве никакого восстания не было» [2]. И М. Н. Покровский показывает, какое огромное значение имела московская вооруженная борьба. В страницах, посвященных геройской борьбе пролетариата, читатель увидит также огромную разницу между путчистским учением «лево-настроенного» интеллигента и подлинно-рабочей революцией, где вооруженное восстание, это вооруженное восстание масс.

Правда, в московском вооруженном восстании не вся рабочая масса приняла участие в вооруженной борьбе и это было крупнейшим минусом движения. Не было бы крупной ошибкой изображать декабрьское вооруженное восстание, как борьбу нескольких сотен дружинников. Как пишет М. Н. Покровский: «Вся масса рабочих не выступила—не значит «рабочие не выступили»: передовые рабочие, рабочие-большевики все выступили. Но в декабре 1905 года далеко не все еще московские рабочие были большевиками» [3].

Подводя же итог декабрьскому вооруженному восстанию, М. Н. Покровский отмечает, что оно, несмотря на неудачу, оказало огромнейшее влияние на подготовку и победу Октябрьской революции. Еще в первом издании своей книги М. Н. Покровский указывал, что «если брать, прежде всего, самый общий итог первой революции, то его придется определить так: народ не боялся больше бунтовать... «Раб» превратился в «бунтовщика» и снова сделать его рабом было уже не в силах человеческих» [4]. В своем же выступлении по докладу С. Черномордика «О вооружен-

[1] Журн. «Историк-марксист», т. I, стр. 252.
[2] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 212, 1928 г.
[3] Там же, стр. 214.
[4] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке». т. III, стр. 275, 1923.

ном восстании», он особо подчеркнул этот момент изменения массовой психологии. «Необходимо отметить,—говорил он,—что декабрьское восстание сломило то обаяние, которое окружало до тех пор царизм и его вооруженные силы. Это был чрезвычайно важный факт, что народные массы, рабочие, отчасти мещанство, мелкая буржуазия, стали стрелять в царя в лице его вооруженных сил» [1]. Неудачу же декабрьского восстания М. Н. Покровский очень образно сравнил с перебитым носом боксера. «Кто занимается боксом,—говорил он,—тот прекрасно знает, до какой степени боксеру важно иметь переломленный нос... Дело в том, что раз переломленный и сросшийся нос больше переломить нельзя: хрящ настолько тверд, что его не переломишь. Так вот, товарищи, декабрь 1905 года для русского пролетариата был этим переломленным носом, без которого хорошим боксером не сделаешься».

В работах Л. Троцкого мы не найдем такого обоснования неизбежности декабря. Его страницы, посвященные описанию вооруженной борьбы, вовсе не преследуют цель проанализировать ошибки восстания. Л. Троцкий, наоборот, хочет оправдать, почему Петербург не выступил на поддержку московского восстания. «Только крупная победа в провинции,— пишет он,—могла создать в Петербурге психологическую (и только?—*П. Г.*), возможность решительных действий» [2]. Такое заявление, конечно, неубедительно и лишний раз показывает непонимание Л. Троцким большевистского учения о восстании. В свое время аргументацией, аналогичной заявлению Л. Троцкого, меньшевики обосновали саботаж декабрьского восстания. М. Н. Покровский блестяще разоблачил цену подобных оправданий. Поддержка Петербурга, как известно, могла бы коренным образом изменить итог первой русской революции. Недаром одно время царская бюрократия даже считала возможным потерю Москвы и на покорение ее гвардейские части были посланы только тогда, когда выяснилось, что петербургские с.-д. поддержать московское вооруженное восстание вовсе не намерены.

В своей работе М. Н. Покровский также показал, как игнорирование меньшевистскими историками задач вооруженного восстания в 1905 году в свою очередь не позволило им дать верную оценку Советов 1905 года, как органа подготовки вооруженного восстания и борьбы за революционную власть.

Нередко меньшевистские историки, не понимая, что Советы Р.-Д. в 1905 году появились только в результате открытого активного участия масс в борьбе за революционную власть, дату возникновения Советов переносят в 90-е годы, когда для пролетариата борьба за власть не была основным вопросом движения. Этого взгляда придерживается и Н. Рожков [3].

Это утверждение Н. Рожкова абсолютно неверно. Подобным заявлением он обнаруживает непонимание Советов Р.-Д. как массовых организаций,

[1] «Историк-марксист», т. I, стр. 253, выступление по докладу С. Черномордика.
[2] Л. Троцкий, «1905», стр. 212.
[3] См. выступления Н. Рожкова по моему докладу. Чем же были Советы Р. Д. в 1905 г.». «Историк-марксист», т. I, стр. 229.

борющихся за власть, значительно отличных от предшествовавших стачечных комитетов, цель которых была борьба за экономическое улучшение. Это непонимание роли Советов 1905 года, как новой формы рабочего движения, и не случайно привело к тому, что в общей истории Н. Рожкова роль Советов совершенно не выявлена. Это недостаточное разграничение Советов от предшествующих рабочих организаций в свою очередь не случайно и привело к ошибке и Л. Троцкого, который всю работу Советов в деле подготовки вооруженного восстания преимущественно сводил к руководству стачками. «В чем,—спрашивает он,—могла состоять эта подготовка, как не в развитии и укреплении тех именно качеств советов (т. е. стачек— *П. Г.*), которые позволяли ему парализовать государственную жизнь и составляли его силу»[1]. «Чем в высшей мере,—говорит он в другом месте,—стачка упраздняет (?!—*П. Г.*) существующую государственную организацию, тем более организация самой стачки вынуждена брать на себя государственные функции. Условия всеобщей стачки, как пролетарского метода борьбы была вместе с тем условием огромного значения Совета рабочих депутатов»[2]. Любопытно, что даже П. Милюков признает отличие Советов 1905 года от предшествующих рабочих организаций и подчеркивает политическое значение Советов, как «готовых наследников и воспреемников власти», приходящих к власти через «вооруженное восстание»[3].

В противовес меньшевистским историкам М. Н. Покровский Советам 1905 года уделяет исключительное внимание. В появлении Советов Р.-Д. он видит выступление пролетариата, «как класса для себя» и видит возникновение их из политической стачки. Методологически это совершенно правильно[4]. Советы Р.-Д. были новыми формами пролетарской борьбы и могли появиться на определенном этапе рабочего движения, когда пролетариат из «класса в себе» превращается в «класс для себя», когда пролетариат открыто выступает на борьбу с реакцией, на решительную борьбу за власть. Правда, признавая Иваново-Вознесенский Совет первым, М. Н. Покровский оговаривает, что роль Петербургского Совета Р.-Д. в

[1] Л. Троцкий. «1905», стр. 231.

[2] Там же, стр. 227.

[3] Так цитируя нашу работу «Очерки по истории Советов» (в 1905 г.) П. Милюков приходит к заключению, что «во всяком случае этот путь (захвата власти *П. Г.*) и тогда (т. е. в 1905 г. *П. Г.*), вел не через государственную думу, и даже не через «временное правительство», а прямым путем на «советы» и на вооруженное восстание. Форма «Советов» так удобно противопоставлялась формам «демократии», и в экономическом смысле (как «федерация коммун» на революционном языке XIX в.), и в особенности в политическом смысле, как готовые наследники и воспреемники власти». П. Милюков, Россия на переломе, ч. I, стр. 127.

[4] Мы, однако, не согласны с М. Н. Покровским, что первым Советом был Иваново-Вознесенский, а не Петербургский. Рассматривая Иваново-Вознесенскую стачку, как экономическую, мы вправе Иваново-Вознесенский Совет рассматривать как наиболее мощный стачечный комитет. Однако, М. Н. Покровский склонен Иваново-Вознесенскую стачку рассматривать, как политическую, и при такой ее оценке он неизбежно и приходит к выводам, что Иваново-Вознесенский Совет Р.-Д. был первым Советом Р.-Д. в 1905 г.

1905 году была несравненно значительнее. «В Петербурге с самого начала— пишет он,—дело было гораздо сложнее, ибо политический момент, отступивший в Иваново-Вознесенске на второй план, во всеобщей забастовке октября 1905 года занимал первое место». Далее М. Н. Покровский выясняет, почему меньшевики, несмотря на большевистское настроение масс стали играть «первую скрипку» и вскрывает пагубность для революции «левой фразы». «Выше говорилось,—пишет он,—что для более отсталых слоев рабочих призыв к вооруженному восстанию казался фразой: но никто не содействовал этому превращению основного лозунга революции в революционную фразу, как именно меньшевики». В этот период они непрестанно звали к оружию, толковали об оружии—но если кто-нибудь, что-нибудь сделал для вооружения петербургского пролетариата, так это были сами рабочие» [1].

Выявляя роль Петербургского Совета в октябрьской забастовке, М. Н. Покровский в его тактике видит следующие ошибки тактической линии Совета, об'ективно способствовавших ряду неудач рабочего движения. «Первая из этих неудач,—пишет М. Н. Покровский,—заключалась в том, что революции не удалось дать зародышу революционной власти, каким был Совет, своего председателя. Мешали два условия. Первым были те склоки трех революционных организаций, с.-д. большинства, с.-д. меньшенства и эсеров, о которых уже говорилось. Вторым то, что все три организации только в октябре вышли из подполья... Хрусталеву не приходило в голову, что тактика временного революционного правительства—а Совет был его зародышем—должна определяться не «настроением», а и н т е р е с а м и рабочей массы и той революции, которую эта масса делала». Благодаря этим общим условиям и характеру деятельности Петербургского Совета, М. Н. Покровский и приходит к выводу, что «не слаженный организационно, не связанный определенной политической линией,—Совет, естественно, не мог сразу взять и определенный курс» [2].

Излагая дальше историю Петербургского Совета, М. Н. Покровский отмечает его неспособность предотвратить растрачивание сил пролетариата в стачечной борьбе и недостаточное понимание руководителями Совета лозунга «вооруженного восстания», как основной задачи рабочей революции 1905 года. «Петербургский Совет,—пишет он,—не сумел перевести движение в высший этаж, не сумел во-время перейти от стачки к вооруженному восстанию. Возможен ли был этот переход. Мы видим, что со стороны настроения рабочих препятствий не было—их наоборот в октябре и начале ноября приходилось у д е р ж и в а т ь от преждевременного выступления. Нужно сказать, что делали это (меньшевистские—*П. Г.*) руководители Петербургского Совета иногда в такой форме, которая была почти неотличима от агитации против восстания... П е т е р б у р г с к о м у С о в е т у н е у д а л о с ь п р е в р а т и т ь с я в р е в о л ю ц и о н н о е п р а в и т е л ь с т в о, а не удалось это потому, что такое превращение можно было произвести лишь с оружием

[1] М. Н. П о к р о в с к и й. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 164, 1928 г. Разрядка всюду и в дальнейшем самого автора. *П. Г.*

[2] М. Н. П о к р о в с к и й. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 175—177.

в руках, за оружие же во время взяться не сумел»[1]. Несмотря на эти недостатки Петербургского Совета, М. Н. Покровский, однако, не отрицает, что он оказал огромное влияние на рабочее движение в провинции. «Некоторые из этих советов,—говорит он,—сделались настоящей революционной властью в своих городах». В качестве примера он излагает деятельность Екатеринославского и Новороссийского советов.

Особое внимание М. Н. Покровский уделил Московскому Совету и его роли в восстании. Как известно, Московский Совет находился в руках большевиков, что и позволило ему стать в декабре месяце во главе вооруженной борьбы. В дни восстания он был органом революционного правительства в Москве, в то время, как власть Дубасова «простиралась только на центр города, где он засел с «верными» ему войсками». Ряд об'ективных причин, а не ошибочная тактика Московского Совета не позволили, однако, превратиться Московскому Совету в единственный орган власти в Москве. Несмотря на неудачу восстания, Московский Совет 1905 года может служить ярким примером пролетарской борьбы. Симпатии М. Н. Покровского всецело на стороне этой первой пролетарской организации, с оружием в руках выступившей на ликвидацию самодержавия.

Подводя итог изучению М. Н. Покровским рабочего движения в 1905 году, помимо того, что он решительно разоблачает троцкистские и меньшевистские иллюзии о русском пролетариате, нельзя не отметить двух особенностей его работы: беспощадное разоблачение ошибок пролетарского движения 1905 года и выявление огромного значения в борьбе ясности революционной мысли и боевых лозунгов. На ряде примеров М. Н. Покровский показывает, как отсутствие правильного и ясного революционного лозунга бывает вредно для рабочего движения. Вот почему книга М. Н. Покровского это не учебник истории в обычном смысле слова, а лаборатория для революционера, который изучает историю потому, что ненавидит прошлое.

Недооценка задач революционного восстания в 1905 году, как видим, не позволила меньшевистским историкам понять 1905 год как «генеральную репетицию Октябрьской революции». Различная оценка вопроса о вооруженном восстании провела резкую грань между большевистскими и меньшевистскими (в том числе и троцкистскими) историками. Другим крупным водоразделом явилась оценка крестьянского движения 1905 года и возможность пролетариату в лице крестьянина найти своего союзника в борьбе с самодержавием.

Собственно эти две проблемы 1905 г.—вопросы вооруженного восстания и союза пролетариата с крестьянством—занимают центральное место в работах М. Н. Покровского. В этом отношении, следуя за Лениным, М. Н. Покровский значительно расширяет и развивает ленинскую трактовку первой русской революции, что делает его исторический очерк 1905 года лучшим образом большевистской литературы, являющийся неизменным пособием не только для учащихся наших школ, но и для исследователей. Правда, если в

[1] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 185—186, 1928 г.

нашей исторической литературе вопрос о вооруженном восстании подчас не занимает должного места (этим в значительной степени об'ясняется, что изложению взглядов М. Н. Покровского о вооруженном восстании мы уделили такое внимание), то положения, развиваемые М. Н. Покровским о необходимости союза пролетариата и крестьянства, и его оценка крестьянского движения, общеизвестны. Это обстоятельство в значительной мере и позволяет нам, говоря о второй основной проблеме первой революции, ограничиться только беглым напоминанием общих положений М. Н. Покровского, как всем хорошо известно, резко противоположных меньшевистским (в том числе и троцкистским) утверждениям.

В настоящей статье мы, конечно, не собираемся вскрывать меньшевистских ошибок в крестьянском вопросе. По этому вопросу имеется огромнейшая литература. Напомним только, что игнорирование и непонимание троцкистами роли крестьянского движения в период социалистической революции окончательно сбрасывает их в лагерь меньшевизма. Крестьянскому вопросу—этому вековому спору русской социал-демократии—в работе М. Н. Покровского уделено исключительное внимание. Им в 1923 г. в III части «Сжатого очерка» впервые был дан последовательный очерк крестьянского движения и выявлен его классовый характер. В значительной мере из-за практическо-революционных соображений М. Н. Покровский в своем последнем издании 1928 года главы о крестьянском движении значительно переработал, использовал новый материал и уточнил ряд выводов. Но в первом и последнем издании изучение крестьянского движения дано под углом зрения выявления возможности союза пролетариата и крестьянства еще в 1905 году.

Основное положение М. Н. Покровского, что «довести движение успешно до конца мог только «город», деревня могла ему в этом помочь—без ее помощи победа и не могла быть одержана: но заменить город деревня ни в коем случае не могла» [1], «непосредственное знакомство с фактами деревенского движения—говорит он в другом месте—долгое время известными нам только в меньшевистско-эсеровской окраске, показало, что большевики были правы не только тактически—что именно в союзе с крестьянством и нужно было вести революцию,—но и исторически» [2]. Этот момент М. Н. Покровский подчеркивает неоднократно. Так, напр., в своем выступлении о московском вооруженном востании он заявляет, что отсталость крестьянской массы в декабре 1905 года была одним из основных причин поражения декабрьского выступления. «Тут отсталость,—пишет он,—крестьянской революции от рабочей и сказалась. В конце концов солдаты—это крестьяне в той или иной форме. Конечно, если бы революционное движение крестьянских масс поспевало за пролетарским, армия была бы достаточно разложена—это основное условие» [3]. Но М. Н. Покровский не ограничивается общим заявлением, что союз пролетариата с крестьянством является основным условием успеха пролетарской борьбы, прослеживает кто в деревне руководил рево-

---

[1] М. Н. Покровский. «Р. И. в сжатом очерке», часть III, стр. 218.

[2] Там же, стр. 219.

[3] «Историк-марксист», т. I, стр. 251.

люцией и **какие** слои оказывались наиболее революционно-настроенными. «Первой общественной группой,—пишет он,—руководившей деревенским движением, были рабочие, опиравшиеся на пролетарские и полупролетарские элементы деревни [1]. Как видим, М. Н. Покровский в этом отношении решительно выступает против Н. Рожкова, склонного крестьянскую бедноту зачислить в категорию босячества. Для М. Н. Покровского пролетарская революция города своих союзников в деревне прежде всего находила среди бедноты и разоренного крестьянства. Это не было случайностью. Наибольшая восприимчивость этих слоев к революционным лозунгам и поддержке пролетарского движения подготовлялась исторически. Так в своем докладе на об'единенном заседании Моссовета и МГСПС 14 декабря 1925 г. М. Н. Покровский, рисуя картину массового обнищания крестьянства, приходит к такому выводу. «Мы видим,—говорит он,—безвыходные противоречия между пролетариатом и его классовыми интересами и самодержавием—с одной стороны, и такое же безвыходное противоречие мы видим между крестьянством и самодержавием, с другой стороны. Как видим, недостаток в нашей буржуазной революции буржуазии с лихвой восполнялся другим союзником, который по своей массивности—ибо крестьяне были везде—казалось, должен был бы обеспечить в первой же схватке решительную победу противнику царизма—пролетариату, и мы знаем, что пролетарская революция и крестьянская революция были связаны» [2]. В массовой стихийной волне крестьянских восстаний 1905 г. уже не трудно было увидеть, что крестьянская беднота и разоряющееся крестьянство—союзники пролетариата в деревне. 1917 год так же наглядно подтвердил это положение. Говоря, что беднота и разоряющееся крестьянство были союзниками пролетариата, М. Н. Покровский не замалчивает и роль деревенского кулачества. «Революция 1905 года была еще буржуазной революцией—и было бы странно, если бы деревенская буржуазия не приняла в ней никакого участия. Этой странности, конечно, и не случилось—«рядом с пролетарской струей мы имеем в крестьянском движении 1905 года и мелко-буржуазную струю, выявленную достаточно отчетливо» [3].

Одновременно с изучением борьбы отдельных слоев крестьянства М. Н. Покровский стремится выявить и политические настроения деревни. Рядом примеров он опровергает необоснованные изображения крестьянского движения 1905 года в виде «пугачевщины» или «грабежей» и показывает, как шло формирование политических требований крестьянства. «В деревне,—говорит он,—несомненно происходила уже не только **социальная**, но и **политическая** революция—но лишь дело доходило до **социалистической** революции, картина сейчас же резко менялась. На защиту «священной собственности» деревенская буржуазия вставала сплошной стеной—и горе было тем, кто посмел вообразить, что если царя не надо, то и кулака можно упразднить». Эти моменты, характерные для крестьянского дви-

---

[1] «Историк-марксист», стр. 222.

[2] «Предпосылки и результаты 1905 г., газета «Правда», № 289 от 18 декабря 1925 г.

[3] М. Н. **Покровский**. «Р. И. в сжатом очерке», ч. III, стр. 223.

жения 1905 года, конечно, не могли быть учтены большевиками в их тактике в отношении крестьянства.

Выявив слои крестьянства, бывшие опорой революции в деревне, М. Н. Покровский при этом обращает внимание на необходимость установления социальной географии революции. Разработка «социальной географии революции» в значительной мере помогла бы изучению и гражданской войны в России.

Мы полагаем, что приведенных положений М. Н. Покровского о характере и значении крестьянского движения в 1905 году достаточно, чтобы понять крупное отличие М. Н. Покровского от меньшевистских историков. М. Н. Покровский не только доказал, что он разделяет позиции большевизма, но богатым фактическим материалом обосновал исторический верный взгляд Ленина на оценку крестьянской революции 1905 года и значение ее, как одного из необходимых условий победы пролетариата.

В настоящей статье мы остановились только на основных вопросах революции, но, и сравнивая оценки этих вопросов у различных историков, не трудно убедиться, каким ценным вкладом в научное изучение первой революции является работа М. Н. Покровского. С полным правом можно сказать, что в лице М. Н. Покровского мы имеем блестящего ученого марксиста-ленинца, разоблачившего троцкистско-меньшевистские иллюзии, показавшего на опыте изучения первой революции правильность большевистского прогноза 1905 года и его движущих сил. Диалектический метод, которым пользуется М. Н. Покровский, дал ему возможность научно изучить это сравнительно недалекое прошлое. Мы, конечно, не хотим сказать, что схема, данная М. Н. Покровским—это предел марксистского изучения 1905 года. Изучение новых материалов конечно всегда может внести те или иные коррективы в работу и это лучше всех сознает сам М. Н. Покровский, в лице которого мы видим крупнейшего ученого, лишенного профессорских предрассудков. Как однажды М. Н. Покровский скромно о себе заявил, что «наука русской история двигается вперед и я с нею» [1]. Деятельность же М. Н. Покровского обеспечивает этой науке движение вперед.

---

[1] «Историк-марксист», т. III, стр. 221, 1927 г.

Н. Рубинштейн

М. Н. Покровский—историк внешней политики

Марксистская литература по истории внешней политики после 70-х гг. прошлого столетия вплоть до первых лет текущего не дала произведений, исключительных по своей значимости. Классическими ее памятниками продолжают оставаться работы человека, который не может быть назван последователем марксистской школы только потому, что он был ее основателем,— работы самого Маркса.

Но блестящий анализ международных политических отношений в статьях Маркса долго не находил продолжения,—эта тема мало интересовала идеологов II Интернационала. Не трудно понять, почему история международной политики не входила в поле зрения представителей марксистской теории 1880-х—1890-х гг. Практический интерес, который определяет возникновение и острую постановку научных проблем в политике и истории не меньше, чем в технике, этот практический интерес к внешней политике значительно ослабел в сравнении с 1850—70 гг. Восьмидесятые и девяностые годы были периодом «органического» развития капитализма и «мирной»—хотя простые кавычки слишком слабо подчеркивают относительность этого термина— международной политики капиталистических государств.

Если Маркс и Энгельс были современниками крымской войны, гражданской войны в Америке, войны 1866 г., и, наконец, франко-прусской—1870—71 гг., то в продолжение следующего тридцатилетия не произошло ни одного европейского столкновения. Что же касается колониальных войн, то теоретики II Интернационала менее всего были склонны концентрировать на этом участке удары своей критики. В перид парламентских иллюзий вопрос о росте социалистических голосов в германском рейхстаге или во французской палате депутатов казался несравненно более важным, нежели изучение, напр., тонкинской экспедиции.

Да и предмет исследования по своему существу не находился в фокусе парламентской политики. Внешняя политика выступала перед «представителями нации» при обсуждении бюджетов соответствующих министерств или во время дебатов по поводу таких международных конфликтов, которые были слишком громкими, чтобы их можно было замолчать.

Но эти об'яснения предназначались, как и всякий суррогат, для широкого потребителя. Подлинная внешняя политика скрывалась вдали от парламентской трибуны, в тиши дипломатических канцелярий, под замками шкапов с секретной перепиской.

Даже в начале XX столетия внешняя политика игнорировалась социал-демократией—реформистами—сознательно, революционными социал-демократами—по инерции, несмотря на то, что как раз в эти годы началась наброска «проекта» и отдельных деталей империалистической войны.

«Наша партия,—писал М. Н. Покровский,—не всегда этим интересом (к внешней политике.—*Н. Р.)* отличалась и, например, в первую революцию 1905—1907 гг. внешняя политика в образе японской войны, которая тогда шла, была для нас просто агитационным мотивом. Мы от этой печки танцовали, когда нужно было ругать царизм. Но суть дела была в том, чтобы обругать царизм возможно хлеще, дать иллюстрацию, показать его неспособность, глупость, гнусность и т. д. А сама по себе внешняя политика так мало нас интересовала, что редко кто говорил и думал об Алжезирасской конференции, хотя, в известной степени, от нее зависела судьба нашей революции, потому что если бы Николай не поддержал Франции на Алжезирасской конференции, он бы не получил тех миллионов, которые были ему нужны для удушения нашей революции. Еще меньше тогда думали об англо-французском сближении, а между тем, англо-французское сближение тех дней было началом Антанты, т. е. по сути дела, началом империалистической войны» [1].

Лишь под давлением новых фактов, сигнализировавших оживление на международно-политической арене, отношение к вопросам внешней политики и внешне-политической истории стало изменяться. Первым, кто по-революционному поставил вопросы внешней политики, был Ленин. Выдвигая перед партией и пролетариатом ряд международных проблем, Ленин мастерски вскрывал классовое содержание внешней политики, учил «переводить национальное в социальное».

Недаром М. Н. Покровский называет Ленина «учителем громадной величины» в вопросах внешней политики.

От политики отправлялась историческая наука.

В этом смысле н о в ы м словом были статьи М. Н. Покровского в «Истории России в XIX в.», изд. бр. Гранат, написанные, кстати сказать, непосредственно после русско-японской войны. Для историка-марксиста, заново пересмотревшего всю схему русского исторического процесса, история внешне-политических отношений должна была представлять особый интерес. Интерес прежде всего методологический, так как об'яснить столь верхушечную «надстройку» из экономического «базиса»—значило нанести серьезное поражение идеалистической историографии.

Но к изучению внешней политики вела и сама новая схема. Тезис о развитии капитализма, как об определяющем факторе исторического развития России, включал историю России в обще-мировую историю—изучение хозяйственных связей России и Запада открывало широчайшие перспективы для изучения русской истории. Но как раз внешняя политика и была орудием этой смычки русского и международного рынков.

---

[1] М. Н. П о к р о в с к и й.—Ленин и внешняя политика. «ВКА», 1927 г., кн. XIX, стр. 3.

Кроме того, вскоре оказалось, что результат исследования шире поставленной темы: внешне-политическая история об'ясняла многое в истории внутренне-политических отношений страны.

Наконец, и в этом быть может ярче всего сказывается значение внешней политики для понимания русского исторического процесса,—марксистский анализ внешней политики поражал буржуазную историографию в самом чувствительном для нее месте: он опрокидывал представление о внешней политике, как о функции внеклассовой государственной власти. Таким образом, с этого угла взрывался фундамент идеалистической схемы внеклассового самодержавия.

В самом деле, если какой-либо договор, конвенция, наконец, война, оказывались проявлением классовой политики, то для представлений о внеклассовом самодержавии—а ведь именно самодержавие заключало договоры и вело войны—не оставалось никакого места.

I.

М. Н. Покровскому пришлось строить историю внешней политики на чистом месте.

Буржуазная историческая наука не оставила такого исследования по этим вопросам, которое, как например, работы Ключевского о крепостном праве—могло бы явиться опорным пунктом и для исследователя—марксиста. «Наследство» состояло разве только из патриотической истории войн.

М. Н. Покровскому пришлось выступить в роли пионера и притом в такой области, где исследование наталкивалось на труднейшие препятствия— едва ли нужно напоминать, что с архивами министерства иностранных дел М. Н. Покровский смог ознакомиться лишь после Октября.

Стержнем схемы внешне-политической истории для М. Н. Покровского является стремление торгового, а впоследствии—и промышленного капитализма овладеть торговыми путями, рынками сбыта и сырья. Эта концепция перевертывала традиционные построения буржуазной историографии, которая об'ясняла активную внешнюю политику Московского царства в XVI веке оборонческими мотивами—необходимостью охранить границы от «степных хищников».

М. Н. Покровский показал, что «внешняя политика боярства в половине XVI века, захват волжского пути—завоевание Казани и Астрахани—отвечала требованиям торгового класса как нельзя лучше. На этой внешней политике сошлись—впрочем на время—интересы всех командующих групп: средние землевладельцы тоже с завистью смотрели на черноземное Поволжье, охотно готовые променять на него выпаханный суглинок примосковских уездов».

В Ливонской войне на сцену выступили противоречия между боярами и помещиками—первые отстаивали мирную политику, так как война не представляла для них никакой выгоды.

Неудача Ливонской войны задержала экономическое сближение России с Западом и повлияла на перемену курса внешней политики. В XVII веке

господствовавший класс—поместное дворянство—сосредоточил свои колонизационные устремления на юго-западном театре.

Стрелка внешне-политического компаса передвигается на северо-запад в начале XVIII века: «перемена в ориентации, связанная с Северной войной, была вызвана, главным образом, интересами русской внешней торговли».

Начиная со второй половины XVIII века курс внешней политики самодержавия вновь перемещается, и—на этот раз стабилизируется на долгие годы.

Торговый капитал стремился овладеть Проливами, чтобы создать возможность свободного экспорта русского хлеба; перспектива завоевания малоазиатского и балканского рынков для сбыта продукции русской промышленности выдвигает ближневосточную проблему перед промышленным капитализмом.

Конечно, эта центральная линия внешней политики модифицировалась в продолжении полутораста лет. Константинопольский мотив обрастал рядом других, менее значительных, арена борьбы иногда переносилась с Востока на Запад, менялись политические комбинации, периоды активной политики сменялись более или менее продолжительными паузами, и все же в сложной мозаике международных отношений М. Н. Покровский неизменно находит одну географическую точку, к которой как к магнитному полюсу тянутся силовые линии русской внешней политики.

И здесь интересно сравнить М. Н. Покровского с Ключевским. Автор «Курса русской истории» считал турецкие войны Екатерины II, вернее, их конечные цели, чем-то вроде исторического недоразумения. «Вопрос, по словам Ключевского, состоял в том, чтобы приблизить южную границу к ее естественным пределам, к Черноморской береговой линии и т о л ь к о. Вместо того, как только началась первая война с Турцией... поднята была широкая агитация с целью изгнания турок из Европы... Прямая цель второй войны заключалась в удержании Крыма, но рядом с этим двинули знаменитый «греческий» проект, т. е. план восстановления Византийской империи» [1].

Ключевский не понял, что граница действительных целей внешней политики второй половины XVIII века проходила к югу не только от Черноморской береговой линии, но и т у р е ц к о г о берега Черного моря. Проблемы Проливов Ключевский не заметил и приписал собственную близорукость ошибкам Екатерининской дипломатии. Последняя, по его мнению, была лишена «верного исторического глазомера», а «недостаток последнего был причиной того, что наклонность к сложным комбинациям и широким планам соединялась с неумением угадывать и преследовать ближайшие цели».

Работы М. Н. Покровского показали что упрек в недостатке исторического глазомера можно с большим правом отнести к самому Ключевскому. Екатерининские дипломаты вовсе не ставили перед собой «отдаленных, мечтательных и недостижимых целей».

Во второй половине XVIII века активная политика на Ближнем Востоке была продиктована тем кризисом, который переживало современное поме-

---

[1] К л ю ч е в с к и й. — Курс русской истории, ч. V, П. 1921, стр. 30, 31. Разрядка моя. *Н. Р.*

щичье хозяйство. Возросший к этому времени спрос со стороны западноевропейского (главным образом, английского) рынка на продукты русского сельского хозяйства (хлеб, лен, пенька) и промышленности (железо) создавал возможность преодоления кризиса, и лишь отсутствие свободного выхода из Черного моря мешало этой возможности стать реальностью.

Турецкие войны второй половины XVIII века, которые об'яснялись буржуазной историографией, как результат суб'ективной политики Екатерины II, в действительности велись в интересах торгового капитала. Последствия этих войн были весьма благоприятны для помещиков и крепостных фабрикантов—экспорт хлеба и железа значительно вырос.

Экономические же мотивы определили и внешнюю политику России в первые десятилетия XIX века. Прочность основной политической комбинации—союза Англии и России об'яснялась тем, что Англия была главным потребителем русского сырья и поставщиком колониальных продуктов и фабрикатов промышленности. «От союза с Англией зависело будущее русского капитализма. Только под сенью этого союза его развитие могло итти беспрепятственно, малейшее уклонение в сторону усиливало родовые муки нового экономического строя, ставило под вопрос хозяйственную обеспеченность завтрашнего дня, и, вызывая негодование всех, кто владел и правил, грозило самой непосредственной опасностью виновникам совершенной дипломатической ошибки»[1].

Жертвой такой ошибки пал Павел I, попытавшийся изменить английскую ориентацию русской внешней политики. Узелок, оборвавшийся со смертью Павла, стал завязываться вновь, и на этот раз, по инициативе Наполеона, предложившего Александру I развить русско-французскую торговлю через Черное море.

Кадетский историк Корнилов считал, что первая война с Наполеоном была вызвана «стремлением Александра I освободить Европу от возраставшего деспотизма и беспредельного властолюбия. Интересы России во всей этой истории были не при чем»[2].

Сугубо индивидуалистическое и ненаучное об'яснение это характерно не для одного Корнилова, а для всей школы Ключевского.

Действительные мотивы войны 1805 г. выяснил М. Н. Покровский, привлекший к делу тот же восточный вопрос.

Наполеон не осуществил своих обещаний. Франция предпочла сама вести активную восточную политику—«скоро Александр стал ясно видеть все «коварство» политики Бонапарта на Востоке».

Политический маятник, качнувшийся было в сторону, вновь пришел в нормальное положение—«с конца 1802 г. война с Францией уже висела в воздухе».

Поражения, которые пришлись на долю русской армии в войнах 1805—07 гг. и отказ Англии в дальнейших субсидиях России привели к Тильзит-

---

[1] М. Н. Покровский.—Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М., 1923 г., стр. 3.

[2] А. Корнилов.—Курс истории России XIX в., ч. I.

скому миру. Россия на время вошла в состав анти-английской коалиции, присоединившись к континентальной блокаде.

М. Н. Покровский показал, какой поворот проделала русская политика после Тильзита: «Александр шел навстречу всем желаниям Наполеона. Человек, недавно еще мечтавший как о счастливейшем дне своей жизни, о возвращении Людовика XVIII во Францию, теперь теснил эмигрантов и запрещал им носить в России белую бурбонскую кокарду. Государь, два года назад до глубины души возмущавшийся тем, что у сардинского короля отобрали часть его владений, теперь находил совершенно естественным, что у испанского короля вовсе отняли его королевство» [1].

Но Тильзит не мог быть сколько-нибудь продолжительным—континентальная блокада, прекратившая торговлю с Англией, разоряла русских помещиков. Соглашение с Францией по восточному вопросу отсрочило разрыв, впрочем ненадолго. Помещичья Россия выпадала из цепи континентальной блокады. «Для России,—пишет Покровский,—отказ принять Трианонский тариф был тем Рубиконом, за которым начался Двенадцатый год: все остальное, от мелких недоразумений личного свойства, вроде неудачного сватовства Наполеона за русскую великую княжну или обиды, нанесенной тем же Наполеоном голштинской династии в Ольденбурге,—до самого крупного по внешности конфликта из-за вопроса о восстановлении Польши, все это, так или иначе, тянуло к основной причине—экономическому разрыву на почве Трианонского декрета 1810 г.... Отказ России от блокады, прямой или косвенной, должен был заставить Наполеона воевать, хотел он этого или нет: вот почему спор о том, кто был виновником войны 1812 г., является совершенно праздным. Виноваты были те самые об'ективные условия, которые в 1809 году предупредили войну» [2].

Если правительство Александра I уделяло немало внимания восточной проблеме—Александру, по словам М. Н. Покровского, «принадлежит заслуга окончательной организации черноморской торговли»,—то в несравненно большей степени интенсивную восточную политику вел Николай I.

Кадетская историография не могла найти иной мотивации восточных войн Николая I, кроме идеалистической. Так, напр., цитированный выше Корнилов считает, что русско-турецкая война 1828 г. об'ясняется «вынужденным заступничеством за греков», которое, в свою очередь было продиктовано «голосом народным».

Публицистика 20-х гг. не скрыла от Покровского внутреннего содержания внешней политики Николая.

Начиная с двадцатых годов дело шло не только о хлебе, но и о русском ситце, для сбыта которого в Турции и Персии открывались блестящие возможности.

Александр I не успел начать войны с турками; его преемник деятельно защищал интересы русской промышленности, завоевывая турецкий и персидский рынки.

---

[1] Дипломатия и войны царской России, стр. 23.

[2] Дипломатия и войны царской России, стр. 32.

От русско-турецкой и русско-персидской войн двадцатых годов тянется цепочка к крымской войне. Активная политика России на Востоке с неизбежностью вела к столкновению с Францией и Англией. Экономическая конкуренция между Францией и Англией с одной стороны, и Россией,—с другой, давала себя чувствовать задолго до крымской войны, и недаром М. Н. Покровский замечает, что «в 1838 году при некоторой наблюдательности... можно было предвидеть даже Севастополь».

В своих статьях в «Истории России в XIX веке» изд. бр. Гранат М. Н. Покровский считал, что война 1853 г.—1856 г. об'яснялась противоречиями социально-политического строя в России на Западе—«буржуазное общество не могло терпеть занесенного над ним кулака феодальной России». Всякий повод был хорош для того, чтобы избавиться от Николая» [1]. Турецкий вопрос в таком аспекте был только наиболее уязвимой стороной русского самодержца.

Это об'яснение причин, вызвавших крымскую войну, было связано с некоторыми чертами общей концепции внешней политики, характерной для М. Н. Покровского в период 1907—1910 гг., к чему мы вернемся в другом месте.

Впоследствии М. Н. Покровский об'яснил возникновение крымской войны из экономических мотивов. Турецкий вопрос не играл роль повода к войне,—конфликт, по самому своему существу, был конфликтом из-за Турции. Ориентация русской внешней политики на Константинополь задевала и весьма ощутительно интересы французского капитализма, развивавшего экспорт в Турцию. Англия боялась приближения России к дороге в Индию, а конкуренция русских промышленников в Персии обострила русско-английский конфликт.

Временное сближение Франции и Англии об'яснялось необходимостью выступить единым фронтом против общего врага. Это сближение стало возможным также и потому, что английские товары перевозились на французских судах.

Парижский мир фиксировал поражение России в крымской войне, но он же изменял расположение фигур на шахматной доске, разрушая англо-французскую коалицию.

Временно скрытое противоречие англо-французских интересов на Востоке вновь выступало наружу. «После падения Севастополя Россия не только переставала быть для Наполеона III врагом—она становилась желанной союзницей».

Русско-прусский союз, основанный на реальном экономическом фундаменте—«Германия, и в частности, именно, Пруссия была главною потребительницей русской ржи»—расстроил перспективы русско-французского сближения. Так, притязания Франции на Бельгию натолкнулись на противодействие Пруссии и ее союзника—России. В обмен на эту услугу в 1871 году был отменен при поддержке Пруссии Парижский трактат.

---

[1] Дипломатия и войны царской России, стр. 121.

Под'ем русской промышленности в 70-х гг. поставил правительство перед двумя перспективами, между которыми попеременно колебалась вся политика самодержавия от конца XVIII до начала XX века включительно,— завершение буржуазных реформ или активизация внешней политики на Востоке. А так как «правительство 70-х гг. было дворянским правительством ничуть не менее, чем правительство Николая I или Екатерины II», то «выхода нужно было искать, не затрагивая сферы дворянских интересов», т. е. на арене внешней политики. Славянский вопрос, в котором буржуазные историки искали причин войны 1877 года, был такой же публицистикой, как вопрос о греках в 70-х годах XVIII века.

Но и на этот раз русский капитализм лишь подошел—правда близко— к желанной цели: «русские раз'езды, увидав на горизонте минареты Константинополя, должны были увидеть и британский флот, стоявший на якоре у Принцевых островов. Царьград был прикрыт пушками английских броненосцев» [1].

Исход войны 1877 г. определил характер внешней политики последующих двадцати лет. «Не дипломатический финал войны, а еще она сама показала полную неспособность русской реакции бороться с европейским или даже хотя бы обученным европейцами противником. Если крепостной режим не хотел отказаться от самого себя, ему оставалось только тщательно воздерживаться от всякого вмешательства в дела Европы, заботясь только о том, чтобы и она в его дела не мешалась. Эту истину и осознал главный инициатор войны 1877 г.—будущий царь—«миротворец». Внешняя политика Александра III была прямым последствием опыта русско-турецкой войны» [2].

Конец XIX века принес новые дипломатические комбинации. «Начиная с 1888 г. судьбы французского капитала были тесно связаны с судьбами российского самодержавия»,—в основе русско-французского сближения 90-х гг. лежала экономика: Франция стала главным кредитором России, вложения французских капиталов подготовили промышленный под'ем конца века.

В этот же период наступает охлаждение в русско-германских отношениях. Охлаждение это было обусловлено запретительными пошлинами в Германии, охранявшими прусского юнкера от конкуренции дешевого русского хлеба и запретительными же тарифами на промышленные изделия в России.

Так, в Европе конца XIX века вырисовывалась конфигурация сил, определивших впоследствии основную комбинацию начала XX столетия—направленное против Германии соглашение, к которому после войны 1904—05 гг. присоединилась Англия.

II.

Изложенная схема истории русской внешней политики в конце XVIII и XIX столетиях была бы неполной, если бы М. Н. Покровский ограничился анализом отношений России к Германии, Англии и Франции.Кроме «большой политики» была и другая внешняя политика, которую буржуазная историография, по вполне понятным причинам, относила к разряду внутренней.

[1] Внешняя политика, сб. статей, 1918 г. стр. 51.

[1] Дипломатия и войны царской России, стр. 201.

Буржуазные историки соглашались считать законной темой исторического исследования колониальную политику Великого Новгорода, но говорить о колониях России XIX века не было в обычае.

М. Н. Покровский отбросил великодержавную схему буржуазной историографии и впервые рассмотрел историю колониальной политики России. Чтобы доказать тезис, что «Россия—одно из величайших колониальных государств мира» М. Н. Покровскому пришлось преодолеть не только «заговор молчания» вокруг этой темы, но и традиционный предрассудок, внушенный буржуазной историографией. «Что Сибирь, Средняя Азия и Кавказ суть колонии, — писал М. Н. Покровский, — этого у нас многие не понимали просто потому, что учебники географии под колониями разумели «заморские» владения, а все перечисленные страны имели с основным ядром Российской имеприи, с тем, что называлась тогда «Европейской Россией» непрерывно сухопутную связь»[1].

Официальная историография об'ясняла завоевание Кавказа и Средней Азии оборонческими мотивами. Неоднократно цитированный нами Корнилов сводил свое дело к военному реваншу. «В течение двадцати лет, следовавших непосредственно за крымской кампанией,—писал он,—наши военные власти, особенно начальники пограничных войск, были постоянно обуреваемы стремлением так или иначе восстановить нарушенный престиж нашей армии и русского военного могущества, подточенного в крымской войне, и вот они начинают деятельно стремиться восстановить попранную честь нашего оружия хоть в Азии, если это не удалось в Европе»[2].

Завоевание Средней Азии, по Корнилову, об'яснялось стремлением правительства прекратить грабежи, совершавшиеся «дикими степными хищниками на русской границе».

Историк марксист разрушил оборонческие схемы, блестяще применив на конкретном историческом материале теоретическое положение марксизма о необходимости изучить общественный строй «завоевателей» и «завоеванных». Если анализ политики Николая I обнаружил экономические мотивы кавказских войн, то изучение общественного строя горцев опрокинуло патриотическую легенду о «коварных хищниках», сопротивлявшихся русским культуртрегерам . Оказалось, что эпитет «коварных хищников» может быть с большим правом отнесен к победителям, нежели к побежденным, что «злой чечен» не даром таким сделался,—он не всегда был таким».

Победы русской армии в кавказской войне были об'яснены М. Н. Покровским из распада мюридизма, социально-экономическую характеристику которого дал М. Н. Покровский в своих статьях. Внутренний кризис имамата означал ликвидацию сопротивления горцев русским.

Завоевание Средней Азии представляло собой серию типичных колониальных экспедиций, непосредственная задача которых заключалась в приобретении новых рынков сбыта и сырья для русского капитализма.

---

[1] «1905», т. I, 1926 г. ст. М. Н. Покровского—Японская война, стр. 509.
[2] Корнилов.—Курс истории России XIX в., ч. III, стр. 197.

Исследуя колониальную политику царизма, М. Н. Покровский показал корни союза буржуа и феодалов. Крепостнические пережитки, тормозившие рост внутреннего рынка, в то же время помогали русскому капитализму в завоевании рынков внешних. «То, что внутри страны загоняло капиталистическую индустрию в безвыходный тупик, вне ее было желанным другом и союзником, раскрывшим перед этой индустрией такие горизонты, о которых в обычной мирно-буржуазной обстановке и думать не приходилось». Полуфеодальная Россия менее других государств стеснялась в своей колониальной политике—«только у нас рынки прямо брались приступом: «покупатель» сливался с военнопленным, и боевые генералы непосредственно являлись представителями национального капитализма».

Колониальная политика в изложении М. Н. Покровского неизменно пепереплетается с основными линиями внешней политики России. Латентные и открытые конфликты с Англией на почве завоевания Закавказья и Средней Азии рисуют общий фронт, на котором развертывались колониальные предприятия самодержавия. Нередко тот или иной об'ект колониальной политики выдвигается на первый план в зависимости от общей внешне-политической обстановки. Так, в конце 1880-х гг. «не совсем случайно параллельно с болгарскими неудачами в круг внимания людей, правивших судьбами России, выдвигаются берега Великого океана».

Дальневосточная политика 90-х гг. является переходной ступенью, смыкающей внешнюю политику XIX и начала XX века. На сцену выступает новый фактор—западно-европейский и русский империализм. Агрессия России на Дальнем Востоке, закончившаяся войной 1904—05 гг., была в такой же степени русским, в какой и международным предприятием.

Русско-японской войне М. Н. Покровский посвятил большую работу, основанную на архивных материалах, которые стали доступны только после Октября. Эта работа разбила прежние представления об этой войне, которую некоторые марксисты (напр. Павлович) считали войной династической. М. Н. Покровский выяснил все разнообразие источников русско-японского столкновения, квалифицировав его, как войну переходного типа. Русско-японская война является, по словам М. Н. Покровского, «первой империалистической войной», но вместе с тем она «не может быть целиком отнесена к типу войн империалистических: в ее подготовке сильно звучат чисто феодальные мотивы в образе «торгово-экономических» интересов семьи «Романовых», на ней отразились и интересы русского торгового капитала, от которого задача эксплоатации Сибири к востоку от Енисея повелительно требовала найти свободный во всякое время года выход на Тихий океан».

М. Н. Покровский показал и международно-политическую рамку войны, связав последнюю с подготовкой войны 1914 г. Помимо «русских» мотивов немалую роль в войне 1904—05 гг. играла провокация Вильгельма II, желавшего поссорить Россию с Англией и Америкой, которые не могли оставаться безучастными к дальне-восточной экспансии России. «По существу дела,—пишет М. Н. Покровский,—это был первый англо-германский конфликт, несмотря на то, что ни один германский солдат и ни один английский [illegible]
не [illegible]

III.

Работы М. Н. Покровского, посвященные империалистской войне 1914—1918 гг., приходится поставить особняком. Не только потому, что они хронологически заканчивают исследования М. Н. Покровского по истории внешней политики, сколько потому, что значение их неизмеримо выше.

История войны 1914 г. представляет собой сейчас весьма значительный отдел в исторической науке. В продолжение слишком четырнадцати лет, которые протекли с первого дня войны, буржуазная историография усердно фальсифицирует действительную историю войны. Легенда о войне в двух главных ее вариантах—антанто- и германо-фильском—своего рода шедевр буржуазной историографии. Трудно переоценить «масштаб» фальсификации, ее политическое значение. Никогда еще, кажется, история не ставила себя так открыто на службу империализму, и никогда еще пропаганда соответствующим образом поданного исторического материала не достигала такого размаха—достаточно сказать, что один лишь (кстати сказать, весьма неполный) каталог литературы о «виновниках» войны, изданный в 1925 г. Биржевым союзом немецких книгопродавцев занимает 200 страниц убористого текста.

«На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны».

Манифест большевистского Центрального комитета, из которого приведены цитированные слова, был опубликован 1 ноября 1914 года. Давность—немалая; и все же сегодня ленинский завет—разоблачить ложь и софизмы, распространяемые господствующими классами о войне, звучит так же современно как и четырнадцать лет назад. Поставленная Лениным задача конкретно-исторического анализа империалистической войны стоит и посейчас в порядке дня.

М. Н. Покровскому принадлежит заслуга разоблачения самой грандиозной легенды, созданной буржуазной историографией.

Большинство исследований по истории войны, отправляются обычно от «роковой недели», предшествовавшей началу военных действий. Такой подход, с одной стороны, взваливал всю ответственность за войну на Германию или на Антанту, с другой—изображал войну, как фатальный взрыв, разразившийся над людьми—пассивными фигурами, очутившимися во власти событий. Об'яснение это, прежде всего, было неисторично,—в истории ничего не делается «вдруг».

М. Н. Покровский со всей настойчивостью восстал против такого метода исследования, «свободного,—по выражению Маркса,—от предпосылок». Критика теории «роковой недели» была, в сущности говоря, подготовлена всеми предыдущими работами М. Н. Покровского. Изучая внешнюю политику XIX века, М. Н. Покровский всегда исследовал п р е д и с т о р и ю войн. Если война с Наполеоном «висела в воздухе с 1802 г.», если предпосылки крымской войны были налицо уже в 1838 г., если, наконец, подготовка русско-японской войны началась за 13 лет до ее начала, то как можно было

дитировать подготовку империалистической войны, хотя бы от Сараевского выстрела?

Анализ империалистической политики «великих держав» в начале XX века сводил на-нет как значение «роковой недели», так и вопроса о «виновниках войны» в его буржуазной интерпретации. «Неделя» растягивалась до нескольких лет, и действительным виновником войны оказывался международный империализм—тройственное согласие не в меньшей степени, чем тройственный союз.

В таком аспекте гораздо больший смысл приобрело изучение подготовительной деятельности международной дипломатии и правящих кругов. Анализ внешней политики Столыпина-Извольского-Сазонова, история сербо-болгарского договора 1912 г., русско-французских и русско-английских военных конвенций опрокидывала версию буржуазной историографии. «Роковая неделя» не была н е д е л е й; она столь же мало была р о к о в о й. История Сараевского выстрела и изучение секретных документов русского министерства иностраных дел показали, что «война непосредственно была спровоцирована русской военной партией». Эпизод с русской мобилизацией, разоблаченный М. Н. Покровским, блестяще подтвердил это положение и уничтожил версию Каутского, согласно которой Россия вынуждена была мобилизоваться в ответ на мобилизацию австрийской армии.

Работы М. Н. Покровского по истории империалистической войны складываются, в основном, из двух разделов. С одной стороны, это статьи, написанные в промежуток времени между ноябрем 1914 г. и Октябрьской революцией, с другой—работы послеоктябрьского периода. Октябрьская революция, открывшая секретные архивы б. министерства иностранных дел, как прожектором осветила всю картину. Ряд выводов, к которым М. Н. Покровский пришел в статьях первого периода, был впоследствии им пересмотрен.

Гораздо интереснее остановиться на тех выводах, к которым пришел М. Н. Покровский, не зная архивов, и которые были потом блестяще подтверждены документальным материалом. Статьи 1914—1915 гг. набрасывали абрис той концепции империалистской войны, которую М. Н. Покровский развил в позднейших работах. Именно в этих статьях было установлено преобладающее значение «дарданельского» мотива, в основном об'яснявшего участие России в войне. Впоследствии М. Н. Покровский детальнее вскрыл всю механику подготовки империалистической войны. Схема в своих основных чертах осталась прежней, но многое стало более четким. Дарданельский вопрос расширился до вопроса о малоазиатском и балканском рынках; была выяснена роль побочного «галицийского» мотива, непосредственно сталкивавшего Россию с Австрией.

Наконец, и это, может быть, является важнейшим результатом исследования — М. Н. Покровский установил действительное соотношение сил между союзниками и Россией.

В нашей литературе до сих пор нет точного представления о русском империализме. Пишущие на эту тему в разных процентных отношениях определяют степень «самостоятельности» русского империализма. Но это— спор о деталях. По существу же вопрос был решен раньше—хотя и не с того

конца. Работы М. Н. Покровского задолго до появления экономических исследований показали, что Россия накануне империалистической войны была об'ектом воздействия империализма Антанты. Лишь впоследствии таблицы, определяющие действительную национальную природу русских банков подтвердили то, что стало ясным из анализа франко-русской военной конвенции.

В области послевоенной внешней политики М. Н. Покровский не дал еще таких исследований, как напр., о войне 1914—1918 г.—к этому вопросу он подошел сравнительно недавно. Но и здесь М. Н. Покровский впервые поставил ряд новых проблем, вокруг которых несомненно должна будет сконцентрироваться будущая исследовательская работа.

На первом месте следует поставить вопрос о выходе России из войны. Национальное и международное значение Бреста—это острая и новая проблема в нашей исторической литературе. Тем более интересен тезис М. Н. Покровского о том, что «суть Бреста была не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой» [1]. Тезис этот связывается с более широким вопросом о внешне-политической истории Октября и вводит нас в новую главу послеоктябрьской внешней политики—главу об интервенции.

IV.

Говоря о М. Н. Покровском, как об историке внешней политики, нельзя обойти молчанием одну из интереснейших глав его работ. Работы М. Н. Покровского—образец марксистского анализа не только истории войн, но и военной истории. Недаром видный военный историк Свечин считает «Дипломатию и войны царской России в XIX веке» «очень интересной работой, дающей политическую рамку для изучения военного искусства в России в XIX столетии» [2].

Что вопросы военной истории привлекли внимание М. Н. Покровского,—нетрудно понять. Оружие критики дипломатов так тесно переплеталось с критикой оружия на полях сражений, что об'ектом исследования неминуемо должны были стать не только произведения дипломатического пера. Если война, по известному выражению Клаузевица, является продолжением политики только иными средствами, то историк внешней политики не мог обойтись без того, чтобы не подвергнуть анализу эти «иные средства».

Мало кто, вероятно, знаком со статьей М. Н. Покровского «Военная техника и вопрос о милиции» [3], тем более что автор ее скрылся под псевдонимом. А между тем, эта статья партийного публициста, написанная по горячим следам декабрьского восстания 1905 г. и заостренная против кадетов, представляет собою блестящий марксистский этюд по истории военного дела, этюд и сейчас не потерявший своей свежести.

---

[1] Империалистская война. Сборник статей 1915—1927 гг., М., 1928 г., стр. 270.

[2] Свечин.—История военного искусства, т. II.

[3] Сборник—Текущий момент, М. 1906.

«Почему вопреки здравому смыслу шесть дней браунинги и маузеры выдерживали конкуренцию пулемета», спрашивал М. Н. Покровский и отвечал рядом исторических иллюстраций, показывавших, как «экономическая структура государства определяла формы и размер военного дела». От воина ремесленника эпохи феодализма через армию времен Фридриха II, характерная особенность которой заключалась в «мануфактурном» разделении труда, военное искусство пришло к армии капиталистического строя, основанной на современной технике машинного производства. Дальнейшее развитие техники сокращает срок, необходимый для обучения солдата, и ведет к развитию гражданской военизации и милиционной системы.

Милиционная армия может быть только армией, состоящей из пролетариев. А такое войско обратит свое оружие против капиталистов. «Шестьдесят лет тому назад Герцен не верит в гражданское устройство, содержащее хоть 100 человек постоянного войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курок по первой команде. Либералам правого и левого крыла, одинаково оберегающим трон и казарму,—заканчивал М. Н. Покровский свою статью,—не мешало бы почаще вспоминать эти слова своего великого предшественника».

Все работы М. Н. Покровского по внешней политике пересыпаны интереснейшими экскурсами в область истории военного искусства. Экскурсы эти важны, как пример глубокого марксистского анализа военной истории. Но не менее важно их значение для русской истории. От всех произведений буржуазной историографии, трактовавших вопросы военной истории, несет патриотизмом—вне зависимости от того, в военных или гражданских чинах состояли их авторы. «Дипломатия и войны царской России»—М. Н. Покровского не оставила камня на камне от патриотической легенды. Стоило М. Н. Покровскому показать оборотную сторону медали, и «слава русского оружия» померкла, как темнеет «варшавское» золото.

Так, анализ состава наполеоновской армии 1812 г. показывает, что «двунадесять языков» были количественно не столь велики, как это утверждали некоторые историки, и качественно не стояли на большой высоте—французская армия к концу Наполеоновских войн все больше ухудшалась, растворяясь в массе союзников. В то же время войны 1806—1812 гг. были «очень хорошей военной школой для плац-парадной армии, оставленной в наследство своему сыну Павлом».

Рисуя неприглядную картину управления русской армии, М. Н. Покровский выясняет, что тактика заманивания французов вглубь России об'яснялась отнюдь не мудростью генерального штаба: «Отступление от Вильны до Москвы было результатом не сознательного расчета, а просто механического толчка, данного нам «Большой армией» Наполеона». Несогласно с укоренившимся обычаем интерпретируется, напр., роль Кутузова—окызывается, что «с назначением Кутузова и до конца кампании в сущности армия лишилась всякого центрального руководства».

Легенда о патриотическом воодушевлении народных масс против французов падает после того, как М. Н. Покровский выясняет реальные мотивы «воодушевления». Дело заключалось в том, что французская армия

была снискивать себе пропитание мародерством, которое «автоматически создавало... то, чего не удавалось достигнуть красноречию патриотических манифестов и воззваний—народную войну».

Исследуя крымскую войну, М. Н. Покровский указывает на отсталость русской армии, как на причину ее поражения. «Наша тактика в пятидесятых годах была тактикой наполеоновских войн», с другой стороны, «для русской армии прошел совершенно бесследно тот поворот в военной технике, который начался в 1830—40-х гг. и завершился ко времени франко-прусской войны. Новая техника была связана и с воспитанием солдата. «Нерассуждающий солдат» не мог, напр., успешно действовать в рассыпном строю, где от него требовались самостоятельность и «рассуждение». «Чтобы с пользой дать в руки русского солдата новое вооружение,—пишет М. Н. Покровский,—нужно было пересоздать этого солдата, но перевоспитанием армии стали у нас заниматься только под впечатлением того оглушительного удара, который нам дала крымская война».

Военные историки нередко изолировали ход военных действий от политического фона, на котором они развертывались. На примере кавказской войны М. Н. Покровский показал, как ошибочно «ставить исход войны в исключительную зависимость от операционного плана». Военные историки об'ясняли победу русских войск над горцами «переменой лиц и вместе с лицами—переменой действий». В своей работе М. Н. Покровский переносит центр тяжести вопроса на выяснение внутреннего кризиса имамата, решившего исход войны. Политика не исчерпывает всего комплекса причин, которые привели к поражению горцев. Непосредственно военные факторы сыграли немалую роль, главным образом, в ускорении победы русских войск. Но сама эта победа с военной точки зрения об'яснялась не сменой главнокомандующего, а «качественными изменениями, испытанными русской армией», в промежуток 1845—1859 гг. Сравнивая внутренний строй, тактическую систему и военную технику русской армии и горцев М. Н. Покровский приходит к выводу, что в конце войны преимущество было на стороне русских. В начале войны горцы, вооруженные винтовками и практиковавшие ряд эффективных тактических приемов, побеждали русских. «Пока господствовала николаевская тактика с ее сомкнутым фронтом и культом штыка, горцы на поле битвы всегда имели перевес над нами, как представители более прогрессивного способа борьбы. Не случайно поэтому победа над Шамилем хронологически совпала с перевооружением русской армии нарезным оружием».

Так же подходит М. Н. Покровский к освещению военных операций 1877—78 гг. Недостаточность реформ в военном ведомстве с катастрофической ясностью сказавшаяся в русско-турецкой войне, об'яснялась половинчатостью всех реформ 1861 г. Благодаря этому в военном деле продолжали господствовать реакционные тенденции—«известные общественные условия с непреодолимой силой определили известную тактику, как и соответствующую организацию центрального и местного управления».

Внешняя политика в анализе М. Н. Покровского переплетается с военной историей. Тактические операции тесно увязываются с политическими мотивами. Так, напр., утверждая, что корни англо-германского конфликта

надо искать в соперничестве обеих стран на море, М. Н. Покровский иллюстрирует это положение на примере тактической установки английской армии в мировой войне: «Весь ход войны,—пишет он,—показал, какое значение для Англии имел этот последний конфликт: как ни грандиозны были английские операции на суше, они все, по существу, были дополнением к обороне или нападению на море: на западном театре английская армия защищала подступы к Па-де Кале, на восточном—она пыталась взять Дарданеллы; даже, когда война превратилась в интервенцию, англичане не сошли с проторенной колеи, наложив руку на выходы Советской России к океану, на Мурман и Архангельск. И заострился весь англо-германский поединок в подводную блокаду, в которой немцы под конец стали видеть главное средство достигнуть победы».

V.

В одной из своих статей, М. Н. Покровский заметил, что для Маркса и Ленина характерно «уменье переводить национальные столкновения в классовую плоскость», уменье, которое «должно составлять отличительную особенность хорошего марксиста и без которого нет марксистского изучения внешней политики».

К такому диалектическому об'яснению внешней политики, какое дано, напр., в работах 1914—1927 гг., М. Н. Покровский пришел не сразу. В статьях в «Истории России в XIX веке», изд. бр. Гранат, М. Н. Покровский отдал дань старым об'яснениям внешней политики. Критику этих статей дал сам автор. «Устарелость статей,—писал он,—заключается в том, что они, в общем и целом, стоят на классической позиции II Интернационала. Международным отношениям дается в них освещение не столько с точки зрения реальных экономических интересов различных социальных групп (точка зрения Маркса в его статьях по внешней политике), сколько от идеологии этих групп. Дворяне будто бы ведут свою «феодальную» политику, промышленники — «либеральную» и т. д.[1]. В статьях 1907—1910 гг. М. Н. Покровский об'яснял крымскую войну тем обстоятельством, что «буржуазное общество не могло терпеть занесенного над ним кулака феодальной России»; восточная политика Александра II представлялась, как результат борьбы консервативной России против «духа времени». «Война за Болгарию 1877—78 гг.,—писал М. Н. Покровский,—не была войной за рынки, по своему происхождению... это была своеобразная форма самообороны русского феодализма от буржуазного строя, надвигавшегося на него в образе Европы».

Позднее, когда империалистская война ярко показала диалектику исторического процесса, М. Н. Покровский пересмотрел эти оценки и вскрыл экономические корни внешней политики Николая I и Александра II.

Но и при этой поправке на пересмотр некоторых оценок нельзя отрывать статьи в «Истории России в XIX веке» от позднейших работ М. Н. По-

[1] Дипломатия и войны царской России. Послесловие

кровского. Все они, взятые в целом, остаются блестящим примером применения диалектического материализма в конкретной истории. А «сопротивление материала» как раз в сфере внешнеполитических отношений было особенно велико: недаром М. Н. Покровский отмечал, что для дипломатии характерна «давняя привычка искажать факты».

В работах М. Н. Покровского нет мертвой прямолинейности и сухой схематики. «Внешнюю политику любой страны нужно представлять себе диалектически—она меняется вместе с изменением об'ективной обстановки». И, как весь исторический процесс, внешняя политика эволюционирует извилистым, своеобразным путем, подчас парадоксально; искать особых «начал», свойственных внешней политике той или иной страны могут лишь те, кто—вольно или невольно—прячут концы в воду. Стержень внешней политики России конца XVIII и начала XX века—борьба за Константинополь, пронизывает всю схему М. Н. Покровского, но не ограничивает ее. Вся многоцветность вышивки по канве международных отношений подверглась анализу историка. Красная нить русской внешней политики показана там, где при поверхностном рассмотрении ее нельзя было найти. Так, напр., территория международных конфликтов не совпадает с действительными мотивами столкновений. Только по внешнему виду русско-японский конфликт 1904 г. был борьбой из-за концессии на Ялу—суть кризиса была не в Корее, а в Манчжурии.

«Константинопольские» мотивы начинают звучать там, где раньше их не было слышно, напр., на берегах Тихого океана.

Внешнеполитические сплетения — парадоксальны. Русско - японская война — оказывается на поверку англо-германским столкновением. В 1850 гг. «из-за Польши был «союз» (с Пруссией—*Н. Р.),* но она же была и одной из главных причин «конфликта», одна из довольно обычных антиномий истории, от которой напрасно требуют, иногда, повиновения формальной логике. Последняя существует для людей, а об'ективные природные процессы, к которым принадлежит исторический, — редко ее стесняются».

Исследования М. Н. Покровского по истории внешней политики насквозь материалистичны, но в них нельзя найти ни грани вульгарного материализма,—недаром М. Н. Покровский неоднократно напоминает слова Энгельса о том, что экономика об'ясняет историю лишь в конечном счете. М. Н. Покровский не строит свой анализ внешней политики непосредственно на фундаменте таблиц торгового баланса и кривых роста железнодорожных путей. Целый ряд суб'ективных моментов расцвечивает сложную мозаику внешнеполитической истории. Материальные факторы определяют изгибы внешней политики. Сквозь паутину, сотканную русской и международной дипломатией, отчетливо виден экономический фон, на котором развертываются события. Рассказывает ли М. Н. Покровский о заседаниях Берлинского конгресса или анализирует русско-французское соглашение 1891 г., всюду за спиной дипломата или полководца проглядывает направляющая рука русского и западно-европейского капитализма.

Внешнеполитическая история, как и история вообще, делается людьми. Исследуя об'ективный исторический процесс, М. Н. Покровский двумя-тремя

штрихами набрасывает портреты исторических персонажей, «делавших» внешнюю политику в дипломатических канцеляриях или в армейских штабах. Галлерея получается довольно неприглядная, но в этом не вина историка. Александровские дипломаты, братья Воронцовы и граф Морков, «защищавшие английские интересы с неустанной энергией и с искусством, далеко превышавшим искусство британской дипломатии», русский посол в Вене, Разумовский, «который был более австрийцем, чем любой из старых слуг габсбургского дома», князь Горчаков, весьма смутно ориентирующийся в географии и передающий по рассеянности англичанам карту русского генерального штаба с разметкой предельных уступок со стороны России, Шувалов, ничего, по его собственному признанию, не знавший, кроме иностранных языков, генерал Орлов, «человек, отождествлявший военную славу с покроем мундира», неофициальный дипломат Николая II, Вонлярлярский,—«отставной гвардии полковник по званию и аферист по профессии», «сухопутный моряк» Алексеев,—все они как на экране проходят перед читателем.

Диалектика требует, чтобы явление рассматривалось не изолированно, а в их взаимной и конкретной связи. Для внешней политики это означает, что ее нужно изучать в связи с политикой внутренней. Дело идет, конечно, не о формальной связи. Значение новой главы, вписанной М. Н. Покровским в историю России XIX и начала XX века в том и заключалось, что эта глава бросала свет на все произведение в целом. Внешняя политика, сама об'ясняемая из внутренних социальных отношений страны, часто оказывалась для М. Н. Покровского тем звеном, которое тянуло за собою всю цепь социально-экономической истории рассматриваемого периода.

В одной из своих статей М. Н. Покровский замечает, что материал, использованный им для освещения русско-французских отношений в 1847 г., дает всю картину под определенным углом зрения, под углом зрения внешней политики Франции 1847 г. «Но это, по существу, лишь фиксирует наш наблюдательный аппарат,—пишет М. Н. Покровский.—На самом деле, с этого угла видна вся картина. Отделить внешнюю политику Ламартина от его борьбы с французским пролетариатом так же невозможно, как рассматривать «ноты» г. Милюкова вне связи с его классовой позицией» [1].

С внешнеполитического «угла» М. Н. Покровский не раз освещал те вопросы, которые не могли быть об'яснены мотивами внутренне-политического порядка. Причин убийства Павла I искали в психической ненормальности царя, породившей заговор Палена. Но стоило М. Н. Покровскому привлечь к делу внешнюю политику Павла, и 11 марта 1801 г. получило гораздо более глубокий об'ективный смысл. Отправляясь от внешней политики, М. Н. Покровский по новому об'яснил разрыв Александра I с «молодыми друзьями», инцидент со Сперанским. Что касается начала XX века, то для этого периода М. Н. Покровский связал воедино внешнюю и внутреннюю политику столыпинщины. «Обладание Проливами, по словам М. Н. Покровского, составляло неизбежную внешнеполитическую сторону столыпинщины.

[1] Дипломатия и войны царской России, стр. 84. Разрядка моя *Н. Р.*

Поскольку последняя «ставила своей задачей создание в России буржуазного землевладения в подкрепление дворянскому, обеспечение свободного выхода помещичьему и кулацкому хлебу на мировой рынок, было одним из непременных условий ее успеха».

Но взаимозависимость внешней и внутренней политики не является для М. Н. Покровского случайной связью, которую можно констатировать для отдельных исторических периодов или эпизодов. Связь эта глубоко закономерна, и никому иному, как М. Н. Покровскому принадлежит заслуга установления своего рода исторического закона, который монистически об'ясняет взаимное отношение внутренней и внешней политики России. На протяжении более, чем полутораста лет периоды политической реакции в России неизменно совпадали с периодами активной внешней политики на Ближнем и Дальнем Востоке и, наоборот, внешнеполитическая агрессия затухала во время реформ.

«Схема явления в сущности очень проста,—писал М. Н. Покровский.— Развивающаяся промышленность предполагает рынок, но внутренний рынок был скован сначала прямо крепостными, позже полукрепостными социальными отношениями. Изменение этих отношений было, одновременно, в интересах народного хозяйства в его целом и народной массы, но не в интересах господствующего класса, крупного землевладения. Сопротивление этого класса была всегда непреодолимой преградой для русской буржуазии,—поставленная между демократией и дворянством, она всегда клонила в сторону последнего. «Невозможность» расширить внутренний рынок заставляла искать внешних, «причем расширение, естественно, шло в направлении стран, одновременно щедро наделенных природой и менее культурных, чем Россия. Отсюда захват азиатской Турции, Персии или Манчжурии казался условием sine qua non дальнейшего развития русского капитализма. Дворянство охотно брало на себя «роль» бронированного кулака в этом случае, но его боевой готовности оказывалось мало. Искусственная задержка в развитии внутренних отношений фатально отражалась на боевых качествах народной массы. Крепостной или полукрепостной мужик, казалось бы отличный материал для солдата, но армиям из таких мужиков никогда не везло. Неудачная, или как это было в 1878 г. не вполне удачная война вновь ставила вопрос о внутренних реформах,—а неудача в разрешении этого вопроса вызывала новую серию империалистических потуг» [1].

Об'яснение явлений не исчерпывает исторической схемы, последняя проверяется также и правильностью научного прогноза, сделанного историком. Если подойти с этой стороны к работам М. Н. Покровского, по внешней политике, то следует сказать, что они проверены самой об'ективной критикой—историей.

В результате исследования войн 1853—56 гг., 1877 и 1904 гг. М. Н. Покровский пришел к выводу, что следующее выступление России на внешнеполитической арене окажется гибельным для самодержавия. «Если крепостной режим не хотел отказаться от самого себя, ему оставалось только тща-

[1] Внешняя политика, стр. 53.

тельно воздерживаться от всякого вмешательства в дела Европы,—писал М. Н. Покровский, заканчивая статью о русско-турецкой войне 1877—78 гг... Двадцать лет спустя опыт был позабыт,—начались снова попытки «активной политики», но уже на другом театре. История дала новое предостережение, третье по счету; третье предостережение обыкновенно бывает последним...». Вряд ли следует добавлять, что цитированные слова подтвердились полностью.

В январе 1914 г., т. е. за полгода до начала военных действий, М. Н. Покровский набрасывает контуры империалистической войны, с исключительной четкостью намечая мотивы столкновения,—роль англо-германского конфликта, значение Проливов. В ноябре того же года М. Н. Покровский рисует перспективы англо-русского конфликта из-за «богатейшего приза войны»,—прогноз высказанный в те дни, когда трудно было подумать о нарушении «entente cordiale», и почти с буквальной точностью подтвержденный последующими событиями. А одну из своих лекций о мировой войне, прочитанную в 1923 г. М. Н. Покровский закончил предположением об упадке значения Англии и о нарастающей революции в Китае,—темы, которые пять лет тому назад были настолько же новы, насколько они общеизвестны сейчас.

Нельзя говорить о работах М. Н. Покровского по внешней политике, оставляя в стороне их политическое значение. В свое время Кизеветтер упрекал Покровского в том, что он сводит всю историю к «партийной полемике». То, что кадетский профессор ставил в вину историку-марксисту, должно быть, конечно, отнесено к числу заслуг М. Н. Покровского. Если до известной степени партийны и полемичны все работы М. Н. Покровского, то в особенности это относится к его работам по внешней политике. Внешняя политика рассматривается в них под углом зрения революционного марксизма.

А революционный марксизм нашей эпохи, ленинизм — не «мирная», а воинствующая теория, теория, которая должна «не только об'яснить мир, но изменить его».

Для большевистского историка, следующего методу Ленина, аполитичная история была бы таким же nonsens'ом, как и аполитичная политика.

Меньше всего можно отделить в работах М. Н. Покровского публицистику от «чистой» истории. Его исторические исследования по внешней политике звучали всегда, как боевые выступления партийного публициста, публицистические статьи на те же темы, были насквозь историчны. Это относится ко всем, без исключения, работам М. Н. Покровского. Статьи в «Истории России в XIX веке», изд. бр. Гранат, устанавливали тесную связь реакционной внешней и внутренней политики самодержавия, об'ясняя в то же время мотивы исторической благонадежности русской буржуазии. Разоблачения колониальной политики 1870—80-х гг. были как нельзя более своевременны в 1907—1910 гг., т. е. в годы агрессивного выступления царизма в Персии. Статьи о войне, написанные в предреволюционный период разоблачали кадетских патриотов и социал-шовинистов, с неоспоримой убедительностью доказывая, что незачем «говорить о ключах от собственного дома, когда дело явно идет о взломе чужого сундука». Наконец, комментируя в 1918—1919 г.

секретные документы б. министерства иностранных дел, М. Н. Покровский показывал истинное лицо авторов Версальского мира.

* * *

Мы — по необходимости бегло — очертили значение исследований М. Н. Покровского по внешней политике. Чтобы представить себе ту роль, которую они сыграли в исторической литературе, необходимо взять эти работы в исторической же перспективе. Сейчас материалистическое об'яснение внешней политики кажется само-собой разумеющимся: как же об'яснить историю иначе. Но 15—20 лет тому назад дело обстояло далеко не так просто. В дни, когда исторические кафедры безраздельно принадлежали эпигонам Ключевского, работы М. Н. Покровского были оружием революционного марксизма, завоевывавшего «командные высоты» русской исторической науки и ниспровергавшего буржуазную историографию.

Теперь «командные высоты» завоеваны, но значение работ М. Н. Покровского от этого не уменьшились. Больше того, вчера они были не так современны, как сегодня. Практический интерес к внешней политике—здесь мы возвращаемся к той теме, которая была затронута в начале статьи—возрастает именно в наши дни, когда перспектива новой войны получает все более и более реальное очертание. Чтобы увидеть и понять новые сдвиги в международно-политических отношениях, надо изощрить восприятие на историческом материале: фарватер международной политики непрерывно изменяется.

Но чистой «практикой» вопрос не исчерпывается. Борьба на научном фронте далеко еще не закончена, и буржуазная историография прикрываясь иногда псевдо-марксистским облачением и сейчас еще предпринимает контратаки: антантофильская книга Тарле—явление, которое не может быть отнесено к разряду случайностей.

Наконец, перед марксистской исторической наукой стоят новые проблемы. Еще недостаточно исследована деятельность дипломатии в 1914—1918 гг. Историей стала уже и советская внешняя политика за последние десять лет. Такие темы, как Брест, интервенция, все это на 99, если не на 100%,—целина которую необходимо поднять.

Приступая к изучению этих проблем, исследователь пойдет по тем просекам, которые проложены работами первого марксистского историка внешней политики России.

У М. Н. Покровского учатся и долго еще будут учиться глубокому и тонкому анализу внешнеполитической истории.

Будут учиться, по крайней мере, до тех пор, пока сам термин «внешняя политика» не станет анахронизмом.

М. Н. Покровский

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

М. Н. Покровский родился 30 авг. 1868 г. в Москве. Кончил одну из лучших московских классических гимназий. В 1891 г. окончил Московский университет по историко-филологическому факультету. С этого же времени он преподает историю в средних учебных заведениях, а с 1895 г. читает лекции на педагогичских курсах в Москве.

С 1892 г. начал печатать рецензии на исторические книжки в библиографическом отделе «Русской Мысли» и затем в последующие годы статьи в «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова (8 больших статей).

В конце 90-х годов взгляды М. Н. Покровского определяются как весьма близкие к марксизму. В начале 900-х г.г. он выявляется, как активный революционный деятель. В 1903 г. полиция запрещает ему читать публичные лекции, но он обходит это запрещение и продолжает читать лекции, которые в тогдашних условиях превращались в революционную пропаганду. Вместе с этим он принимает деятельное участие в революционных выступлениях педагогического общества в Москве. В 1904 г. он публикует в журнале «Правда» большую критическую статью против Риккерта—«Идеализм» и «законы истории»,—в которой он выступает в качестве исторического материалиста.

В революции 1905 г. М. Н. окончательно определяется не только теоретически, но и практически, как революционный марксист и вступает в ряды большевиков, принимая деятельное участие в рабочих организациях в качестве члена лекторской группы Московского комитета партии. Зимой 1906—07 гг. М. Н. избирается членом этого комитета. В это же время он становится редактором и одним из главных сотрудников «Истории России в XIX веке», изд. бр. Гранат, в Энциклопедическом словаре которых он также принимал впоследствии деятельное участие.

В период выборов во вторую Государственную думу М. Н. участвует в предвыборной кампании, борясь за «левый блок» против кадетов и поддерживавших их групп. В 1907 г. (апрель—май) М. Н. был делегирован московской организацией партии на Лондонский с'езд. Все это положило конец его легальности. Лето 1907 г. он уже жил на «нелегальном положении», под Москвой на даче, где им была написана большая часть статей по внешней политике в указанной «Истории России в XIX веке».

За одно выступление на окружной партийной конференции М. Н., выданный провокатором, был привлечен по 102 ст. Но самодержавию не удалось применить к нему этой статьи, так как он успел выехать в Финляндию, откуда в сентябре 1909 г. перебрался во Францию, где и прожил до 1917 г.

На Лондонском с'зде партии М. Н. был избран в члены большевистского центра РСДРП. Попав в Париж в гущу разгоревшейся внутри партийной борьбы, М. Н. оказался в рядах группы «Вперед», где и пробыл до весны 1911 г. К этому времени относится его работа в партийных школах на острове Капри (1909 г.) и в Болонье (1911 г.), в которых он читал рабочим-революционерам историю.

В это же время он приступает к своим основным работам «Русская история с древнейших времен» и I части «Очерка истории русской культуры», где дается блестящий марксистский анализ русского исторического процесса.

С началом войны начинается вновь его кипучая революционная деятельность. С 1915 г. он в постоянной переписке с центральным органом партии «Социал-демократ», организует (по почину Горького) легальные издания в России, где участвовал и В. И. Ленин, и сотрудничает в парижских «Нашем голосе» и «Нашем слове».

В августе 1917 г. М. Н. возвращается в Россию и вскоре назначается членом редакции «Известий Московского совета рабочих депутатов». Затем 8 ноября 1917 г. назначается комиссаром по иностранным делам Московского президиума. Пробыв, однако, на этом посту всего неделю, он избирается председателем Московского совета рабочих депутатов. В это же время М. Н. получает назначение в состав первой нашей делегации по переговорам с Германией о мире.

С образованием Совета народных комиссаров Московской области, М. Н. в марте 1918 г. назначается его председателем. Еще будучи на этом посту, М. Н. начинает принимать участие в работах комиссариата просвещения, состоя членом государственной комиссии по просвещению. Комиссия эта вырабатывает ряд крупных реформ: закрытие духовных училищ, положение о единой трудовой школе, о передаче всех школ в ведение Наркомпроса, о некоторых изменениях в учебных заведениях в РСФСР: об отмене ученых степеней и изменение порядка занятий на кафедре и т. п.

В мае 1918 г. М. Н. назначается заместителем народного комиссара по просвещению и пребывает в этой должности доныне. Почти тотчас по назначении замнаркомом, М. Н. поручается председательство на созванное 7—14 июля 1918 г. совещание по реформе высшей школы.

В это же время, М. Н. принимает участие в с'езде учителей интернационалистов, этой передовой группы учительства, с помощью которой Наркомпрос намеревался провести намеченные реформы народоного образования.

Оставаясь замнаркомом, М. Н. становится во главе отдела школьной политики Наркомпроса; затем, с октября 1918 г. во главе научного отдела, а с января 1919 г., во главе отдела высших учебных заведений.

С этого момента все рформы высшей школы идут под его непосредственным руководством. В январе 1919 г. коллегия отдела ВУЗ принимает

предложенный М. Н. Покровским проект государственного ученого совета, председателем которого становится М. Н. и работу которого он ведет и ныне. Государственый ученый совет является высшим методическим и идеологическим органом Наркомпроса. К этому же времени относится коренное проведение реформ преподавания общественных наук в вузах. Вообще в эти годы не было ни одной более или менее значительной реформы в области научной или высшего образования, в выработке которой не принимал бы участия М. Н.

По его мысли в мае 1918 г. Малая гос. ком. по просвещению принимает проект о Социалистической академии наук, учрежденной вначале при Наркомпросе, а затем перешедшей в ведение ЦИК'а и переименованной в Коммунистическую академию. М. Н. с самого возникновения является ее деятельным членом, а затем и председателем, каковым состоит и поныне.

Тогда же по его инициативе была образована Архивная комиссия, во главе которой с 1920 г. становится М. Н. Это учреждение в январе 1922 г. переходит из ведения Наркомпроса в ведение ЦИК под названием Центрархива. М. Н. редактирует также журнал Центрархива «Красный архив».

В феврале 1921 г. М. Н. назначается председателем Академического Центра, в состав которого вошли Государственный ученый совет и Управление научных учреждний. Тем самым М. Н. становится во главе всех научных учреждений страны. В частности же особенно близкое участие он принимает в работах политической секции ГУС'а (являясь ее председателем), как секции, где разрабатываются вопросы высшего образования по общественным дисциплинам.

Особенно ценна заслуга М. Н. Покровского, как основателя рабочих факультетов. В сентябре 1920 г. принято постановление об организации рабочих факультетов при университетах. И только с этого времени можно считать, что двери высшей школы действительно открылись для рабочих. Заслуга М. Н., как основателя рабфаков, была отмечена Наркомпросом присвоением его имени рабфаку I МГУ.

Но деятельность М. Н. не ограничивается Наркомпросом. В августе 1920 г. учреждается комиссия по изучению Октябрьской революции и истории партии (Истпарт), при ЦК ВКП(б), в которой М. Н. является деятельным работником до настоящего времени.

Большое внимание уделяет М. Н. работе комиссии по улучшению быта ученых, М. Н. является ее членом, а с декабря 1921 г. возглавляет экспертную комиссию, в задачу которой входило произвести учет всех научных работников страны с распределением их на категории в соответствии с их научными заслугами 'улучшение материального положения ученых (академические пайки, жилищный вопрос и пр.). Работа по своему об'ему и чрезвычайной сложности потребовала громадной затраты сил М. Н.

Одновременно со всеми этими работами М. Н. принимает участие в организации работ Госиздата, являясь членом редколлегии; в 1922 г. он стоит во главе сектора по изданию учебников и учебных пособий.

Не меньшая, чем создание рабфаков, заслуга М. Н. Покровского в организации Института красной профессуры, учрежденного постановлением СНК от 11 февраля 1921 г., как высшее учебное заведение для подготовки пре-

подаватей высшей школы. В начале он был открыт в составе лишь исторического, экономического и философского отделений, а затем, постепенно развивая свою работу, открыл отделение правовое, естественное и др. С момента учреждения института М. Н. доныне является его ректором и председателем правления.

В 1924 г. М. Н. проведена значительная реформа по об'единению всех научно-исследовательских институтов общественных наук в единую ассоциацию (РАНИОН). Во главе этого учреждения (председателем) до конца 1927 г. состоял М. Н. Покровский.

Кроме постоянных должностей (замнарком, председатель ГУС'а, заведующий Центрархивом, председ. Комакадемии), занимаемых М. Н.. на него возложена еще работа по участию в различных более или менее длительных комиссиях: по ознаменованию 100-летия со дня рождения Чернышевского (председатель), комиссия по изданию сочинений Толстого (член редакционной коллегии), комиссия по рассмотрению отчета Академии наук (председатель) и пр.

М. Н. Покровский является также организатором и председателем общества историков-марксистов, возникшего в 1925 г., и редактором журнала «Историк-марксист» (с 1926 г.).

Не менее обширна деятельность М. Н. и как лектора. Не говоря уже об Институте красной профессуры и РАНИОН'е, где он ведет исторические семинарии, М. Н. за это время читал лекции на факультете общественных наук I МГУ, в коммунистическом университете имени Свердлова (председатель исторической кафедры), в Ленинградском комвузе, на курсах уездных партработников и др.

Летом 1928 г. М. Н. был делегирован на с'езд, созванный германским обществом по изучению восточной Европы и на международный конгресс историков в Осло. В той и другой делегации М. Н. является председателем. На конгрессе в Осло М. Н. был избран в президиум конгресса. Это первый случай в мире, когда коммунист был избран в ученую корпорацию.

Не ограничиваясь, однако, одной организационной работой, М. Н. не оставляет и свою чисто научную работу. Об этом можно судить по его историческим работам, вышедшим в период возвращения из эмиграции до настоящего времени. Важнейшими из них являются: «Очерк истории русской культуры», ч. II, «Русская история в самом сжатом очерке», где им отчасти пересмотрены и уточнены взгляды, развитые в «Русской истории с древнейших времен», и отчасти продолжена эта последняя (до 1906—7 годов). Затем как бы в виде дополнения к «Русской истории в самом сжатом очерке» им опубликованы популярные лекции «Очерки по истории революционного движения в России в XIX и XX вв.».

Одновременно с этим М. Н. написал ряд статей по общей истории России, по внешней политике, по истории революционного движения, русской историографии и пр. Они опубликованы в журналах: «Голос минувшего», «Летопись» («Изв. Нар. ком. ин. дел», «Печать и революция», «Пролетарская революция», «Красная новь», «Красный архив», «Под Знаменем марксизма», «Большевик», «Вестник Социалистической (ныне Коммунистиче-

ской) академии», «Историк-марксист» и др. Кроме того, ряд статей помещены в таких сборниках как «1905 год» (юбилейное издание по случаю 20-летия первой русской революции), Труды Института красной профессуры, т. I, в Большой советской энциклопедии (где он является главным редактором исторических статей), в сборнике «Памяти К. Маркса» и др.

В числе вышедших после Октябрьской революции работ М. Н. в виде отдельных изданий отмечаем важнейшие: «Борьба классов и русская историческая литература» (1923 г.), «Царская Россия и война» (1924 г.), «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» (1924 г.), «Внешняя политика России XX стол.», «Крестьянская реформа» (отд. изд. 1926 г. из «Истории России в XIX в.» изд. бр. Гранат), «Марксизм и особенности исторического развития в России», «Империалистическая война» и др.

Как эти, так и прежние работы М. Н. выходили в нескольких изданиях. Некоторые работы М. Н. по внешней политике переведены на иностранные языки. «Русская история с древнейших времен» переводится на английский, «Русская история в самом сжатом очерке» переведена на немецкий и польский.

М. Н. Покровский во всех указанных работах является революционным марксистом и лидером этого направления в русской историографии. Он имеет за собой целую школу последователей молодых историков-марксистов, работающих под его руководством в Коммунистической академии, в вузах СССР, в Институте красной профессуры, в РАНИОН'е, в обществе историков-марксистов и в других научных учреждениях, в значительной части созданных М. Н.

И. Минц

Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии

I.

Русские историки в припадке патриотического «восторга» подписавшие в 1915 г. знаменитый адрес Николаю II, вряд ли подозревали все последствия своего шага.

Изгнав немецких историков и немецкие книги из университетов и объявив Николая своим «царственным духовным вождем» (так и сказано в адресе!), буржуазные историки не только выполнили свой верноподданнический долг, но подорвали тот самый сук, на котором сидели. За весь период войны, да и позже, не появилось почти ни одной серьезной работы буржуазного историка,—так резко сказалась потеря питательной среды, какой служила для русских профессоров и работа немецких ученых.

Но порвав с современными немецкими историками, русские профессора вынуждены были выбросить за борт и тех, кто так много дал русской историографии: работы Шлецера, Эверса, Шимана—как книги немцев фактически попали в index librorum prohibitorum. И тут история зло подшутила над своими «историками»: в роли «наследников» старых буржуазных ученых выступили марксисты. Председатель советской делегации М. Н. Покровский в своем вступительном слове на исторической неделе в Берлине прежде всего подчеркнул, как велика была роль немецких ученых в разработке русской историографии.

Неделя советской исторической науки состоялась в Берлине 7—14 июля 1928 г. Задумана она была и сорганизована «Обществом по изучению Восточной Европы», во главе которого стоят профессор Шмидт-Отт, бывший прусский министр народного просвещения, и профессор Берлинского университета, член рейхстага, Отто Гетш. Еще в ноябре 1927 г. немецкие гости на десятилетнем юбилее советской власти повели переговоры с Наркомпросом об организации цикла докладов русских историков в Берлине и тогда же получили следующий список будущих участников исторической «недели» в Германии: М. Н. Покровский, В. В. Адоратский, В. И. Невский, В. М. Фриче, Д. Б. Рязанов, С. М. Дубровский, Н. М. Лукин, Е. Б. Пашуканис, академик С. Ф. Платонов, проф. А. Е. Пресняков,—из Ленинграда, М. М. Богословский, проф. М. К. Любавский и Д. Н. Егоров из Москвы.

Для проведения «недели» в Берлине был создан комитет из тридцати человек. Какое значение придавали в Берлине встрече советских историков можно судить по составу комитета. Наряду с крупными деятелями народного просвещения тут были виднейшие профессора и члены Прусской академии наук—Шмидт Отт—председатель, Отто Гетш—вице-председатель, ректор берлинского университета профессор Норден, профессора Гарнак,

Аугаген, Брекман, Брейсиг, Деельбрюк, Эберт, Гетц (Бонн, Гольдшмидт, Гартунг, Кейр, Крюс, Генрих Майер, Эдуард Майер, Мейнеке, Маркс, Снкен-(Мюнхен), Роденвальт, Саломон (Гамбург), Шумахер, Зеринг, Стеелин, Васмер, Фогель, Виганд, Вилкен, Вульф и генеральный секретарь доктор Ионас.

Комитет наметил проведение «недели» на июнь месяц.

Ряд обстоятельств, однако, заставил изменить, как сроки проведения «недели», так и состав делегации.

Прежде всего неделя совпала с каникулами в советских вузах, когда ряд профессоров, успели уже выехать в отпуск или собирались уезжать. Во-вторых, кое-кто из намеченных в списке оказался как раз к этому времени больным. В-третьих, некоторые из профессоров, собиравшихся в августе на VI международный конгресс в Осло, не имели возможности посетить и неделю, и конгресс, между которыми образовался перерыв в полтора месяца.

Наконец, последней причиной отсрочки—последней по порядку, а не по важности—оказалось внутриполитическое положение в Германии.

Капиталистическая Германия успела уже залечить почти все раны, полученные ею в период империалистической и гражданской войн. Сохранивши неприкосновенным свой производственный организм, притом проведя войну преимущественно на чужой территории, германский капитализм несравненно быстрее, чем Антанта восстановил свои производительные силы. Но как раз сейчас—бурный рост капитализма наткнулся на непреодолимое препятствие: репарации тяжелой крышкой нависли над поднимающимся капитализмом. Для всей буржуазной Германии лозунгом дня стал: реванш. То, что многие годы висело угрозой над Францией—побежденный германский орел рано или поздно расправит свои крылья и потребует ответа от галльского петуха—на наших глазах становится фактом.

Англо-французское военное соглашение—свидетельство усиления англо-французского союза—есть ответ не только Америке, покидающей традиционную почву доктрины Монрое, но в известной мере отражение все большего усиления Германии.

Но среди немецкой буржуазии, требующей и готовящей реванш, есть однако, по меньшей мере, два крыла.

Крупная буржуазия и прежнее юнкерство, во главе с германской национальной партией, мечтает о прямом реванше, о военном разгроме Антанты. Для этой группы Советский Союз, несмотря на социальную пропасть между советской и буржуазной системой, открыто и часто подчеркиваемую, кажется наиболее подходящим «союзником». «Англия—наш основной враг по старому. Вместе с советской страной мы могли бы раздавить всю Европу»,—так откровенно выразил надежды буржуазии в беседе на банкете один из профессоров.

Для средней, а главным образом для мелкой, буржуазии идея реванша мыслится в ином воплощении. Социал-демократы, отражающие как раз мелко-буржуазные иллюзии, собираются добиться успеха при помощи «бунта на коленях»—ползком, украдкой, вымаливанием одной уступки за другой от Антанты за счет своего советского соседа, авось, удастся добиться реванша.

Правые группы, выполняя свои планы «использования» Советского Союза, принимали деятельное участие в организации недели, но оказались на недавних выборах разбитыми. Некоторые буржуазные партии потеряли до 40% своих голосов, а победителями вышли социал-демократы. Их антантовской ориентации мешала неделя советских историков, как неприятное напоминание Антанте о возможной германо-советской близости. В организации советской «недели» наступила некоторая заминка, внешним отражением которой явилось молчание немецкой прессы. О «неделе» газеты заговорили лишь в самый день открытия, и тут сразу сказался этот парадок-

сальный факт: если исключить коммунистов, то, чем правее политические взгляды той или иной группы, тем более терпимо она относится к Советскому Союзу. Немецкие социал-демократы, у которых к тому же все резче накаляется почва под ногами по мере роста влияния коммунистов, оказались наиболее враждебными элементами.

В то время, когда все газеты, не исключая и «Крейцейтунг», отозвались на «неделю» отчетами, а демократическая пресса и статьями, в которых, не скрывая разногласий, однако, отдали долг научности и интересу постановки проблем советской истории, «Форвертс» поместил лишь одну следующую заметку под крикливым названием «Верх простодушия»: «Советское правительство, при посредстве «общества по изучению Восточной Европы», в залах Прусской академии наук организовало выставку, чтобы познакомить публику с исторической наукой в Советской России за время 1917 по 1927 год. Среди выставленных книг находятся воспоминания недавно умершего основателя русской социал-демократии, Аксельрода, появившиеся в Берлине в издании Гржебина. Острота здесь в следующем: аксельродовские воспоминания представлены публике, как продукт советской исторической науки, а между тем в Советской России они запрещены».

Все! Меньшевистский злопыхатель и тут проделал обычный шулерский прием: проявив такую тонкую наблюдательность—в залах, мол, прусской. академии, и работа Аксельрода на выставке и т. д.—он не мог не знать, что в каталоге имеется специальный отдел зарубежной русской литературы, где на первой же странице и на первой же строке указан Аксельрод, как издание белое.

Но и для социал-демократов синица в руке оказалась реальней журавля в небе: антантовская ориентация может дать плоды в далекой перспективе, а пока ссориться с своими буржуазными хозяевами не имело смысла и на 7 июля было назначено начало «недели» и открытие выставки советской исторической книги.

Самым трудным делом, несомненно, оказалась организация выставки. Каких-либо сводных указателей не имелось даже в Советском Союзе. К этому следует прибавить изрядное количество литературы, изданной в провинции, особенно в национальных республиках, притом на языках национальных меньшинств. Многие книги оказались уже библиографической редкостью, например, издания эпохи гражданской войны. Наконец, не все научные учреждения были информированы о «неделе», и например, Институт Ленина не был представлен ни одним из своих изданий. К чести, однако, организаторов следует признать, что выставка, хотя и, не дала полной картины состояние советской исторической науки, но сравнительно недурно передавала общее впечатление о наших изданиях и о пропорции между различными отделами.

Всего на выставке было несколько более 2.000 книг, разбитых на XVI отделов:

Архивоведение и библиография	40	номеров
Методология истории	60	»
Русская история с под'отделами истории революции, компартии и III Интернационала	625	»
История нац. меньшинств	66'	»
Всеобщая история	440	»
История литературы	143	»
История философии	26	и т. д.

Для советского читателя все эти цифры до смешного малы, но они, тем не менее, правильно передают пропорции. Так внутри русского отдела из 625 наименований революционному и рабочему движению 17—19 столетий дано 174, первой русской революции—91, Октябрьской революции и гра-

жданской войне—174, а истории партии и Ленину—111 названий. При первом же взгляде на выставку не трудно сказать, какие эпохи служат у нас об'ектом научного исследования. Кстати, несмотря на малый срок подготовки, устроители выставки сумели издать полный каталог, что не только систематизировало материал, но и позволяло вовлечь книги в научный обиход.

Помимо книг на выставке был отдел архивных документов. Центроархив блеснул прекрасным качеством своих фотокопий, поразивших даже немцев с их высокой научной техникой, и рядом ценнейших документов, начиная с 13 века. Кроме грамот князей,—Ярослава Ярославовича от 1265 г., всяких порядных, на выставке были показаны листовки Степана Разина, Пугачева, подлинное отречение Наполеона I, очевидно, привезенное нашими войсками, бравшими Париж; затем ряд документов по гражданской войне и Октябрьской революции. Один документ из этой эпохи особенно привлекал внимание публики. Это—отречение от престола за себя и своих потомков нынешнего претендента на российский престол Кирилла I, в 1917 году еще бывшего великим князем. Тут кстати проявилось несколько усиленное ухаживание за советской делегацией и со стороны наиболее терпимо относящихся к нам групп является плодом политического расчета: устроители выставки не показали декларации прав трудящихся с собственноручными поправками Ленина. Наше напоминание, так и осталось без последствий.

В целом весь архивный отдел показал, что в Советском Союзе имеется едва ли не единственная возможность изучать все экономические формации человеческого общества, начиная с родового быта. Так, например, были представлены документы сибирского воеводства, собиравшего дань с сибирских племен в XVI—XVII веках, позволяющие изучать внутри племенные отношения сибирских народностей.

Одновременно с открытием выставки в зале Прусской государственной библиотеки начались и доклады советских ученых в актовом зале Прусской академии наук.

«Неделю» открыл при переполненном зале профессор Отто Гетш, рассказавший историю организации «недели» и заявивший, что в основу работ недели он кладет два принципа, взятые им из советского обихода: реконструкцию и смычку—реконструкцию взаимоотношений и смычку научных деятелей. После него русскую делегацию приветствовал министр народного просвещения профессор Бекер, а от советской делегации благодарил за прием наш полпред в Германии Н. Н. Крестинский и произнес речь на тему—Немецкие ученые и русская историография.

Всего за неделю были прочитаны следующие доклады:

М. Н. Покровский—Теории происхождения самодержавия.

С. Ф. Платонов—Проблема русского севера в новейшей историографии.

В. В. Адоратский—Советские архивы.

М. К. Любавский—Заселение Великорусского центра.

С. М. Дубровский—Столыпинская аграрная реформа.

Д. М. Егоров—Библиотековедение в РСФСР.

Д. М. Егоров—К критике средневековых исторических работ по истории З. Европы.

Е. Б. Пашуканис—Советы солдатских депутатов в армии Кромвеля.

От Белоруссии : В. И. Пичета—Аграрная реформа во второй половине 16 и начале 17 веков в восточных волостях Литвы.

От Украины: М. И. Яворский—З.-европейские влияния на идеологию украинского общественного движения во 2 и 3 четверти XIX столетия.

В. А. Юринец—Социальный процесс в зеркале украинской литературы XX столетия.

Несмотря на уплотненный рабочий день—по 2 заседания утром и вечером—доклады неизменно собирали большую аудиторию, а некоторые про-

шли при переполненном зале. Любопытно при этом, что доклады привлекали много молодежи, главным образом, студентов Берлинского университета, тем более, что доклады читались, за редким исключением, на немецком языке.

В продолжение «недели» советская делегация имела возможность изучить германские архивы, посетив государственный архив в Потсдаме и прусский архив в одном из районов Берлина—Даалеме. Руководитель германскими архивами генеральный директор профессор Кейр организовал в Потсдаме большую выставку архивных документов, причем, идя навстречу нашим интересам, выставил такие документы, как полицейскую записку об Энгельсе, протокол допроса Лассаля, требование русского жандармского управления о слежке за Чичериным в 1907 г. и т. п. Кроме того, ряд документов по внешней политике, например, подлинник протокола венского конгресса и т. п.

О наших архивах и их системе генеральный директор отзывался с большим удовлетворением, особенно о тех параграфах нашего устава, по которым все материалы по истечении определенного времени поступают обязательно в архив. «А я,—с горечью добавил профессор,—вот уже сколько времени воюю, чтобы забрать несколько документов 16 века из министерства торговли». Не лишним будет отметить, как даже на архивах отразилась кургузость революции 1918 г. От старого постарались оставить как можно больше, чтобы легко и быстро вернуться к нему назад. Так, дворцовые архивы Баварии, несмотря на уплату 40 миллионов марок королям, по существу до сих пор являются частными архивами Витепьсбахов, с тем только добавлением, что издержки по содержанию аппарата последние охотно переложили на плечи народа, оставив за то за собой почти неограниченное право распоряжения материалами.

Внимательное отношение к советской делегации сказалось, особенно, на специально организованных приемах. Всего их было три. Первый—товарищеская встреча между членами делегации и германскими профессорами; второй—устроенный германскими профессорами в честь делегации, и третий—в советском полпредстве, на котором присутствовали рейхсканцлер Мюллер, министры Гренер и Дитрих, статс-секретари Пюндер и Цвейтинг и т. д., затем крупнейшие деятели германской науки и народного хозяйства.

Какие выводы можно сделать из «недели»?

Это—уже вторая по счету «неделя» советской науки. Первая состоялась в 1927 г. и, несмотря на свой большой успех, имела, однако, одну особенность. То была неделя естественников. Если у естественника отбросить мировоззрение, то останется специалист, которого с огромной пользой может использовать социалистическое государство. Но именно поэтому эта группа ученых, при всей их об'ективной и суб'ективной преданности новому строю, не характерна для советской науки,—на ней меньше всего отражается характер господствующего класса в стране советов. Для историка же его научную сущность составляет мировоззрение. Без мировоззрения историк—ничто. Как раз на этой группе ученых резче всего и сказывается господствующий характер нового класса. Приглашая советских ученых историков, устроители «недели» фактически приглашали марксистов. Впервые с кафедры Прусской академии наук, едва ли не самой консервативной, зазвучали речи марксистов, притом из уст таких его представителей, как М. Н. Покровский.

Но, являясь господствующим течением в науке, марксизм отнюдь не подавляет другие точки зрения. У пишущего эти строки состоялся следующий диалог с одним из крупных профессоров:

— А разве в делегации есть не-марксисты?

— Есть, притом такой, к примеру, который остался ректором университета, когда из него ушли даже кадеты.

— Я, признаться, думал, что не-марксисты давно изгнаны.

— Вы правы, если имеете в виду профессоров богословия...

— Да и то,вероятно, потому, что у вас нет богословских факультетов,— перебил меня мой собеседник.

Выступления беспартийной не-марксистской части делегации нанесли сильный удар по предрассудкам, по которым в Советском Союзе уничтожена буржуазная историческая наука и механически подавляются инакомыслящие.

Второй, не менее сильный удар «неделя» нанесла тем, кто считал, что истории у нас не существует, а остатки ее служат лишь целям «пропаганды» нового режима. На протяжении «недели» перед весьма компетентной аудиторией прошла целая серия докладов из самых различных эпох. Наряду с докладами из эпохи XX века, были доклады о XVI веке русской истории, из эпохи средневековья в Западной Европе и т. п. Даже и пристрастный свидетель вынужден был сознаться, что марксистский метод отнюдь не топчется на одном месте, что в научный обиход втягиваются новые эпохи, бывшие до сих пор достоянием разработки лишь идеалистического метода, что марксизм подвергает критической проработке, и притом плодотворной, материалы и данные самых различных эпох. С точки зрения буржуазных профессоров наши доклады по методу разработки может быть и односторонни, но в научности их никто не сомневался. Самым ярким свитедельством этому служил тот факт, что белоэмигрантские ученые не осмелились не только на демонстрацию,—это было бы политическим преступлением против приютившей их страны,—но даже на академические выступления против советских ученых: все равно не поверят сейчас.

Мало того. «Неделя» не только показала существование исторической науки, но и подчеркнула, как много у нас широчайших перспектив как раз для развития исторической науки. Доклад о наших архивах, по своей организации, отношению к ним государства и богатству материала, оказавшихся вне всякого сравнения даже с германскими, был выслушан с напряженннейшим вниманием и встречен чрезвычайно тепло. На нем присутствовали не только деятели архивного дела, но и очень много молодых ученых.

Советская «неделя» помимо того проиллюстрировала практическое воплощение в жизнь нашего принципа разрешения национального вопроса. Уже самый состав делегации, в числе которой были отдельные представители украинской и белорусской науки, имел крупное политико-пропагандистское значение. А доклады о состоянии науки в союзных республиках и поездка представителей украинской белорусской части делегации по Германии дали недурное представление о нашей национальной политике. Это тем более ценно, что как раз сейчас в Западной Европе, в частности в Германии, национальный вопрос является самой актуальной проблемой, интересующей широкие круги науки и общественности.

Большим достижением «недели» явилось установление фактической связи между советской и германской наукой. Между обеими делегациями состоялось соглашение об архивах, позволяющее не только обмениваться учеными, производящими изыскания в той или иной области, но и самыми материалами. Это соглашение, конечно, явится большим вкладом в науку, значительно продвигая вперед исследовательскую работу.

Наконец, надо указать еще на одно достижение «недели».

Интерес к России и к теперешнему Советскому Союзу был в Германии всегда высок. Сейчас в Германии имеется целый ряд институтов, изучающих Восточную Европу. Кроме «Общества по изучению Восточной Европы» в Берлине существует «Восточно-европейский институт» в Бреславле семинарии по изучению Восточной Европы под руководством профессора Саломона в Гамбурге, затем в Кенигсберге, откуда недавно вышла работа о Чаадаеве д-ра Винклера; недавно организованный семинарий в Дрездене, наконец, семи-

нарий по восточно-европейской истории при Берлинском университете под руководством профессоров Гетша и Стеелина (директор).

Наша «неделя» совпала как раз с 25-летним юбилеем берлинского семинара, основанного еще Шиманом. Семинарий этот, начавшись с 5 участников, превратился сейчас фактически в институт русской истории с 90 слушателями и большой русской библиотекой в 15 тысяч томов.

Для всех этих институтов чрезвычайно острой является проблема новых руководящих кадров. Профессор Гетш как то обмолвился, что если какая-нибудь катастрофа унесет его, Стеелина или Саломона, то он не знает, кто сумеет продолжать руководство по изучению Восточной Европы. Наша «неделя», в известной мере, разряжает эту атмосферу. Прежде всего, по соглашению с организаторами «недели», советская историческая выставка превращается в постоянный фонд, который постоянно будет пополняться все новыми материалами, чего так не хватает Германии.

Во-вторых, между советскими историческими институтами и германскими ныне установится связь, которая поможет обмениваться опытами, литературой, программами и даже лекторами.

II.

Если берлинская «неделя», условно выражаясь, является восходом советской исторической науки, то международный конгресс историков в Осло есть свидетельство заката буржуазной исторической науки. Впрочем, строго говоря, метафора эта вряд ли подходит к буржуазной историографии: нельзя же говорить о закате давно потухшего солнца. Солнце буржуазной исторической науки показалось над горизонтом после победы буржуазии в великих классовых битвах конца XVIII и начала XIX веков, но быстро скрылось после революций 1848 г., когда на политической арене появился новый класс с властным требованием на науку и труд. За буржуазными историками, да и то в лучшем случае, осталось собирание фактических данных, но одни факты нигде еще не составляют науки: и в химии, и в физике, как в истории, науку составляет тот метод, при помощи которого об'ясняют факты. Об'яснять же научно, т. е. исходя из классовой точки зрения, буржуазные историки уже давно не смеют.

Но конгресс в Осло интересен в двух отношениях.

Во-первых, там собрались не отдельные представители буржуазной науки той или иной страны, а вся историческая наука всего мира, облегчая тем самым суждение о состоянии науки в целом. Во-вторых, на конгрессе впервые появилась делегация советских историков.

Даже и на первый поверхностный взгляд трудно назвать конгресс вполне научным. Сама цифра участников и длительность заседаний ярко противоречат научности: делегатов больше 1000, докладов намечено 360, а заседали всего 5 дней.

Но зато, если на первый взгляд конгресс не носил научного характера, то бросался в глаза его политический характер. В самом деле. Если исключить из числа делегатов 300 норвежцев, которые, как хозяева, притом не нуждаясь в валюте для выезда, включили в состав конгрессистов не только всех своих профессоров, но и студентов, обслуживающих конгресс[1], то из 700 делегатов, представляющих 40 стран, поляки имели 54, а французы 144 делегата, т. е. обе страны имели почти 30% всего состава конгресса. Правда, сюда вошли и приехавшие с делегатами не-члены конгресса, но их привезли не только поляки и французы, следовательно, пропорция не меняется; напротив, цифры

[1] Вообще на конгрессе гостей не было, а все жены делегатов и взрослые дети, или приехавшие с делегатами, включались в состав действительных членов конгресса.

заявленных докладов, где, понятно, нет ни гостей, ни членов семьи, еще рельефнее подтверждают этот факт: из 360 докладов (точнее 358) поляки имели 42, а французы—75, т. е. вместе 117, что составляет даже 33%.

Политический характер конгресса дополняется тем, что французы и поляки дружно поддерживали одни и те же предложения. Так, в комиссии по изданию конституций, кажется, немцы предложили издавать конституции с комментариями, но французы вместе с поляками выступили против и т. п.

На этой почве политических противоречий можно было наблюдать и совсем курьезные истории: в одной из секций немцы покинули заседание, когда кафедру занял польский докладчик.

Насколько политически напряженной была атмосфера конгресса, можно судить по выступлению белой профессуры. Будь атмосфера работ более академической, даже у белых не было бы стимулов к чисто политическому выступлению.

Эмигрантская профессура пыталась на конгрессе выступить от имени русской науки. Но комитет конгресса резонно раз'яснил им, что русскую науку представляет советская делегация, за белыми же остается возможность посетить конгресс лишь в качестве членов делегации какой-либо другой страны. Таким образом, от Америки попал на конгресс профессор М. И. Ростовцев, от Франции Кулишер А. М., затем В. В. Шацкий, да от Югославии Е. А. Елачич, кстати, довольно дружелюбно отнесшийся к советской делегации и даже очень сочувственно цитировавший на конгрессе работы М. Н. Покровского. Любопытно, что такие страны, как Чехо-Словакия, где расположено большое гнездо белой профессуры не дали не одного места эмигрантам, а о Германии и говорить не приходится. То обстоятельство, что именно Франция и отчасти Америка привезли белых, только лишний раз подчеркивает политический характер конгресса.

Привезенные белые на второй же день конгресса выступили против советской делегации в интервью профессора М. И. Ростовцева. Вот что поместила газета «Афтенпостен» 15 августа 1928 г. со слов М. И. Ростовцева: «Мы встречаем сегодня профессора огорченным тем, что бюро конгресса внесло предложение и избрало проф. Покровского в члены президиума конгресса.

— Знаете, кто он такой?—говорит профессор.—Он является государственным секретарем департамента просвещения в Москве, другими словами—это правая рука Луначарского, а последний является заведывающим того департамента, который пытается уничтожить всякое свободное историческое исследование в России. Это—департамент Покровского, который несколько лет тому назад выслал 26 ученых лишь потому, что их философские и исторические взгляды и учения не совпадали с официальной теорией марксизма.

Вообще, что в сущности делать на этом когрессе советско-русскому историческому исследованию? Политически их приглашение на конгресс может быть и правильно. Исходя из точки зрения международного сотрудничества, могут еще быть некоторые основания для их приглашения, так что я не желал ни протестовать, ни высказывать своего сожаления по поводу приглашения историков Советской России, несмотря на то, что мне кажется, бюро могло избрать в президиум более нейтрального представителя, чем человека, бывшего самым важным оружием в руках советского правительства в преследовании свободного исследования в России.

Но с точки зрения научной приходится удивляться приглашению советских историков. Вообще не может существовать сотрудничества между остальными членами конгресса и советско-русской делегацией по той простой причине, что мы все другие базируем нашу работу на свободном исследовании и полной свободе взглядов. Между тем, как советско-русские «историки» имеют своей определенной исходной точкой марксизм и задачей их

является как можно лучше приспособить к нему факты. Но это, ведь, ничего общего не имеет с историческим исследованием!

Между тем, задачей конгресса является организационная работа исторического исследования на основе полной свободы для каждого. Мы ищем истину без предпосылок и только ее. И мы знаем, что истина еще далека. Но советско-русские историки, напротив, говорят: истина найдена, это—марксизм; те, которые не видят этого, вредны и должны быть изгнаны. Эти господа, если бы были в состоянии, распустили бы весь конгресс. Исторический материализм для них теология, но не наука. Их исследование не является наукой, а лишь попыткой приноровить фактические условия к теологической догме».

Выступление М. И. Ростовцева, однако, произвело отнюдь не то впечатление, на которое рассчитывали открытые и скрытые недоброжелатели Советского Союза. Откровенно-политический характер его смутил даже и тех, кто ждал и готовился к нему. Как раз эта группа надеялась изолировать советскую делегацию и сделать ее присутствие малозамеченным, а выступление профессора испортило этот план. Тем более, что оно совпало с пребыванием в норвежском порту «Красина», вызвавшего, буквально, бурю восторга даже в мелкобуржуазных кругах.

На следующий день утром в печати появилась статья председателя конгресса, норвежского профессора Кута, с резким ответом зарвавшемуся профессору. Основное в статье Кута состояло в том, что он отгородился от имени конгресса от выступления Ростовцева, сделав его личным делом профессора. В тот же день появилось интервью беспартийной части нашей делегации. Профессор Преображенский, Пичета, Косьминский и Богаевский чрезвычайно остроумно подошли к выступлению М. И. Ростовцева. «Основной принцип научности,—говорили они в своем интервью,—состоит в критическом подходе к источнику. Профессор Ростовцев—ученый, но он не проявил критического подхода к источнику своей информации, поступив тем самым не как ученый». Дальше наши товарищи шаг за шагом, приводя богатый фактический материал, опровергнули утверждения профессора. В частности, в противовес его утверждению о подавлении инакомыслящих, они сообщили, что книга Петрушевского—анти-марксистская по своему содержанию—была издана в Москве, что книга самого Ростовцева—активного противника Советской власти,—все же увидела свет в Советском Союзе и т. п.

Давление общественного мнения было настолько сильно, что та же газета, где писал Ростовцев, вынуждена была выступить в роли унтер-офицерской вдовы, самое себя высекшей: газета «Афтенпостен» на другой день поместила портрет М. Н. Покровского и его ответное интервью против Ростовцева.

Протест на этом не кончился. Культурно-просветительное общество «Кларте», в состав которого входят левонастроенные элементы, организовало специальный митинг, на котором выступили члены нашей делегации: профессор П. Ф. Преображенский с докладом о науке в СССР и профессор В. А. Юринец от Украины на тему—Национальный вопрос и проблема национальной культуры в СССР.

Можно судить после этого, насколько «близок» к истине корреспондент «Последних новостей», писавший в газете 27 августа: «что касается представителей советской науки, то участие их в с'езде прошло мало замеченным» (!). Вот уж именно, истинный представитель крыловского «любопытного»: не заметить после такой возни...

Чтобы покончить с вопросом о характере конгресса, не лишним будет остановиться еще на одном факте. Каждая крупная делегация выставляла по одному докладчику на пленум конгресса. Французы изо всей своей огромной делегации, насчитывающей крупные исторические имена, тем не менее вы-

ставили официальным представителем французской исторической науки... попа: монсьер Бодриляр прочитал доклад о религиозной психологии короля Людовика XIV. Католический епископ с самым серьезным видом доказывал 1000 профессорам, что Людовик был прекрасным католиком. Что же касается его «похождений», вошедших даже в католические хрестоматии для детей, то это лишь маленькое пятно на светлом солнце, о котором можно упомянуть вскользь. Зато, следуя давно установившейся традиции, монсеньер половину речи посвятил мадам Ментенон, неизменно поддерживавшей строгий католицизм у христианнейшего короля. Кстати. Ее плодотворную деятельность монсеньер ставил в пример и всем присутствовавшим!

Прибавьте к этому то обстоятельство, что французы привезли не одного монсеньера, что попов вообще на конгрессе было много, особенно в секции истории религии, что французы, очевидно, не пустили на конгресс Матьеза, собиравшегося при том читать интересный доклад о диктатуре в Великой французской революции, что многие доклады были на такие темы, как «Религиозные причины Крымской войны», что в докладе о проблеме Тихого океана в современную эпоху не было сказано ни звука о Советском Союзе, а сам доклад кончался заявлением—если Россия возродится, то она снова пойдет рука об руку с Францией и Англией,—то общий фон, на котором разворачивалась работа конгресса, будет сравнительно полон.

Все 360 (в круглых цифрах) докладов были разбиты на пленарные, читанные на общих собраниях и секционные.

Пленарных заседаний было всего два, которыми открыли и закрыли конгресс. На первом выступили Галидан Кут (Осло)—Замечания о национальной идее в современной эпохе; монсеньер Бодриляр со своим уже упомянутым докладом; К. Бранди (Геттинген)—Карл V; Анри Пиренн (Бельгия)—Распространение ислама и начало средневековья; Альфред В. Киддер (Вашингтон)—Современное состояние знания американской истории и цивилизации до 1492 г. На втором пленарном заседании выступили: Карло Калисс (Рим)—Об'единение Италии; Альфонс Допш (Вена)—Натуральное и денежное хозяйство в мировой истории; М. Н. Покровский—Происхождение русского абсолютизма с точки зрения исторического материализма; Розе (Кембридж)—Бонапарт и Восток; Зелинский[1] (Варшава)—Человек древности и человек современности; Иорга (Бухарест)—Запад и Восток в средние века. Два доклада из всей серии, несомненно, представляли большой научный интерес: Допша и Покровского. Профессор Допш повторил тезисы своей последней книги. Не называя имен, Допш, по существу, выступал против марксистов, которым он приписал (от профессора можно было ожидать большей теоретической подготовки), следующую экономическую схему мировой истории: натуральное хозяйство, денежное и кредитное. (!). Что доклад его был заострен против марксистов, доказал сам Допш, кончив свой доклад, представлявший фактическое обоснование ошибочности, созданной им «марксистской» схемы, примерно, так: а все же нельзя об'яснить всю историю из одного экономического фактора. Чувствовалось, что проф. Допш метит как раз в подымающегося уже на кафедру М. Н. Покровского, который даже в теме подчеркнул свою исходную точку зрения.

М. Н. Покровский изложил свою теорию происхождения самодержавия, выслушанную внимательно, но с каким-то напряжением, как-будто слушатели ожидали, что вот-вот большевистский ученый скажет что-нибудь особо неожиданное. Н. М. Лукин правильно отметил в своей статье, что кое-кто из профессоров морщился, когда М. Н. Покровский употреблял такие тер-

---

[1] Любопытно, что поляки не нашли ни одного, достойного представлять Польшу, профессора и имели своим представителем старого русского профессора, который при этом ни звука не сказал о Польше, зато много говорил о Льве Толстом.

мины, как «буржуазная историография», «пролетарская историография» и т. п.

Всех секций, заседавших 2 раза в день, было 15:

I. Секция вспомогательных наук, архивов и публикаций текстов;
II. Доисторическая;
III и IV. История древности;
V. Средневековье;
VI. Новая история;
VII История Америки;
VIII. История религии;
IX. История права;
X. Экономическая и социальная история;
XI. История науки и литературы;
XII. История искусства;
XIII. Методологическая секция;
XIV. Секция по преподаванию истории;
XV. История северных народностей.

Наиболее крупные историки, выступавшие с докладами, следующие: Пиренн от Бельгии, Бранди, Дармштетер, Корнеман, Майер, Мейснер, Онкен, Рейнеке-Блох, Шмидт, Фогель, Виганд и др. от Германии; Бер, Глоц, Леритье, Марион, Буассонад, Блох от Франции; Темперлей и Гуч от Англии и т. д.

Советская делегация состояла, кроме М. Н. Покровского, из следующих товарищей:

Б. Л. Богаевского, прочитавшего доклад на тему—Боги гончарного искусства минойского Крита;

П. Ф. Преображенского—Реалистические черты древних религиозных верований;

Е. А. Косьминского—Английская деревня в XIII веке;

В. П. Волгина—Социализм и эгалитаризм в истории социалистических теорий;

В. В. Адоратского—Архивоведение в РСФСР;

М. Яворского—Западно-европейское влияние на идеологию украинского общественного движения во 2 и 3 четверти XIX столетия;

С. М. Дубровского—Крестьянское движение в России в XX веке;

В. А. Юринца—Главные течения в современной украинской литературе.

Н. М. Лукин и В. Пичета докладов не читали.

Немедленно по прибытии в Осло советская делегация на специальном собрании, наметила план своей работы. Прежде всего было решено принять самое деятельное участие в прениях, причем были даже намечены те доклады, которые представляли для нас особый интерес. Следующее постановление касалось вопроса о языке конгресса. Официальными языками считались норвежский, английский, немецкий, французский, итальянский и испанский. Делегация решила настаивать на допущении наряду с другими и русского языка. Кроме того, было постановлено ввести в интернациональный комитет по организации и созыву конгресса М. Н. Покровского и добиваться допущения в комитет представителей Украины и Белоруссии. Из других решений делегации следует остановиться на постановлении о введении в комиссию по доступности архивов т. В. В. Адоратского, а в комиссию по преподаванию истории т. В. П. Волгина.

Сама делегация была составлена по такому принципу, чтобы показать наши достижения во всех областях исторической науки, причем доклады советских историков имели несомненный научный успех. Сошлюсь только на два примера. После доклада Б. Л. Богаевского, читавшего в первый день открытия работ секций, председатель секции, явно стремясь перейти к но-

вому докладу без прений (а в секциях полагались выступления по 5 минут, а сами доклады продолжались 30 минут), поблагодарил докладчика и пригласил второго. В этот момент, протестуя, поднялся профессор Корнеман, заявив, что он много лет думал над проблемой, затронутой Богаевским, и только сейчас убедился в том, что она разрешена. Это дает ему право считать материалистический метод в истории таким же научным методом, как и другие. Само собой разумеется, что секция не ставила на голосование признание научности материалистического метода, но заявление авторитетного профессора имело свое значение.

Доклад т. Адоратского был яркой иллюстрацией того положения, что только пролетарская революция сделала возможной научную разработку наших архивных материалов. В прениях выступил датский ученый Фрис, произнесший буквально панегирик по адресу наших архивов и их постановки дела. После него выступил немецкий профессор Мейснер, полностью подтвердивший проф. Фриса и подчеркнувший научный характер наших публикаций. Познанский проф. Пашковский, работавший в России до октября, в свою очередь поразился такой решительной перемене в архивоведении и огромными успехами советского архивоведения.

Таким образом, как и в Берлине, советская делегация резко подчеркнула классовый, а вместе с тем и научный характер исторической науки в СССР.

Делегаты наши не ограничились лишь докладами. Они довольно часто выступали в прениях, противопоставляя мертвящей скуке, идеалистической интерпретации истории, живой и плодотворный метод марксизма. Отмечалось и на самом конгрессе, что марксистские историки отнюдь не повторяли избитые, общие места и не шли по старым проторенным схемам, что с упорством, достойным совсем другого применения, проделывали буржуазные историки. Каждый марксистский доклад ставил вопрос по новому, на резко классовой базе, беспощадно расправляясь с идеалистической мешаниной. И эти выступления отнюдь не тонули в идеалистическом море, как самая немногочисленная советская делегация среди сотен буржуазных историков. Напротив, казалось весь конгресс являлся диспутом, на котором большая часть докладчиков направляла свои удары на непропорционально слабо представленный марксизм. Этот факт, едва ли не больше других свидетельствовал о том, как слабы научные позиции идеалистической историографии, если она всю силу своих доводов направляла лишь на борьбу против марксистского метода.

То, что мерещилось перепуганному эмигрантскому профессору—если бы советские историки были в состоянии, они разогнали бы весь конгресс—приобретало реальное значение, однако, в прямо противоположном смысле: конгресс историков сам ставил под вопрос научный характер всей буржуазной истории, поскольку находил в себе силы лишь для огульной атаки на марксизм.

Марксизм в Осло, кроме советской делегации, был представлен лишь одним ученым[1]: председатель исторического конгресса профессор Кут, читал доклад о значении классовой борьбы в современной истории человечества.

Слабое развитие классовой борьбы в Норвегии позволяет либеральной буржуазии проявить такую роскошь, как игра в марксизм. Какой вид, однако, он принимает в ее интерпретации, можно судить по содержанию доклада и прениям. Основной тезис доклада, являющегося, по язвительному замечанию одного из наших делегатов, введением в изучение политграмоты,

---

[1] Наши делегаты пытались в Осло сорганизовать всех марксистов и создать отдельные общества историков-марксистов. На организационное собрание явилось, однако, только 2 человека.

сводился в следующему: буржуазия в силу развития меновых связей все более интернационализируется и уже не является носителем национальной идеи; носителем национальной идеи выступает новый класс—пролетариат. (!).

Но даже и в своем обуржуазненном виде «введение в политграмоту» вызвало протесты. Выступавшие в прениях повторяли обычные доводы о влиянии многих факторов в истории человечества и односторонности докладчика.

Докладчик в своем заключительном слове... согласился со своими оппонентами.

Само собой разумеется, что от такого марксизма советской делегации пришлось отгородиться.

Но участие советской делегации на конгрессе вскрыло и ряд недостатков, какие следует учесть при организации и посылке новых делегаций. Надо помнить, что всякий научный конгресс в нашу эпоху неизменно является и политическим, а потому, помимо тщательной подготовки к выступлению на этих полуполитических конгрессах, не следует забывать, что проблема времени и числа отнюдь не являются только философскими категориями: наша делегация была так малочисленна, что не имела совсем времени посетить даже все секции, не только выступать в прениях. А между тем, и для научных, и для практически-политических последствий, говорить об огромном значении постоянных и частых марксистских выступлений не приходится.

Во-вторых, надо проявлять большую аккуратность и тщательность в выполнении своих планов. За месяц до конгресса в нашем списке были об'явлены—академик Тарле и профессора—Грушевский и Федоровский. При открытии конгресса первый сообщил телеграммой из Парижа о своей болезни, а вторые почему-то не приехали. Располагая этими данными, белогвардейская пресса писала: «Советское начальство не пожелало допустить на с'езд живущих в России старых ученых с именем и командировало большевистских деятелей, большинство которых не вызвало к себе интереса со стороны международной научной коллегии» («Последние новости», 27,VIII, 1928).

Конечно, считаться с шавканьем подзаборной литературы было бы ниже всякого достоинства, но зачем же давать материал даже для шавканья?

В. Адоратский

Архивное дело на VI конгрессе историков

На VI Международном конгрессе историков в Осло вопросам специально архивного дела было отведено не много места. На 1-й секции конгресса «Sciences auxiliaires, archives, publication de textes» было собственно всего лишь три доклада, касавшихся специально архивов. Именно доклад И. Пашковского (Познань) об архивах, действующих учреждений и научных архивах, мой доклад об архивном деле в РСФСР и небольшое сообщение Г. Пиренна (Гент) относительно вопроса о бумаге и чернилах.

Проф. Пиренн обратил внимание секции на плохое качество бумаги, на которой печатаются лучшие современные произведения. По его словам, в настоящее время, чем глупее и никчемнее книга, тем на более лучшей бумаге она печатается. Какое нибудь никому не нужное исследование по генеалогии непременно появляется на превосходной бумаге. Произведения же наиболее остроумные и ценные печатаются на такой плохой бумаге, что книга оказывается очень недолговечной. Если не позаботиться об улучшении качества бумаги,—все письменные и печатные источники нашей эпохи погибнут. Техника меняется в настоящее время очень быстро, наши машины скоро сменятся совершенно иными изобретениями и через несколько поколений после нас от нашего времени сохранятся только остатки старой техники, которые будут казаться новому поколению неуклюжими и совершенно непонятными, т. к. вся наша литература, об'ясняющая для чего эти приспособления существовали и как они делались,—исчезнет. Получится то же самое, что произошло с культурой Египта. Сохранились пирамиды, а способы их постройки забыты и исчезли бесследно. Пиренн внес предложение, принятое секцией, а затем и конгрессом, обратиться к правительствам с предложением обратить внимание на производство бумаги и чернил и гарантировать их лучшее качество.

Старый польский архивист И. Пашковский, служивший долгое время в Прусском Государственном секретном архиве, теперь работающий в Позчани, сделал доклад об отношении между архивом современных действующих учреждений, существующими для практических потребностей этих учреждений и носящими по немецкой терминологии название регистратур и архивами в собственном смысле слова, имеющими научный характер, ставящими своей задачей собирание и научное издание источников для изучения истории.

Совершенно ненормально то положение, которое существует в настоящее время повсюду в буржуазных государствах, когда действующие учреждения не связаны с научно-историческими архивами, уничтожают свои архивные материалы совершенно самостоятельно и независимо от кого бы то ни было. Благодаря этому гибнут материалы очень ценные для исторической науки. Пашковский внес предложение о том, что необходимо, обеспечить влияние ученых архивистов-историков на организацию архивов учреждений и на работу по уничтожению архивных материалов, не подлежащих хранению.

Только это может дать гарантию сохранения документов, нужных для истории.

Это предложение было единогласно принято в заседании секции и было утверждено пленумом конгресса. В прениях по докладу Пашковского было отмечено прусским архивистом Мейснером и мной, что внесенное предложение уже осуществлено в РСФСР, где проведена централизация архивного управления.

В кратком получасовом докладе мне удалось познакомить секцию с основными принципами организации архивного дела в РСФСР и дать самую общую характеристику содержания наших архивов.

Вот краткое содержание моего доклада: До Октябрьской революции положение архивного дела в России было крайне не удовлетворительным, оно находилось в хаотическом состоянии. Об этом говорили и писали все знатоки наших архивов. Об этом говорил в своем докладе на XI археологическом с'езде в 1899 г. в Киеве—А. Н. Львов. Проф. Самоквасов писал о прямом «разгроме» русских государственных архивов, явившемся результатом отсутствия единого общего архивного управления и законодательства. О том же писал и Иконников.

Среди тех преобразований всемирно-исторического значения, которые осуществила пролетарская революция, архивная реформа, конечно, отступает на задний план, но ее культурное значение очень велико. Можно сказать, что архивное дело в РСФСР было создано лишь после пролетарской революции.

В советской республике, в основу организации архивного дела положены два принципа: принцип централизации и принцип неделимости фондов (немецкие архивисты называют этот второй принцип—Provenienzprinzip). Согласно этому последнему принципу всякий исторически сложившийся фонд представляет собой неделимое органическое целое и единство его не должно разрушаться, нельзя произвольно выдергивать из него отдельные дела и документы, потому что это ведет к разрушению архива, создает произвол и путаницу.

Что касается принципа централизации, то он вовсе не означает сосредоточения в одном центре всех архивных материалов, как это хотят представить люди, которых пробирает дрожь от одного слова «централизация», он означает единое и рациональное управление архивами, а отнюдь не разрушение всех местных архивов. Наоборот лишь после введения централизации архивного дела стали возникать и развиваться местные архивы союзных и автономных республик, так что каждая преследовавшаяся раньше царизмом народность в настоящее время имеет автономию и собственные архивы, ценные для ее истории и для ее культурного развития.

После краткой характеристики организации архивного дела в РСФСР, перечисления и краткого описания важнейших архивов, было указано на содержание архивных материалов и их ценность как исторических источников.

Архивы СССР ценны особенно тем, что содержат материалы по истории целого ряда общественных формаций от первобытных до современных. Ступени общественного развития, переживавшиеся народами Запада в ту эпоху, от которой не осталось письменных памятников, были еще живы в XIX в. и даже в начале XX в. среди ряда народностей, населявших теперешнюю территорию СССР. Многие народы Сибири, Казакстана, Средней Азии, Кавказа совсем недавно переживали различные стадии родового быта и его разложения. В архивах напр., быв. Среднеазиатского генерал-губернаторства, губернаторов и их канцелярий за XIX в. есть масса материалов, дающих характеристику родов, их внутреннего строя, земельных отношений, перехода от кочевого быта к оседлому, от родовых отношений к государственным и т. д.

Для эпохи феодализма много материалов в архивных фондах

сохранившихся от XV, XVI, XVII вв. (архивы центральных учреждений, монастырей, старинные вотчинные архивы и т. д.). В «духовных грамотах» князей, в «жалованных грамотах», устанавливающих права и привилегии различных землевладельцев (иммунитет), в «несудимых грамотах», устанавливающих феодальное право суда землевладельца, в «уставе о кормах», регулирующем феодальные сборы и в целых сериях других видов документов отразились чисто феодальные отношения, сходные с феодальными отношениями, известными на Западе.

Для своеобразной эпохи крепостничества в сочетании с торговым капитализмом, которая переживалась Россией в XVII и XVIII вв.—неисчерпаемое богатство источников дают очень полно сохранившиеся архивы центральных учреждений XVII в. (Приказов) и центральных учреждений XVIII в. (Сената, Коллегий и т. д.).

Разложение крепостничества, переход к промышленному капитализму, его развитие, переход к преобладанию финансового капитала, к империалистической стадии капитализма—все эти процессы отразились в архивах XIX и XX вв., в архивах министерств и их местных органов, в архивах национализированных частных предприятий и торгово-промышленных организаций и т. д.

Наконец для эпохи пролетарской революции и переходного периода от капитализма к коммунизму имеется много материала в архиве Октябрьской революции, включающем в себя и архивы гражданской войны и всех центральных и местных учреждений советского периода. В этом отношении наши архивы не имеют равных себе во всем мире.

Особо было отмечено в докладе значение наших архивов для истории Запада. Дипломатическая переписка, сохранившаяся очень полно, начиная с XVII в., материалы торговых договоров, материалы, попавшие в наши архивы, как результат участия русских войск в войнах Запада (напр. отречение Наполеона I, подписанное в Фонтенебло в 1814 г., или подлинный документ Тильзитского мира и т. п.), документы, относящиеся к истории Запада, встречающиеся в частных архивах—все это дает часто очень богатый материал для исследователя исторического развития Запада.

Благодаря недостатку времени,—докладчику в Осло давалось полчаса,—о научной работе Центрархива РСФСР удалось сказать всего лишь несколько слов, именно упомянуть о работе западных ученых в наших архивах, об издательской деятельности Центрархива, о различных изысканиях, ведущихся Центрархивом для нужд государства и о кабинете архивоведения, в котором собираются материалы и ведется работа по изучению истории архивного дела и его современной постановки в различных странах.

Проф. Фрис (Копенгаген), бывший с 1925 г. в Москве и работавший в наших архивах, выступил после доклада с речью, в которой с большой похвалой отзывался о состоянии архивного дела в РСФСР и о работе Центрархива. Он говорил, что его поразило, какая громадная работа была проделана за это трудное время. Выражал благодарность Центрархиву за тот прием, который был оказан ему и другим иностранным исследователям. Он отметил, что был допущен ко всем материалам дипломатической переписки, относящейся к интересовавшему его периоду. Отмечал особо богатое содержание архива, заявив, что информация русских дипломатов о Западе превосходна и дипломатическая переписка является прекрасным источником для историка Запада. В заключение он говорил о необходимости организованного, систематического изучения этих ценных исторических источников и о создании специальной комиссии ученых.

Др. Мейснер (Берлин) прусский архивист, точно так же работавший в нашем архиве весной 1928 г. по материалам относящимся к периоду освободительных войн в Германии 1808—1815 гг., вполне присоединился к словам

7*

Фриса, отмечая международное значение наших архивов. Говоря о личных наблюдениях над архивным делом в РСФСР, он указывал на два крупнейших по его мнению достижения в этой области, примеру которых должны последовать архивы Запада. Это именно, во-первых, постановка дела отбора и уничтожение архивных материалов, не подлежащих хранению, во-вторых, национализация и сосредоточение в Центрархиве частных архивов.

Польский архивист И. Пашковский точно также отметил в своей речи неудовлетворительное состояние архивного дела в России до революции, когда существовало 33 тысячи архивных управлений и архивы были в сущности почти вовсе недоступны для научного исследования.

В заключение председатель заседания секции проф. Рейнке-Блох (Бреславль) благодарил Центрархив за доклад, иллюстрированный диаграммами и схемой организации архивного управления в РСФСР.

Постановления конгресса о необходимости централизовать дело управления архивами и уничтожения ненужных архивных материалов и подчинить его контролю исторически образованных ученых архивистов является вместе с тем признанием правильности того принципа, который положен в основу организации архивного дела в Советском государстве и проводится у нас в жизнь в течение уже десяти лет.

Е. Тарле

К вопросу о начале войны

(Ответ М. Н. Покровскому)

В № 7 «Историка-марксиста» напечатана статья М. Н. Покровского, частично посвященная моей книге «Европа в эпоху империализма». Я совершенно оставляю в стороне вопрос о тоне этой статьи, и предоставляю читателям моей книги судить, насколько этот тон является подходящим в данном случае. Но вопросы, затронутые этою полемикою, заслуживают внимания и, вместе с тем, если я убежден, что М. Н. Покровский приписывает мне взгляды, тенденции и концепции, с которыми я ровно ничего общего не имею, то, с другой стороны, уже самая возможность подобных «недоразумений» заставляет меня уточнить и развить некоторые свои положения. Я делаю это во втором издании своей книги, которое теперь печатается; хочу, отчасти, сделать это и здесь для читателей журнала, где, кстати, была напечатана одна глава из моей книги перед выходом этой книги в свет.

1. М. Н. Покровский пишет: «Начав с податливости социалистических партий предвоенного периода в области внешней политики, Е. В. Тарле с большим литературным искусством (книга вообще написана превосходно), подводит своего читателя сначала к мысли, что «более или менее широко распространенное стремление к отказу от активной борьбы против решительной подготовки к военным выступлениям» обнаруживалось не только партиями, но и рабочей массой, а затем к тому, что не только в области внешней политики у рабочих и предпринимателей образовалась некая «общая почва», которая «почти повсеместно прежде всего вызвала некоторое замедление и относительное ослабление классовой борьбы».

Да, я вполне убежден, что одной из причин, серьезных, настоящих, глубоких причин, катастрофы 1914 года было именно то, что в рабочих массах не было достаточно развито настроение к отпору всеми средставами против устремлений империалистских хищников, и что покойный Лео Иогихес был прав, когда он (незадолго перед войной), с горечью сказал, что одна революционная массовая демонстрация против войны была бы большой уздою для колониальных хищников, чем самая блестящая избирательная победа социал-демократии. Если бы в массах была достаточная поддержка левому крылу, то Розе Люксембург не пришлось бы 4 августа 1914 года мечтать о самоубийстве и не посмели бы Шейдеман в Германии и аналогичные деятели во Франции и Англии, и в Италии вести себя так, как они себя вели. Если теперь, перед майскими выборами 1928 г., член политбюро германской компартии, в своей корреспонденции в «Ленинградской правде» констатировал, что есть очень и очень немалое количество рабочих, которые поддерживают своими голосами не только буржуазных демократов, не только центр, но и правые партии, то подавно эту политическую разнохарактерность рабочего класса нужно признать за факт, когда дело идет о временах перед 1914 г. Рабочие массы даже там, где они больше всего обнаруживали общий

под'ем революционного настроения, как напр., в Англии, именно во внешней политике были сплошь и рядом вялы и инертны и никакого деятельного отпора военным провокациям всех европейских правительств не представили.

2. Но это вовсе не значит (мысль, приписываемая мне М. Н. Покровским), что рабочие «уже до войны капитулировали перед своим классовым врагом». Вовсе нет. Рабочий класс быстро расслаивался, и война, по моему мнению, только ускорила это расслоение, и расслоение это, напр., в Германии привело к тому, что в 1928 году больше 3 млн. голосов было отдано тем, кто ставит ставку на социалистическую революцию. Но до 1914 г. таких успехов даже в отдаленной степени не было у левого крыла ни в Германии, ни в Австрии, ни в Англии, ни во Франции. Именно мысль: 1) что нужно ловить момент, пока еще возможно воевать, не рискуя нарваться на революционный отпор и 2) что нужно воевать, чтобы как раз войною задержать предстоящее усиление революционизирования масс, эта мысль, быть может, очень существенно способствовала тоже той легкости и охоте, с которыми все правительства без исключения сначала предавались с первых же лет XX века непрерывным военным провокациям, а потом разожгли мировой пожар. Во втором издании моей книги все это развивается полнее и яснее, чем в 1-м, где у меня, может быть, в самом деле, допущена неточность в выражениях: я хотел указать на относительную редкость революционных проявлений рабочей борьбы в период 1872—1914 гг., сравнительно, например, с периодом сороковых годов или сравнительно с периодом 1918—1927 гг., а вовсе не хотел отрицать, что в период от Парижской коммуны 1871 г. до 1914 года классовое самосознание ширилось, захватывало все большие и большие массы и готовило кадры для будущих социальных катаклизмов.

3. М. Н. Покровский, к изумлению моему, приписывает мне мысль, что Англия была перед войною накануне... государственного социализма и что только «немец подгадил», начал войну. Ничего подобного я не говорю, и решительно не понимаю, как можно это вычитать: напротив, ведь вся глава моей книги, посвященная внутренней политике Англии, строится по совершенно определенной, ясно формулированной схеме: все английские кабинеты 1901—1914 гг. вели «полемику уступок» именно с тою далеко рассчитанною целью, чтобы хоть на время обеспечить внутренний тыл от революционных взрывов, пока будет происходить учитываемая ими наперед война с Германией. Причем же тут «государственный социализм». Эти уступки—были, по мысли английских правителей, костью, которую повелительно требуется бросить наспех рабочему классу, чтобы он не помешал в свое время покончить с Германией. Такою же костью были уступки ирландцам, бурам, «либеральный» режим в Египте и т. д. И я все это совершенно ясно и категорически утверждаю в своей книге.

4. Наконец, М. Н. Покровский обвиняет меня... в антантофильстве, хотя я много раз повторяю, что Антанта и Германия вполне друг друга стоили, и что одинаково нелепы попытки слишком ретивых их публицистов сложить друг на друга вину в общем своем преступлении.

Я говорю в своей книге, что империализм, царивший в Европе, не мог не привести к «пробе сил» и что если бы война не началась в 1914 г., то началась бы чуть-чуть позже, но началась бы непременно. М. Н. Покровский приписывает почему-то большое значение вопросу об убийстве эрцгерцога и полемизирует против моих слов, что никем не было доказано, что в убийстве (т. е. в заговоре, приведшем к убийству), принимали прямое участие сербские власти. Полемизируя против этой моей фразы в другом месте (в предисловии к сборнику «Империалистическая война»), М. Н. Покровский, между прочим, пишет: «Но, конечно, приказа за подписью Пашича: «убить Франца-

Фердинанда», ни в каких архивах найти нельзя. И этого академику Тарле достаточно, чтобы повторять русскому читателю в 1927 году официальную версию Сазонова». На это я отвечу: во-первых, я вовсе не так уверен, как Покровский, что «ни в каких архивах» нельзя будет современем найти уличающих даже «самого» Пашича документов, в архивах иной раз и не то еще находилось. Во всяком случае, я бы нисколько не удивился, если бы нечто подобное нашлось (быстрый и таинственный расстрел Дмитриевича во время войны как-будто показывает, что маститый «сербский патриарх» знал о себе нечто такое, чего другим знать не полагалось). Но, когда это будет найдено, тогда и будем говорить категорически. А, во-вторых (и на этом я настаиваю), чтобы признать, что и сербское правительство, подобно всем прочим, вполне виновно в провоцировании войны, для этого вовсе не нужно приписывать такое значение сараевскому убийству: Сербия (как я о том и говорю в своей книге), под влиянием приобадриваний со стороны России (вовсе не одного только Гартвига, а, как я пишу в книге, также и Сазанова и Николая II), годами раздражала и провоцировала Австрию, открыто готовясь оторвать от нее часть территории. Как и во всякой другой стране перед 1914 годом, в Сербии боролись два течения в правящих кругах: одни (штаб и высшие военные чины) склонны были поскорее начать, и для них Сараево было желанным фактом, а другие хотели бы повременить до 1917 года, когда, вообще, Антанта надеялась быть «готовой». Первые могли тайком и осторожно содействовать заговорщикам, вторые поспешили капитулировать перед австрийским ультиматумом, когда он был пред'явлен. Правда, и эта капитуляция (которая удовлетворила и привела в восторг самого Вильгельма), все-таки не предотвратила катастрофу, потому что и в Австрии (как и в Сербии, как и во Франции, как и в Германии, как и в Англии, как и в России), были налицо среди правящих кругов такие, которым казалось более целесообразным начать немедленно войну, и такие, которые не прочь были повременить, и в данном случае, верх взяли первые во главе с Тиссою и Бертхольдом. Один из спартаковских вождей Пауль Фрелих пишет: «В Вене быстро решили об'явить войну. Шаг этот был подсказан совершенно упадочным состоянием габсбургской монархии. Чтобы не дать распасться этой пестрой империи, сшитой из различных национальностей, нужно было поработить новые народы. Позорное положение австрийской монархии привело к мировому преступлению». В том-то и дело, что они все, и Сербия, и Австрия, и Антанта, и Германия, наперерыв толкали к войне и изо всех сил раздували пожар и, когда те, кому казалось более выгодным погодить, спохватились и готовы были бить отбой, то было уже поздно. Снова повторяю то, что многократно говорю в своей книге: если Антанта не считала в июле 1914 года себя вполне готовой к немедленной войне и поэтому (в особенности Англия), придерживалась в первые дни конфликта «миролюбивой» политики, то это вовсе не значит, что Антанта «невинна», а Германия и Австрия единственные виновницы. Мой взгляд на это дело близко сходится с одним возражением, сделанным в печати уже после войны, сэру (ныне лорду) Эдуарду Грею, который настаивал на своем безукоризненном миролюбии во время кризиса 23 июля—4 августа 1914 года: «совершенно верно, вы десять дней подряд делали все, чтобы сохранить мир; но зато перед этим вы десять лет подряд делали все, чтобы вызвать войну».

В связи с этим отмечу, что о том, как русские завоевательные устремления на Ближнем Востоке усиливали и приближали военную опасность, я говорю многократно и обстоятельно, пользуясь изданной у нас (и, отчасти, именно Покровским), документацией, а о том, как протекали последние моменты перед об'явлением всеобщей мобилизации, я говорю на основании опубликованной в Красном архиве «Поденной записи». А М. Н. Покровский укоряет меня, что я даю рассказ этой записи «безо всякой критики». Но ведь

эта «поденная запись» жестоко обличает Сазонова и Янушкевича, устанавливает вполне их личную страшную ответственность. Ведь эта запись была опубликована только потому, что произошла в России революция, и только после этой публикации Сазонов стал всячески изворачиваясь, пытаться осветить эти факты в наивыгодном для себя свете. Сама же «поденная запись»—это по существу тяжкий обвинительный акт против Сазонова и Янушкевича. А что русская мобилизация встретилась в Берлине не с открытым (ничуть нескрываемым) стремлением Мольтке начать войну, что таким образом и тут обе стороны наперебой гнали к войне, это теперь не отрицают даже архи-патриотически настроенные круги в Германии. Кстати: проглядевши ряд ссылок в моей книге на «Красный архив», на издание «Россия в мировой войне», и т. п., на сборник «Материалы по истории франко-русских отношений», о котором я пишу (стр. 206), что без него «ни один историк, сколько-нибудь достойный этого наименования, не в праве говорить о Европе пред войною 1914 г.», проглядевши, например, что я отсылаю к сборникам, вышедшим под редакцией самого М. Н. Покровского, а также Наркоминдела, «всех, желающих ознакомиться с деталями» вопроса о Турции (стр. 302), Покровский пишет, полагая, повидимому, что передает мое мнение: «А как же документы, напечатанные в «Красном архиве». Ну, мало ли что там в разных большевистских журналах печатают». В качестве редактора «Красного архива», М. Н. Покровский должен был бы уже давненько заметить, что я не только читаю этот журнал, но довольно упорно сам в нем сотрудничаю. Прибавлю, что я считаю «Красный архив» лучшим из всех «большевистских журналов» и именно таким, без которого нельзя заниматься историей последних десятилетий. И еще прибавлю, что это свое мнение о «Красном архиве» и его изданиях я публично высказывал как-то в речи на общем собрании с'езда архивных деятелей в Москве, в конце 1926 г., укоряя русскую публику в том, что она мало знает, и мало читает «Красный архив», тогда как в Европе значение его публикаций для науки давно уже признано. И еще прибавлю, что Покровский был в президиуме этого с'езда.

5. Далее, М. Н. Покровский пишет: «Речь идет о непосредственном поводе для вмешательства в войну Англии. Разумеется, этим поводом было для акад. Тарле знаменитое нарушение бельгийского нейтралитета». Конечно. А что же другое было непосредственным поводом. И разве это опровергается словами Покровского: «А как же заявление Пуанкаре Сазонову еще в 1912 году, что английская армия будет помогать Франции именно на бельгийской границе». Что же отсюда следует. План Шлиффена (как я говорю в своей книге) был в главных своих чертах общеизвестен, и, следовательно, англичане, как и все на свете, знали, что в случае войны германская армия двинется всею массою именно через Бельгию, и никак не иначе. А что в случае войны Германии с Францией, Англия станет на сторону Франции—это с момента образования Антанты тоже было аксиомой. Почему она станет, по каким экономическим причинам и т. д., об этом в моей книге говорится в соответствующих главах со всею возможною в сжатом курсе обстоятельностью. А что английскому правительству выгоднее и удобнее всего было воспользоваться фактическим нарушением бельгийского нейтралитета, как непосрдственным предлогом, это совершенно ясно и никем никогда не оспаривалось: средний английский обыватель не позволил бы вставить себя в войну из-за Сербии или России, а из-за Бельгии, пошел воевать. Как агитационный материал, использованный в видах анти-германской пропаганды, это вторжение в Бельгию было для английских правящих сфер истинным, незаменимым, хоть и предвиденным, подарком судьбы.

6. М. Н. Покровский, далее так излагает «своими словами» то, что я говорю о Брестском мире: «вот, оказывается, глупые большевики кому помогли Брестским-то миром,—Антанте». Я предлагаю всякому, сколько-нибудь беспристрастному читателю прочесть страницы, посвященные мною Брестскому миру и сказать: есть ли там хоть что-нибудь подобное этим, приписываемым мне словам, или хоть этой мысли. Во-первых, я ни единым словом не касаюсь Брест-литовского мира, поскольку он событие русской истории: для советского правительства, этот мир был необходимостью, на которую оно пошло. А императорская Германия погубила себя не потому, что пошла на мирные переговоры в Брест-Литовске, а потому, что выставила грабительские условия и насилием настояла на них. Когда в ноябре-декабре 1917 года начинались переговоры, то весь мир и, особенно, рабочие массы в Италии, Франции, Англии, с затаенным дыханием следили за тем, что происходит в Брест-Литовске, и никогда циммервальдские и кинтальские лозунги не имели столько сторонников в странах Антанты, как в этот момент, и это ровно ничего не значит, что, мол, Англия заявляла «еще с 1914 г.», что желает окончательно разгромить Германию: дипломаты всегда, как известно, обнаруживают полную «непоколебимость» вплоть до того момента, как начинают «колебаться», а мы знаем, что, не говоря уже о настроениях в рабочей среде, даже те слои буржуазии, лидером которых являлся в 1917—1918 гг. Асквит, определенно шли на мир с Германией на основе возвращения и восстановления Бельгии, и группа Асквита очень подняла голову именно в последние два месяца 1917 года. А кто такой был тогда Асквит. Вчерашний премьер и, может быть, завтрашний премьер. Ллойд-Джорджу удалось окончательно зажать рот группе Асквита не тогда, когда начались, а тогда, когда кончились брестские переговоры. Крайние империалисты в Англии во главе с Ллойд-Джорджем, Бальфуром и Бонар-Лоу увидели, что опять на их улице праздник, когда германские генералы вторглись в Украину и Прибалтийские страны. В этом смысле политика Людендорфа и его агентов в Брест-Литовске, конечно, погубила окончательно Германию. Если на чем-нибудь сходятся теперь в Германии самые разнообразные партии, начиная с коммунистов и кончая умеренно-правыми, то именно на губительнейшем конечном значении насильственных аннексий, которыми ознаменован был финал брестских переговоров. «Программа Версальского мира была уже готова осенью 1914 года, за три года до Бреста», говорит М. Н. Покровский. Совершенно верно, но осуществить эту программу позволили две губительнейшие ошибки германской дипломатии: беспощадная подводная война и Брест-литовский мир. Уже цитированный мною коммунист и историк германской революции Пауль Фрелих в только что вышедшем на русском языке первом томе своей замечательной книги дает, впрочем, формулу, еще более широкую, чем моя: «К поражению вели все намеченные Людендорфом этапы наступательной политической кампании: широкая завоевательная программа осени 1916 года, образование польского королевства, беспощадная подводная война, канцлер Михаэлис, коронный совет в Крейцнахе, Брест-литовский мир, окончательно выяснивший завоевательные стремления германского империализма». («К истории герм. революции», I, 232, Госиздат, 1928). Это-то и было бедствием для германского народа, что все хищнические стремления и замыслы Антанты, которые она обнаруживала и до войны, и особенно с начала войны, последовательно и постепенно становились осуществимыми и переходили из категории слов в категорию фактов, вследствие целого ряда действий германских же правящих сфер, и самым ярким, и одним из самых фатальных для Германии действий, по всеобщему германскому же признанию был, конечно, людендорфский финал Брест-литовского мира, грабительская его сущность и методы его реализации. «Священный лозунг Антанты «Германия

напала», является для меня такою же лицемерною и наглою ложью, как и «священный лозунг», коего до сих пор придерживается пребывающий ныне на покое Вильгельм II: «Антанта напала». Эти лозунги внутренне-лживы потому, что обе стороны, взапуски, годами пользуясь всяким случаем, обостряли все конфликты, рвали друг у друга добычу, подстерегали врага на малейшей оплошности, подкупали целые партии и почти всю прессу, учитывали барыши от будущих кровопролитий, и уж потому всякая попытка прикинуться обиженною стороною и угнетенною невинностью может рассчитывать только либо на крайнее невежество, либо на явно-недобросовестное пристрастие. Обе стороны друг друга вполне стоили, и с чисто-научной стороны положительно неинтересно, кто на секунду быстрее или на секунду медленнее успел выхватить кинжал, и кто более ловко потом лгал и заметал следы. Но я, пожалуй, понимаю, что иногда может явиться теперь искушение отнестись к Германии как бы снисходительнее, чем к Антанте: во-первых, Германия потерпела поражение, и до поры, до времени поэтому пассивна, а «державы-победительницы» попрежнему прилежно точат ножи и ждут во всеоружии удобных комбинаций для повторения 1914 года; во-вторых, те, кто прожил войну в странах Антанты и целые годы принужден был питаться неистовою ложью газет и правительств России, Франции, Англии, те по довольно простительному психологическому импульсу особенно страстно возмущаются именно антантовскими небылицами. Но отсюда не следует, что должно верить небылицам германским и выискивать «антантофильство», там, где его нет и следа. С таким же правом М. Н. Покровский мог бы на основании другой главы моей книги, где говорится о Версальском мире, обвинить меня в «германофильстве», потому что в этой главе неистовствует именно Антанта, а терпит Германия. С таким же правом можно обвинить в германофобстве самого Покровского, вычитавши у него («Империалистическая война», стр. 134, Москва, 1928 г.) такие строки о Вильгельме II: «Войну Австрии с Сербией он провоцировал, на войну с Россией и Францией из-за Сербии он шел с совершенно открытыми глазами. Правда у него была тень надежды, что Николай II «постыдится» выступить на защиту цареубийц, но он жил не этой тенью, а уверенностью, что со своими сухопутными противниками германо-австрийский союз справится легко и быстро. Поджилки у него дрогнули первый раз, когда ему стало ясно, что Англия не останется на нейтральной позиции»... В данном случае я расхожусь с М. Н. Покровским только по вопросу о хронологии, касающейся «поджилок»: колебание, отмечаемое дальше Покровским, относится по-моему не к 28, а к 29 и 30 июля. Кстати: англо-русская морская конференция не имела того огромного значения, которое придает ей, повидимому, М. Н. Покровский, во-первых, (это известно теперь точно), германский морской штаб знал очень хорошо истинную боевую ценность русского флота, во-вторых, в возможности запереть Балтийское море для англичан Германия ничуть не сомневалась, в-третьих, надежды на английский нейтралитет базировались в Германии на целом ряде данных (вроде явно назревшего англо-русского конфликта, в Персии, обострения ирландских дел и т. д.), и мы знаем, что именно губительнейшей для Германии ошибкою Вильгельма и Бетмана-Гелльвега, которую им до сих пор не могут простить в Германии, было как раз то, что «его (Вильгельма) мечтания в начале июля не шли дальше аннексий Сербии, хотя бы путем войны с Россией и Францией, и он в ужасе отпрянывал от идеи мировой войны с участием Англии» (М. Н. Покровский «Империалистическая война», 134). А что Антанта с первого момента своего образования думала о войне с Германией в удобный для себя момент, думала не только об «обороне», но и о нападении и о будущих своих завоеваниях, об этом я многократно говорю в соответствующих местах своей книги, и для обнаружения этого очевидного

факта англо-русская морская конвенция не дает ничего нового. Но раз о ней зашла речь, я о ней упомяну во II издании своей книги, как и еще о некоторых обстоятельствах, о которых не говорил, не желая непомерно увеличивать и без того большую работу.

Не скрою, что больше всего мне было жаль тратить место при подготовке II издания именно на э т у главу (о начале войны). Из всех 22 глав моей книги э т а глава казалась мне посвященной наименее существенным, с научной точки зрения, темам и наиболее занятой по существу дела и вопреки моей воле тем пресловутым вопросом о «роли личности», который мне всегда казался и (кажется) безнадежно и вполне заслуженно сданным в архив. Привел ли империализм, воцарившийся во всех «великих» и коекаких «малых» державах к такому положению, когда война была безусловно неизбежной. Да. Провоцировали ли войну, обостряли ли конфликты, усиливали ли хищническую колониальную и общую политику все без единого исключения империалистские правительства, в особенности в последние 15 лет перед войною. Да. Желало ли русское правительство, даже путем неизбежной в данном случае войны, завоевать европейскую и львиную долю азиатской Турции. Да. Желала ли Англия уничтожения или, хоть, ослабления быстро создавшейся экономической и политической суприматии Германии. Да. Стремились ли в Германии очень могущественные капиталистические круги к созданию огромной колониальной империи, к экономическому овладению турецкой империей, к действенному использованию военно-морской мощи империи для победоносного продвижения германского капитала на всем земном шаре. Да. Желала ли Сербия присоединения громадных южноавстрийских территорий даже если это можно будет сделать лишь в пожаре мирового побоища. Да. Стремились ли наиболее влиятельные слои в правящих сферах Австрии (а еще больше в Венгрии), аннексировать, при удобном случае, всю Сербию или часть ее. Да. Шли ли французские колониальные хищники вполне сознательно и н е с к о л ь к о р а з на риск войны с Германией (и следовательно, на риск мировой войны) во имя захвата марокканской империи. Да. Считал ли германский штаб, во главе с фон-Мольтке, что время работает на Антанту, и что поэтому откладывать войну невыгодно. Да. Считал ли в свою очередь английский м о р с к о й штаб, т. е. лорды адмиралтейства во главе с лордом Фишером, что время работает на германский флот, и что поэтому англичанам тоже откладывать войну опасно. Да.

Достаточно задать себе хотя бы эти вопросы (и еще с десяток аналогичных) и ответить на них, чтобы сразу показалось, просто, скучным занятием препираться о том, насколько одна сторона превосходила другую своею голубиною чистотою и невинностью. Этими только что приведенными «вопросами и ответами» я начинаю во втором издании главу о начале войны. Думаю, что те пояснения, которые я вообще во II издание внес, сделают совершенно немыслимым приписывание мне каких бы то ни было до курьеза мне несвойственных адвокатских или прокурорских тенденций. Мне пришлось, таким образом, не сократить, а расширить ту главу моей книги, которую я бы охотно свел к двум страницам указанных «вопросов и ответов». Это—по существу. Отвечать в печати в том тоне, в каком счел уместным писать Покровский, я не имею ни охоты, ни возможности.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы печатаем во всей неприкосновенности ответ акад. Е. В. Тарле на статью М. Покровского в книжке «Историка-марксиста», чтобы у читателей нашего журнала не оставалось никаких сомнений, что по существу академику Тарле отвечать нечего. Подражая его «вопросам и ответам», можно спросить, примерно: «Отрицает ли (в 1-м издании своей книги) Тарле, что классовые противоречия в Европе в эпоху империализма обострялись, а не смягчились?» Да! «Утверждает ли он, что инициатива войны шла от Германии?». Да! «Считает ли он «нарушение бельгийского нейтралитета» не просто газетным мотивом, рассчитанным на простодушие обывателя, а серьезным ближайшим поводом для вмешательства Англии в войну?». Да! «Старается ли он скрыть от читателя, что сараевское убийство было инсценировано «с заранее обдуманным намерением» военными партиями Сербии (это доказано безусловно) и России (это в высшей степени правдоподобно?»). Да!

И т. д., и т. д.—как и Тарле, нам очень жалко места на страницах нашего журнала, чтобы украшать его подобными вопросниками, но составить вопросник легче легкого. Если бы во 2-м издании мы имели на все эти вопросы диаметрально-противоположные ответы, то это могло бы служить лишь иллюстрацией того, насколько научные убеждения некоторых авторов обладают свойствами, близкими к свойствам каучука. Больше ничего это не докажет. Но подождем разбора этого второго издания—«Историк-марксист» не замедлит его дать. Имея в виду этот разбор, спорить с автором 1-го издания «Европа в эпоху империализма», довольно бесплодное занятие. И лишь по адресу тех молодых марксистов, которые будто бы, на каком-то ленинградском собрании защищали книгу Тарле (стыдно, товарищи, если это правда!), стоит указать, что «ответ», рассеивает последние сомненья насчет того, принадлежит ли сам автор к марксистам или нет. В самом деле, если в книге то или другое отступление от истины можно было об'яснить публицистическими целями, желанием повлиять на читателя и т. п., в «ответе», который—как это отлично понимает, конечно, Тарле—сейчас же вызовет соответствующую реакцию со стороны органа, где «ответ» печатается, этого рода мотивов предполагать нельзя. Если читателю книги можно было внушить фаталистическое понимание исторического процесса под видом марксизма (империализм роковым образом вел к войне, кто ее начал и как, заниматься этим, значит попусту тратить время), то обвинить акад. Тарле в намерении подменить марксизм фатализмом перед историками-марксистами не решится величайший его недоброжелатель. Ибо и величайший недоброжелатель Тарле согласится, что этот автор, во всяком случае элементарно разумный человек и явно неразумных поступков совершать не станет. И если в своем «ответе», Тарле еще больший, еще более грубый фаталист, чем в своей книге, то, значит, фатализм составляет сущность его убеждений, он искренно воображает, что марксизм есть фатализм, что марксисту совершенно все равно, кто, как, когда совершил то или другое—раз это социологически было неизбежно.

Мы, конечно, не оскорбим читателей «Историка-марксиста» доказательствами того положения, что марксизм не есть фатализм—это слишком хорошо всем известно, из элементарных учебников. Мы только констатируем факт тарлевского фатализма, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что данный автор отнюдь не марксист, сколь часто он ни ссылался бы на Лео Иогихеса, Пауля Фрелиха и даже Розу Люксембург. «Голубиная чистота» Тарле столь велика, что он даже не понимает различия вопросов: «кто прав», и «кто начал». Ему кажется, что доискиваться конкретных виновников войны значит решать вопрос о нравственной ответственности.

Не в этом совсем дело. Позицию Англии в 1914 году важно выяснить до самых глубоких корней потому, что она, эта позиция, об'ясняет нам позицию Англии в 1928 году. Если, как это в своей «голубиной чистоте» воображает Тарле, Англией управлял тогда «средний обыватель», то это одно; а если ею управлял тогда и управляет теперь финансовый капитал, то это другое. Не разобравшись в этом конкретно историческом вопросе, мы ничего не поймем в империализме, как он реально существует на белом свете, хотя бы мы выучили наизусть книгу Розы Люксембург.

Что за новейшую историю, за историю событий, еще тесно связанных с нашей текущей политической действительностью, у нас берутся люди, не имеющие ничего общего с марксизмом по своему миросозерцанию, это, конечно, факт глубоко-печальный, и постыдный для наших историков- марксистов. Ибо книга Тарле только потому и могла появиться в ГИЗЕ (и притом, безо всякого предисловия), что ни один из наших авторитетных марксистов, международников такой книги не дал. Откровенно скажем, что и появление одной из глав этой книги на страницах «Историка-марксиста» без соответствующего примечания от редакции тоже факт ненормальный. Не досмотрели! Чужие статьи, ради фактического интереса, ими представляемого, мы иногда печатаем: но всякий раз, конечно, читателю должно быть без утайки выяснено наше отношение к точкам зрения автора.

Не будучи марксистом, Е. В. Тарле не в силах, конечно, понять вообще нашего отношения к трактуемому им сюжету. Он обиделся на т о н заметки «Историка-марксиста». Извините, это—тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками. Случайно или намеренно, вольно или невольно вы попали в их число, это вопрос столь же праздный, как и вопрос о моральной ответственности за войну Вильгельма или Грея. Мы не можем относиться к столь живому для нас факту, как империализм, с «академическим» бесстрастием. «Ах, вы защищаете точку зрения антантовского империализма? Мы не согласны с этим мнением!. Нам кажется, что оно нуждается в оговорках...» Таким стилем мы никогда по таким сюжетам из'ясняться не собираемся. Европа в эпоху империализма это вам не эгейская культура. С нашими классовыми противниками мы будем всегда разговаривать таким тоном, каким говорили с ними Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин. Кому не нравится этот тон, пусть не вмешивается в классовую борьбу, пусть не защищает точку зрения тех или других империалистов против марксистского анализа...

Г. Лозовик

Федор Иванович Успенский (1845—1928)

(Некролог)

В начале сентября т./г. умер Федор Иванович Успенский.

В ряду русских ученых, в ряду мировых историков академик Успенский занимал особое место.

История Византии даже на Западе, а у нас и подавно, долгое время составляла монополию богословов, историков церкви, церковных археологов. Гражданский историк сюда проникал с опаской, осторожно и неуверенно. Византийская империя всеми молчаливо признавалась за страну стопроцентного православия, за богоспасаемую державу, где будто бы царила полная гармония, полное единение интересов власти и общества, церкви и государства, где меч светский и меч духовный одинаково направлены во славу божию для вящшего преуспеяния святой церкви.

И эту презумпцию не смели колебать первые исследователи Византийской истории даже на Западе. В XVII веке Дюканж в содержательной работе Historia buzantina duplici commentario illustrata, Paris 1680, Кузен в посредственной компиляции Histore de Constantinople depuis Fustin jusqu'ála fin de l'empire, пожалуй, первые начали разработку политической истории Византии. XVIII век уже знает такое важное достижение в области византологии, как труд Гиббона: «History of the decline and Fall of the Roman empire». Перед читающей публикой всего мира чуть ли не впервые сделано было изумительное открытие, что в Византии были не только церковные соборы, патриархи, богословские споры и каноны, не только монастыри, отшельники и чудеса, но было также общество, помещики, горожане, крестьяне, была армия, власть, были города, ремесла, торговля и т. д. и т. д. XIX век, начиная от Георга Финлея, продолжая Карлом Гопфон и всеми позднейшими византологами, знает уже целиком секуляризованную, светскую, обмирщенную историю Византии, знает уже массу специальных исследований, целиком светского характера по вопросам искусства, хозяйства, литературы, политической и социальной эволюции.

Так дело обстояло на Западе.

Однако, даже и тут процесс секуляризации истории Византии нельзя считать вполне завершенным до сего дня. И от работ самых новейших историков Византийского искусства, вроде Шарля Диля, главы всей современной французской византологии, нет-нет, а иногда обдаст душком, правда, тщательно замаскированным, затхлой церковности.

В России вызволение византологии из-под опеки церковных влияний происходило значительно медленнее. И большая заслуга в этой борьбе за светскую византологию принадлежит покойному Ф. И. Успенскому.

Именно русская византология имела больше всего оснований итересоваться вопросами светской истории Византии, потому что на эти вопросы наталкивались и наши слависты, и исследователи русских древностей, и

археологи, и специалисты по изучению экономического быта дофеодальной и феодальной Руси.

На занятия византологией впервые толкнули покойного Ф. И. тоже вопросы из области истории славянства. По крайней мере, первый его научный труд, вышедший в 1872 г., когда автору, успевшему уже окончить курс историко-филологического факультета Петербургского университета, еле исполнилось 27 лет[1], был озаглавлен: «Первые славянские монархии на Северо-Западе». Через два года, в 1874 г., молодой ученый защищает свою магистерскую диссертацию на чисто византологическую тему: «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон». Этот писатель начала XII века является лучшим летописцем наиболее бурного периода Византийской империи, когда она почти вся, за исключением отдельных областей (Никея, Трапезунд, Эпир) со столицей Константинополем во главе, очутилась под властью «христолюбивого» воинства IV крестового похода. Эта эпоха «латинского владычества» ознаменовалась своеобразным омоложением дряхлевшего тела Восточной империи, своего рода Sturm und Drang периодом, завершившимся в 1261 году реставрацией византийской независимости. Первые годы этого движения и живописуются блестящим пером Хониата, труд которого является неоцененным источником культурной истории Византии.

Именно культурная история Византии особенно привлекала к себе внимание и интерес покойного академика Успенского.

Плодом его занятий вопросами культурной эволюции Византии явилась через много лет тонкая и со вкусом обработанная книга: «Очерки по истории Византийской образованности». Эта работа и обратила на себя внимание ученых специалистов всей Европы. До своего выхода отдельным изданием она печаталась в виде ряда статей в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в продолжение 1891 и 1892 гг.

Защита магистерской диссертации в 1874 г. доставила покойному должность штатного доцента в Новороссийском университете и дала ему возможность получить заграничную командировку для научных занятий. Проработав некоторое время во Франции, а затем в Италии, Федор Иванович выступает с докторской диссертацией на тему: «Образование второго Болгарского царства». В 1879 г., после защиты этой диссертации, покойный избирается профессором Новороссийского университета. Трудно в маленькой заметке перечислить все научные труды покойного: за 55 с лишним лет своей творческой деятельности Федор Иванович написал много сотен печатных листов. Но характерно, что чисто византологические вопросы все время перемежевывались в его трудах с вопросами Южно-славянской истории («Значение Византийской и Южно-славянской προνοία» 1883 г., «Древнейший памятник славянского права», 1886 г., «Византийские владения на северном берегу Черного моря», 1889 г.), и даже в последние годы, когда творчество покойного целиком вдохновлялось вопросами чистой византологии, не замолкали нотки той особой привязанности, которую ему всегда внушали вопросы славяноведения. Из трудов покойного особенно надо выделить по своему значению для последующей марксистской византологии его очерки хозяйственной эволюции, которые под разными заглавиями печатались в 80-х и 90-х годах прошлого столетия во всех научных журналах. По истории эволюции крестьянской собственности Византии, академик Успенский идет впереди всех, если не считать его современника, В. Г. Васильевского. Впрочем, он идет впереди всех, даже если и считать весьма важные для византологии исследования Васильевского.

Покойный ярко выделяется среди пионеров борьбы за «обмирщение» византологической науки в России. И вряд ли не ему одному принадлежит

---

[1] Федор Иванович Успенский родился в Костромской губ., в 1845 году.

заслуга привлечения внимания русских исследователей на вопросы внутренней истории Византии. Но предшественники и старшие современники покойника, его соратники в этой борьбе за светскую византологию, уже успели создать традицию панславистской идеологии. И эту созданную еще до него традицию Ф. И. воспринял и стал ярым ее приверженцем. Вместе с главой русской византологии своего времени В. Г. Васильевским, он стремился во всей византийской культуре искать славянских влияний, воздействий и корней. Эти панславистские идеи об'ективно играли на руку империалистической политике царского правительства, ее ориентации на Восток, ее вожделениям к принятию наследства «больного человека»—Турции, гибель которой казалась неизбежной и являлась вопросом времени.

Начало исследования внутренней истории Византии в русской светской исторической науке можно без большой ошибки датировать с 1879 г., когда в «Журнале Министерства Нар. Просв.», стали появляться работы В. Г. Васильевского: «Материал внутренней истории Византийского государства». Вскоре за этим покойный Ф. И. Успенский в 1885 г. выступает с работой: Ζητήματα πρὸς μελέτην τῆς ἐσωτερικῆς ἱστορίας τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους». И с этого именно времени светская русская византология полностью унаследовала от церковной метод отождествления византийских и славянских элементов культуры Восточной империи. В трудах русских ученых это ославянение Византийской истории даже возросло. И хозяйственные порядки византийской сельской общины, и общественные порядки крепкого самодержавия, спаянного единством с послушной, покорной церковью, с помощью иноземной (преимущественно славянской) армии, и неизменные догматы православия и народности—все это, конечным счетом, русские византологи выводили из славянских корней, из славянской родовой общины, из славянских княжеских порядков, наконец, из самобытного «духа» благочестивой, веролюбивой славянской расы.

И когда Ф. И. Успенский, утвержденный в 1900 г. сверхштатным ординарным академиком, сам стал признанным главой русской византологической науки, он утвердил и углубил здесь панславистскую идеологию. И можно сказать, до настоящего дня никакой иной византологии, кроме панславистской, у нас собственно и не было.

Но история зло насмеялась над панславистскими вожделениями наших византологов. И эту насмешку истории особенно полно пришлось вынести на своих плечах покойному Ф. И.

В 1894 г. исключительно стараниями покойного создан был Русский Археологический Институт в Константинополе, шаг, имевший первостепенное значение в истории русской науки вообще. Если немцы в начале прошлого века первые открыли изучение римских древностей в Риме, если французы монополизировали сначала изучение древнего Египта, а потом и древней Греции в Афинах, а англичане—исследование древностей передней Азии, то и мы с 1894 г. прорубили окно в европейскую науку, заложив начало изучения прошлого Византии на территории, где это прошлое развивалось. Раскопки экспедиций в Сирии, Палестине, по древним монастырям, в Трапезунде, в разных пунктах Болгарии, Македонии и старой Сербии под руководством неутомимого Ф. И. собрали массу первоклассных по своей важности материалов для византоведов всех стран.

В первую голову эти материалы разрабатывались печатным органом: «Известия Русского Археологического Института в Константинополе», основанным и руководимым все тем же Ф. И. Успенским. 14 томов этих «Известий», вышедших под редакцией Успенского, являются ценнейшим вкладом не в русскую только, а в мировую византологию. В то же время Ф. И. пишет статьи для «Византийского Временника», основанного в том же

1894 г. при Российской Академии Наук его соратником В. Г. Васильевским и Регелем, и для одесских «Летописей».

Но война 1914 г., сулившая, казалось бы, полное оправдание надежд всех тех, кто считал справедливым и неизбежным воссоединение турецкого и византийского наследства в руках обладателей шапки Мономаха, с первых же шагов разбила важнейшее из завоеваний русской византологии. Русский Археологический Институт в Константинополе с его музеем, с его ценными сокровищами, манускриптами и книжными богатствами, с его печатным органом, пришлось ликвидировать спешным порядком[1] и, разумеется, с пропажей значительной части добытого в результате многолетних экспедиций и розысков. Федор Иванович с болью смотрел на гибель дела рук своих, но он, естественно, надеялся, что это временное испытание завершится давно желанным завладением Константинополем и вознаградит его сторицей. В ожидании он следом за русской армией производил раскопки во всех захваченных во время войны турецких пунктах, пользуясь представившимися возможностями беспрепятственно проникать в недоступные для исследования мусульманские мечети и кладбища.

Но окончательные результаты мировой войны, Февральская, а за нею и Октябрьская революции в России покончили с надеждами на империалистический захват и принесли для Федора Ивановича, как ему казалось тогда, крушение дела всей его жизни. Не оставалось никакой надежды на восстановление разрушенного Археологического Института в Константинополе. Мало того. Пострадала монументальная работа, которой покойный Федор Иванович хотел украсить, увенчать свою полувековую работу в области изучения истори Византии, одновременно подвести итоги всему тому, что он проделал на посту главы русской византологии.

Речь идет об «Истории Византийской империи», первый том которой вышел в 1913 г. в роскошном, богато иллюстрированном издании In quarto Брокгауз-Ефрон. Второй том, уже набранный, задержался выходом в свет, и первые листы, уже отпечатанные, в 1917 и 1918 гг. пошли на макулатуру, угрожая гибелью всего издания.

Однако, с того времени как Академия Наук получает поддержку от Советской власти своим научным начинаниям, оживляется и византологическая деятельность. Надо удивляться непреклонной воле покойного, который, не покладая рук, продолжал работу «воссобирания (как он говорит) рассыпавшейся было храмины византологии». Его энергии обязаны мы учреждением ряда византологических комиссий при Всесоюзной Академии Наук, каковы: комиссия по переизданию устаревшего словаря Дюканжа или комиссия Константина Порфиродного.

Благодаря его настояниям, возобновилось издание «Византийского временника» при Академии Наук под его же редакцией. В последнем XXV томе за 1927 год перу покойного принадлежит статья: «Последние Комнины. Начало реакции» (стр. 1—23). В том же 1927 году, вышла чрезвычайно важная для византологии работа Ф. И. Успенского: «Вазелонские акты», которая является изданием рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке под № 743 и содержащей копию актов Вазелонского (вблизи Трапезунда) монастыря.

Эта последняя, но не первая и не единственная работа Ф. И. по подготовке к научному изданию исторических первоисточников и еще никем не опубликованных рукописей, имеет первостепенное значение, как материал для истории крестьянского и монастырского землевладения XIII—XV ве-

[1] В настоящее время по соглашению с турецким правительством в Ленинград возвращается все имущество института: библиотека, коллекция греческих древностей и пр. *Ред.*

ков в Византии. По части издания актов Ф. И. Успенский привлек к сотрудничеству видного нашего византолога В. В. Бенешевича.

Последние месяцы жизни нашего ученого труженника должны были принести ему некоторое утешение и надежду на то, что революционный шквал, разрушивший его личное благополучие, не разрушил дела всей его жизни и не поразил насмерть русской византологии. Наоборот, ее положение упрочилось, как доказал выход многих византологических трудов и развитие работ академических комиссий. И злоключение с «Историей Византийской империи», принадлежащей перу покойного, тоже удалось ликвидировать выходом первого полутома 2-го тома.

Так или иначе, но эта часть «Истории» Ф. Успенского, наконец-то, уже увидела свет в издании Всесоюзной Академии Наук.

Византологические труды покойного выходят далеко за рамки русской византологии. Они имеют мировое значение. Это не подлежит сомнению. Но не подлежит сомнению и то, что последующая византология с особенным интересом подвергнет анализу социальную эволюцию Восточной империи в условиях хозяйственной деградации, что она найдет в истории Византии благодарный материал для понимания своеобразия борьбы классов в странах «неподвижных» культур. И в этом смысле она будет полной горстью черпать из трудов покойного главы русской византологии. Его исследования по истории византийского землевладения, византийской общины, византийских монастырей, его наблюдения над началом феодного строя войдут неоценимым вкладом и в будущую марксистскую византологию. Не беда, что при этом потеряет значение такая работа, как «Очерки истории византийской образованности», которая признавалась наиболее блестящей и на которой базировалась слава покойного. Он освещает больше развитие богословской мысли в Византии и скупо останавливается на Михаиле Пселле и эволюции светской науки и философии, и понятно, что как раз этой работе наиболее угрожает опасность забвения. Зато краеугольным камнем для дальнейшего исследования послужат изыскания автора по эволюции аграрных отношений, хотя эти работы и не имеют вполне законченного характера.

Отрадно отметить, что, несмотря на все неудачи, связанные для покойного с революцией, он больше многих иных («маститых») ученых прислушивался к голосу новых идей, пущенных в оборот именно этой революцией. Стоит только просмотреть главу VII его последнего труда «Вазелонские акты». Уже само заглавие этой главы обращает внимание марксистской терминологией («Социальные перемены на экономической почве»).

Впрочем, к усвоению такого хода мыслей автор, сам того не подозревая, был предрасположен своими занятиями по истории крестьянского землевладения. Читатель там найдет неожиданные для старого профессора выводы и построения. Так, покойный не догадывался, что он ещё 40 лет назад «говорил прозой» в стиле марксизма. Но такова судьба каждого действительно научного, действительно богатого мыслью труда.

Мы не могли при жизни Ф. И. выпустить в свет всех трех томов его «Истории Византийской империи». Мы еле осуществили половину этого задания. Теперь это задание должно быть доведено до конца.

Это будет наилучшим памятником, памятником наиболее желанным для величайшего из русских византологов.

Но это будет и ценнейшим вкладом в мировую византологию, вкладом, которого от нас ждут ученые византологи всего мира.

Отчет о докладах, прочитанных в О-ве за первое полугодие 1928 г.

Доклад т. М. В. Нечкиной: «Постановка исторического семинара в исторических вузах»[1].

М. В. Нечкина отмечает, что вопрос о методике преподавания в вузах остается чрезвычайно мало разработанным и в применении такого существенного приема, как семинарские занятия, господствует полный разнобой. Докладчица обследовала ряд московских и провинциальных вузов и на основании полученного материала ставит три основных проблемы: 1) какую роль играет исторический семинар в системе общественных вузов, 2) что нужно разуметь под семинаром, его основные типы, их градация и связь семинарской работы с общим планом учебного преподавания и 3) пособия для исторического семинара.

Вкратце остановившись на истории понятия «семинар», М. В. Нечкина указывает, что с самого своего возникновения оно обозначало школу, дающую практических работников, в частности служителей культа—педагогов. Первые университетские семинары возникали, как педагогические, как организация практической учебной работы при университете. Основным признаком семинара является, таким образом, его практицизм; к этому еще можно добавить сопутствующий признак—параллелизм с лекциями, в известном отношении к которым обычно ведется семинар.

В группе общественных вузов исторический семинар имеет особое значение для вузов педагогических, ибо именно в последних выступает на первый план прикладное значение семинара: «студенты, кончая эти вузы, вступают в область практической работы с историей, как таковой», говорит М. В. Нечкина, переходя к второй из намеченных ею, центральной проблеме доклада.

Отмечая, что основными целями исторического обучения являются, с одной стороны усвоение некоторой суммы фактов и размещение их в отчетливо осознанной схеме исторического процесса и, с другой,—усвоение необходимых исследовательских навыков, умение пользоваться марксистской методологией—докладчица указывает на часто встречающуюся в нашей вузовской практике путаницу в способах достижения этих задач. Между тем их следует строго размежевать: лекционный курс должен давать основу знаний, а семинар—практику методологии. Но и к осуществлению последней задачи должно подойти с осторожностью.

Слабая подготовка наших студентов до поступления в вуз заставляет расположить типы семинаров в виде определенной системы с повышающейся трудностью материала. Первоначально нужно научить студента пользоваться исторической книгой; второй момент наступит, когда учащийся сможет не только понимать содержание прочитанного, но и по-марксистски его оценивать. Далее он должен научиться самостоятельной постановке марксистской

[1] Заседание методической секции от 17 февраля.

проблемы, особенно в тех случаях, когда исторический материал, препарированный буржуазными историками, сам по себе еще не подсказывает той постановки вопроса, какой требует наше историческое понимание. И, наконец, последним этапом является знакомство студента с источниками. И в этой стадии нужно различать ряд последовательных ступеней. Прежде всего студент должен научиться обращению с источником, как с таковым, научиться азбуке источниковедения. Следующим моментом явится применение марксистского анализа, умение по-марксистски допрашивать документ, извлекать из него наиболее существенные данные. Только овладев и тем и другим, студент может перейти к самостоятельной работе над группой документов уже в плане, хотя бы и элементарного, исследования.

Соответственно этому должны строиться и типы семинаров. Первой ступенью, очевидно, явится то, что в общежитии называется «просеминаром», хотя этот туманный и расплывчатый термин покрывает у нас на практике самые разнородные методы и об'екты занятий. По мнению докладчицы, просеминар должен научить студента усвоению книжного материала, пониманию проблем в постановке авторов и далее, умению классифицировать книжный материал, выделять из него то, что является существенным с точки зрения изучаемого студентом вопроса, критическому отношению к прочитанному и, наконец, умению сформулировать основную марксистскую проблему.

Вторая ступень—семинар знакомит студента с документом. Здесь он должен научиться обращению с документом, как таковым. На третьей ступени он уже входит в анализ источников и, наконец, заключительный четвертый семинар носит характер исследовательский.

Переходя к методике семинарской работы М. В. Нечкина останавливается на применении ее в наших вузах. Здесь следует отметить два основных типа—докладный, практикующийся в вузах, и лабораторный, применяемый обычно в комвузах, хотя иногда заносимый и в вузы. Против последнего докладчица предостерегает, ибо в комвузах семинарские занятия обычно заменяют лекционные. Для вузов следует признать основным метод докладов; нужно только бороться с больными явлениями семинарской работы; особенно с тем фактом, что при наличии докладчика остальные участники семинара не готовятся к занятиям. Здесь, однако, руководитель, настойчиво требуя активности от студентов и тщательно определяя минимальную литературу, необходимую для участия в прениях, может добиться высоких результатов.

Докладчица настаивает на строжайшей увязке семинарской работы с теми сведениями, которые студент получает из лекций. Совершенно недопустимо сплошь да рядом встречающееся у нас явление, что студенты приступают к специальным практическим занятиям, не имея элементарной исторической подготовки. Из этого не следует, что каждому семинару должен соответствовать аналогичный курс—в таком случае семинар оказывается только репетицией курса. Но общее представление о вопросе должно быть налицо.

Далее докладчица переходит к рассмотрению вопроса, в какой мере существующая семинарская практика удовлетворяет выставленным ею требованиям, и приходит к мало утешительным выводам. У нас совершенно отсутствует просеминар в понимании доклада: обычно он сводится или к изучению источников на первом же курсе, или к механическому реферированию наиболее популярных пособий. Точно также и тематика просеминаров обычно выбирается из наименее известных первогодникам тем, что затрудняет студенту как ознакомление с материалом, так и выработку критических навыков.

Вторым существенным дефектом является полное выпадение момента подготовки к архивному исследованию. Если что-нибудь в этом смысле и делается, то в такой общей форме, что практических навыков в обращении

с документами студенты не получают. Результатом является третья ошибка—студент, неполучивший нужной подготовки, сажается в архив на массу материала, в которой он не в состоянии разобраться. По мнению докладчицы, студенты и при хороших условиях подготовки не должны допускаться в архив—об этом свидетельствует просмотренный докладчицей ряд студенческих и вступительныных аспирантских работ, основанных на архивном материале.

Остановившись на необходимости перенести курс источниковедения с четвертого года на более раннее время, докладчица переходит к вопросу о литературе для семинаров. Особенно остро стоит вопрос для западной истории, ибо и существующие хрестоматии и сборники не могут заменить подлинных источников. Вопрос должен быть разрешен в смысле изучения учащимися иностранных языков. Чрезвычайно важно также обратить внимание на тематику семинаров и на точную формулировку тем. Все это говорит за то, что необходимо создать новую литературу для учебных целей. Прежде всего, конечно, необходима усиленная марксистская монографическая разработка исторических вопросов... Но это вопрос значительно более широкого характера. Важно, однако, создать ряд пособий чисто семинарского типа, в роде имеющегося уже семинария по декабристам, где формулировались бы темы и указывались основные источники и пособия. Наконец, нужно обратить внимание на организацию исторических кабинетов.

Основные выводы доклада: строгая последовательность семинарских типов, увязка их с лекционной работой, должная организация изучаемого материала, подбор тем, создание специальных пособий и кабинетов—вот основные условия правильной работы.

В прениях по докладу М. В. Нечкиной выступили т.т. Шестаков, Кусикиян, Мороховец, Авербух, Анатольев, Дубень и Селинская.

А. В. Шестаков. Кажется, что докладчица несколько сгустила краски. По крайней мере работа II МГУ не подтверждает данных доклада. Во II МГУ имется последовательность от низших форм семинара к высшим, причем эта система начинается в элементарных навыках, получаемых в подсеминарах, затем они преобразуются в семинары упрощенного типа, сопровождаются лекционным экскурсом на втором и третьем году обучения, а на четвертом году проводится система исследовательских семинаров. В результате такой системы получаются кадры студентов, вполне пригодных к архивной работе, против которой восстает докладчица. Конечно, предварительные сведения источниковедческого характера должны быть даны, но в нашем распоряжении имеются архивы настолько несложные, что к ним можно подпускать студентов четвертого курса. Об этом свидетельствует практика II МГУ. Методика семинарской работы во II МГУ такова, что студенты обычно предварительно читают доклад своим товарищам, что дает последним возможность заранее продумать доклад и выступить в прениях после определенной подготовки. Что касается архивных материалов, то, конечно, нельзя требовать от студента документальной критики. Это уже задача аспирантского порядка. Но в архивах имеются такие концентрированные документы, сводки, что, если умело направить студенческую работу, она может привести к положительным результатам.

Пожелание докладчицы об издании отдельных семинарских проспектов можно приветствовать, но ошибочно полагать, что в этом отношении у нас еще ничего не сделано.

Т. Кусикиян. Задачи просеминара должны определяться характером подготовки, получаемой первогодником в средней школе. Основной недочет—неумение учащихся читать серьезную книгу и разбираться в ней. Этому должен научить просеминар. Необходимо обратить внимание и на воспитание в студентах привычки к устному изложению.

Существенно указание докладчицы на необходимость изучения иностранных языков.

Е. А. Мороховец. Докладчица права, говоря, что у нас неправильно понимают задачи просеминаров. Разница между семинаром и просеминаром по существу не в качественном отличии их задач, а количественное в смысле тех навыков, которые должны получить студенты. Конечно, просеминар должен научить читать историческую литературу и разбираться в ней; но даже студент первого курса может начать работу над источником. Нужно только, чтобы источник был посилен, чтобы он не был велик по об'ему и труден и сложен по характеру.

Что касается подготовки только что поступивших, то тут, конечно, приходится считаться с теми недостатками, какие имеются. Но и на втором и следующих курсах очень часто студенты приступают к семинарской работе, не имея достаточной подготовки по данному вопросу. Поэтому полезно прибегнуть к системе коллоквиумов при записи в семинар. Важно наладить методическое руководство в самом начале занятий. На первом курсе приходится уделять очень много внимания предварительным беседам; в дальнейшем студент должен иметь возможность получать от руководителя постоянную консультацию.

Стремление заставить студентов готовиться ко всем семинарским заседаниям на практике неосуществимо. Можно поэтому ограничиться тем, чтобы каждый студент проделал две темы, одну в качестве основной, а другую, как оппонент или содокладчик. Для приобщения студентов к теме каждого доклада полезно строить семинар вокруг одной темы так, чтобы каждый участник в процессе работы над своим докладом мог познакомиться с основным материалом, общей проблемы. Кроме того полезно давать доклады отдельным участникам семинара на отзыв, так, чтобы на заседании имелась целая группа лиц, предварительно познакомившихся с докладом.

Т. Авербух считает, что в просеминарскую работу можно включить и разработку документов. При этом, вопреки мнению докладчицы, документы из области древней истории гораздо удобнее по своим размерам и несложности. Вопрос об активизации студенчества, может быть, нужно разрешить не тем способом, который предлагает Е. А. Мороховец, а скорее методом конференций, предварительных бесед перед разбором студенческих докладов.

Необходимо обратить внимание и на перегрузку студентов в области семинарской работы и сократить число семинаров.

П. И. Анатольев. По вопросу об активизации студенчества я думаю, что лучше сократить количество тем; при этом вовсе необязательно, чтобы каждый студент был докладчиком. Лучше, если одну тему разработает несколько человек, причем каждый должен дать свои тезисы. Кроме заключительной беседы нужна и вводная беседа.

Вопрос о допуске студентов в архив не нашел ответа в докладе. Неправильно откладывать архивную работу до ухода студентов в РАНИОН или Институт красной профессуры; там они уже не будут заниматься элементарной работой. Конечно, архивной работе должно предшествовать ознакомление с печатным материалом и с содержанием соответствующих архивных фондов. Посылать студентов без архивного опыта в аспирантуру нельзя.

Т. Дубень. В различных вузах работа поставлена неоднородно. Знакомство с работой в Институте им. Либкнехта показало мне, что методы семинарской работы очевидно страдают. В некоторых случаях—лично мне пришлось убедиться на примере семинара проф. Никольского—руководитель достигает высоких результатов. Для того, чтобы это явление стало общим, необходимо ввести широкий обмен мнениями, обмен опытом отдельных вузов.

Т. Селинская. Т. Нечкина выдвигает момент ознакомления студентов с марксистским методом; однако докладчица упускает из виду то обстоятельство, что некоторая марксистская подготовка дается уже школьным курсом обществоведения, не говоря о том, что в вузах проходится ряд специально марксистских дисциплин. С другой стороны, наряду с историками-марксистами у нас имеется еще большой кадр историков-не-марксистов. Следует обратить серьезное внимание на подготовку руководителей марксистов.

По вопросу о постановке семинарской работы т. Селинская считает наиболее целесообразным метод групповых занятий лабораторного типа.

М. В. Нечкина в заключительном слове указывает, что в своем докладе она старалась не касаться практики отдельных вузов, только иногда, приводя примеры в качестве иллюстраций. Между тем оппоненты исходили из единичных случаев, в частности т. Шестаков исходивший из условий существующих во II МГУ. Однако схема преподавания истории во II МГУ далеко не совершенна: нигде нет первоначального обучения источнику, вопрос об источниках ставится только на четвертом курсе. В этом смысле гораздо лучше поставлено дело в I МГУ, где уже на первом курсе ведутся просеминары с строго определенным кругом источников и компактными пособиями. Что касается исследовательской работы, о которой говорил т. Шестаков, то в большинстве случаев она производится над опубликованными материалами Совершенно неверно ссылаться, как это сделал в своем вступлении т. Шестаков, на архивную работу немецких студентов; их подготовка выше подготовки наших вузовцев. Состояние знаний наших студентов чрезвычайно низкое и в этом отношении предстоит еще очень много работы.

Неправ т. Кусикиян, считающий, что просеминар должен взять на себя обязанность ознакомления с книгой. Эту задачу мы можем возложить на среднюю школу.

Очень ценны замечания т. Мороховца. Вводный коллоквиум—полезное средство, хотя его, конечно, нужно рассматривать, как временное.

Т. Авербух полагает, что документы надо вводить, начиная с просеминара, и в первую очередь на темы из древней истории. С этим можно было бы согласиться, если бы у нас существовала достаточная марксистская литература по вопросам древней истории.

Выступление т. Анатольева касалось в большей степени аспирантов, чем студентов. Что касается работы студентов в архиве, то т. Анатольев знает, что архивный фонд является тайной, в которую студенту никак не проникнуть.

Предложение т. Дубень о созвании специальных совещаний для обмена итогами работы чрезвычайно ценно.

Нельзя не согласиться с т. Селинской, что было бы хорошо, если бы все преподаватели истории были марксистами; что же касается ее предположения о наличии у оканчивающих школы второй ступени марксистского подхода к историческим проблемам, то в наших условиях это еще утопия.

В заключение т. Нечкина замечает, что в процессе прений обнаружилось, насколько еще нуждается в разработке поставленный вопрос и как важно втянуть в обсуждение его возможно большее количество преподавательских сил.

Доклад Б. И. Горева «Военная история и марксизм» [1].

П. О. Горин, открывая заседание, отмечает, что оно является первым собранием комиссии по изучению вооруженных восстаний и революционных войн. Слово для доклада предоставляется Б. И. Гореву.

---

[1] Заседание комиссии по изучению революционных войн от 24 февр.

Б. И. Горев указывает, что задачей его доклада является постановка вопроса о том, какую роль играл и должен играть в будущем марксизм в деле изучения войн вообще и революционных войн и вооруженных восстаний, в частности.

История марксистского исследования военного дела шла параллельно и в зависимости от отношения марксистов к самой революции. Маркс и Энгельс, для которых революция была не только платоническим словом, но реальной и конкретной проблемой, которые лично участвовали в ряде революций, уделяли значительное внимание вопросам войны, как одному из методов насильственного разрешения общественных противоречий. Как известно, из них двоих военным «специалистом» был Энгельс, статьи которого о франко-прусской войне были восприняты общественным мнением Европы, как работа крупного знатока военного дела, скрывшего свое имя. Все войны эпохи I Интернационала нашли живейший отклик со стороны основоположников марксизма, выразившийся не только в ряде публичных выступлений, но и в их интимной переписке. Последнее достаточно свидетельствует о том, какое место занимала война среди их интересов.

Полную противоположность представляет собой эпоха II Интернационала. Правда, и в это время социалисты обсуждают вопрос о будущих войнах, но им они мерещутся какими-то страшными чудовищами, бороться с которыми нужно путем заклинаний—резолюций конгрессов. Но никто в это время не пытается поставить серьезно изучение войны, как проблемы, достойной марксиста. Только с начала империалистического этапа, когда мир вступил в полосу новых войн, начинает замечаться поворот интересов; притом в первую очередь историческое исследование в этой области оживает не у социалистов, а в кругах германской буржуазной профессуры. Я разумею выдающиеся работы Ганса Дельбрюка.

Однако, общее течение социалистической, да и мелко-буржуазной демократической мысли, шло мимо военной проблемы. Считалось, что война в истории—явление по существу внешнее, поверхностное и никакой значительной роли не играющее; что в истории самым важным, подлежащим марксистскому изучению, являются вопросы экономики, быта, внутренние органические процессы. Достаточно отметить, что такой крупный ученый и в течение долгого времени один из наиболее ярких представителей русского марксизма, как Плеханов, предполагал, что пролетариат придет к власти без серьезных военных столкновений. У других же теоретиков II Интернационала пренебрежение к вопросам войны об'яснялось тем, что вопросы революции, как длительной гражданской войны, казались им сданными в архив; это официально и открыто провозгласил основоположник ревизионизма Э. Бернштейн. Увлечение мирным развитием—как мы знаем Европа переживала длительный период без войн и революций—приводило к мысли, что пути исторического развития изменились и что для вооруженных столкновений больших европейских государств в будущем нет места. Если такое столкновение и мыслилось, то казалось, что современная военная техника так разрушительна, война так дорого стоит, что длительная борьба совершенно невозможна. Таким образом родилась пацифистская иллюзия, которой многие себя утешали: война убьет войну.

И вот на смену этой эпохе приходит эпоха нам современная, с войнами и революциями. Эта эпоха выдвинула Ленина, как восстановителя революционного марксизма на новом неизмеримо более широком базисе. В иной исторической обстановке марксизм пополнился новым опытом, в частности, опытом русской революции. Понятно, что возрождение марксизма должно было произойти прежде всего в России, где особенно обострилась классовая борьба и откуда началась русско-японской войной эра мировых войн и революций.

Одним из первых, заинтересовавшихся проблемами войны, был русский марксист—покойный Павлович. Во всю ширь эти вопросы поставил Ленин, особенно в эпоху мировой войны. Но уже до того в среде международной социал-демократии оживляется интерес к военным проблемам. Почти одновременно в двух крупнейших европейских странах появляются две важные работы посвященные войне и исходившие от социалистов: «Новая Армия» Жореса и статьи по военым вопросам Меринга.

Хотя в основных своих стремлениях, в проекте создания милиционной армии, в том как он представлял себе ее основное ядро, Жорес являлся чистым утопистом наивно-демократического толка, тем не менее в его работе проглядывает уже новая струя, невозможная в предшествующую эпоху. Жорес пишет: «Военные науки представляют собой весьма существенную часть всех вообще человеческих знаний. И в будущем необходимо уделить им подобающее место в больших университетах». Это—нечто новое, что могло быть сказано только в эпоху империализма, когда война вошла в порядок дня мировой истории, когда стало ясно, что ее нужно изучать. Далее Жорес отмечал, и в этом его заслуга по сравнению с буржуазными историками, огромное значение в военном деле методов, выработанных французской революцией. Жорес выдвигает идею военной самодеятельности в области революции, и та характеристика, которую он дал наследству Великой революции, в значительной мере напоминает то, что мы пишем и читаем о нашей Красной армии. Таким образом, Жорес указал, что война достойна изучения и что война революционная является не только разрушительным, но и творческим в военном отношении началом.

Гораздо шире ставил вопрос Меринг, утверждавший, что война составляет одно из важнейших звеньев мировой истории, естественным разрешением тех противоречий, которые образуются в развитии народов, классов и т. д. и что ее, следовательно, надо изучать внимательно и тщательно, применяя единственный плодотворный метод—марксизм. Меринг выдвинул чрезвычайно важное положение о том, что, в сущности говоря, вся военная история до сих пор питалась людьми, принадлежащими к господствующим классам и проводившими классовую точку зрения. Это он показал на примере историков от Фукидида до Дельбрюка. Далее он выступил решительным противником слащавого пацифизма, воскресив истинную марксистскую традицию в этом вопросе. Поэтому в противоположность милиционной панацее Жореса, Меринг устанавливает реалистический марксистский взгляд на вещи: не всегда годится милиция, есть эпохи, когда она хороша, а в иных случаях она непригодна.

Это выступление явилось первой ласточкой. Традиция пренебрежительного отношения к войне была чрезвычайно сильна и, как видно будет дальше, существует и по сие время. Правда, мировая война, Октябрьская революция и гражданская война произвели эффект на многих историков. Достаточно вспомнить ныне забытую, а в свое время нашумевшую книжку проф. Виппера «Кризис исторической науки», где он проводит мысль, что мировая война и русская революция должны переместить интерес историка от вопросов быта и экономики масс к вопросам войн и вождей. Если раньше изучали состояние, теперь должны изучаться события, раньше классы—теперь личности. Эта випперовская смена вех чрезвычайно типична не только для него, бывшего в свое время историком марксистоподобным, но и для целого ряда исследователей меньшевистского типа. Здесь непонимание основных моментов марксистской диалектики и активной творческой роли надстроек. Если марксисты считали, что война—даже не надстройка, а орудие политической надстройки, то это не значит, что они должны отрицать ее роль. В этом смысле отдал войне должное Ленин, определенно говоривший, что война есть средство организованного насилия, применяемого в нашу цивилизованную

эпоху. Тот, кто отрицает войну и отказывается от насилия в истории, не имеет права называть себя революционером. Отсюда Ленин делает вывод, что рабочие не только не должны отвергать войну, но наоборот изучить ее, а теоретики марксизма должны включить войну, как серьезную проблему, в сферу своей исследовательской и практической работы.

Таков круг, который совершила идея войны в марксистском изучении за последние три четверти века.

Однако, в нашей исторической науке, в нашем преподавании войне попрежнему уделяется очень мало места. Если мы возьмем исторические работы Рожкова или Тарле, то военным вопросам в них уделено минимальное количество текста. Счастливым исключением является М. Н. Покровский, уже давно включивший войну в сферу своих интересов, но и его она занимает по преимуществу с точки зрения внешней политики. По состоянию книжного рынка, не требующего, повидимому, ни переиздания классических работ Энгельса и Меринга, ни повторного выпуска работы по истории революционных войн т. Лукина, можно судить о слабости научного и общественного интереса к данной проблеме. Она остается уделом военных специалистов. Среди последних сейчас создалась группа, заинтересовавшаяся марксистским методом в области изучения военных вопросов и пытающаяся приблизиться к нему. Но работы этой группы не находят отклика ни в нашей исследовательской печати, ни даже в центральных партийных органах.

У нас проводится военизация вузов и даже школ II ступени, но она носит узко-технический характер. В области же военизации умов, внедрения в широкие круги учащейся молодежи интереса к проблемам войны, ничего не делается.

Чем же могут заниматься историки-марксисты, не будучи военными специалистами, в области военного дела? Здесь необъятное поле работы. Прежде всего война, как проблема социологическая, вопросы ее происхождения и эволюции, роль войны, как характерного момента истории, как некоторого решающего пункта в разрешении противоречий, как такого момента, в котором количество переходит в качество, далее—связь войны с экономикой, техникой и политикой, связь военной техники с военными организациями, военная тактика и т. д.—это и образует круг проблем, которыми вполне могут заняться гражданские историки-марксисты, если они познакомятся с основами военной науки. Громадной важности проблемой является и политическая история новейших войн, которой у нас до сих пор нет. Политическая функция войны, политика, как орудие войны, как средство изоляции, окружения противника, как средство политического укрепления тыла—это громадная неисследованная область, в которой марксисты-историки могут дать чрезвычайно много. И здесь очень важно координировать исследовательскую работу историков-марксистов с работой, ведущейся в наших высших военных учебных заведениях.

Ныне образованная при Обществе историков-марксистов комиссия ставит своей задачей, конечно, не всеобщее изучение войн. Мы начнем с более узкой—наименее исследованной области—истории вооруженных восстаний и классовых революционных войн. Опыт нашей гражданской войны показал, каким громадным богатством революционного творчества обладает вооруженная революционная стихия. И мне представляется, что задачей новой комиссии является, во-первых, критический пересмотр и критическая оценка всей уже имеющейся и выходящей в свет военной литературы, особенно в тех областях, которые соприкасаются с историей революционных и гражданских войн, а затем самостоятельная исследовательская работа в этой области. Нам надо научиться об'яснить каждый этап войны, его политическую и экономическую обстановку, как это умели делать Маркс и Энгельс. И если наша работа в области вооруженных восстаний и гражданских войн

пойдет как должно, то, быть может, мы сумеем вдохнуть жизнь и в общее изучение истории войн и это поведет к сближению историков-марксистов с теми военными специалистами, которые пытаются по-марксистски подойти к военной истории.

В прениях по докладу Б. И. Горева выступили т.т. Кусикиян, Циглер и Брук.

Тов. Кусикиян останавливается на политико-воспитательном значении военной истории. Военизация наших вузов и школ, как указал докладчик, направлена в техническую сторону, а между тем война должна изучаться, как явление общественно-историческое, в частности, войны гражданские и вооруженные востания. Поэтому в задачи комиссии нужно включить не только научные исследования поставленных проблем, но и изложение полученных результатов перед широкой аудиторией.

Тов. Циглер отмечает необходимость воздействия со стороны марксистской науки на наших военных специалистов. Развившийся у нас интерес к военно-технической стороне дела оставляет без должного внимания вопрос широкой подготовки наших специалистов в области изучения войны, как общественного явления. Очень характерно, что происходящая ныне в Германии военизация обращает внимание не столько на техническую постановку дела, сколько на военное воспитание. Если с первой задачей легко могут справиться военные специалисты, то для второй необходим опыт работников со стороны, несвязанных узким поневоле масштабом военного дела и могущих поставить более широкие задачи. Это тем более важно, что гражданская война как раз интересна тем, что она открывает новые страницы в военном деле. Во всех военных событиях, последовавших за гражданской войной, имеется одна общая черта характерная для войны будущего. В новой войне выступит и новый человек, который будет гораздо более требователен и силен в политическом отношении и для того, чтобы понять его, как общественную личность, установить основные движущие им мотивы, определить его боеспособность и пр. нужно расширить уже сейчас масштабы работы, ввести в нее какие-то новые элементы. А для этого, естественно, нужны новые люди, не связанные узкими нормами военного дела. Это большие и трудные задачи, но без разрешения их невозможен успех. Тем скорее нужно взяться за преодоление предстоящих трудностей.

Тов. Брук считает, что работа комиссии должна помочь осуществлению двух основных исторических задач: коммунистическому воспитанию широких масс на основе опыта революционной борьбы и использованию этого опыта для руководства мировой революцией. Поэтому работа комиссии, по мнению оратора, должна быть сосредоточена на изучении послеоктябрьского периода, как материала наиболее актуального и злободневного. Т. Брук намечает возможную периодизацию этой темы и указывает, что работа комиссии не должна уходить в элементы чисто техничекие, связывая моменты военной стратегии с общеклассовой обстановкой.

Б. И. Горев в заключительном слове указывает, что выступавшие товарищи не столько возражали ему, сколько дополняли его в области задач комиссии. Докладчик согласен с т. Кусикияном, что было бы весьма желательно, чтобы комиссия занималась не только исследовательской работой, но и устраивала доклады для широкой публики и вела методическую работу среди преподавателей, инструктируя их в вопросе включения военного материала в преподавание истории. Важно было бы также, чтобы комиссия смогла связаться с военно-исторической работой в стенах военных академий, проводя над нею марксистский контроль, конечно, в порядке дружеской критики. Среди военных историков сейчас наблюдается тяга к тому, чтобы установить закономерность развития военного дела и, конечно, без помощи исторического материализма здесь обойтись нельзя. Поэтому комиссия

Общества историков-марксистов может развиваться в очень широкое и полезное учреждение. С одной стороны она должна пропитать изучение истории теми элементами, о которых всегда помнили основоположники марксизма, но которые были забыты их учениками II Интернационала; с другой стороны она подведет марксистскую базу под историческую работу военных специалистов.

ДОКЛАД т. СЛУЦКОГО: «МЕТОДИКА ПОСТАНОВКИ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ»[1]

Тов. Слуцкий. То название, которое получил мой доклад, не совсем правильно передает то, что я имею в виду. Я вовсе не думаю преподносить правила, как писать учебники. В докладе я только хочу поделиться результатами моей работы в этой области и высказать несколько соображений по вопросу о типе учебников для взрослой школьной аудитории, остановившись на некоторых моментах построения такого учебника. Прежде всего укажу, что основным признаком, выделяющим учебник из массы популярной литературы, является специфическая целевая установка, определяемая с одной стороны приспособлением к определенной программе, а с другой, особыми приемами изложения.

Нет необходимости доказывать, насколько нам нужен сейчас учебник. Мы давно прошли ту стадию применения лабораторного плана, когда эта тема считалась запретной. Необходимость учебника всеми осознана.

Мой доклад будет касаться главным образом обслуживания учебными пособиями школ для взрослых, причем в основном упор делается на средние звенья образовательной системы.

Из двух возможных путей разрешения поставленной проблемы я выбрал не путь критического разбора уже имеющейся в нашем распоряжении литературы, а путь построения нужного нам типа на основании методических соображений и программных требований. Прежде всего нужно разрешить вопрос, имеет ли учебник место в системе лабораторного плана. Последний является, как известно, чрезвычайно сложным педагогическим процессом, складывающимся из действий педагога с одной стороны и занимающихся с другой. При этом основной задачей преподавания является воспитание граждан, активно владеющих марксистскими методами. Работа педагога сводится, по существу, к трем моментам. Он должен рассчитать время учащегося, снабдить его минимальным материалом для самостоятельной работы и руководить этой работой на протяжении всего педагогического процесса. Это достигается удачным составлением заданий, консультациями и конференциями.

Среди методистов и педагогов школ Соцвоса существует очень распространенное мнение, сводящееся к тому, что учебник должен целиком и полностью охватить весь педагогический процесс, все его звенья. Такой смысл имеет понятие «рабочая книга», которая должна обслужить чуть ли не все потребности ученика школы Соцвоса. На этой же точке зрения стоит и т. Нечкина, хотя в своей формулировке она ставит целый ряд задач, выходящих за пределы такого типа школ, о котором идет речь.

Мне, однако, кажется, что несмотря на весь «радикализм» того типа учебной книги, о котором говорит т. Нечкина, подобная книга, в особенности будучи примененной к взрослой аудитории, таит в себе огромную опасность консервирования преподавания. Совершенно очевидно, что нельзя создать универсального задания, которое бы регламентировало учебный процесс в различных аудиториях и в различной обстановке. Повидимому придется

---

[1] Заседание методической секции от 2 марта.

создать столько типов заданий, столько программ, столько учебников—сколько школ и даже сколько своеобразных школ одного и того же типа.

Однако более существенным возражением идее рабочей книги, как ее представляет себе т. Нечкина, будет то обстоятельство, что при подобных условиях роль педагога, как руководителя определенного творческого процесса, сводится к нулю. Поскольку весь материал дан заранее в тексте, задачей преподавателя остается только проверка знаний учащихся. Вряд ли это можно назвать творческой работой. Да и роль учащегося фактически сводится к нулю, ибо тот, кто составил эту книгу, заранее продумает все детали, весь процесс изучения. Таким образом создается схематизм в преподавании, педагогическая рутина.

Мне представляется, что учебник должен ставить перед собою только одну задачу: подать требуемый программой материал в таком виде, чтобы слушатель мог его воспринять после методической обработки преподавателя. Какие же требования можно предъявить к такому учебнику? Прежде всего очевидно, что наш советский учебник должен быть приспособлен к нашей программе не только в смысле хронологического охвата, но и по об'ему материала и в смысле соответствующего освещения. Он должен также полно отразить и ее тематику. Правда, наши программы еще не вполне устойчивы, но здесь возможна довольно значительная степень приближения. Далее встанет вопрос из области авторского творчества: исторические дисциплины далеко не всегда могут претендовать на абсолютную точность знания; можем ли мы в учебнике допустить оригинальную авторскую трактовку отдельных проблем? Очевидно, что поскольку учебник является учебником, новая точка зрения на то или иное явление может в него войти лишь тогда, когда в среде марксистов она стала общепринятой. Это не исключает возможности знакомить учащихся в учебнике с наличием спорных точек зрения в марксистской науке по тому или иному вопросу. Я даже считаю полезным в некоторых случаях освещать и подвергать критике буржуазную историографию.

Необходимо обратить внимание и на язык учебника. Здесь нужно не только популярное изложение, но и живая образная история. Это подводит нас к моменту, который необходимо узаконить в наших исторических учебниках: речь идет о введении биографического и бытового элемента в в учебную книжку. Наши учебники очень схематичны, они, как говорят, «социологичны», в них уделяется много места всяким статистическим данным, но совершенно не дается живая ткань исторической действительности. Нельзя, конечно, обойтись без социологии, без ее выводов и руководящих схем, но она должна подаваться в иной форме.

Важным вопросом является момент увязки учебного текста с современностью. Для нас несомненно, что основной задачей всего курса является приведение учащегося на основании знакомства с прошлым к пониманию настоящего. Это несомненно, но поскольку речь идет об учебнике, увязка его текста с проблемами сегодняшнего дня не представляется целесообразной. Проблемы современности слишком текучи, предвидеть, что будет через год и какие вопросы исторического прошлого окажутся в центре внимания наступающего дня, чрезвычайно трудно. Ответы на эти вопросы должны быть даны в работе преподавателя и отражены в заданиях.

По вопросу о документации учебника я являюсь сторонником той точки зрения, что совершенно нецелесообразно вводить документ в самый текст книги. Работа над документом должна быть совершенно самостоятельной задачей в нашем преподавании и, во всяком случае, документ должен быть выделен из основного авторского текста.

Последний вопрос это—другие элементы учебника. Я считаю полезным наряду с учебным текстом и введение типовых задач, но не в форме кон-

трольных вопросов, а в виде отдельных самостоятельных поручений, при чем педагогу должна быть предоставлена полная инициатива выбора. Полезно было бы дать библиографию, как по всей теме курса, так и по отдельным вопросам. Важно ввести иллюстративный материал в виде исторических карт, схем, бытовых гравюр, исторических картин, что значительно облегчило бы и оживило преподавание.

В заключение затрону вопрос, должен ли учебник быть приспособленным к одной определенной программе, к одному типу школ или может обслуживать ряд смежных учебных заведений. Полагаю, что нет ни необходимости, ни педагогической целесообразности подгонять учебник к одному определенному типу. Сейчас уже проводится работа по составлению таких типовых программ, которые могли бы обслужить несколько типов школ, например, совпартшколы и рабфаки с общественным уклоном, техникумы и рабфаки с различными техническими уклонами и т. п. Конечно, нельзя удовлетвориться одним только учебником. Но тем, что до сих пор мы строили преподавание при помощи ряда учебных пособий, мы отбили у учащегося охоту прочесть какую-нибудь книжку целиком. Создавая один учебник, мы оставим в бюджете времени учащегося достаточно места для чтения специальных исторических книг и классических трудов по истории. Наряду с учебником в практическом обиходе преподавания должны быть введены особые книги для чтения по истории, по типу старых книг для чтения, должны быть устроены специальные библиотеки по отдельным историческим проблемам.

И, наконец, для того, чтобы поставить преподавание на должную высоту, нужно иметь достаточно обработанный сборник документов, хороший исторический атлас и собрание исторических иллюстраций.

В прениях по докладу т. Слуцкого приняли участие тт. Нечкина, Мамет, Котрохов и Кан.

Тов. Нечкина. Доклад т. Слуцкого сразу обнаруживает, что докладчик не является педагогом-практиком и поэтому стремится дать упрощенную схему, которая по существу мало чем отличается от той, какая применялась в дореволюционное время. В своей статье я предлагала составить учебник из четырех частей: I—учебного текста, II—документов, III—вопросов и IV—библиографии. Такая структура действительно стремится охватить педагогический процесс его основных этапов. При этом отпадает необходимость в самостоятельных заданиях, которые на практике обычно оказываются довольно низкого качества. Т. Слуцкий видит здесь опасность консервирования преподавания, но в таком случае невозможен и устойчивый учебный текст, который тоже будет вести к некоторой стабильности педагогических процессов. Конечно, никто не предлагал заменить живое воздействие преподавателя книжкой, речь шла только о том, чтоб освободить его творческую энергию от необходимости склеивать отдельные лоскутки, искусственно подгонять друг к другу различные тексты. Не вижу оснований и в возражении, что при указанной мною структуре нужно будет очень много учебников; полагаю, что столько же понадобится и при структуре, рекомендуемой докладчиком.

Одно из самых слабых мест доклада—вопрос о документах. Неумение в нашей школьной практике оперировать документом именно тем и вызывается, что в большинстве школьных пособий учебный текст отделен от документа. В нашей литературе имеются попытки органического объединения документа с текстом и от пользовавшихся этими книгами преподавателей вы не услышите жалоб на трудность восприятия для учащихся.

Предложения т. Слуцкого носят отрицательный характер; единственное положительное—это учебный текст. Докладчик сам себе противоречит,

желая внести в учебник типовые задачи-поручения. В конце-концов получатся те же задания.

По вопросу о программах нужно помнить, что наши программы грешат отрывочностью, отсутствием охвата исторического процесса. Охватить процесс в целом—вот очередная задача методической работы в этой области.

Тов. Мамет. Основной спор идет о том, должна ли книга, независимо от того, как она будет называться—рабочей книгой или учебником,—охватить полностью все стороны педагогического процесса или быть только одним из элементов, организующих этот процесс. Я считаю правильным опасения докладчика, что установка т. Нечкиной является попыткой заменить живого человека книгой. Если мы будем стремиться охватить в учебнике все стороны учебного процесса, мы научим учащегося читать данную книгу в определенном порядке, но никогда не научим его читать другую книгу, читать книгу вообще. А это одна из существеннейших задач нашего преподавания.

Что касается заданий, то я согласен с докладчиком, что наличие постоянных заданий приведет к консерватизму, к тому, что из года в год во всех школах будет одна и та же целевая установка, заранее определенная учебником. Между тем, эта установка часто зависит от внешних обстоятельств, при которых проходится та или иная тема, от подготовки и особенностей данной конкретной аудитории и в этом вопросе нельзя ограничивать инициативу преподавателя.

По вопросу о взаимоотношениях между учебником и программой я полагаю, что нельзя ограничить творчество автора определенной программой. Достаточно, если учебник будет приспособлен к определенному возрасту, к определенному типу школ. Программы могут быть разнообразны, но если мы имеем одного и того же взрослого слушателя, которому нужно сообщить известный минимум знаний, то потребности его и должны лечь в основу авторской работы. Программа же сама по себе учебника создать не может.

Что касается вопроса о документах, то я считаю, что их собрание, приспособленное к типу данной школы, должно существовать независимо от учебника.

Тов. Котрохов. Положения докладчика в области рабочей книги и учебника относятся главным образом к школам Соцвоса и не определяют собой, пожалуй, тех задач, которые стоят перед учебником или рабочей книгой в отношении рабфака. Появление рабочей книги было результатом новых условий, требований и программ, с которыми столкнулись преподаватели, не имевшие в распоряжении нужного материала. В той стандартной схеме, которая появилась в ответ на эти вопросы, конечно, можно найти много недочетов, и с критикой их в докладе нельзя не согласиться. Непонятно только, как мыслит себе докладчик типовые задачи-поручения, не будет ли это тот самый методический аппарат, который имеется уже в целом ряде рабочих книг? Во всяком случае задания—элемент совершенно необходимый, который и явится отличием новых учебников от старых.

Далее т. Котрохов останавливается на необходимости варьировать характер рабочей книги и методического аппарата в зависимости от возраста и типа школы. Очень важно избежать превращения работы учащегося в мертвое механическое дело, в простое запоминание формулировок учебника.

Тов. Кан считает, что доклад т. Слуцкого является результатом некоторого кризиса в деле преподавания истории. Отрицается экономизм, вводится биографический метод, вспоминаются наглядные пособия дореволюционного типа и т. п. Очевидно, что мы нуждаемся в советском Виппере, как в справочнике, как в том материале, без которого не может быть преподавания истории. Фактически и сейчас мы документами не пользуемся,

ибо рядовой преподаватель подчас сам не умеет в них разобраться. То же подтверждает и работа заочного комвуза Свердловского университета. Учащийся нуждается в исторической картине. Ему нужно дать учебник и иллюстративный материал; все это будет хорошо только в руках преподавателя. Нам необходим новый учебник, и если может показаться, что, создавая его, мы идем по старому пути, то в наших условиях и старое будет новым.

Тов. Слуцкий в заключительном слове останавливается прежде всего на некоторых недоразумениях, возникших в процессе прений. В своем докладе он исходил из потребностей взрослой аудитории, приводя пример рабочей книги школ Соцвоса только для иллюстрации. Что касается рекомендованых им задач-поручений, то они вовсе не мыслились как задания; последние определяют весь педагогический процесс в целом, между тем как предложенные поручения мыслятся только, как некоторое дополнение к основной работе.

Тов. Мамет возражал против ограничения автора программой. Между тем, это основное условие, и если мы хотим достичь определенного перелома в деле создания учебной литературы, то мы должны поставить себе твердую задачу приспособления учебника к программе. Второе его возражение касается трудности приспособления учебника к определенному возрасту учащегося и к типу школы. Но тип школ определяется программным содержанием, и это возражение не меняет выдвинутого в докладе положения относительно того, что учебник, приспособленный к определенной программе, может обслуживать различные типы школ.

Возражения т. Нечкиной в одной своей части касались вопроса может ли учебник обслужить целиком весь педагогический процесс. Аргументы ее тем более неубедительны, что т. Нечкина совершенно выбрасывает из самостоятельного педагогического процесса такой важный момент, как задание. Другая группа ее возражений касается отсутствия в предлагаемом типе учебника документов, занимающих большое место в нашем преподавании. Но именно в силу значительности этого места дело документации должно быть отделено от составления учебника. Каков должен быть тип подобного сборника—вопрос особый и в докладе не рассматривавшийся.

Что касается якобы произведенной переоценки ценностей, кризиса преподавания и пр., то ничего такого, конечно, нет. Нам пришлось пользоваться недостаточными пособиями, но не нужно из нужды делать добродетель.

Председательствующий т. Кривцов солидаризируется с основными положениями докладчика.

ДОКЛАД т. ГАЛУЗО: «КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ» [1]

Т. Васютинский, открывая первое заседание секции истории Востока, предоставляет слово для доклада т. Галузо.

Тов. Галузо. Я должен предварительно заметить, что помимо отмеченных в тезисах трех форм эксплоатации Туркменского края русскими господствующими классами, я буду говорить также о том, как вокруг этой эксплоатации шла борьба между двумя формами русского капитализма— торговым и промышленным капитализмом.

Я не думаю подробно останавливаться на вопросе завоевания средней Азии. Для сегодняшней темы это не играет основной роли. Важно то, что определяющей причиной продвижения русских в Среднюю Азию были интересы торгового капитала, а во-вторых, как верно отметил М. Н. Покровский, то обстоятельство, что Средняя Азия нужна была русским и как удобный

[1] Заседание секции истории Востока от 13 марта.

плацдарм в случае войны с Англией. Но в основном это был объект колониальной эксплоатации, интересовавшей не только русского торговца, но и русского промышленника. Первому важен был рынок, второму сырье—хлопок и горные богатства.

Таким образом, если мы ставим вопрос о колониальной политике царского правительства в Средней Азии, то нам нужно выяснить каким образом Туркестан подчинялся России и как он ею эксплоатировался. Вопрос о роли Туркестана, как плацдарма для наступления против Англии, я оставлю в стороне; укажу только, что в отношении русских переселенцев в Средней Азии, я сейчас прихожу к выводу, что если мы можем рассматривать Среднюю Азию, как военный плацдарм, то вопрос о вооружении русских переселенцев играет в этом деле очень существенную роль. Можно считать, что это вооружение было направлено не только против внутреннего восстания, а именно против такого внутреннего восстания, которое может случиться, когда Россия будет вести войну на средне-азиатских окраинах. Характерно, что в 1916 году, когда шло нарастание внутреннего взрыва, переселенцы разоружались, и причину этого можно видеть только в том, что в то время с Англией воевать не собирались.

По вопросу о способах колониальной эксплоатации Туркестана нужно подчеркнуть три основных момента: первый вид эксплоатации это эксплоатация торгово-ростовщическая, второй—через государственный аппарат и третий—эксплоатация земли, изъятие обработанных орошенных земель для русских переселенцев. Вокруг этих трех моментов развертывалась борьба русских господствующих классов.

Когда мы говорим о скупочных и ростовщических операциях русского торгового ростовщического капитала, мы имеем прежде всего в виду скупку хлопка и кредитование хлопкового хозяйства. Конечно, хлопок не единственное сырье, но в кочевые районы торговый капитал проникал слабее.

Промышленная буржуазия была недовольна хозяйничанием торгового капитала в Средней Азии. Поэтому в произведениях либеральных писателей мы находим много данных о безобразиях, творимых торговым капиталом. Но за этими безобразиями крылись реальные противоречия. Деятельность торгового капитала сводилась к скупке сырья и реализации на средне-азиатском рынке русских фабрикатов. Из этого и вытекали разногласия между торговым и промышленным капиталом. Ростовщическая эксплоатация накладывала очень тяжелые путы на развитие декханского хозяйства. В силу этого в нем не могло происходить накопление, и площадь орошаемой земли не увеличивалась. Поэтому, несмотря на быстрый рост хлопководства, возможности его истощались, благодаря использованию ограниченной посевной площади. Стоял вопрос об орошении новых земель. Торговый капитал, стремившийся сохранить свое господство, настаивал на государственном орошении, промышленный предлагал действовать, применяя частный капитал.

Однако, частные проекты орошения не встречали содействия. Латифундий боялись, потому что таким образом промышленники захватили бы в свои руки рынок. Практически и государственное орошение не дало результатов, но тут действовали привходящие обстоятельства.

Борьба шла, собственно, вокруг ростовщических операций, разорявших декханство. Вопрос шел не столько о русском торговом капитале, сколько о туземном. В первую очередь против последнего ополчился русский банковский капитал, взявший курс на организацию дешевого кредита. Рост кредитных операций шел очень быстро, причем банк миновали торговые фирмы, непосредственно подойдя к населению. Тем не менее стоимость кредита оказывалась еще очень высокой, и декханское хозяйство все больше зажималось в тиски ростовщиков, катастрофа наступила уже в военные годы, когда в 1915—16 году были введены нормировочные цены. Хлопководство встало

перед дилеммой: либо свержение власти торгового капитала, либо гибель хозяйства. Неправы те, кто полагает, что перед семнадцатым годом в Туркестане не было еще предпосылок для революции; в туркестанском кишлаке противоречия были еще острее чем в России, ибо если русский мужик раскачался только к осени 1917 года, то декханин сделал это за полгода до Февральской революции.

Второй вопрос касается проблемы эксплоатации Туркестана государственным аппаратом. Последний был аппаратом сугубо взяточническим. Взяточничество есть, конечно, род эксплоатаций, и таким образом аппарат вступал в противоречие с развитием производительных сил, мешал правильному функционированию хозяйственной жизни. Русская промышленная буржуазия протестовала против злоупотреблений аппарата, но делала это не очень решительно, понимая, что только при помощи государственной власти удается удерживать Туркестан.

Третья проблема касается колонизации. Переселение в Среднюю Азию шло по разным направлениям. С одной стороны таким путем создавалась опора для русского господства, с другой стороны выселение из России диктовалось внутренним хозяйственным положением и, наконец, нужно было снабжать рабочей силой предприятия русского капитала. В течение XIX века переселение преследует преимущественно первую цель, причем в этот период против переселения высказывались главным образом помещики, стремившиеся удержать крестьян на земле. Но уже с конца XIX века установка меняется. В самой России начинается новая полоса переселенческой политики и против переселения выступает уже промышленная буржуазия: дело в том, что русская иммиграция разрушала хлопковое хозяйство Туркестана. На этой почве происходила борьба между правым и левым крылом Государственной думы, закончившаяся победой правых и предоставлением земельных излишков в оседлых районах для переселенцев.

К этому времени приобрел значение вопрос о снабжении рабочей силой промышленных предприятий. В подобном духе высказывался уже Витте в 1901 году, а с 1910—11 года, когда выросла проблема орошения, промышленники тоже забеспокоились о подборе рабочей силы. Таким образом, интересы помещиков и промышленников в известном смысле сошлись.

Переселение явилось добавочной тяготой в положении декханства, ибо переселенцы приходили и отнимали землю.

Все эти формы русской эксплоатации в своей совокупности привели к ряду изменений в самом строе туркестанского хозяйства. Прежде всего проникновение русских в Среднюю Азию дало сильнейший толчок разрушению натурального хозяйства. Правда, денежные отношения зародились ранее русского завоевания, но вторжение русского капитала чрезвычайно способствовало их развитию. В хозяйстве хлопкоделов деньги стали играть большую роль, благодаря тому, что весь хлопок сбывался на рынок. Денежные отношения проникли и в скотоводческое хозяйство. Этот процесс, само собой, вызвал дальнейшее хозяйственное расслоение, создав в конечном счете два типа хозяйственных организаций: с одной стороны, тип капиталистический, пользующийся вольнонаемным трудом, и тип полукрепостнический, прибегающий к работе издольщиков, так называемых чайрикеров. Чайрикерство— явление чрезвычайно близкое нашим крепостническим отношениям XVI—XVII века. Конечно, этот производственный тип задерживал развитие народного хозяйства. Причиной чайрикерства был низкий технический уровень декханства, искусственно тормозившийся ростовщической эксплоатацией. Наряду с чайрикерством выростали и капиталистические отношения, вступавшие в противоречия со всеми указанными видами эксплоатации. Основным вопросом для Средней Азии накануне революции 1917 года и было освобождение растущего капитализма от торговой и аппаратной эксплоатации и

от чайрикерства. Таким образом, в Средней Азии подготовлялась буржуазно-демократическая национально-освободительная революция. По всем выше намеченным трем линиям русской эксплоатации интересы метрополии противоречили народным интересам. Но поскольку агентом русского торгового капитала был туземный торговый капитал, национальная революция против русского владычества не могла в конечном счете не перерасти в борьбу и против туземных эксплоататоров.

В прениях по докладу т. Галузо выступили тт. Шихов, Зелькина, Шестаков и Меерсон.

Т. Шихов. Докладчик считает, что в Средней Азии превалировали интересы торгового капитала. Это совершенно неверно. Торговый капитал являлся только агентом капитала промышленного. Органический состав капитала в Средней Азии не рос, следовательно соблюдались интересы промышленного капитала. В этом смысле надо толковать и тот факт, что в средне-азиатских владениях допускался туземный торговый капитал, но совершенно отсутствовал промышленный. Многое из того, что докладчик приводил для доказательства своих положений, по существу свидетельствует обратное. Да и самое завоевание Средней Азии происходило в такое время, когда промышленный капитал в России обосновался достаточно твердо.

Тов. Зелькина. Для настоящей темы важно не столько выяснение того, кто преобладал в Средней Азии, торговый или промышленный капитал, а установление тех переворотов в туркестанском хозяйстве, к которым привела русская колониальная политика. Докладчик считает, что параллельно развивались крепостнические и капиталистические отношения. Это неверно. Здесь мы имеем дело с своеобразным процессом развития капитализма в колониях, не уничтожающим крепостничества. Когда русский капитал вторгся в Среднюю Азию, то первоначально он как-будто довольно радикально взялся за феодальные привилегии. Товарность хозяйства росла очень быстро, создавалась обширная сеть ростовщических кредитных отношений, крестьянство все больше попадало под пресс капиталистической эксплоатации, так что к 1917 году в Фергане 51% всех хозяйств обладал только одной десятиной земли.

Но при таком быстром темпе капиталистического развития создавался не капиталистический фермер, а байское полукрепостническое хозяйство, основанное на чайрикерстве. Так капитализм вызвал к жизни те самые феодальные отношения, которые он начал разрушать. Когда т. Галузо ссылается на статистику наемного труда в Туркестане, то он забывает, что в число наемных рабочих попадали и такие, которые нанимались на 2—3 дня в момент сбора хлопка к тем же чайрикерам. Преобладающим типом хозяйства было хозяйство основанное не на наемном труде, а на труде издольщиков. Еще в 1925 году при обследовании хозяйств были обнаружены очень крупные поместья, в которых было по 70—80 чайрикеров и ни одного плуга. По существу здесь имелись феодальные крепостнические отношения, где наверху в качестве главного эксплоататора стоял торгово-промышленный капитал. Это тоже самое, что отмечал Ленин по отношению к Южной Америке, где капитализм, разрушив рабовладение, воссоздал его в виде института издольщины. Таков вообще характер проникновения капитала в колонии, где феодализм не разрушается, а приспособляется к нуждам капиталистического хозяйства. Средне-азиатский родовой вождь стал и первым капиталистом своего рода, эксплоатируя чайрикера в обоих направлениях. Такой путь объясняется тем, что капитализм не создает в колониях промышленности, а проникает в сельское хозяйство, и армии аграрного перенаселения некуда податься. Разоряющееся крестьянство остается в деревне, являясь прекрасным объектом для крепостнической эксплоатации.

К этому нужно прибавить то обстоятельство, что в Средней Азии настолько быстро рос внутренний рынок, что капитал целиком уходил в торговлю, дававшую колоссальный процент. Это в свою очередь задерживало развитие промышленности и сельскохозяйственной техники.

Основным политическим выводом из подобного экономического положения явилась связь туркестанской национальной буржуазии с одной стороны с феодализмом, с другой—с русским империализмом. Даже спустя восемь лет после революции туркестанская буржуазия не протестовала против феодальных пережитков и отчаянно сопротивлялась земельной реформе. Точно также не шла туркестанская буржуазия против русского империализма, поскольку последний включал ее в качестве одного из звеньев своей эксплоататорской системы.

В остальном же выводы т. Галузо правильны.

Т. Шестаков. Прежде всего нужно остановиться на вопросе о промышленном и тороговом капитализме. Утверждение докладчика о преобладании торгового капитала совершенно не соответствует тому интересу, который питал русский промышленный капитализм к туркестанскому хлопководству. Но и этого недостаточно, потому что, как мы знаем, торговый капитализм с XX века стал перерождаться в капитализм финансовый. Интересен факт, что незадолго до войны московское общество хлопчато-бумажных фабрикантов пыталось организовать крупную компанию по эксплоатации Туркестана. В этом был заинтересован и банковский капитал, не только русский, но и английский. Можно думать, что последняя стадия проникновения капитализма в Среднюю Азию проходила уже под знаком развернутого империализма, характеризуемого всеми пятью ленинскими признаками.

Тт. Галузо и Зелькина правы, когда говорят о докапиталистическом характере декханского хозяйства, но я думаю, что денежные отношения были развиты значительно меньше, чем это кажется докладчику. Система эксплоатации, приводившая к обнищанию населения, не могла способствовать развитию денежных отношений. И вывод т. Галузо об отсталости русского крестьянина, его утверждение, что декханин выступил застрельщиком русской революции, конечно, являются преувеличением. Русская крестьянская революция выросла из уничтожения капитализмом крепостнических отношений, между тем, как события 1916 года в Туркестане явились результатом голодовки, нищеты, военных наборов и т. п. Восстание было подавлено, и к 1917 году мы уже не имеем никаких его следов. Новая форма революционного движения начинается в 1918 году, но тут она уже строится на совершенно иной основе.

Т. Меерсон. В характеристике чайрикерства, данной докладчиком, имеется противоречие: говорить о нем как о крепостничестве можно только в том случае, если капиталистическое хозяйство в этот период еще не было развито; докладчик же рисует иную картину. Но в таком случае нельзя сравнивать с XVI—XVII вв. в России.

Что касается империалистического характера колониальной эксплоатации, то здесь важно отметить, что и при проникновении финансового капитала, аппарат власти оставался в руках торгового капитала.

Т. Галузо в заключительном слове указывает, что т. Шестаков исказил его мысль; конечно, туркестанский декханин не положил начала революции 1917 года. Противоречия в русской деревне и в средне-азиатском кишлаке были различные; в докладе подчеркивалась только острота противоречий в Средней Азии.

Вопрос о связи колониальной политики царского правительства с эволюцией русского капитализма вообще, на который указал т. Шестаков, действительно в докладе был мало разработан. Но совершенно неправильно говорить, что в Туркестане проводилась политика промышленного капитала.

Власть в этот момент была все же в руках капитала торгового. Конечно интересы их часто совпадают, но, когда они расходятся, решение обычно оказывается в пользу торгового капитала.

Т. Зелькина, оспаривая положение о параллельном развитии капитализма и крепостничества, упускает из виду ряд обстоятельств. Прежде всего вольнонаемный труд развивался в средних хозяйственных группах, в то время как крепостные отношения растут в крупных хозяйственных группах. Неправильно и ее представление о аграрном перенаселении. Дело не в отсутствии городской промышленности, а в том, что капитализм проник в самое сельское хозяйство. Рабочих рук не хватало и они ценились высоко. Чайрикерство возникало не из аграрного перенаселения, а из задолженности ростовщику—баю и низкой техники.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

С. Н. Дзюбинский

Вперед или назад[1]

(О методике обществоведения и кое о чем другом)

К основным вопросам методики обществоведения с давнего времени приковано внимание Государственного ученого совета. В целом ряде заседаний и документов ГУС выразил свои взгляды на принципы построения программы, на проблему истории и современности, на роль учебной книги, на значение отдельных способов работы по обществоведению и т. д. Эти взгляды нашли свое отражение и в работах ответственных работников ГУС'а: А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, М. Н. Покровского, В. Н. Шульгина и других. Эти же вопросы были в центре внимания Научно-педагогического института методов школьной работы, Государственного института научной педагогики в Ленинграде, Исследовательского института научной педагогики при 2 МГУ, Секции обществоведения при Восточном педагогическом институте в Казани и других. Достаточно сказать, что начиная с 1923 г. в среде методистов-обществоведов происходит расслоение, и в течение нескольких лет определенно ведется борьба вокруг понимания обществоведения и места в нем «истории» и «современности». Характерно, что споры эти происходили под знаком отношения к ГУС'у—«за ГУС» или «против ГУС'а». Именно ГУС, его позиция в основных вопросах методики обществоведения были ареной ожесточенных методических боев. ГУС-то ведь стоял (и стоит) на той точке зрения, что в основе школьного обществоведения лежит революционная современность, а история есть лишь средство для осознания современности. Противники этих позиций известны, и полемика с ними отражена в значительном количестве методических статей и отдельных изданий. Литературу по этим вопросам, имеющую уже историческое значение, несмотря на свою молодость, следует признать очень интересной и ценной: по ней можно проследить эволюцию точек зрения на основные проблемы обществоведения—в зависимости от т и п а ш к о л и з а д а ч т е к у щ е г о м о м е н т а. Между тем, о методике обществоведения заговорили—как о «забытом участке идеологического фронта»[2].

Почему же все-таки разгорается спор вокруг этого «забытого участка»? Где корни этого излишнего, на наш взгляд, «заострения» несколько притупившихся вопросов?

Постараемся во всем этом спокойно разобраться.

Немного... истории методики. Говоря о «забытом» участке идеологического фронта, обычно внимание обращают на «историю», возмущаются выдуманным «историоедством» и недвусмысленно поговаривают о «восстано-

---

[1] Ред., помещая статью одного из авторов, взгляды которого неоднократно разбирались на страницах «И.—М», попрежнему несогласна с представителями данного направления и солидаризируется с ответом С. Дзюбинскому т. Мамета.

[2] См. Л. М а м е т «Методические очерки», М., 1928.

влении» истории... При внимательном рассмотрении этого вопроса, оказывается, что он... не нов, что в «новизне» требования «самостоятельного курса истории» чувствуется все та же, блаженной памяти, методическая старинка! В самом деле, нов ли спор об истории в средней школе?

О месте и характере исторического курса в средней школе оживлено спорили историки-профессора и историки-педагоги в конце XIX и начале XX в. В методической литературе ярко отражены как точки зрения сторонников научного построения курса истории в средней школе, так и точки зрения сторонников педагогического его построения. Кроме того, есть и компромиссное решение спорного вопроса. Должны ли быть отличия в исторических курсах, преподаваемых высшей и средней школах? Гревс считал, что цель преподавания истории во всех типах школ — одна и та же [1]. Различие он видит лишь в об'еме материала и в приемах его изложения. Противоположную точку зрения высказывал Гуревич. Отрицая возможность введения в среднюю школу истории, как науки, он утверждал, что «история важна в школе лишь, как средство для умственного и нравственного развития учеников». Такого же взгляда держались и рядовые преподаватели средних школ. Компромиссную позицию занял Кареев, который считал, что в курсе истории для средней школы нужно использовать выводы науки с точки зрения того, насколько они доступны пониманию учащихся. Не приводя многих других высказываний, за отсутствием места, мы считаем необходимым отметить, что существенные отличия в университетском и средне-школьном курсах истории отмечал в свое время один из немногих в те времена (1913—1914 гг.) марксистских методистов-историков Сингалевич. Эти отличия он сводил к двум основным пунктам: 1) отличие в методах построения курсов истории и сообщения материала учащимся и 2) в содержании и об'еме преподаваемого [2]. Иначе говоря, Сингалевич устанавливает весьма существенные отличия в курсах истории—в зависимости от типов школ. А ведь различные типы школ ставят себе совершенно различные задачи, которые никак нельзя смешивать. Говоря о школе и школьниках, мы не можем забывать о педагогике. Именно она—педагогика—регулирует методику построения научных курсов в средней школе. В наши дни педагогические соображения подкрепляются педагогическими данными. Эти-то данные следует учесть при решении давнишнего спора о месте и характере исторического курса на различных ступенях обучения.

Совершенно естественно, что методические дискуссии возникали вокруг вопроса об истории и современности. Были времена—и это совершенно закономерно—когда «споры об истории» заслоняли собою все другие методические вопросы. Почему это так? Потому что с этими спорами были связаны споры о понимании трудовой школы. Вопрос об «истории» нельзя было решить без решения вопроса о том, какой должна быть советская школа. Задачи советской трудовой школы, выдвинутые эпохой диктатуры пролетариата, определяли содержание школьной работы, а, стало быть, и содержание обществоведения. И для нынешнего времени остается в силе одно из основных положений трудовой советской школы: быть не школой учебы, давать не формальные знания, а воспитывать человека труда, борца за социалистическое общество. Эти задачи требуют не только общих знаний, но и навыков самостоятельно добывать полезные знания, навыков трудовых, общественных и организационных. Само собой разумеется, что передача знаний является необходимой функцией единого педагогического (образова-

---

[1] См. С. П. Сингалевич. Методика истории. Казань, 1918 г., стр. 17. Размеры статьи не позволяют нам привести выдержки из статей упоминаемых историков.

[2] См. названный труд, стр. 22.

тельно-воспитательного) процесса. Но надо признать, что в трудовой советской школе знания не могут быть универсальны и самодовлеющи. Знания— не самоцель, а средство. Цель преподавания различных дисциплин намечена общей установкой школы. Отсюда и необходимость координации действий отдельных школьных (учебных) дисциплин.

Работающие в области методики обществоведения различно понимали задачи трудовой школы. На этой почве возникли методические группировки: кроме понимания ряда частных методических вопросов, группировки отличались друг от друга пониманием задач советской школы. Должна ли школа ограничиваться выполнением функций формально-образовательной или образование (формальные, фактические знания) есть лишь один из моментов в процессе воспитания нового коммунистически мыслящего человека? Отношение к школе может стать признаком классификаций направлений в области методики обществоведения.

Конечно, определение направлений—дело нелегкое. Опыт классификации методов показывает, что даже наличие громадного советского и западноевропейского опыта не гарантирует бесспорности классификаций педагогических течений вообще и методов в частности. Однако существующие классификации, несмотря на их обилие и схематичность, помогают разобраться в проблемах педагогики. Классификация направлений в методике обществоведения нами здесь не предлагается. Здесь уместно лишь отметить, что в процессе методических дискуссий ярко выявились два направления: 1) интеллектуально-образовательное и 2) воспитательно-трудовое. Ни в коем случае нельзя считать, что эти определения безукоризненны. Исследовательская работа, которая ведется в секции Обществоведения ИИНП при 2 МГУ, уточнит и найдет более совершенные термины. Но и эти несовершенные определения выражают существо направлений.

Изучение методико-обществоведческой литературы показывает, что весьма многими методистами задача обществоведения ограничивается передачей молодому поколению фактических знаний. Воспитательные задачи возлагаются на внешкольную среду или на послешкольный период. Отсюда и требования систематического курса истории, отделенного от «курса» современности; отсюда и нарочитое усложнение понятия «современность» и идеализация «исторической простоты»... Весьма поучительно в этом отношении программное творчество, в особенности, на местах. Различные методические воззрения, несомненно, влияли на построение программ по обществоведению. Не имея возможности остановиться на многих программах, мы обратим внимание лишь на программу Ленинграда. Чрезвычайно интересно проследить, как программы постепенно освобождаются от систематического курса истории культуры, рассчитанного на 9 лет обучения—и, под влиянием требования советской действительности, предлагают сначала тематический курс, построенный по методу контрастов (история—современность), а потом вовсе (почти полностью) слившиеся с содержанием программ ГУС'а. Чем же это об'яснить? По нашему мнению, это об'ясняется изменением структуры школы в Ленинграде (Леноблоно). Если в первые годы советского школьного строительства ленинградская школа в основном ориентировалась на «советскую гимназию», то теперь она все решительнее становится советской трудовой школой (изменилась и структура: 7-летняя школа и 2-летняя II конц.). В зависимости от этого, ленинградские методисты изменили свое отношение к обществоведению вообще и к истории—в частности. Это совершенно отчетливо выразилось в докладах ленинградских методистов (Кудрявцева и Ярошевского) на I методической неделе по обществоведению в Москве (январь 1928 г.). Характерно, что ленинградские методисты в полном соответствии с новой структурой советской школы, а, стало-быть, с типом школы, строят свои программы по обществоведению на тех же принципах,

на которых построены программы ГУС'а: в основе—современность, история—как средство, краеведческий принцип и т. д.

Однако из этого еще не следует, что интеллектуально-образовательное направление исчезло: оно, ведь, представлено было не одним только Ленинградом...

Весьма определенными чертами характеризуется воспитательно-трудовое направление. Его представители стоят на платформе единой трудовой советской школы, целью которой является—воспитание строителя социалистического общества, борца за идеалы пролетариата. В тесной связи с этой общей целевой установкой находится и понимание задач обществоведения. Перед школьным обществоведением, как видно из всех работ представителей воспитательно-трудового направления, в 7-летке стоят прежде всего воспитательные задачи. 7-летка охватывает детей в возрасте от 8 до 15 лет. На этой ступени развития дети не в состоянии еще делать широких обобщений, жизненные явления они воспринимают конкретно, образно. Однако в этом возрасте у детей накопляется значительный заряд энергии, разряжению которой школа должна придать общественно-полезное направление. Уже на I ступени возможно осуществить элементарные задачи общественного воспитания: воспитание общественного инстинкта и общественных эмоций. На старших годах первого концентра растет общественное сознание детей, которое, в результате педагогического воздействия школы и общественной среды, может стать прочным фундаментом для выработки марксистско-ленинского мировоззрения.

Школьное обществоведение, на основе изучения общественной и трудовой деятельности людей, дает учащимся необходимые марксистские знания и общественные навыки, формирует их мировоззрение, подготовляя их, таким образом, к действенному участию в социалистическом строительстве. Само собой разумеется, что для сознательного участия в строительстве, нужны научные знания. Школьное обществоведение и предполагает определенный круг общественных знаний—исторических, экономических и др. Вопрос лишь в том, в каком об'еме и в какой системе эти знания должны быть приобретены учащимися. Воспитательно-трудовое направление в методике обществоведения ни в коем случае не исключает «истории» из понятия обществоведения[1]. Напротив, представители этого направления, строя обществоведческую работу на основе революционной современности, совершенно отчетливо сознают значение уже для 7-летки исторических сведений, введенных в определенные границы—в соответствии с возрастом учащихся и типом школы. Вместе с М. Н. Покровским, представители воспитательно-трудового направления думают, что «приходится иногда опускаться довольно глубоко в прошлое и только там мы найдем ключ к пониманию этой современности»[2].

Более того,при изучении отдельных конкретных вопросов современной жизни придется охватывать количественно довольно значительный исторический материал[3]. Он, исторический материал, вплетается почти в каждую обществоведческую тему в таком об'еме и в такой последовательности, какие определяются характером темы.

И это вполне естественно, так как современность рассматривается в школе не изолировано, а как закономерный этап исторического развития: современность воспринимается учащимися, так сказать, под историческим углом зрения.

---

[1] См. Дзюбинский, Жаворонков, Сингалевич. Очерки методики обществоведения в школе II ст., стр. 15. Татгиз, Казань, 1928 г.

[2] Покровский. Обществоведение во 2 концентре II ст. Сб. «Вопросы школы II ст.», под ред. Млинника и Есипова. М. 1926 г.

[3] См. «Очерки методики обществоведения», стр. 15—16.

Таким образом, историзм проходит красной нитью по всей обществоведческой работе. Но историзм, а не систематический курс истории!... Ни задачи 7-летки, ни педагогические соображения не могут оправдать требования систематического курса истории в школе 7-летке. Учащимися от 8—15 лет недоступны сложные исторические знания, которые всегда—и в дореволюционной школе—оставались тяжелым балластом в памяти учащихся. Кроме того, и практические задачи школы не позволяют систематического «исторического» отвлечения от изучения и непосредственного участия в окружающей трудовой действительности. Марксистско-ленинское мировоззрение может быть выработано лишь в том случае, если современность будет восприниматься сквозь призму исторического анализа, но для этого необходимо, чтобы исторический материал не был излишне отделен от современности: целесообразнее всего материал современности и истории строить комплексно. Тематическая сцепленность поможет учащимся сравнительно исторически подходить к явлениям современности. Так, постепенно, учащимся будет привито уменье диалектически мыслить,—рассматривать общественные явления не в статике, а в динамике. Систематический же курс истории, оторванный от современности, был бы лишен своего жизненно-практического значения и превратил бы «современность»... в жалкий «политграмотный» придаток...

Следует ли отсюда, что вообще в советской школе не должно быть систематического курса истории?

Отнюдь нет. Сторонники воспитательно-трудового направления, ни в коем случае не являясь «историоедами», полагают, что систематический курс истории, педагогически правильно сконструированный, может быть введен на II концентре школы II ступени, не говоря уже о других типах школ. Совершенно нецелесообразно введение систематического курса в 7-летке,—в 9-летке возможны элементы систематики, зато в 10-летке, начиная с 8-го года обучения , педагогически вполне целесообразно построение значительного марксистского курса истории.

С точки зрения педагогической, обществоведческий материал в различных типах школ, ставящих себе различные задачи, мог бы быть схематически так распределен:

Тип школы	Характер обществоведческого курса.
4-летняя школа I ступени.	Обществоведческая пропедевтика: накопление конкретных жизненных представлений от нашего края — к государству (отчасти к миру), посильное участие в общественной жизни,—и на этой основе ознакомление с картинами прошлого СССР.
I концентр школы II ступени.	Действенное изучение основных областей Советского социалистического строительства и истории классовой борьбы в России (и на Западе-аналогии) за социализм. Построение курса: Современность—история—современность.
II концентр шк. II ст. (8—9 гр.)	Последовательно расположенный, тематически построенный единый курс обществоведения—примерно, от феодализма и до революционной современности (без выделения в отдельные предметы политической экономии и советской конституции). Цель: на изучении важнейших исторических явлений—проследить закономерность развития общественных форм—от феодализма к диктатуре пролетариата, как перехода от капитализма к социализму. Построение курса: История—современность.
Техникум.	Систематически построенный курс истории классовой борьбы (с очерками истории культуры) в России и на Западе. Отдельные предметы: политическая экономия и экономическая политика, экономическая география, советская конституция.
Вуз.	Углубленные систематические курсы истории России и Западной Европы—с древнейших времен. Кроме того, методологические семинарии по историческим курсам.

По нашему глубокому убеждению, так построенные обществоведческие курсы в разных типах школ, гарантируют достаточную историческую осведомленность молодого советского поколения—и будут прочным фундаментом для выработки марксистско-ленинского мировоззрения, а, стало быть, и для подготовка кадров строителей социализма.

О новых программах по обществоведению. Все вышеизложенное с достаточной убедительностью говорит о двух вещах: 1) что в пределах 7-летки введение отдельного систематически расположенного курса истории педагогически и идеологически нецелесообразно; 2) что упреки по адресу сторонников воспитательно-трудового направления в методике обществоведения в умалении значения «истории», в «историоедстве» и прочих «мелкобуржуазных» грехах, по меньшей мере, не основательны.

Чрезвычайно важно указать на то, что выраженное выше отношение к историческому курсу нашло себе отражение в новых программах по обществоведению ГУС'а. Недостаток места не позволяет нам сделать анализ этих программ, но для уяснения затронутого в настоящей статье вопроса мы позволим себе привести лишь две цитаты из об'яснительной записки к программам.

Говоря о задачах обществоведения в семилетке, об'яснительная записка кратко так их определяет: учащийся должен быть активно введен в с о в р е м е н н о с т ь [1] (курсив программы). Дальше в об'яснительной записке говорится буквально следующее: «Современность не может быть взята сама по себе, не может рассматриваться статистически, а должна быть взята в исторической связи как со всем тем, что определяет характер современности, т. е. предшествующим периодом развития общества, так и в связи с тем, куда исторически направлено развитие общества. Такая постановка вопроса выдвигает основное требование к обществоведению, а именно—т р е б о в а н и е к о м п л е к с а с о в р е м е н н о с т и с и с т о р и е й (р а з р я д к а н а ш а). С другой стороны, эта же постановка задач обществоведения в некоторой степени является к р и т е р и е м д л я о т б о р а соответствующего исторического материала, для выбора т а к и х и с т о р и ч е с к и х я в л е н и й и ф а к т о в, б е з к о т о р ы х п о н и м а н и е с о в р е м е н н о с т и б у д е т з а т р у д н е н о (р а з р я д к а н а ш а. *С. Д.*). Н е о б х о д и м о с т ь к о м п л е к с а м е ж д у историей и современностью в обществоведении заставляет высказаться п р о т и в раздельного преподавания исторической части и части, освещающей современность, т. е. п р о т и в в ы д е л е н и я и с т о р и и в с а м о с т о я т е л ь н ы й к у р с (р а з р я д к а н а ш а *С. Д.*),—во всяком случае для возраста 12—15 лет, о котором идет речь» [2].

И дальше, в главе «об элементах исторического курса», об'яснительная записка совершенно ясно указывает на то, что «роль истории в I концентре п о д с о б н а я (курсив записки). Не может быть речи о том, чтобы дать на первом концентре с и с т е м а т и ч е с к и й курс истории, хотя бы новейшей» [3].

Цитаты эти столь красноречивы, что комментарии, как говорят, излишни. Сторонники воспитательно-трудового направления целиком разделяют точку зрения ГУС'а на место и роль истории в 7-летке.

Многочисленные опыты обществоведческой работы в Советской школе подтверждают правильность этой точки зрения. Между тем, все чаще и чаще раздаются голоса об «историческом невежестве» наших учащихся. Особенно проявляется это «невежество» при поступлении абитуриентов в вуз. Но ведь

---

[1] См. Программу и методическую записку Ед. тр. шк., вып. 3. Гиз, 1927 г. стр. 16, 46.

[2] Ibid.

[3] Ibid., стр. 51.

в вуз идут юноши не из 7-леток, а из 9-леток, где преподается значительный курс истории. Наконец, «невежество» проявляется не только в отношении «истории», но—и «современности». Не говорит ли это о том, что нужно усилить оба эти элемента в обществоведении? И не становится ли ясным, что причина «невежества» учащихся лежит не в построении школьного обществоведения, а в слабой постановке преподавания обществоведения? Массовое учительство с большим энтузиазмом работает ныне по программам ГУС'а. Обострение вопроса об отдельном курсе «истории» в семилетке толкает учительство назад—к давно оставленным методическим позициям. Этого ли хотят защитники «истории»?

Л. П. Мамет

Бег на месте

(Ответ С. Дзюбинскому)

С. Дзюбинский недоволен работой методической секции О-ва историков-марксистов. Заглавие его статьи говорит о нас, тянущих «назад» С. Дзюбинского и его коллег по т. н. «московской школе», идущих «вперед» и фигурирующих в настоящей статье, в качестве представителей «воспитательно-трудового направления».

В выступлениях методической секции и отдельных ее членов указывалось на непонимание представителями этого пресловутого направления задач советской школы и марксистского обществоведения в ней. В частности, и автор этих строк на анализе методических работ Дзюбинского, Жаворонкова и др. показал, как происходит, выражаясь словами М. Н. Покровского, «мелкобуржуазное перерождение марксистской мысли» [1].

Но С. Дзюбинский в настоящий момент предпочитает умалчивать о тех своих писаниях, которые подвергались нашему критическому разбору и ссылается, главным образом, на «Очерки методики обществоведения в школе II ст.» Дзюбинского, Жаворонкова и Сингалевича, которые будто бы являлись чуть ли не последним словом марксистской методической мысли. Как в предисловии к указанной книжке, так и в настоящей статье, он считает себя вполне удовлетворенным новыми программами ГУС'а и ставит знак равенства между точкой зрения ГУС'а и своей.

Когда писались наши «Методические очерки» нового труда трех авторов у нас еще не было. Но анализ этой книжки, данный т. А. Иоанниссиани в VI томе «Историка-марксиста», подтвердил, что ее авторы остались на прежних позициях. Мы не будем здесь заниматься этой книжкой [2] Только ввиду того, что С. Дзюбинский в настоящей статье клянется ГУС'ом, мы разрешим себе привести мнение об этой книжке официального органа Главсоцвоса.

«Они (указанные «очерки» 3-х авторов. *Л. М.)* прежде всего чрезвычайно суб'ективны, не прошли через какую-либо достаточно авторитетную общественно-педагогическую организацию. Они—или наброски, или неоконченные работы, или говорят только о некоторых излюбленных вопросах; к тому же, большинство их устарело в связи с выходом новых программ. Мало того, в них целый ряд основных вопросов обществоведения трактуется неверно, и тем самым отпадает их руководящее значение» [3].

---

[1] См. Л. П. Мамет—«Методические очерки», изд. Ком. Академии.

[2] Разбор этой книжки дан нами в вышедшем из печати сборнике «Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени», изд. Ком. Акад.

[3] «Обществоведение в трудовой школе. Методический журнал Гл. упр. соц. восп. и Института методов шк. работы РСФСР. Под общей редакцией М. Н. Покровского. № 2 (5) 1928 г., стр. 8.

Вместо ответа на ряд принципиальных разногласий, разделяющих нас с т. н. московской школой и довольно отчетливо сформулированных как в печатных выступлениях членов методической секции, так и на диспуте в Московском центр. доме рабпрос, С. Дзюбинский предпочел привести «Историю методики» и в этой «истории»—преподнести материал, лишь подтверждающий наше отношение к московской школе.

В начале своей статьи С. Дзюбинский утверждает, что между обществоведами шел спор о месте обществоведения и истории и в этом, по его мнению, естественном споре видит спор «за» и «против» ГУС'а.

Но как раз этими-то словами С. Дзюбинский и расписывается в непонимании проблемы. В том-то и дело, что вместо вопроса о характере истории и современности в советской школе, об их задачах и т. д. был выдвинут вопрос о месте. Нужно или не нужно и т. д. Вместо проблемы история и современность была выдвинута проблема—история или современность.

Мелкобуржуазное извращение марксистских положений выразилось между прочим в том, что, не понимая ни истории, ни современности, они давали окарикатуренное обществоведение, что они изгоняли исторические знания из школы, а современности придавали такую ужасную форму, которую не даром так ярко заклеймил М. Н. Покровский[1].

Что же по этому поводу имеет сказать С. Дзюбинский в своей «истории методики»? Для него ничего не изменилось. Существует московская школа, точка зрения которой совпадает с ГУС'овской и существуют «противники» этих позиций, которые «известны».

Понимает ли С. Дзюбинский и его единомышленники место истории и исторических знаний в школе, понимают ли они, что такое марксистское, диалектическое обществоведение? Обоснованы ли наши обвинения в историоедстве?

Остановимся на наиболее отчетливой формулировке, вышедшей из недр «московской школы».

«Под обществоведением в трудовой школе следует понимать: во-первых, трудовую и общественную практику детей ради того, чтобы приобрести трудовые и общественные навыки (участие в управлении школой, в общественных работах школы, в учебных занятиях, в пионерских и комсомольских организациях, в клубной работе, во внешкольной работе и т. д.); во-вторых, осознание как своей общественной жизни, так и общественной жизни взрослых нашего времени и былых времен, чтобы выработать определенное мировоззрение»[2].

Эта смесь «всего понемножку», где в одну кучу свалены и общественная работа в школе, и навыки общественной жизни, и комсомол, и клуб, и общественная жизнь своя (детская), и общественная жизнь взрослых, и «элементы истории, политической экономии, экономической географии, юриспруденции и др.»[3],—очевидно должна, по мнению С. Дзюбинского, служить выражением правильно понятого марксистского обществоведения в советской школе.

Новые программы ГУС'а отвели, несмотря на многолетнюю борьбу С. Дзюбинского и пр., значительное место историческим знаниям. С. Дзюбинский, который всегда «за ГУС», стал мягче по отношению к истории и даже считает, что «педагогически вполне целесообразно построение значительного марксистского курса истории»... в 10-летке, которая пока что... еще не существует.

---

[1] «Историк-марксист», т. III, стр. 166—167.
[2] Б. Н. Жаворонков—«Работа обществоведа», стр. 12.
[3] Сборник 3-х авторов.

С. Дзюбинский приводит несколько цитат из об'яснительной записи к новым программам ГУС'а для школ II ст. и с великим торжеством констатирует: «коментарии, как говорят, излишни».

Нет нужды, что и содержание приведенной С. Дзюбинским цитаты противоречит его прежней точке зрения, но ведь он «всегда за ГУС».

Мы разрешим себе привести цитату из об'яснительной записки к программе по обществоведению для школ крестьянской молодежи и деревенских семилеток, утвержденной одновременно с программой для школ II ст.

«Программа по обществоведению в ШКМ и деревенской семилетке должна удовлетворять следующим требованиям:

1) Дать понимание основных вопросов современности, соединив при этом изучение основных, движущих сил нашего общественного развития с разбором жгучих, злободневных вопросов сегодняшнего дня, наиболее интересных и важных вопросов текущей политики. Вот почему первая часть программы — современность.

2) Дать более или менее систематическое знание важнейших фактов из прошлого, из истории классовой борьбы, из истории рабочего класса и крестьянства. Вот почему мы даем вторую часть программы — историю.

Ряд товарищей возражал против выделения исторического материала в особый раздел обществоведческой программы. Они забывают, очевидно, что в школу теперь приходит уже новый человеческий материал, который начал жить сознательно уже после революции, даже после гражданской войны, который своими собственными глазами не видел ни живого помещика, ни царского строя, ни даже белогвардейского офицера. И в силу отсутствия своего собственного политического опыта насчет разницы между советским и помещичье-буржуазным строем этой молодежи труднее, чем взрослому поколению, разбираться в сегодняшних противоречивых процессах, в том числе и тех, что происходят в деревне.

Для нас, более старшего поколения, эти противоречия ясно представляются, как борьба двух общественных систем: капиталистической (старой отживающей, которая должна быть устранена) и социалистической (только что возникающей, крепнущей, на развитие которой должны быть отданы все силы пролетарского государства). Для нас это старое («вчерашний день») в его остатках и элементах борется с новым; а для молодежи, которая сама этого старого не перенесла, гораздо труднее научиться рассматривать эти общественные процессы в движении, в динамике, а не в статике, ей куда труднее понять всю сложную диалектику общественного развития нашей страны (и нашей деревни), всю сложность борьбы социалистических и капиталистических элементов, неизбежность противоречий и т. д.

Вот почему так необходимы и важны систематические знания о нашем прошлом (данные в марксистском освещении), вот почему нужно систематическое (и в известной мере самостоятельное) изложение исторического материала» [1].

О чем говорит эта цитата в сравнении с цитатой, приведенной С. Дзюбинским. О том, что ГУС в новых программах встал на правильный путь создания таких обществоведческих программ, в которых и история и современность получили бы и должное место, и должное содержание, чего не было в старых программах (для чего и потребовались новые); что у ГУС'а в этом отношении есть достижения, но есть еще и колебания (ср. программы для городских и для деревенских семилеток); что задачей партийной, советской,

---

[1] «Обществоведение в трудовой школе». Сб. I, стр. 40—41.

педагогической и научной общественности является помочь ГУС'у преодолеть имеющиеся еще затруднения.

С. Дзюбинский же и др., подписываясь под каждой очередной программой ГУС'а, на деле, претворяя ее в жизнь, комментируя и популяризируя ее, превращают ее в нечто такое, от чего ГУС потом открещивается.

И происходит это от того, что и С. Дзюбинский, и Б. Жаворонков и пр. их единомышленники все еще не отрешились от своего мелкобуржуазного понимания обществоведения и вместо того, чтобы двигаться вперед, топчутся на месте, настаивают на своих ошибках и не находят выхода из трех сосен, в которых они заблудились.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: Ф. Месин, К. Шмюкле, Н. Аптекарь. ОБЗОРЫ: Н. Люсвин, ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ: А. В. Шестаков, РЕЦЕНЗИИ: С. Красный, Н. Фрейберг, А. Васютинский. Н. Степанов, А. Беркман, А. Шебунин, Н. Рубинштейн, Б. Козьмин, С. Айнзафт, М. Югов, А. Шестаков, К. Лукачевский, Л. Мамет, А. Гуковский

В ПЛЕНУ БИОЛОГИЗМА

К критике последней книги К. Каутского

I.

Работа Каутского о материалистическом понимании истории, которую с таким нетерпением ожидали все интересующиеся основными вопросам марксизма, уже вышла в свет. Перед читателем лежит огромная двухтомная монография, захватывающая чуть ли не весь цикл идей марксизма, а сверх того и ряд вопросов, лежащих вне этого круга. Это книга-монстр, настоящая энциклопедия исторического материализма,—правда, сильно разбухшая благодаря многословию и бесчисленным повторениям автора, но по замыслу и об'ему своего рода standard work в трактуемой ею области. И все же, читая исследование Каутского, перечитывая его и вчитываясь в него, испытываешь разочарование, которое становится тем сильнее, чем больше вдумываешься в строй мысли автора. Разумеется, книга свидетельствует о сохранившейся удивительной работоспособности Каутского, в ней собрана масса фактов по самым разнообразным отраслям знания, в ней встречается множество интересных и ценных, с марксистской точки зрения, идей и даже отдельных экскурсов, но в целом она свидетельствует об идейном банкротстве Каутского, о полной теоретической капитуляции его перед тем самым реформизмом, от нападок которого он так упорно и успешно защищал когда-то позиции ортодоксального марксизма. «Die materialistische Geshichtsauffassung» содержит коренную и последовательную ревизию марксизма, местами скрытую, а местами и явную, ничем не прикрытую, ибо, как замечает Каутский, «по временам ревизии марксизма неизбежны, необходимы» [1].

Но книга Каутского не только дает ревизию основ марксизма в духе реформистских противников диалектического материализма, она обнажила также какие-то первозданные пласты мысли Каутского и показала, как собственно духовно он чужд марксизму, не конгениален ему. В монументальной работе, написанной на склоне лет, в работе, завершающей полувековую научную и публицистическую деятельность, с исключительной отчетливостью чувствуется та дарвинистская, биологическая ориентировка мысли, с которой молодой Каутский приступил в 70-х гг. к изучению марксизма. Над всем последним произведением Каутского,—если даже отвлечься от поправок и изменений, вводимых им в учение творцов научного социализма,—реет дух не Маркса и Энгельса, а Дарвина и Ламарка. С этой точки зрения приобретают известное оправдание слова Каутского о том, что в «Die materialistische Geschichtsauffassung» он дает «обоснование своей собственной исторической концепции». Конечно, слова эти звучат крайне претенциозно и странно по отношению к труду, посвященному изложению материалистического понимания истории, труду оперирующему все время понятиями, заимствованными у Маркса и Энгельса, и являющемуся, в конце концов, грандиозным—хотя и ошибочным—комментарием предисловия к «Критике политической экономии». Но в известном смысле слова, «Юрий Милославский, действительно, другой». Материалистическое понимание истории Каутского, при всем внешнем, формальном сходстве с материалистическим пониманием истории Маркса и Энгельса и даже независимо от произведенной в нем ревизии взглядов последних, представляет нечто по существу отличное.

[1] Т. II, с 630, см. также о «Необходимости по временам ревизионизма» ibid., с. 756.

Описывая историю своей умственной эволюции, Каутский рассказывает, что он обладал исторической концепцией еще до того, как он познакомился с теорией Маркса, и что лишь постепенно он перенес в свои первоначальные воззрения все больше марксистских черт, пока под конец они совершенно не совпали с Марксовым учением. «Но мой исходный пункт был иной, чем у Маркса и Энгельса, и благодаря этому я интересовался явлениями, на которые они обращали мало внимания... Они исходили из Гегеля, я из Дарвина. Последний занимал меня раньше, чем Маркс, развитие организмов раньше, чем развитие экономики, борьба видов и рас за существование раньше, чем классовая борьба» (т. I, с. 17). Гегель и Дарвин! Гегель, т. е. философия с ее универсализмом в лице ее величайшего представителя, и Дарвин, т. е. гениальная, но все же специфическая и ограниченная в своей специфичности биологическая теория, которую, правда, иные адепты ее пытались распространить чуть ли не на все области бытия. И дарвинизм не только хронологически был исходным пунктом мировоззрения Каутского, но—в смысле биологической теории развития—и в настоящее время является логически, при систематическом построении им теории исторического материализма, путеводной звездой его. Связать социологию с биологией—такова мечта Каутского. В конце четвертой книги своего трактата он рассказывает, как, работая над дальнейшим развитием идейного наследства Маркса и Энгельса, он стремился настолько расширить сферу материалистического понимания истории, чтобы она соприкоснулась с областью биологии. «Я исследовал,—говорит он, не связано ли внутренним образом развитие человеческих обществ с развитием видов животных и растений, так что история человечества является только частным случаем истории живых существ, со своими специфическими законами, которые, однако, связаны со всеобщими законами живой природы. По моему мнению, общий закон, которому подчинено развитие людей, животных и растений, заключается в том, что каждое изменение обществ, а также видов, можно свести к изменению в окружающей их среде. Где эта среда остается постоянной, там не изменяются и живущие в ней организмы и организации. Новые формы организмов и общественных организаций сводятся к приспособлению к изменившейся среде» (т. II, стр. 630—31). Каутский считает, очевидно, значительным углублением марксизма установление этого «общего закона» приспособления к среде, благодаря которому в действительности социология топится в биологии, специфически социальное растворяется в общебиологическом. Оговорка об «особенных законах» исторического процесса (см. также т. I, стр. 198) нисколько не спасает дела, ибо пока не показано, как из общей формулы приспособления к среде выводится специфически-социальная закономерность, мы не выходим из царства биологических абстракций. Но вывода этого читатель не найдет в работе Каутского, да и не может найти его, ибо понятие приспособления к среде, оторванное от ряда других идей, с которыми оно связано в теории Дарвина (размножение, обгоняющее рост пищи, и т. д.), становится голым словом, простой метафорой, звучащей, может быть, красиво, но сама по себе бесплодной[1].

Говоря о законе приспособления к среде, мы забежали далеко вперед, дошли почти до конца исследования Каутского. Но это необходимо было нам, для того, чтобы показать, как отличен подход Каутского к проблемам исторического материализма от подхода к ним самих творцов его. Каутский и сам сознает это. Когда после продолжительного странствования по пустыням биологии, антропологии, антропогеографии и пр. он приходит, наконец, к формулировке основных положений материалистического понимания истории, он замечает: «Путь, каким я пришел к изложенному здесь материалистическому пониманию истории, весьма отличен от пути Маркса и Энгельса» (т. I, стр. 805). Но, прибавляет он тут же, «как ни отлично по своему обоснованию мое понимание истории от концепции Маркса и Энгельса, по применяемому методу, а также по результатам, оно вполне совпадает с их теорией, разумеется, с суб'ективными отклонениями, вытекающими из различия дарований, условий работы и обстоятельств эпохи, когда каждый из нас работал». Таким образом, Каутский думает, что в Рим исторического материализма ведут, если не все дороги, то во всяком случае, несколько путей, и что результаты, к которым пришли Маркс и Энгельс, исходя от «поставленного на ноги» Гегеля, должны, за исключением разве «суб'ективных отклонений», совпадать с результатами, к которым пришел Каутский, положив в основу своего исследования эволюционную теорию. В действительности, это, конечно, не так: «обоснование» исторического материализма совершенно не отделимо от «метода»

---

[1] Ср. отзыв Энгельса о неумеренных поклонниках Дарвина, возводивших «борьбу за существование» в универсальный закон природы. «Совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или того меньше» («Диалектика природы», архив Маркса и Энгельса, т. II, стр. 63).

и «результатов» его, и поэтому то «суб'ективные отклонения» Каутского приняли такие чудовищные размеры. Мы понимаем, конечно, что политическое падение Каутского должно было, рано или поздно, повлечь за собой и теоретическое грехопадение его, но для последнего давно уже была подготовлена почва в изначальной, чуждой марксизму, установке его мысли. В течение своей продолжительной научной карьеры Каутский действительно перенес множество «марксистских черт» в свое первоначальное мировоззрение, настолько, что—пока речь шла о конкретных вопросах тактики или частных исторических вопросах—он мог на протяжении многих лет быть представителем марксистской ортодоксии. Но центрального в марксизме—его универсального, философского духа—он, по самому складу своей мысли, перенести не мог, и поэтому-то его теперешняя циклопическая работа об историческом материализме кажется такой мелкой и плоской по сравнению со старыми, гораздо менее значительными по размерам и мало систематическими, трудами Плеханова или Антонио Лабриолы, обладавших такой глубокой гегельянской и вообще философской культурой. Это не значит, что Каутский недооценивает значения философии в системе марксизма. Исторический материализм, говорит он, не просто изолированная научная гипотеза, приобретенная эмпирически, путем простого наблюдения фактов; он является частью великого мировоззрения, от которого он неотделим: «исторический материализм—это примененный к истории материализм» (т. I, стр. 20). И, в соответствии с этим, у Каутского почти вся первая книга—целых 130 страниц—посвящена самым различным философским проблемам—выяснению отношений между материализмом и идеализмом, разбору философии Канта, анализу диалектики, вопросу о причинности и проч. Но, не говоря уж о случайном подборе рассматриваемых в этом отделе вопросов, вся эта книга стоит как-то особняком, совершенно не связанная с огромным центральным массивом всего исследования. И почти чувствуешь то облегчение, с каким Каутский, добравшись в главе о диалектике до вопроса об отношении между организмом и окружающей средой, покидает высоты философского умозрения, чтобы спуститься в более близкую и интересную ему область рассуждений об индивиде и виде, о наследственности, приобретенных признаков, о гибридизации и пр. При такой внешней, чисто механической связи между философскими предпосылками марксизма и историческим материализмом ничего удивительного, что, напр., вопрос об исторической закономерности, о существовании исторических законов, трактуется не в основном тексте исследования Каутского, а в своего рода дополнении к нему, в пятой книге о «Смысле истории», где затрагиваются всякого рода вольные темы—о роли личности в истории, о роли в ней воли, о прогрессе, о цели исторического развития и т. д. Проблема исторической закономерности—одна из центральных проблем материалистического понимания истории—выступает у Каутского не в систематическом порядке, не в порядке логического построения теории, а как-то выскакивает неожиданно по поводу чисто прикладного вопроса о том, учит ли чему-нибудь история. Если прав Гегель, утверждавший, что история никогда ничему не научила народы и государственных деятелей, ибо каждая эпоха есть нечто неповторяющееся, то могут умозаключить—замечает Каутский—что поиски законов в истории обречены на неудачу. И вот в связи с этим замечанием начинается длинная полемика Каутского с Э. Мейером, Белохом и др. защитниками взгляда, будто область исторического—это единичное, особенное, сингулярное. В ряде глав Каутский рассматривает проблему всеобщего и особенного в истории, вопрос о всеобщих и частных законах и т. д. В общем относящиеся к этому соображения Каутского правильны, хотя не новы, но, при всей своей правильности, они как-то мелкотравчаты, низинны, не обвеяны крепким воздухом философских высот. Решение вопроса об исторической закономерности вырванное из его логической связи с общефилософскими проблемами исторического материализма, неизбежно принимает какой-то terre-à-terre'ный характер[1].

Желая дать читателю представление об исходном пункте своего умственного развития, Каутский в приложении к первой книге приводит написанный им еще в 1876 г. небольшой очерк «Entwurf einer Entwicklungsgeschichte der Menschheit», в котором история человечества изображается в виде борьбы между коммунистическими и индивидуалистическими инстинктами, как они возникли под влиянием дарвиновской борьбы за существование. От этого наивного наброска в 10 страниц

[1] Каутский борется все время с Эд. Майером и другими мелкими—в историко-философском смысле—бесами теории, согласно которой уделом истории является единичное, а не общее, не упоминая вовсе об «отце лжи», Риккерте, оказавшем своей теорией исторического процесса такое огромное влияние на буржуазную историографию последней четверти века. Между тем, аргументация и социальный смысл риккертианства были вскрыты у нас еще М. Н. Покровским почти немедленно после появления основного труда Риккерта (см. М. Н. Покровский. «Идеализм» и «Законы истории», «Правда», №№ 2 и 3 за 1904 г.).

до громады «Материалистического понимания истории» с его морем фактов и построений—дистанция огромного размера. Но есть что-то общее, сближающее между собой незрелый плод мысли 22-летнего Каутского с итоговой работой его жизни. Обе вещи, как бы нанизаны на единый стержень биологизма, ибо «борьба за существование» первоначального наброска и «приспособление к среде», в которой теперешний Каутский видит последний ключ к пониманию социальных явлений по существу одно и то же. И сравнивая, как это предлагает Каутский, исходный пункт его самостоятельного мышления с завершающим результатом его, читатель может сказать только, что кольцо духовного развития Каутского почти сомкнулось и что в конце его он ближе, чем когда нибудь раньше, к началу его. On revient toujours à ses premiers amours...

II.

Каутский—глубоко не философская натура. И если все же он предпосылает своему исследованию обширное философское введение, то делает он это по требованию традиции, выполняет, как обязанность, как урок, и выполняет очень скверно. Исторический материализм, как мы знаем, есть примененный к истории материализм. Но жестоко ошибся бы тот читатель, который решил бы, что материализм, о котором говорит здесь Каутский, есть материализм Маркса и Энгельса, наследник и завершитель дела французских материалистов XVIII в. и Фейербаха. Материализм понимается Каутским так широко, что под него подойдет всякое, не явно идеалистическое мировоззрение. И в полном соответствии с этим, Каутский утверждает, что материалистическое понимание истории «совместимо не только с Махом и Авенариусом, но и с рядом других философских систем» (I, 28).

Не лучше обстоит дело и с диалектикой, превратное понимание которой накладывает печать на всю трактовку Каутским проблем исторического материализма. По методу и приложению его, как при изучении прошлого, так и в практической борьбе настоящего, говорит Каутский, «я еще и в настоящее время согласен с Марксом и Энгельсом, хотя расхожусь с ними в философском обосновании этого метода, поскольку я понимаю диалектику развития органических видов и человеческого общества отчасти иначе, чем они» (т. I, стр. 805). По поводу слов «еще в настоящее время» адепт Фрейда, вороятно, сказал бы, что это обмолвка, выдающая подлинную мысль Каутского, который именно в настоящее время не идет по пути Маркса и Энгельса, как в вопросах теории марксизма, так и в вопросах практики его. Что же касается утверждения об «отчасти» ином понимании диалектики в мире биологии и социологии, то это эвфемизм, прикрывающий полный отказ от диалектического метода марксизма. Главу о диалектике Каутский, в согласии со всей биологической установкой своей мысли, начинает с рассмотрения взаимоотношений между организмом и окружающей его средой, указывая, как под влиянием исходящих от среды раздражений совершается приспособление к ней организма, которому в противном случае грозит гибель и т. д. Происходящий при этом процесс развития организма является диалектическим процессом, поскольку сам организм можно рассматривать, как утверждение, тезис, окружающую его и противоположную ему среду, как отрицание, антитезис, и, наконец, приспособление организма к среде, как отрицание отрицания, синтезис. Но, предупреждает Каутский, диалектика этого процесса лишь по форме, а не по существу совпадает с гегелевской, в которой тезис и антитезис не представляют вовсе двух раздельных вещей—подобно организму и среде—а содержатся один в другом и порождают один другой. Маркс и Энгельс переняли эту диалектику у Гегеля, но—по выражению Энгельса—«поставив ее с головы на ноги». Маркс и Энгельс действительно поставили обратно на ноги гегелевскую диалектику, но она у них все же осталась имманентной диалектикой, движением и развитием, совершающимся изнутри самого сущего, самочинно, а не в результате столкновения двух внешних друг по отношению к другу сил. То, что Каутский преподносит читателю в виде диалектики, якобы лишь «отчасти» отличающейся от соответствующего учения Маркса и Энгельса—есть нечто диаметрально противоположное ему, есть дюринговская теория антагонистичных сил, разоблаченная Энгельсом еще в «Анти-Дюринге». Правда, когда дело доходит до центрального пункта исследования, до возникновения искусственной среды, развитие которой становится независимым от перемен в естественной среде, факты оказываются сильнее предвзятой теории, и Каутский вынужден признать, что общественное развитие представляет собой диалектический процесс, «во многом напоминающий гегелевскую диалектику». В связи с этим Каутский развивает мысль о трех различных типах развития, как они даны в эволюции отдельного организма, биологического вида и человеческого общества. Развитие отдельного организма не носит вовсе диалектического характера. Оно тождественно у всех индивидов одного вида и предопределено еще в зародыше. Окружающая среда не оказывает никакого влияния на стадии развития организма и на конечный результат его, не может

сделать из данного организма другой организм. В случае развития какого нибудь вида, в результате противоположности между индивидом и средой, под влиянием последней, получается новое, нечто не бывшее раньше. Это—диалектический процесс, но такой, где антитезис (естественная среда) всегда отличен от тезиса (организм) и не вытекает из него. Наконец, человеческая история представляет диалектический процесс, как его понимает Гегель, ибо духовные способности человека настолько превосходят способности животного, что он может приспособляться к окружающей его среде не только бессознательно, но и сознательно, создавая новые органы, «которые изобретаются и применяются сознательным образом в качестве орудий, но бессознательным образом порождают новую среду тем, что отчасти изменяют естественную среду, а главным образом, тем, что изменяют общественную среду». (I, 793).

Таким образом, исторический процесс совершается «по Гегелю». Но, сделав эту невольную уступку марксистской диалектике, Каутский впоследствии забывает о ней и в самых ответственных местах своего обоснования материалистического понимания теории подменяет ее излюбленным им дюринговским противоборством антагонистичных сил.

Это противоборство лежит и в исходном пункте его анализа, начинающегося с исследования до-общественного человека,—исследования, которому посвящена вся обширная вторая книга трактата Каутского. Развитие живых существ определяется противоположностью между «я» и «не я», организмом и окружающей его средой. Импульсы к своему развитию, организм получает от среды, но способ, каким организм реагирует на эти импульсы, а следовательно и тип его развития, зависит от особенностей этого организма, от того, что можно назвать его a-priori. И это относится к человеку точно также, как и к другим животным видам. Человек вовсе не чистая доска, и унаследованные им из далекого прошлого свойства, его биологическое a-priori определяет весь характер всемирной истории. От способности человека ходить, от устройства его руки, от его умственных способностей и проч. зависит своеобразие исторического процесса. Исторический материализм, вопреки мнению его противников, нисколько не игнорирует всего этого. Но так как историк изучает поток истории, течение ее, а не то, что в ней постоянно, то не его дело заниматься анализом этого a-priori человеческой природы, который он получает готовым из рук антрополога.

Задачу этого антрополога и берет на себя затем Каутский, рассматривая в длинном ряде глав эгоистические, социальные, половые, эстетические и пр. инстинкты человека, доставшиеся ему еще от его животных предков. Априорное достояние человека оказывается в результате этого анализа весьма обширным и позволяет Каутскому заявить, что нет ничего ошибочнее утверждения, будто материалистическое понимание истории исходит из допущения, что человек руководится только эгоистическими мотивами. Как неоднократно подчеркивает Каутскй, исторический материализм не есть вовсе экономический материализм, т. е. учение, согласно которому поведение человека определяется только так называемыми материальными, экономическими интересами. Наоборот, «так как в исторический процесс вступает весь человек со всеми его способностями, инстинктами, потребностями, то все они и принимают участие в историческом развитии, хотя и не в равной мере. Какую колоссальную роль играла в истории забота о потомстве! Наследственное право является одним из результатов ее в высоко развитых обществах. Как сильно определяло оно политику царствующих династий! Но не только у монархов,—у всех классов, даже у самых демократических, далеко направленные политические и социальные цели, «идеалы», являются по существу особыми формами заботы о потомстве. Не себя имеют в виду, когда борятся за далекие цели, осуществления которых не рассчитывают увидеть, а своих потомков, грядущие поколения» (т. I, 393)... То же самое относится к половой потребности, игравшей огромную роль во все времена, у диких племен, у варваров, у цивилизованных народов. Нельзя дать картины возникновения и начала римской империи, не касаясь любовных интриг Клеопатры или Мессалины. «Чем была бы история XVIII века без истории королевских любовниц!» (ibid). Немала историческая роль и эстетической потребности, в частности в вопросе о возникновении денег, этой основы товарного хозяйства. Золото и серебро являются первоначально только предметами украшения и лишь постепенно приобрели свои теперешние экономические функции. И, таким образом, «все развитое товарное производство, как оно представлено современным капитализмом, выросло на эстетической основе, да, может быть, могло вырасти только на такой основе. Действительно, потребительная ценность даже полезнейшей вещи ограничена... Только лишнее, только то, что служит для красоты, для роскоши, трудно иметь в достаточном количестве, особенно в том случае, когда оно способно долго держаться и когда его ценные для нас свойства не изменяются с течением времени. У благородных металлов к этому присоединяется еще большая редкость, благодаря которой их никогда не имеешь в достаточном количестве» (т. I, 395).

Каутский, конечно, совершенно прав, когда выступает против навязывания историческому материализму исключительно экономической мотивации поступков. Но в борьбе с этим заблуждением, в стремлении вскрыть все то многообразие мотивов, каким руководится человек в своем поведении, он незаметным образом впадает в другую ошибку, превращая материалистическое понимание истории в своего рода теорию факторов, где, впрочем, факторами оказываются на этот раз не экономика, политика, право и другие стороны единого исторического процесса, а стремление к самосохранению, половое чувство, потребность в украшениях и прочие первичные инстинкты, из которых, как указывает Каутский, «в зависимости от ситуации», побеждает то один, то другой, определяя собой поступки человека. Увлекшись желанием опровергнуть противников исторического материализма, Каутский забывает здесь, что «ситуация», т. е. соответственная социальная обстановка,—влияющая не только на силу различных инстинктов, но и на форму проявления их—и есть то главное, основное, что должно занимать историка. Человек не сплошь эгоистическое существо; он не сплошь также и половое существо; он и то, и другое, и третье: все это, разумеется, верно и принимается в расчет диалектическим материализмом, но последний, как научная теория социального процесса интересуется только специфической закономерностью истории, а не тем, что предшествует всякой истории. Если бы Каутский, вместо ненужных отступлений в области биологии и антропологии, подошел бы философски к вопросу об исторической закономерности, то вряд ли бы он преподнес нам новое издание теории факторов.

Точно так же мы не услышали бы от него заявления о том, будто нельзя об'яснить возникновения римской империи, не говоря о любовных похождениях Клеопатры и Мессалины. Паскалю принадлежит изречение, что, если бы у Клеопатры нос был несколько короче, то вся история человечества имела бы другой вид. В самом деле, будь Клеопатра некрасива, в нее не влюбился бы Антоний, борьба между ним и Августом имела бы, может быть, другой исход и т. д. и т. д. Приведя этот известный афоризм Паскаля, Милюков замечает[1], что для полного об'яснения возникновения римской империи должна быть действительно принята во внимание и красота Клеопатры. В устах эклектика, каким был Милюков, такое заявление понятно, но совершенно непонятно такое утверждение со стороны теоретика материалистического, т. е. монистического, взгляда на историю. Плеханов в своей статье «К вопросу о роли личности в истории» тоже касается этого пресловутого вопроса о носе Клеопатры, о роли во французской истории фаворитки Людовика XV г-жи Помпадур и пр. Но он дает ему надлежащее решение, говоря, что, «как ни несомненно в указанном случае действие личных особенностей, не менее несомненно и то, что оно могло совершиться лишь при данных общественных условиях» (т. 8, с. 292). Соотношением общественных сил во Франции, продолжает он, «об'ясняется в последнем счете то обстоятельство, что характер Людовика XV и прихоти его фавориток могли иметь такое печальное влияние на судьбу Франции. Ведь если бы слабостью по отношению к женскому полу отличался не король, а какой-нибудь королевский повар или конюх, то она не имела бы никакого исторического значения. Ясно, что дело тут не в слабости, а в общественном положении лица, страдающего ею» (ibid, 293). Плеханов правильно выдвигает здесь на первый план социальный момент, в котором вся суть дела. Могут сказать, что Каутский тоже отлично понимает значение этого социального момента, который он, однако, считает чем-то само собой разумеющимся и о котором он поэтому не говорит. Но дело здесь не в каком-то внешнем недостатке изложения Каутского и не в том даже, что он чрезмерно расшаркивается перед буржуазными учеными, как Макс Вебер, Трельч и пр., перехватывая через край в своем рвении опровергнуть легенду об односторонности марксизма. Дело прежде всего в недостаточно глубоком подходе к вопросу об исторической причинности, который не дозволил бы всех этих грубых lapsus'ов насчет любовных похождений Клеопатры и Мессалины. Когда-то можно было говорить, что маленькие причины вызывают большие действия, что от копеечной свечки сгорела Москва и т. д. В наше время, после уточнения принципа естественно-научного детерминизма и установления закона сохранения энергии, с его требованием равенства между причиной и следствием мы уже не можем видеть в копеечной свечке причину московского пожара. То же самое относится и к истории. Прежде, во времена господства идеалистического взгляда на историю, можно было видеть в носе Клеопатры, насморке Наполеона во время Бородинской битвы и т. п. ничтожных обстоятельствах причины самых грандиозных исторических событий. Но материалистическое понимание истории это—тот же уточненный принцип детерминизма в применении к общественной жизни, и оно требует пропорциональности, эквивалентности между исторической причиной и историческим следствием. Подходя с ним к историческому процессу можно, во-

[1] «Очерки по истории русской культуры», 4 изд., ч. I, с. 15.

преки утверждению Каутского, написать отличную научную историю 186 без упоминания имен разных королевских метресс.

Совсем уже чудовищный характер носит заявление Каутского, будто бы все гигантское здание современного капитилизма воздвиглось на хрупкой основе эстетической потребности. Говоря это, Каутский безбожным образом смешивает суть товарного хозяйства, ту сторону его, благодаря которой в ходе экономического развития выделяется в качестве всеобщего эквивалента определенный товар, с тем случайным и десятистепенным обстоятельством, что товаром этим стали, служившие раньше предметами украшения, благородные металлы. И опять-таки Каутский не может не знать этой азбуки учения Маркса,—но ведь «ревизии марксизма по временам необходимы», и вот в ревизионистском рвении, попутно с пересмотром первооснов диалектического материализма, отменяется и эта элементарная экономическая истина. К тому же как не воспользоваться случаем показать всем этим Веберам и Трельчам, что и марксизм не лыком шит и способен—при надлежащем препарировании его -усваивать самые последние достижения науки... [1].

III

На этом мы покончим с отделом о «Человеческой природе». Следующая за ним и еще более обширная, третья книга носит название «Die menschliche Gesellchaft». («Человеческое общество»). Можно было бы подумать, что здесь-то, наконец, Каутский расстанется с вопросами и мира животных и растений и подойдет к анализу человеческого общества по существу, к рассмотрению его конститутивных признаков, его отличия от животных сообществ и пр. Но Каутский остается верен своему биологическому устремлению, укладывая попрежнему всю проблематику исторического процесса на прокрустово ложе учения о приспособлении. В результате новые зигзаги мысли, новые десятки и сотни страниц посторонних экскурсов, пока только в последних главах отдела об экономике не забрезжит свет даваемого Каутским решения основных проблем материалистического понимания истории.

В диалектическом процессе между организмом и средой, где первый является тезисом, а вторая—антитезисом, приспособление организма к среде представляет собою, как мы знаем, синтезис, новое утверждение организма, являющееся исходным пунктом новой противоположности между «я» и «не я». Но приспособлению животных поставлены определенные границы. Как бы ни требовала новая обстановка новых органов от животного, последнее не может создать их, а может в лучшем случае только соответствующим образом видоизменить применение унаследованных им органов. Человек же, благодаря развитию своего мозга,—этого самого изменчивого и самого способного к приспособлению органа—может, в случае изменения окружающей его среды, создавать соответствующие этому новые органы. Это и дает начало человеческой истории.

A priori этой истории является общечеловеческая природа, те многочисленные способности и инстинкты, о которых говорилось выше. Но в ходе эволюции единая первоначально природа человека разбилась на ряд различных расовых природ, из которых каждая представляет особое a priori исторического процесса. Это признание значения расы, замечает Каутский, нисколько не противоречит материалистическому пониманию истории, но не надо только преувеличивать его, ибо по существу общие свойства человеческой природы всегда берут верх над дифференцирующими человечество свойствами. К этому присоединяется еще отсутствие вообще каких-нибудь надежных результатов в изучении рас, вследствие чего историография, признавая теоретически некоторое значение за расовыми особенностями, может на практике не принимать в расчет этого момента при своих построениях.

Иное приходится сказать об антропогеографии. Если расовые теории до сих пор не дали нам ничего научно обоснованного в своих попытках об'яснить своеобразие исторического процесса у различных народов, то, наоборот, изучение действия климата, состава почвы, географического положения и пр. на судьбы человечества в разных странах было очень полезно для понимания хода истории. Но хотя антропогеография имела большее значение для исторических исследований, чем расовые теории, она, как и последние, не может об'яснить исторического процесса. Она предполагает уже наличие его, она может об'яснить нам, почему в одних случаях он протекает таким-то образом, а в других—иначе, но она не может об'яснить, почему он вообще протекает: ведь «исторический процесс совершается даже и тогда, когда окружающая человека природа и расы совершенно не изменяются.

[1] К чести Каутского надо все же сказать, что во втором томе, когда он вплотную подходит к вопросу о происхождении денег, он ставит на подходящее ему место «эстетический» момент этой проблемы.

По сравнению с историей раса и природа являются постоянными факторами, и они не могут поэтому об'яснить, почему наступают исторические изменения» (1, с. 577).

В силу аналогичных соображений Каутский откидывает теории, согласно которым двигателем исторического процесса является рост населения или какая-то связанная с допущением свободы воли духовная способность. Ключ к решению загадки человеческой истории следует, по мнению Каутского, искать в способности человека приспособляться к изменениям в окружающем его мире путем создания искусственных органов, усиливающих или дополняющих его естественные органы. Зачатки этой способности имеются еще у животных. В ряде глав о плетении, копании, добывании огня и пр. Каутский описывает выросшую на этой первичной биологической основе рудиментарную технику, древнейшего человека. Эти начатки человеческой техники коренятся, по мнению Каутского, в переменах, происшедших в древнейшую эпоху в естественной среде, когда обезьяноподобный предок человека должен был покинуть первобытные леса и поселиться в степной местности. Но как об'яснить дальнейшее развитие техники, имеющее место в исторические времена, когда, как мы знаем, естественная среда в целом не подвергалась изменениям? «Чем больше мы приближаемся к эпохе, когда начинается подлинная, писанная история человека, тем труднее становится свести технический прогресс к изменениям в физической природе. В эпоху писанной истории мы лишь редко встречаемся с изменениями физической среды, об'яснимыми физическими же причинами. А между тем в эту именно эпоху все более ускоряется темп технического прогресса» (1, 700). Толчок к этому нельзя искать в самочинной деятельности человеческого духа, он должен исходить из внешнего мира. Но откуда берется во внешнем мире то новое, что не дает человеческому духу успокоиться, что ставит ему всегда новые проблемы и предлагает ему новые средства для их решения?

Как мы видим, основной довод, повторяемый неоднократно Каутским на протяжении его исследования, сводится к следующему рассуждению: история — это всегда процесс, изменение, появление нового; но окружающая человека естественная среда—физическая и биологическая—постоянна по сравнению с хронологическим масштабом истории; следовательно, движущей силы исторического процесса нельзя искать в естественной среде (в факторах расы, антропогеографии и пр.). Дедукция эта, не принадлежащая только Каутскому, а встречающаяся и у ряда других теоретиков исторического материализма, разумеется, правильна. Но, взятая в таком упрощенном виде, без соответствующих дополнений, она может привести к ошибочным, односторонним выводам. История, конечно, процесс, но это не значит, что она сплошное изменение; наряду с новым исторический поток несет с собой всегда массу, даже подавляющую массу, старого. И это старое, повторяющееся, «не историческое» в истории не все непременно должно быть отнесено по ведомству естественной среды. В своих замечательных очерках «Власть земли» Успенский, касаясь сходства быта у крестьян разных стран, пишет: «Эту неизменность основных черт земледельческого типа накладывает на крестьян всех стран света неизменность законов природы, которые, как известно, также «устояли», несмотря на то, что в Риме были Нероны и Калигулы, а у нас—злые татарчонки, Бироны, кнуты и шпицрутены... Неизменно, на том же самом месте, как тысячи лет тому назад, так и теперь стояло солнце; как и теперь, оно восходило и заходило в тот же самый день и час, как и в «бесконечные веки»; могли сменяться тысячи поколений тиранов, всяких людей, нашествий, но тот человек, которого труд и жизнь обязывали быть в зависимости от солнца, должен был оставаться неизменным, как неизменным оставалось оно». Неизменное солнце, месяц и пр., словом неизменная природа определяет будто бы неизменность строя крестьянской жизни. Но через несколько страниц тот же Успенский пишет: «Жизнь и труд крестьянина требуют непременно *такого* костюма, который он носит; он *непременно* будет пахать в лаптях или босиком, потому что *должен* это делать. У него есть превосходные смазные сапоги с бураками, но земля и труд на ней требуют, чтобы он, отправляясь в поле, разулся и надел лапти. Если через миллион лет уцелеет на свете тот же самый плуг, тот же род труда, та же добыча хлеба, то крестьянин того времени все-таки пойдет в поле «разумши» и в одних худеньких штанишках». Таким образом дело не в солнце и звездах, а в плуге, в труде, в формах труда,—и мы, действительно, знаем, что работающий трактором американский фермер не станет пахать в лаптях или босиком. То, что здесь говорится о земледельческом труде, относится и к другим видам человеческой деятельности. История—как, впрочем, и все на свете,—представляет собой комбинацию из общего и частного, постоянного и изменчивого, старого и нового. И в исторически-постоянном надо отличать ту часть его, которая зависит от «власти природы» (то, что Каутский называет биологическим a priori человека), от части, выпадающей на долю «власти истории» («костюм» крестьянина и пр.), иначе говоря, надо отличать биологически-постоянное в человеке от социально-постоянного в нем, об'ясняемого постоянством не естественной среды, а постоянством определяющих сил исторического процесса («тот же самый плуг», «тот же род труда»). Для нахо-

ждения этих определяющих сил, этой пружины часов истории, проблема исторически-старого столь же важна, как и проблема исторически-нового.

Подходя к историческому процессу под углом зрения приспособления к среде и заостряя свое исследование на вопросе об исторически-новом, Каутский неизбежно должен приходить к односторонним или даже ошибочным решениям. Это сказывается, между прочим, и на его трактовке роли расы и географической среды. Дело вовсе, ведь, не в большем или меньшем значении расы, антропогеографии и пр. для исторического процесса. Такой количественный подход опять-таки привел бы нас к теории факторов, где экономике, скажем, приписывалось бы значение самого главного фактора, географической среде значение фактора второго порядка и т. д. В действительности же историк не имеет вовсе дела с расой или географической средой, как таковыми, в их непосредственном, не преломленном через общество, через систему социального труда, действии на человека. Историк рассматривает расу или географическую среду в месте их пересечения с трудовым сообществом людей, и в этом смысле Энгельс в своем известном письме от 1894 г. называл географическую среду и расу экономическими факторами. Это вовсе не произвольное расширение понятия экономики, как утверждали противники исторического материализма, а выделение в расе, естественной среде и пр. их социального аспекта, ибо историка занимает и может занимать только социальное. Если бы Каутский рассматривал исторический процесс в его специфической социальной особенности, а не как часть общебиологической эволюции, то он не должен был бы биться над решением мнимых, им же самим созданных, проблем.

Но вернемся к тому, как Каутский решает вопрос, откуда берется во внешнем мире новое, необходимое для об'яснения хода истории.

Ответ на этот вопрос дается особенными свойствами орудий, этих искусственных органов, которые, будучи, с одной стороны, как бы органами, частями человека, оказываются в то же время элементами окружающей его среды. Благодаря этому двойственному их характеру в мире появляется особый тип развития, отличный от развития организмов. Естественные органы ограничены, как по степени своего действия, так и по разнообразию его. Искусственные же органы свободны от всех этих ограничений. Так как они отделены от человека, то он может привлекать для приведения их в движение еще другие силы, кроме сил своего тела: силы об'единяющихся с ним людей, силы животных, затем воды, ветра, пара и пр., когда он научается владеть ими. Столь же безграничной оказывается способность искусственных органов к дифференцированию. На тех же свойствах искусственных органов основывается далее другое крайне важное обстоятельство, именно возникновение различных форм человеческого сотрудничества. В одном случае несколько человек могут работать вместе над тем, чтобы привести в движение один орган, если на это не хватит сил отдельного человека. В других случаях различные люди приводят в движение—друг подле друга или друг за другом—разные органы, служащие одной общей цели. Это ведет к образованию двух основных, но совершенно отличных, типов общественного труда: *работы друг с другом*, с вытекающей из него моралью солидарности, и *работы друг для друга*, источника борьбы, эгоизма, конкуренции и т. д. Словом, своеобразие искусственных органов порождает все своеобразие технического и экономического развития, в отличие от естественного развития видов. Но в нем же заключается секрет механизма диалектики общественного развития. Действительно, допустим, что человек, в силу каких-нибудь обстоятельств, попал в новую обстановку. Чтобы уцелеть в этой обстановке, он делает какое-нибудь изобретение—изобретает какую-нибудь новую машину, новый метод работы, новый тип организации людей, новое социальное учреждение. Новшество это вводится им для выполнения поставленных им себе целей. Но введенное и примененное в жизни, оно становится частью окружающей человека среды, хотя, задумывая его и изготовляя его, человек не имел этого вовсе в виду. «В качестве элемента среды, оно развивает свойства, которых человек не предвидел, которые часто даже прямо противоречат его намерениям и потребностям, и вызывает явления, не ожидавшиеся человеком, отчасти благоприятствующие ему, отчасти препятствующие, во всяком случае заставляющие его считаться с ними, и, следовательно, опять создавать новые органы, чтобы использовать полезную для него сторону новых явлений и предотвратить вредную сторону их». (I, стр. 780). Здесь, говорит Каутский, мы, наконец, у источника подлинно нового в истории. Само по себе изобретение какого-нибудь искусственного органа не является еще чем-то совершенно новым, ибо оно означает приспособление имеющихся уже налицо и хорошо известных средств к имеющимся налицо и тоже хорошо известным условиям. Но орган этот, отделившись от человека и став частью среды, порождает многое такое, о чем его творец совершенно не думал и чего он не предвидел, да и не мог предвидеть: это и есть истинно новое в истории. Таким образом, здесь открывается возможность об'яснить новое, не прибегая к какой-то сверхестественной способности человеческого духа и не нарушая принципа причинности, становится возможным об'единить историю человечества с общебиологической эволюцией, не поступаясь, однако,

своеобразием первой. Развитие животных видов зависит от изменений в физической среде, являющихся внешними и случайными по отношению к изменениям живых организмов, хотя они и не случайны с точки зрения всеобщей связи сущего. Другое дело история человечества: изменения в окружающей его природе вызывают не только пассивное приспособление в виде физических и психических изменений в организме, но и сознательное приспособление путем создания искусственных органов. В начале они носят крайне примитивный и рудиментарный характер. Но с течением времени технический и социальный аппарат человека приобретает такие размеры и такое значение, что, в качестве окружающей среды, он становится еще важнее, чем физическая среда человека. Аппарат этот начинает все больше и больше изменять традиционные общественные отношения, главным образом, благодаря появлению разделения труда, благодаря введению различных и становящихся все многообразнее видов работы людей друг с другом и друг для друга. Созданная самим человеком искусственная среда выступает все более перед ним, как стоящая над ним и господствующая над ним сила, все более захватывающая все его помыслы и изменяющая все его духовное существо своими новшествами. «Всякое социальное новообразование, которое можно в конечном счете свести к некоторому новому виду общественного труда, которое, в свою очередь, вытекает, в конечном счете, из некоторой новой техники, становится, будучи проведенным в жизнь, новой средой, которая ставит людям новые задачи и заставляет их задумываться над новыми средствами для решения их, что опять-таки ведет за собой создание новых органов и организаций, которые, со своей стороны, опять-таки становятся частями социальной среды и наново формируют ее. Так протекает процесс общественного развития, приведенный раз в движение переменами в естественной среде человека, протекает даже при вполне неизменной природе, являя собой механизм, который сам создает свою движущую силу, после того как он был однажды приведен в движение полученным от природы толчком». (I, стр. 791).

Благодаря созданию искусственных органов, человек производит крупные изменения, в окружающей его среде, но, с другой стороны, созданные техникой и основывающиеся на ней способы производства и новые условия жизни и труда вызывают изменения в самом человеке, в его характере, склонностях, знаниях и пр. Вместе с техникой изменяются не только антитезис человека—среда, но и тезис, природа человека, которая оказывается различной в разные времена и в разных местах. Поэтому неверно понимать исторический материализм в том смысле, будто для об'яснения истории какого-нибудь народа в определенную эпоху достаточно изучить его способ производства. Надо ёще всесторонне изучить специфические особенности этого народа в рассматриваемую эпоху, его a priori, как оно сложилось в результате всей его прошлой истории. Идя таким путем, можно свести все духовное существо человека, в конечном счете,—как это всегда подчеркивали Маркс и Энгельс—к материальным условиям его существования. Но к материальным условиям именно в конечном счете, а не к тем непременно материальным условиям, в которых он жил в рассматриваемый момент. Следовательно, занимаясь историей какой-нибудь эпохи, мы должны строго отличать друг от друга два фактора: во-первых духовную сущность людей этой эпохи, их потребности, идеи и пр.—для понимания которых требуется знание предшествующих способов производства и их действий, и во-вторых способ производства самой рассматриваемой эпохи. То, что имеется в этом способе производства нового по сравнению с его предшественниками, и об'яснит появляющиеся в эту эпоху новые потребности, средства к удовлетворению их, возникающие новые проблемы, цели и пр.

IV

Здесь, наконец, мы у самой сердцевины исторической концепции Каутского, едва доступной из за нагроможденной на нее толщи биологических, антропологических и т. п. изысканий. Ведь задача материалистического понимания истории—это «об'яснение образования нового в истории» (I,817), а корни этого нового мы нашли в искусственной среде, в технике, движение которой, в отличие от эволюции органических видов, а тем более развития отдельных организмов—представляет собой диалектический процесс в гегелевском смысле слова. Может показаться, что полученный результат, где все как-будто бы на своем месте—определяющая роль техники, диалектика исторического процесса в смысле спонтанейного развития—должен вознаградить читателя за все мытарства длинного пути к нему. Но достаточно вглядеться несколько пристальнее в построение Каутского, чтобы убедиться в ошибочности этого первого впечатления. За привычными словами—новое, техника, диалектика—скрывается совсем необычный смысл или же не скрывается вообще какого-нибудь определенного, однозначного смысла.

Обратим прежде всего внимание на специфическое содержание, вкладываемое Каутским в понятие нового или, как он выражается, подлинно (wahrhaft), совер-

щенно (vollkommen) нового. Этим доподлинно новым не является изобретение какого-нибудь орудия, им являются лишь некоторые результаты этого изобретения, когда оно войдет в жизнь и станет частью окружающей среды. Почему? Потому что результаты эти не были предвидены творцом его, не ожидались им, и в силу этого вызывают иные проблемы, требующие новых способов решения и пр. Таким образом истинно новое отождествляется здесь с непредвиденным, неожиданным, хотя фактически этим непредвиденным может оказаться что нибудь весьма старое, неоднократно уж бывшее раньше. Нетрудно понять, почему Каутскому понадобилось такое своеобразное толкование всем известного термина. Подходя к изучению социальной жизни с механическим, «мертвым», по выражению Ленина, пониманием диалектики, где тезис и антитезис представляются пространственно обособленными друг от друга и где, кроме того, импульс к движению непременно исходит от антитезиса (окружающей среды), Каутский естественно должен рассечь единый исторический процесс на две раздельные части—индивид и искусственная среда—и искать источник движения, «подлинно новое», в последней. Каутский совершенно забывает своеобразие общественного процесса, забывает основную особенность его, что—в отличие от биологии—здесь «я», тезисом является не отдельный индивид, а общество, которое—поскольку мы отвлекаемся от принятой за постоянную природы—и представляет свою собственную среду. Поэтому-то так велико его недоумение, когда, показав в одной из следующих за вышеизложенными глав, что двигателем исторического процесса является не индивид, а масса, он останавливается вдруг перед такой загадкой. Все время, говорит он, мы рассуждали о взаимодействии между индивидом и окружающей средой. Но теперь обнаруживается, что средой является на одном полюсе общество, т. е. масса. Но на другом полюсе мы находим, что среда приводит в движение—и, в свою очередь, приводится в движение не индивидом, а опять-таки массой. «Неужели же,—восклицает Каутский,—масса образует свою собственную среду? И неужели она приводится в движение сама собой? Но в таком случае мы имели бы перед собой ту самую тайну, то самое нарушение принципа причинности и сохранения энергии, которое мы отвергли раньше для духа. Эта тайна не стала приемлемее от того, что теперь она переведена с языка идеализма на язык материализма». (1.802).

Мы не будем останавливаться на потугах Каутского рассеять эту «тайну». С нас достаточно отметить, что для Каутского загадкой является то, что составляет, так сказать, азы всякого научного понимания истории. «Масса», т. е. общество, действительно в известном смысле приводит в движение самого себя, и в этом нет ничего парадоксального, ничего противоречащего закону причинности, ибо общество движущееся и общество, приводимое в движение, это не одно и то же, это два разных момента единого социального бытия. Общество, как трудовая ассоциация людей, и политическая, юридическая, идеологическая и пр. формы «отчуждения» этой ассоциации представляют собой то раздвоение единого (в данном случае: единого общественного целого) на противоположности, которое Ленин считал отличительной чертой «жизненной» концепции эволюции, диалектического развития. Именно так диалектически подходит к историческому процессу теория Маркса и Энгельса, рассматривая общество, поскольку оно обособилось, выделилось из природы, как самодвижущийся механизм. Изучая новое в истории (которое, однако, не отделимо от старого в нéй), она не видит в нем того «истинно нового», которое должен был сочинить Каутский для оправдания своего понимания диалектики.

Но, отождествив подлинно новое с неожиданным, Каутский не заметил, к каким неожиданным результатам должно привести это отождествление. Технический аппарат, искусственная среда являются, как мы видели, резервуаром нового, непредвиденного. На истории прядильных машин, вытеснивших в конце XVIII и начале XIX в. ручную прялку, Каутский показывает, какую страшную собственную логику развития имеют технические изобретения. Но ведь такая логика присуща не одним только техническим открытиям. Не только по отношению к нам одним человек оказывается в положении чародея, не сумевшего заклясть вызванных им же самим духов. Это относится ко всей социальной деятельности людей. Как говорится еще в «Немецкой Идеологии»: «это отверждение социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то об'ективную силу над нами, которая ускользает от нашего контроля, идет в разрез с нашими ожиданиями, сводит на-нет наши расчеты, является одним из главных моментов в историческом развитии прошлого». (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, 223). До тех пор, пока люди не станут окончательно господами своей истории, до прыжка человечества из царства необходимости в царство свободы, продукты их социальных взаимоотношений, отчужденные, отвержденные в виде стоящих над ними сил, будут всегда давать непредвиденные и часто нежеланные для людей результаты, т. е. подлинно новое в смысле Каутского. Но в таком случае источником этого нового является не специально техника, а вообще социальная деятельность человека.

Может быть, смутное сознание этого и заставляет Каутского незаметно расширять понятие техники. Действительно, мы видели, как, говоря о новом изобрете-

нии, он относит к нему, наряду с новой машиной, новый метод работы, новый способ организации людей, новое социальное учреждение. В другом месте под искусственными органами он понимает не только орудие или оружие, но опять-таки методы, общественные организации, правила и пр. (I, 786). При таком расширительном толковании стирается, очевидно, всякая грань между технической деятельностью в настоящем смысле слова и социальной деятельностью вообще, и мы снова приходим к тому выводу, что источником нового в истории является просто социальная деятельность. Утверждение это, конечно, верно, но в таком нерасчлененном, сыром виде, оно является пустой тавтологией, для понимания которой не нужна была вся громоздкая конструкция Каутского с рассуждениями о биологическом a priori человека, с выдвиганием роли искусственных органов, с подчеркиванием значения их двойственного характера и пр. И без этих обширнейших прелиминариев для историка и для обществоведа должно быть ясно, что общество есть реальность sui generis, с своей особой закономерностью развития, и что общество следует об'яснять обществом же (что не означает, однако, будто исторический процесс из'емлется из ведения всеобщих законов природы и будто он рассматривается как-то совершенно независимо от естественной среды; это означает, что исторический процесс имеет место при сравнительно неизменной естественной среде и что все естественные факторы следует рассматривать в их опосредствованном через социальную среду виде). Но ограничиваться этим тезисом в такой абстрактной формулировке невозможно. Надо выявить все его внутреннее содержание. Надо вскрыть противоположность—при всем их единстве—между социальным тезисом и социальным антитезисом, между «массой» движущей и «массой», приводимой, в движение, между общественными взаимоотношениями людей в процессе производства ими своей жизни и отвердевшими продуктами их взаимоотношений, принявшими форму независимых от носителей их сил, между трудовой ассоциацией людей и различными видами идеологического «отчуждения» ее. Таков диалектический, материалистический подход к историческому процессу. Для Каутского всего этого как-будто не существует. Вместо того, чтобы исходить от общества, он—зачарованный примером биологии—исходит от индивида,—исторический процесс, во всей его совокупности, он подменяет проблемой «совершенно нового», а корни этого нового ищет то в технике в специфическом смысле слова, то в техническом, расширяемом до полного почти совпадения с социальным вообще, то снова в особой форме социального, в способе производства, к которому—вслед за Марксом и Энгельсом—он сводит, в конечном счете, все многообразие исторической действительности. Эта формула о «способе производства» и «конечном счете» носит уже вполне марксистский характер, но она совершенно не связана со всей предшествующей ей дедукцией и появляется только для того, чтобы придать расплывчатой и сбивчивой теории Каутского видимость сходства с учением исторического материализма.

V.

Установив изложенную выше теорию исторического процесса, Каутский принимается за комментарий Марксова «Предисловия» к критике политической экономии, чтобы на анализе последнего показать тождество своего учения с материалистическим пониманием истории. Комментарий этот отличается обычными свойствами изложения Каутского: сильный в конкретном, фактическом, интересный, когда он иллюстрирует историческими примерами то или иное положение Маркса, Каутский совершенно беспомощен в области общей теории, все основные понятия которой он искажает до неузнаваемости. Три главные категории, которыми оперирует материалистическое понимание истории, это: производительные силы, производственные отношения (реальный экономический базис) и юридическая, политическая и пр. надстройки. Что же представляют собой, по Каутскому, эти понятия и каковы их взаимные отношения?

О «материальных производительных силах» мы узнаем, что они состоят не только из доставляемых природой веществ и сил, но также из духовной работы, открывающей эти материальные богатства в природе и показывающей способ их применения. «Все общественное богатство человечества и все производительные силы, которыми оно распоряжается сверх того, чем оно обладало уже в животном состоянии, имеет своим источником развитие его знания» (I, 813). В другом месте сущность производительных сил поясняется следующим образом: «Прирожденные способности человека и силы окружающей его природы не изменяются существенным образом в ходе общественного развития. Но зато в высокой степени изменяется познание природы. Таким образом развитие «материальных производительных сил» есть по существу лишь другое название для развития познания природы. Согласно этому глубочайшей основой «реального базиса», «материального основания» человеческой идеологии является духовный процесс, процесс познания природы» (т. I, стр. 864).

Итак, производительные силы—это некоторая, ближе не определяемая, комбинация из материальных и духовных факторов, которая, впрочем, при более глубоком исследовании, оказывается даже чисто духовным процессом! Недурное определение для материальных производительных сил и недурное понимание исторического материализма, в системе которого понятие производительных сил играет доминирующую роль!

Так же удачны характеристики «базиса» и «надстройки». Не следует, заботливо предупреждает Каутский, понимать дело грубо материалистически так, будто базис состоит только из материальных вещей, машин, орудий, сырья и пр., а надстройка только из бесплотных идей. «Если уже материальные производительные силы в значительной мере духовного характера, то это тем более относится к производственным отношениям, в которые вступают между собой люди в соответствии с состоянием своих производительных сил. Таким образом, совокупность этих производственных отношений, «реальный базис», на котором возвышаются юридическая и политическая надстройки и определенные общественные формы сознания, отнюдь не одного только «материального» характера, т. е. состоит из материальных вещей внешнего, но в очень сильной степени определяется духовными факторами, потребностями и знаниями людей» (т. I, стр. 814).

Таким образом, материальный базис в сильной степени пропитан духовными элементами. Но, с другой стороны, и идеологическая надстройка вовсе не чисто духовной природы. Ни одна форма идеологии не может приобрести общественного значения без посредства материальных вещей, служащих для взаимного общения людей. Наука и литература нуждаются в бумаге, перьях, чернилах, печатном станке и пр., драматическое искусство—в театральных зданиях, декорациях, реквизите и т. д., живопись—в полотне, красках, кистях, музыка—в музыкальных инструментах и т. д. без конца.

Каутский неутомим в перечислениях этого рода. Но что же получается в результате его кропотливого анализа? Что исчезает всякое различие между диссекируемыми таким образом категориями. Все они едино суть: и производительные силы, и материальный базис, и идеологическая надстройка представляют каждая какую-то мешанину из «материальных» и «духовных» элементов, причем не дается никакого критерия, по которому их можно было бы отличать друг от друга. Каутский в своем анализе поступает здесь подобно тому исследователю, который, желая дать определение, скажем, философии, науки и литературы, стал бы усердно доказывать, что каждая из этих форм человеческого творчества содержит в себе, наряду с психическими факторами — работой памяти, фантазии, рассудка и пр., и ряд факторов вещественного порядка, служащих для материального выражения их. Что можно возразить против этого? Во всем этом есть немножко материального и немножко духовного, но это не дает нам никакого представления о рассматриваемых явлениях, ибо, вместо структурного определения по существу, мы получаем хаотический набор самых разнородных признаков. Не знаем, удастся ли Каутскому вразумить тех лиц, которые, понимая дело «грубо материалистически», воображали себе, будто реальный базис состоит только из машин, железных дорог, сырья и т. п. материальных вещей. Но для людей, понимающих ученье Маркса просто материалистически, раз'яснения Каутского свидетельствуют о совершенно немарксистском, недиалектическом взгляде на дело. Там, где речь идет о системе, Каутский преподносит нам сумму, а отношения, характеризующие эту систему, он заменяет вещами или идеями. Конечно, производительные силы предполагают наличие естественных богатств природы, познание человеком этих богатств и пр., но они прежде всего означают отношение между человеком, между человеческим обществом и природой, означают ту меру господства над последней, которая достигнута человеком в данный момент и которая поэтому определяет все дальнейшее развитие его. Точно так же базис и надстройка—это прежде всего определенные общественные отношения людей, определенные системы этих отношений в процессе производства людьми своей жизни, а вовсе не беспорядочные суммы из машин и познания природы, из творческой фантазии и типографской краски и пр.

Оригинальнее всего то, что эту свою путаницу, это грубое непонимание социальной—т. е. конститутивной, определяющей—стороны исследуемых им категорий Каутский пытается подкрепить авторитетом Маркса. Доказывая, что производственные отношения «в значительной мере духовного характера», он ссылается на великое достижение Марксовой экономии, усматривающей за вещами, через посредство которых совершаются общественные, духовные отношения людей, сами эти отношения и разоблачающей «фетишистский характер» товара. Между общественными отношениями и духовными отношениями Каутский ставит таким образом знак равенства, подобно тем буржуазным ученым, которые, не замечая специфически социального аспекта общественных явлений, растворяют все общественные науки в психологии. Опираясь на то, что люди—чувствующие, желающие, мыслящие существа, они отождествляют общественный процесс с психическим процессом. Но

если, подобно им, пренебрегать особым качеством, вносимым появлением общественной жизни в мир, то с таким же успехом можно назвать исторический процесс—биологическим, химическим, физическим или даже механическим, в зависимости от точки зрения и усмотрения. В действительности же социальное не есть ни физическое, ни биологическое, ни даже психическое—оно именно социальное явление sui generis. Отношение отцовства совсем не то же самое, что отцовские чувства, испытываемые одними индивидами к другим индивидам; отношения сотрудничества, в которые вступают люди в процессе разделения труда, нечто отличное от чувств дружбы, вражды или равнодушия, которые могут испытывать члены трудовой ассоциации и т. д. и т. д.,—словом, психические переживания отдельных членов какого-нибудь коллектива вещь совершенно иного порядка, чем различные, независимые от этих переживаний, формы социальной взаимозависимости, отлагающиеся в системы экономических, правовых и т. п. отношений. Благодаря идеологическому извращению взаимоотношения эти представляются носителям их—членам коллектива—в искаженном виде. В частности в обществе товаропроизводителей свойственная ему форма пропорционального разделения труда, «когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов» [1], представляется этим товаропроизводителям в форме меновой стоимости продуктов, в виде некоторого об'ективного, чуть ли не физического свойства товаров в их отношении друг к другу. Разоблачение Марксом фетишистского характера товаров заключалось в том, что за этими мнимыми, порождаемыми идеологическим миражем, отношениями товаров друг к другу он указал социальное взаимоотношение людей. Но социальное взаимоотношение не имеет в себе и грана «духовного», и, отождествляя социальное с психическим, Каутский делает не меньшую ошибку, чем жертвы товарного фитишизма, принимающие социальное за физическое.

Неопределенность и расплывчатость понятий производительных сил, базиса и надстройки влечет за собой, естественно, неопределенность в их взаимных отношениях. Все сводится к пресловутому взаимодействию между ними: взаимодействуют в отдельности базис и надстройка; взаимодействуют также производительные силы, базис и надстройка, взятые вместе. Базис и надстройка взаимодействуют у Каутского до того, что между ними утрачивается всякое различие. Только новая идеология какой-нибудь эпохи, читаем мы, является надстройкой над экономическими условиями ее. Идеологические же формы прошлого «относятся не к результатам, к надстройке, а к условиям, к базису новой экономики, а также и соответствующих ей форм сознания» (I, 832). Понятие базиса здесь приравнивается понятию условия, причины, а понятие надстройки—понятию результата, следствия, а, так как в цепи исторической каузальности причина и следствие непрерывно меняются местами, то решительно всякое историческое явление, безразлично: экономическое, идеологическое или какое-нибудь иное, окажется базисом по отношению к тому, что следует из него, и надстройкой по отношению к тому, из чего оно следует. Каутский, правда, делает попытку спасти Марксов тезис о базисе и надстройке в применени к отношению между новой экономикой и новой идеологией. Но из этой попытки ничего не может выйти, ибо, как мы видели выше, в числе условий (т. е. базиса) новой экономики находится старая идеология—и получается: земля на воде, вода на слоне, а слон опять на земле и т. д. без конца. Словом четкое у Маркса различие между экономическим базисом и идеологической надстройкой, наполовину стертое уже механическим пониманием их, как комбинаций из «материального» и «духовного», окончательно сводится на-нет благодаря плохо понятому учению о взаимодействии.

Та же участь постигает и вопрос об отношении базиса и надстройки к производительным силам. Глубочайшей основой последних, как мы знаем, является по Каутскому процесс познания природы. Но, с другой стороны, познание природы входит составной частью в такие духовные надстройки, как религия, философия, искусство. Трудность установить роль познания природы в историческом процессе побудила некоторых марксистов выдвинуть гипотезу, согласно которой развитие естествознания совершается по собственным внутренним законам, отчасти независимым от общего социального развития. Каутский решительно отвергает эту гипотезу. Правда, в его аргументации немалую роль играет хорошо знакомая нам ошибочная схема биологического приспособления индивида к среде, которой по его словам, противоречит учение о внутренней логической закономерности развития науки, предполагающее процесс, протекающий исключительно внутри индивида, независимо от окружающей его среды. Но, так или иначе, Каутский приходит к правильному выводу, что движущей силой развития естествознания являются не логические спекуляции, а техника и экономика. Но на этом мысль Каутского не может остановиться. Ведь техника, с своей стороны, предполагает процесс познания природы, от которого зависит прогресс ее. И в результате оказывается, что «техника, экономика и познание природы находятся между собой в теснейшем взаи-

[1] Маркс. Письмо к Кугельману от 11 июля 1868.

модействии. Каждый шаг вперед на одной стороне вызывает такой же прогресс на другой. Расширение познания природы делает возможными успехи техники и усовершенствование человеческой практики в производстве жизни. Каждый успех этой практики доводит до нашего сознания новые факты природы, значит, возможность дальнейшего прогресса в познании природы, возможность и необходимость новых приспособлений мышления к фактам» (т. I, стр. 873).

Так основные категории исторического материализма, распыленные, атомизированные, превращенные в какое-то крошево из «духа» и «материи», окончательно и безнадежно погибают в пучине теории взаимодействия.

На этом мы покончим с разбором первого тома работы Каутского, содержащего общую теорию развития человечества,— общую в том смысле, что она отвлекается от рассмотрения классовой борьбы, как явления, характерного только для определенного периода человеческой истории. Усложнения, вносимые в эту общую схему учетом факта борьбы классов, составляют основное содержание уже второго тома рассматриваемого исследования.

(Окончание следует).

Ф. Месин.

«ЗАГАДКА МАКИАВЕЛЛИ»

Dr. Johannes Schubert: Machiavelli und die politischen Probleme unserer Zeit Zum 400 Todestag des grossen Florentiners. Berlin C. A. Schwetschke, 1927, 121 S.

22 июня 1527 г. во Флоренции умер Николо Макиавелли. Город, которому он долгое время служил в качестве статс-секретаря, посла в иностранных государствах, политика, историка, военного организатора и даже руководителя фортификационных сооружений, перешагнул ко времени его смерти апогей своего значения для всей эпохи ренессанса в Италии. Она лишилась уже своей былой республиканской свободы.

Флоренция была после Венеции наиболее значительным городом-государством в Италии. В ее стенах широко развернулись индустриальные силы этого общества, а философия, литература и изобразительное искусство достигли необычайного расцвета. Причину мощи и развития Флоренции следует искать не столько в раннем и высоком развитии ее промышленности и финансов, сколько в достигнутой, после тяжелой классовой борьбы, победе гордой и осознавшей себя буржуазии над «знатью» — феодальными правителями прежнего строя.

За несколько лет до своей смерти Макиавелли написал историю этого города: «L'Istorie Florentine». Он писал ее с точки зрения революционной буржуазии. «Вражду между знатью и народом» он называет *естественной* враждой: «естественная вражда между знатью и народом». В предисловии к своей книге он сравнивает Флоренцию с городами-государствами древнего мира—Римом, Афинами и «остальными республиками в период их расцвета». Борьба знати с народом, заявляет он, характеризует историю этих древних городов до самого их падения. Во Флоренции же наблюдается «сначала распад знати, затем знати и народа и, наконец, народа и масс (плебса); и часто случалось, что какая-либо из этих партий, после своей победы, вновь раскалывалась. Этот раскол был причиной кровопролитий, ссылок, уничтожения целых родов, как ни в одном из известных нам городов». И, действительно, продолжает он, «по моему мнению, ничто так не доказывает мощь, нашего города, как эти расколы, которые по своим последствиям привели бы к уничтожению самое сильное и могущественное государство. Наше же, тем не менее, казалось, становилось еще сильнее: так велика была заслуга этих граждан и сильна их воля возвеличить себя и свою родину».

Нельзя с большим энтузиазмом обрисовать политическую классовую борьбу, как стимул к развитию и стремление к «величию».

Он описывает лишь политическую сторону борьбы. Об экономических условиях он упоминает редко и всегда лишь в связи с политической борьбой. Макиавелли — первый крупный государственный теоретик и политический историк современного буржуазного мира. Узость его кругозора обусловливается именно этой исключительно политической окраской его взглядов. Она проявляется, например, в его принципиальном заявлении, каким является упомянутое предисловие, где он задает себе вопрос, почему же Флоренция не сумела в дальнейшем возвыситься над всеми республиками древних и новых времен. Причину этого он видит в том, что Флорентийская республика, после своего освобождения от средневекового королевского господства, не сумела найти для себя соответствующую форму управления.

Единственной темой и главной мыслью его истории Флоренции является политическая классовая борьба; книга Макиавелли делает эпоху в развитии совре-

менного изложения истории, как это, впрочем, уже признано крупнейшими буржуазными историками и историографами. Тем более удивительно, что до сих пор из-под пера этих «мастеровых» не вышло ни одной, заслуживающей внимания, оценки труда Макиавелли. Это об'ясняется причинами, о которых речь будет ниже.

Макиавелли великий научный гений той первой эпохи, когда капиталистический способ производства начинал освобождаться от феодальных уз, что раньше всего имело место в Италии. Макиавелли олицетворяет собой «период гигантов, гигантов мысли, страсти и воли, разносторонности и учености»[1].

Мы здесь, конечно, не можем обсуждать разносторонность всех трудов Макиавелли. Термин «макиавеллизм» известен на протяжении четырех столетий. Вокруг имени Макиавелли создалась обширная литература, самая обширная из тех, которые связаны с именем одного человека. В период абсолютизма споры об учении Макиавелли носили высоко политический характер. Иезуиты были первыми вступившими в борьбу против человека, противопоставившего церкви и духовной диктатуре религии государство как единственную прогрессивную силу. Известно, что «от'явленный деспот» Фридрих II Прусский со своей книгой «Anti-Machiavel» также относится к числу тех, кто выступал с бесчисленными памфлетами против учения Макиавелли о «государственном искусстве», против «безнравственности» и «гнусности» его доктрин. С другой стороны, в нем видели истого пророка абсолютной монархии. Руссо первый открыл республиканскую точку зрения автора «Principe» и «Discorsi». Вожди «философской революции» в Германии признали в нем проповедника национального освобождения; Гердер, Фихте, Гегель, Гервинус и др. предприняли восстановление политической и исторической чести этого человека. Спор продолжался дальше под флагом «исторического анализа» и продолжается и по сие время. Самые современные «наблюдательные» историки буржуазных академий находят до сих пор в политическом учении Макиавелли нечто актуальное, «неоспоримо-современное» и т. д. При этом у них нет твердо установленного мнения по вопросу о том, в чем здесь заключается актуальность, а тем более о том, какова же истинная сущность учения Макиавелли. «Крупная личность являет каждый раз другое лицо; это в особенности подходит к такому многогранному мыслителю, как Макиавелли, которого обычно воспринимают односторонне». Так пишет автор рецензируемой книги (стр. 3), и продолжает: «настоящий период, богатый опытом мировой войны, имеет все данные для расхождения со взглядами политика, труд которого на каждой странице наводит на размышление об основных вопросах политической жизни и ее историческом развитии». Каково же настоящее лицо Макиавелли и «макиавеллизма»?

Мы находим, что разгадка этого политического «сфинкса» не найдена, даже несмотря на великолепные анализы крупнейших буржуазных историков. По нашему мнению, этот вопрос не может даже быть верно разрешен с точки зрения буржуазной идеологии, и он не был ни разу правильно поставлен. Автор рецензируемой книги—одной из многочисленных работ, появившихся в прошлом году к 400-летию со дня смерти великого флорентийца—ставит вопрос следующим образом, основываясь на современных буржуазных оценках Макиавелли или его интерпретациях если бы Макиавелли указывал лишь на аморальные факты в истории для того, чтобы привлечь их к суду морали, как поступили его современники Бодин и др., то он остался бы неоспоримым; конечно, он не был бы тогда творцом современного реалистического учения о государстве. Он же воздвиг учение, основанное на историческом опыте, в котором он проводит резкое разграничение между политикой и моралью. Так он поступил в своих главных политических трудах,—Discorsi и Principe,—которые сходятся в этом пункте, а в других резко противоположны. Discorsi трактует о сущности республики, а Principe о сущности абсолютной монархии; Discorsi написаны с воодушевлением республиканца перед древне-римской буржуазной добродетелью, а Principe — с циничным, строго расчетливым разумом пессимиста, разочаровавшегося в политической добродетели своих соотечественников; Discorsi тщетно борется за высшие политические идеалы, их дух противен духу времени, в Principe—он соответствует духу времени, т. к. последний хочет уже сделать шаг к абсолютно изолированному национальному государству. Неудивительно поэтому, что Principe был встречен восторженно, что он стал политическим требником многих монархов, что Карл V, Генрих IV постоянно носили его с собой!.. Более крупный и благородный труд, Discorsi, остался таким образом в тени и то, что в популярном смысле называется макиавеллизмом, заимствовано исключительно из Principe» (стр. 7—8). Мы не будем обсуждать точку зрения автора относительно «духа времени» и его исторического развития, о котором он на других страницах своей книги говорит чрезвычайно мистически и даже quasi-диалектически; для современных буржуазных идеологов «реальность» этого

---

[1] Фр. Энгельс «Диалектика и природа». Архив Маркса и Энгельса (немецк. изд.), т. II, стр. 240. Энгельс упоминает здесь о Макиавелли и называет его «первым, заслуживающим внимания, военным писателем нового времени».

«духа времени», а также и «духа морали»— понятна и так. Главной проблемой, из которой обычно исходят в таких исследованиях, является, как мы это видим, противоречие «политики и морали». В работах Макиавелли это противоречие выражено чрезвычайно резко,—с такой резкостью, с какой ни один буржуазный теоретик политики и государства, кроме, может быть, Гегеля, не отважился бы раскрыть настоящее взаимоотношение между политической и «моральной» мыслью и действиями правящих классов. Но, должны мы добавить, не может быть и речи о том, чтобы Макиавелли выставил своей главной или даже лишь моральной проблемой. «Мораль» или «добродетель» учения Макиавелли, как мы увидим совершенно другого свойства, и не имеет во всяком случае ничего общего с мелкобуржуазными и профессорскими представлениями о «вечных законах нравственности» и т. п.

Автору не по себе от «циничного, холодно-рассудочного понятия» книги «О государе». Он не может правильно понять ту неслыханную трезвость и истинно-научную остроту наблюдения и мышления, с которой Макиавелли исследует общественную природу государства, его развитие, превращения и стимулы этих превращений. Он не видит в книге Principe ничего того, что чрезвычайно характерно для Макиавелли: сочетание строгого анализа фактов с политической страстностью гражданина (cittadino), для которого политическая добродетель (virtu), республиканская добродетель, классовая добродетель стоит выше всего. Об этой «добродетели» Макиавелли говорилось много и с философской и исторической точек зрения; ясно, что после окончания классических буржуазных революций в Европе, у буржуазных идеологов совершенно утеряно понятие о классовом характере и революционном значении всякой былой до-революционной «добродетели». Макиавелли явился самым ранним теоретиком этой политической добродетели: она является ядром учения всех классических «государственников»-философов, отстаивающих перед французской революцией цели и интересы эмансипации буржуазии. Монтескье явно считал добродетель—la vertu «принципом демократии». Макиавелли отличается от этих, более поздних, абстрактно мыслящих защитников буржуазной эмансипации тем, что политическую или общественную добродетель он считает живой и действенной силой, эмпирическим умом и ловкостью, явлением практической общественной жизни. Он следит со страстным интересом за практической целью, за усилением или ослаблением этой классовой добродетели и классового самосознания и не скрывает своего горького сожаления и острой политической критики, когда исторический опыт показывает ему, что рост благосостояния буржуазии поведет к слишком пышной жизни и вызовет одновременно ослабление прежней боевой мощи и политической энергии его класса. О такой добродетели идет речь у Макиавелли, о той же, которая впоследствии в несколько измененном тоне является боевым кличем якобинцев. Эта «добродетель» представлена у Макиавелли, как и у якобинцев, в описании древне-греческого и древне-римского образа правления, в виде «antica liberta». Она, так же как и «свобода», «равенство», и «братство», принадлежит к «принципам» теоретиков-классиков государства. Но, когда Гегель позднее об'являет государство воплощением «нравственности» и противопоставляет этому «царству нравственности» отдельную сферу «морали», то и здесь под новой оболочкой ясно видна прежняя «virtu». Наш автор отмечает, однако, как «исторический недостаток» то, что Макиавелли не вынес на обсуждение «древнее понятие о нравственности» (стр. 57). В той же книге Principe, в которой автор сумел увидеть лишь «циничный ум», «пессимизм» и апологию «абсолютной монархии», мы находим, кроме призыва к национальной эмансипации от иностранных варваров, также и следующие строки· «Все же в республиках интенсивнее жизнь, сильнее ненависть и жажда мести; им не дает покоя и они не могут оставить мысль о былой свободе». В конце V главы, в которой обсуждался вопрос о том, как может «монарх» и тем более буржуазный диктатор или узурпатор править городом, который до узурпирования «жил по своим законам», из сущности такой республики и неограниченной любви к свободе ее граждан Макиавелли делает вывод, что их «завоеватель» имеет лишь два выхода: либо уничтожить республику, или же установить свою государственную власть на ее же основах.

Есть, значит, нечто общее в этой «добродетели» и в этом резком разграничении между политикой и моралью, вокруг которого современные толкователи Макиавелли поднимают столько шума. Во имя «древней добродетели», во имя «vertu de tous les bons citoyens» якобинцы в Конвенте требуют головы врагов республики и революционного отечества,—во имя antica liberta Макиавелли заявляет: если республика хочет завоевать себе свободу, то нет лучшего и более действительного, более разумного и необходимого средства, как «казнь сыновей Брута». Этот древний легедарный римлянин Брут, имя и пример которого Макиавелли приводит, казнил своих собственных сыновей за участие в заговоре за восстановление изгнанного тирана Тарквиния Гордого. История Италии в тот период, когда жил Макиавелли, изобилует примерами того, что энтузиазм к вновь

обретенному древнему миру, к идеальным типам древне-греческой и римской «добродетели», служил побуждением к покушениям и заговорам против отдельных тиранов. Учение Макиавелли, захваченного тем же энтузиазмом, берет свое начало также из этого метода борьбы: он критикует изолированную конспирацию—приемы «путча», как мы бы их теперь назвали; он обсуждает условия, при которых вооруженное восстание потерпело бы неудачу или привело бы к победе; он развивает учение о бунте. «Virtu» является матерью террора. Та же добродетель, которая считает жизненную роскошь разлагающей и вредной, требует применения террора против классовых врагов, опасных для свободы. «Сыновья Брута должны быть казнены». Макиавелли является трезвым теоретиком террора,—того террора, который необходим молодой буржуазии для организации ее собственного государства, для борьбы и сохранения независимости, для окончательного уничтожения феодальной власти; он исследует все средства, методы и формы террора,—и следовательно, также те формы буржуазного террора, которые необходимы буржуазному диктатору для одержания победы над национальной независимостью и организации общего национального государства, в тот период, когда древняя республиканская добродетель «иссякла», республика оказалась нежизнеспособной, и он желает своей властью возвеличить ее; утвердить «antica liberta», и «очистить отечество от варваров».

Здесь мы стоим перед проблемой, ставшей позднее главной исторической проблемой изучения Макиавелли: противоречием между учениями «Principe» и «Discorsi». Эти противоречия до известной степени видны с первого взгляда. Идеологи перенесли свои неясности на учение Макиавелли. Так как они «республиканизм» Discorsi и «абсолютизм» Principe противопоставляли, как абсолютные и «от природы» непосредственные противоречия, то проблема им казалась неразрешимой, «двоякая сущность» этого учения необ'яснимой. В принципе оставалось лишь три толкования: либо отрицание «республиканского», либо непризнание «абсолютистского» характера учения, либо попытка «раз'яснить» и «примирить» эти противоречия каким-либо искусственным способом. Единственным рациональным разрешением этой исторической «загадки» здесь, как и всегда является материалистический и диалектический метод. Первый вопрос, который например, является—это классовый характер учения Макиавелли. Мы уже в другом месте[1] об'яснили, что ключ к разгадке лежит в «Istorie Florentine», т. е. в той книге, в которой Макиавелли, при описании флорентийской классовой борьбы, открыто рисует свою собственную историческую и политическую физиономию. Рассмотрим теперь, каким образом раз'ясняет противоречие автор рецензируемой нами книги.

Он отмечает республиканизм Макиавелли и считает поэтому «Discorsi» более «крупным и возвышенным» произведением. Когда Маккиавелли, после падения республики (1512 г.), которой он служил на протяжении 14 лет, после гибели «невооруженного пророка» Саванаролы, обрел себе милость возвратившихся Медичи, это не бросало тени на его личность, так как Макиавелли «не хотел быть важным царедворцем, а стремился служить отечеству и поддержать республиканский дух, также и под властью Медичи» (стр. 12). Автор, однако, чувствует малую убедительность своего раз'яснения, так как он дальше приводит и другое толкование. Каким образом,—спрашивает он (стр. 68),—«такой решительный республиканец, восторженный почитатель древне-римский «virtu», мог написать книгу «Монарх», в которой он дает «выскочкам-правителям» советы к установлению и упрочнению власти—книгу, не имеющую себе подобной по цинизму и отсутствию всяких моральных принципов. Когда Виллари, биограф Макиавелли, ответил на это, что последний рассматривал вопрос с об'ективной, т. е. теоретическо-научной точки зрения и обсуждал сущность монархии и республики с одинаковой об'ективной трезвостью, то автор заявил, что это не есть разрешение вопроса. Наоборот: Макиавелли «никогда не был» и «не хотел быть» научным теоретиком (стр. 69). Здесь мы имеем также пример противопоставления современными идеологами теории и практики, как упорных противоречий. Одни—отрицают практическое, а другие—теоретическое значение учения Макиавелли; однако нельзя ничего понять вообще, если не видеть, что для Макиавелли практика и теория «классически» тесно связаны между собой, что его «общие правила» являются, с одной стороны, результатом теоретического наблюдения практической жизни, а, с другой стороны, наставлением к политическому обсуждению и понятию практической жизни, что, следовательно, «regola generale» выражают именно принципиальное единство практики и теории.

Макиавелли посвятил свою книгу Principe национальному единому государству (стр. 73). Макиавеллизм в общем и целом, есть, следовательно, тот же национализм, или «превыше всего стоящий и всеисцеляющий национальный культ, игравший до сих пор выдающуюся роль в истории» (стр. 88). Нако-

[1] Архив Маркса и Энгельса (немецк. изд.), т. II, стр. 526.

нец, это понятие имеет еще третье название — монархизм, так как, говорит автор, государственная форма монархии неотделима от национального государства. Мы подошли уже ко второй части его темы, к «политическим проблемам нашего времени». Он определяет их как «кризис макиавеллизма» (стр. 88) или «изолированного национального государства». Этот кризис наметился после мировой войны и, «прежде всего, вследствие разрушения государства, основанного великим и успешным поборником этого национального культа», т. е. военного государства Бисмарка. Бисмарк же является не чем иным, как «перенесенным в XIX век и переведенным на немецкий язык Principe Макиавелли» (стр. 81).

После такой исторической несообразности, книга заканчивается превыспренними историческими предсказаниями миролюбивого пацифиста и современного демократического филистера, которому мерещится, если не настоящая Лига наций, то хоть ее «идея», в которой он видит зарю новой эпохи. Последний и наивысший синтез, который можно проследить, наблюдая за исторической эволюцией, это синтез национального государства новейшей истории и средневековой идеи универсального государства. Эта величественная идея не потеряна, а приложена вновь. Истинный ее смысл откроется лишь после того, как история пройдет через дифференциацию идеи национального государства. В борьбе и взаимном проникновении национальной и универсальной идеи заключается задача и историческое движение будущего» (стр. 120). В таких «возвышенных» над всякой реальностью умозрениях, в которых, как в ночных видениях утомленного мозга, бродят образы и фигуры мировой идеологической истории, сливаясь в уродливом, полунаивном и полусентиментальном «синтезе», видит этот добрый филистер Макиавелли, как автора не «циничного» Principe, а «идеалистических» Discorsi, идущего рука об руку с господином Нитти, «поборником» европейской солидарности»,—как утешительно-актуальную тень, как пророка, об'единенной просвещенной европейской демократии», как политического брата во Христе.

Николо Макиавелли — теоретик революционной буржуазной добродетели, поборник всех полезных, но жестоких методов классовой борьбы, защитник «справедливого» и «целительного» террора—воскресший из царства мертвых политических героев и представший перед нами в виде болтливого шута Лиги наций?!

Difficile est satyram non scribere.

(Перевод с немецкой рукописи).

К. Шмюкле.

«РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ» ОПРОВЕРЖЕНИЕ ИСТОРИИ

(**Николай Морозов. Христос.** Первая книга. Небесные вехи земной истории человечества. Стр. XVI+543. ГИЗ. Ленинград. 1924. Вторая книга. Силы земли и небес. Стр. IX+693. ГИЗ. Ленинград. 1926. Третья книга. Бог и слово. Стр. VIII+735. ГИЗ. Ленинград. 1927. Четвертая книга. Во мгле минувшего при свете звезд. Стр. VIII+812. ГИЗ. Ленинград. 1928).

Четыре увесистых тома «исследования» Н. Морозова «Христос», заботливо изданных ГИЗом, представляют собою только первую половину задуманного автором грандиозного предприятия по сокрушению всех господствующих в наши дни средневековых предрассудков в исторической науке «на смену которым должно притти реалистическое понимание и об'яснение исторической действительности».

По своей методологии, общей и специальной, семитомный труд Н. Морозова является, с одной стороны, ничем иным, как дальнейшим развитием и углублением его предшествующих работ—«Откровение в грозе и буре» (1907 г.) и «Пророки» (1914 г.), посвященных анализу Апокалипсиса и ветхозаветных книг «пророков», а с другой—грозит превратиться в некий «реалистический» завет, совершенно невероятные истины которого в корне уничтожают все то, что добыто историками и работниками в смежных с историей областях науки для освещения общественного развития до XV века христианской эры.

I.

Каждый читатель, который даст себе труд хотя бы бегло ознакомиться с содержанием вышедших томов «Христа» (достаточно прочитать лишь оглавление), должен будет вполне согласиться с автором этого нового откровения, что предметом исследования Н. Морозова является отнюдь не исключительно личность основателя христианства, а гораздо более широкий круг вопросов, которые в своей совокупности, охватывают, в сущности, весь докапиталистический период

истории человечества. «Дело идет.... говорит автор, не об одном евангельском Христе, а всей истории человеческой культуры в древности и в средние века, которую я хочу поставить на естественнонаучные основы».[1].

«Главная цель моей работы,—согласование между собою естественных и исторических наук, которые шли до сих пор по совершенно отдельным руслам» (IV, V).

В полном соответствии с этой столь четко формулированной задачей в рецензируемом семикнижии «на историю культуры высказываются совершенно новые взгляды и.... она рисуется много более молодой и последовательной, чем обычно думают до сих пор».

Учиняя поистине страшный суд над историей с присными ей науками, разрушая своей «реалистической» критикой фантастические, нелепые представления современных обществоведов (историков, социологов, археологов, лингвистов, этнографов и пр.,), сам автор скромно трактует цель своего многолетнего исследования, как «осмысление истории человечества».

Расшифровывая содержание этого «осмысливания истории», автор пишет: «Основная канва моей книги заключается в том, что культурная жизнь человечества и даже отдельных народов не шла то взад, то вперед, как думают теперь историки, от расцвета к упадку и от упдака к расцвету, а двигалась непрерывающимся эволюционным путем, подобно развитию живого организма, хотя бы по временам, как доказывает академик Вернадский, и со «взрывами». Отрицать такие взрывы, конечно, нельзя. Вспомним хотя бы Великую французскую революции или наши собственные недавние переживания. Тут надо только твердо помнить, что как ни болезненны бывают такие взрывы, но они всегда приводят общество в своем окончательном результате не на низшую, а на высшую ступень развития. Так бывает и у каждого отдельного человека»...[2].

Обосновываемая Н. Морозовым в его «Христе» теория преемственной непрерывности в эволюции человеческой культуры «рассматривает жизнь народов в зависимости от эволюции их материальной культуры и от ее последствия—постепенного и непрерывного усовершенствования человеческого мозга, как основы усложняющейся с каждым поколением психики человека» (IV, 478).

Для «реалистически» настроенного Морозова вся «современная древняя история» является противоестественной, так как для падения классических Греции и Рима, а также и для падения древнего Египта и Ассиро-Вавилонии мы не видим никаких географических, или метеорологических, или социологических причин. Не видим мы их и для возникновения на сирийском побережьи и в Палестине культурных государств, вроде Финикии или Израильского царства, преимущественно перед Балканским полуостровом или Ломбардской низменностью, как несравненно более плодородными и поблизости от богатейших железных рудников, как первой основы человеческой культуры. Ведь без железных орудий производства, человек был бы еще более бессилен сделаться культурным существом, чем обезьяна, у которой вдвое более рук, чем у него»[3].

«В описаниях войны она «историческая наука В. А.) не считалась с элементарными вопросами стратегии и выбирала для побед такие неудобные пункты и такие условия, при которых можно было только погибнуть; она вела армии по странам, в которых все они через неделю умерли бы с голоду. В описании боев древняя история заставляла скакать по полям царей и полководцев на парах лошадей в одноколках с дышлом, которые на первом крутом повороте (не говоря уже о какой-либо кочке или впадине в земле) непременно перевернулись бы вверх колесами» (IV, 7—8)

Морозов не хочет совершенно считаться ни с тем фактом, что история древних военных кампаний в течение долгих лет изучалась многочисленными военными историками, стратегами и тактиками, в том числе такими гениями военного искусства, как Суворов и Наполеон, которые не заметили никаких нарушений «элементарных вопросов стратегии», ни с тем. что значительное число военных колесниц откопано современными археологами в погребениях Египта, Этрурии, Галлии и др. стран, на основании чего, а также и бесчисленных древних изображений, была изучена эволюция их типов, техники устройства и пользования. Все это, по мнению Морозова—данные веры, а для «реалистического» ученого нужно знание, в поисках которого автор «Христа» едва не поплатился жизнью (см. инцидент с одноколкой, описанный в т. IV, стр. 8—9).

Увлеченные построением «волшебных сказок» невежественные историки-ирреалисты, говорит Морозов, «еще не понимали, что психика первобытного человека

---

[1] Н. Морозов. «В защиту реализма в исторической науке. «Коротенький ответ нападающим на мою книгу «Христос»)». «Правда» 1928 г.

[2] «В защиту реализма»...

[3] «В защиту реализма»...

не была дана ему свыше, а была дочерью окружающей природы, и что центром общественной жизни и культуры могли быть только самые одаренные природой местности, а никак не пустыни, вроде, например, окрестностей Мертвого моря, или крошечные в географическом масштабе долины, вроде Спарты, на несудоходной речонке Евроте на греческом полуострове, неспособные выдержать (как и весь полуостров) ни малейшей конкуренции с окружающими мореходными странами, которые были в состоянии сделать высадку небольшого отряда в устье этой самой речонки Еврота» (IV, 487—488).

Современное состояние исторической науки, особенно тех ее отделов, которые посвящены изучению истории докапиталистических общественных формаций, или, как остроумно выражается автор «Христа», «современной древней и средней истории», не внушает ему ни малейшего доверия к добытым фактам.

Вся та картина общественного развития человечества, которую нам рисуют историки, по мнению Н. Морозова, является ни чем иным, как плодом жалких заблуждений, легковерия и легкомыслия, с одной стороны, сознательным обманом, фальсификацией—с другой.

Выясняя причины столь печального состояния исторической науки, автор говорит: «Мы никогда не должны забывать, что все наши представления о жизни и культуре древнего мира не являются результатами личных наблюдений. Это представления, внушенные нам другими, которые в свою очередь, получили их, как внушения, от других, и так далее, и неизвестно сколько было звеньев на этом пути до нас. И при каждой передаче неизбежно происходила психологическая апперцепция, благодаря которой... представления воспринимающего никогда не сходились вполне с представлениями сообщающего, и аберрация при словесной или письменной передаче была тем сильнее, чем одностороннее были умственно развиты рассказчик и слушатель, или писатель и читатель, и чем хуже владели они употреблявшимся ими латинским или греческим языком» (IV, 9).

Предпринимая свою героическую попытку пересмотреть все построение исторической науки под углом зрения «реализма» в целях уничтожения средневековых суеверий, Н. Морозов обращается в своем семикнижьи к представителям «верующих»—к историкам с призывом примириться с подлинной наукой, перестать верить в сказки. Для историков, как и для другой категории «верующих»—теологов[1], «теперь не остается другого выхода, как открыто присоединиться к современной науке, или умереть вместе с остатками неведенья на земном шаре» (IV, 7).

Итак «реализм» или жизнь!

«Древняя и средняя религиозно-политическая (?!) история европейских городов, да и всего человечества, не будет серьезной наукой до тех пор, пока за критическое обследование ее первоисточников и их дериватов не возьмутся не только астрономы и геофизики... но и филологи—теоретики и психологи, а вместе с ними и врачи-психиатры» (II, 497).

Для восстановления нефальсифицированного исторического прошлого Н. Морозов решает не дожидаться прихода спасителей-специалистов и сам мужественно принимается за «Критическое обследование» истории, применяя в своем исследовании следующие методы:

«1) Астрономический метод для определения времени памятников древности, содержащих достаточные астрономические указания в виде планетных сочетаний, солнечных и лунных затмений и появлений комет. Результат исследования этим методом, захватывающий... 200 документов, получился поразительный: все записи греческих и латинских авторов, отмечающих вычислимые астрономические явления после 402 года нашей эры, подтвердились и, наоборот, все записи о затмениях, планетных сочетаниях и о кометах... не подтвердились и привели к датам тем более поздним, чем ранее они считались. От древности за началом нашей эры не осталось ничего.

2) Геофизический метод, состоящий в рассмотрении того, возможны ли те или иные крупные историко-культурные факты, о которых нам сообщают древние авторы, при данных географических, геологических и климатических условиях указываемой ими местности. И этот метод дал тоже отрицательные результаты за началом нашей эры. Так, например, геологические условия окрестностей полуострова Цур (где помещают древний Тир) показывает физическую невозможность образования тут, да и на всем сирийском берегу от устьев Нила до устья Эль-Аси

[1] Попутно отметим, что мысль об оживлении религии путем ее об'единения с наукой, в более развитой форме высказана Н. Морозовым еще в 1920 г., в его статье «Эволюционная мораль и эволюционная теология»—предисловии к русскому переводу книги Андрея Немоевского «Бог Иисус». ГИЗ. 1920 г.

(древнего Оронта) какой-либо закрытой от ветров или вообще удобной для крупного мореплавания гавани[1].

3) Материально-культурнынй метод, показывающий несообразность многих сообщений древней истории с точки зрения эволюции орудий производства и состояния техники, как, например, постройка Соломонова храма в глубине Палестины до начала нашей эры.

4) Этно-психологический метод, состоящий в исследовании того, возможно ли допустить, чтобы те или другие крупные литературные или научные произведения, приписываемые древности, могли возникнуть на той стадии моральной и мыслительной эволюции, на которой находился тогда данный народ.

5) Статистический метод, состоящий в сопоставлении друг с другом многократно повторяющихся явлений и обработки их деталей с точки зрения теории вероятностей» (I, XIV—XV).

По какой-то странной и непонятной забывчивости Н. Морозов забывает в этом перечне примененных их методов назвать еще столь своеобразно практикуемый им лингвистический метод, с помощью которого автор достиг поистине колоссальных результатов. Достаточно для примера назвать только такие шедевры подлинно-научного языковедения, как расшифровка имени библейского патриарха Авраама[2], как перевод названия известной библейской книги «Плач Иеремии»[3], или, наконец, такие, поистине, сенсационные открытия, что «евангельская Галилея была Галлия, как и до сих пор по-гречески называется Франция, что евангельский Иисус Галилеянин значит в переводе Иисус Галл, т.-е. Спаситель Француз, что евангельская Канна Галилейская есть современный южно-французский город Канны (Cannes) близ Ниццы.

Обратимся теперь к изложению тех конечных результатов, к каким пришел Н. Морозов после кардинальнейшей ревизии истории человечества. Мы ограничимся анализом только некоторых отдельных затронутых им вопросов и его общей исторической концепции, а также остановимся на его методологии.

II.

Реалистически построенное на основании данных и методов точных, естественных наук развитие человеческой культуры рисуется автору «Христа» в следующем виде:

Возникнув в силу биологической эволюции от животных предков, первобытное человечество, обладавшее уже зачатками членораздельной речи, небольшими группами бродяжничало по всей той части земной поверхности, которая в силу своих естественных условий могла быть пригодной для первобытной жизни «*Состояние человечества в этот период* (неолитический. *В. А.*) *сравнимо с газообразным состоянием физического вещества, когда молекулы его отталкиваются друг от друга и стремятся рассеяться по всем направлениям*» (II, 75). (Курсив автора).

Переход людей от дикости к культурной жизни был причинно связан с переходом от кочевой жизни к оседлой, а это стало возможным только на островах, где само море ограничивало свободу передвижения людей, одновременно обеспечивая безопасность островитян от зверей и посторонних захватчиков, которые могли приезжать только на бревнах или челноках, исключительно в тихую погоду и при достаточно ясном освещении моря, что давало полную возможность островитянам воспрепятствовать их высадке. «Так у первобытного человека впервые появилось чувство собственности на данный клочок земли» (II, 3—4).

Выяснив происхождение частной собственности, Н. Морозов отмечает, что самыми благоприятными для возникновения значительной первобытной культуры оказались бассейны внутренних морей с архипелагами (Антильский, Средиземноморский, Индо-Малайский и Желтоморский), из которых особенно благодатным, вследствие исключительной величины и географических условий, оказался Средиземноморский, культура которого выявилась, как самая активная. Давность суще-

---

[1] Не удивительно ли, что, вопреки всем данным «геофизического метода» на сиро-палестинском берегу, все же существует ряд портов и в их числе также крупные, как Бейрут, Яффа, Хайфа, Анна, не говоря уже о более мелких, как Латания, Триполи и др.?

[2] «Авраам (т.-е. Аб-Рам по библейски) оказался в переводе Отцом Рима, так как аб по библейски значит отец, а Рим по латыни Roma» (II, VIII). Поистине, «в огороді бузина, а у Києві дядько»!

[3] По древне-еврейски а и к е, что наш автор переводит по русски «ай как» (II, 125). Надо полагать, что дальнейшее его учено-лингвистические изыскания окончательно установят почти полное тождество «так назыв.», древне-еврейского языка с русским.

-ствования этой культуры, как и всех остальных, весьма незначительна и много ближе отстоит от наших дней, чем это казалось заблуждающимся историкам. Так, напр., «возникновение главного стимула и основного фундамента всякого умственного прогресса—письменность—едва-ли... уходит далеко за начало нашей эры» (I, 536).

Оседлая жизнь и частная собственность, появившись первоначально на архипелагах, постепенно перебросились с островов на близлежащие плодородные равнины материков, что и вызвало к жизни появление первых государств.

«В основе всякой государственной эволюции, говорит Н. Морозов, лежат три фактора: 1) психическая эволюция человеческого организма, выражающаяся в усовершенствовании его мозга и в увеличении его знаний; 2) экономическая эволюция, зиждущаяся на развитии техники и 3) гражданская эволюция, выражающаяся в об'единении народов посредством общего нормирования правительствами их гражданственности. Руководящая роль между ними всегда принадлежит психической эволюции, как фактору чисто биологическому, возникшему еще до появления на земле человека» (III, 352—353). Применяя законы электродинамики к исследованию общественных явлений, Н. Морозов выводит точные математические формулы для определения сил воздействия полей административного, экономического и культурного притяжения государственных центров и на их основании об'ясняет не только современную политическую карту мира, но также и расположение полей социального расположения в самом начале нашей эры.

Проблема революции также получает «реалистическое» разрешение в труде Морозова. Мы узнаем, что «в государственной эволюции ни один народ не сделает ни шага вперед без постоянного усовершенствования мыслительного органа составляющих его индивидумов, или, по крайней мере, их правящей части, и поэтому понятно, что *все катастрофические перевороты в жизни великих государств, независящие от сейсмических причин, происходили только тогда, когда мыслительный орган правителей отставал от жизни, зацепившись за устаревшее мировоззрение.* Тогда неизбежно совершалась революция...». (Курсив наш. В. А.) (III, 353).

Сейсмические явления вызывают не только революции. По Морозову они же являются и причиной возникновения религии. «Вулканизм—это общее правило возникновения всех широко распространившихся религий, выходящих из рамок шаманства» (II, 141).

Выяснив генезис основных, общественных категорий и процессов, последуем за нашим автором дальше, «по лестнице культуры Средиземноморского бассейна».

Первый век нашей эры (удивительно, как удачно выбран исходный пункт нашей хронологии!) характеризуется уже осуществившимися открытиями каменного топора, колеса, как средства передвижения тяжестей, огня и глиняных сосудов для варки пищи. Налицо также и первобытная отрывочная стенная письменность, кроме того, весьма вероятно, начало такой же письменности на глиняных дощечках, на бараньих лопатках и на древесной коре. «Человеческая культура Европы, возникнув... в Греческом Архипелаге, как колыбели торгового мореплавания, перебросилась потом, с одной стороны, в долину реки По в Италии и на берега Мраморного моря, где должна была сначала опереться, главным образом, на скотоводство, так как для земледелия в этих странах не было еще найдено удобных способов добывания из руд железа, а без него оно не оправдывало затраченного труда, а с другой стороны в долину Нила, в которой было можно прямо бросать зерна в нанесенный рекою ил и начать первичное земледелие» (III, 355—356)[1].

Осенью 35 года нашей эры, как доказывает астрономическим вычислением схождения планет в созвездии Льва над созвездием Корабля, Морозов, произошло необыкновенно сильное наводнение при разлитии Нила, что послужило основой для легенды о всеобщем потопе (II, 462—463).

Во втором веке нашей эры мы имеем открытие папирусной бумаги в Баблосе и Египте, первое зарождение литературы в виде записанных сказок и анекдотов, первичной речитативной поэзии и разного рода практических сведений и рецептов. Одновременно открытие на Кипре способов выплавки меди и олова ведет к созданию «бронзового века». В астрономии кладется начало геоцентрической астрономии.

---

[1] Такое широкое развитие мореплавания до открытия железа опровергается, однако, указанием автора в томе I, 537, где «развитие берегового плаванья в Средиземном море в связи с открытием способов приготовления тесовых досок, немыслимое без пилы и сверл» отнесено не к первому, а к третьему веку нашей эры. Нужно указать все же, что в томе IV, стр. 374 тоже признается возможным (хотя только в ясную погоду) мореплавание на судах, построенных без применения железа.

Третий век нашей эры обогатил человечество началом техники и химии. Тогда же вероятно начали выплавку железа из руд в Богемии (I, 537). К великому сожалению датировка последнего открытия также вызывает у нас серьезные недоумения, так как в третьем томе «Христа», автор указывает на VII век нашей эры, как на время открытия способов выплавки железа и его введения в широкий хозяйственный обиход (III, 356). Это несовпадение датировки одного и того же открытия в двух томах одного и того же научного труда, принадлежащего перу одного и того же автора, тем более прискорбно, что, согласно схеме первого тома, именно изготовление бронзовых и железных мечей и наконечников стрел и копий, касок, наплечников и лат и повлекло за собою основание в III же веке латино-эллино-сирийско-египетской империи Диоклетианом (I, 537), (он же Моисей, Давид, и Помпей Великий). Впрочем, по исследованиям самого же Н. Морозова, приведенным в том же первом томе, основателем этой четыреединой империи был не Диоклетиан, а предшествовавший ему Клавдий-Марк-Аврелиан Готский (что в морозовском переводе значит—хромой и дряхлый блондин немецкий) (он же Лоций Сулла, библейский царь Саул и Ромул) (см. том IV, стр. 371). Злоключения Н. Морозова с открытием железа этим, однако, не заканчиваются, так как по имеющимся в томе четвертом данным (стр. 373) это открытие, путающее с таким трудом добытые реалистические выводы, имело место не в Богемии, как это указано в первом и третьем томах, а на Балканском полуострове[1]. Положение еще более становится неопределенным, когда выясняем, что в двух различных томах «Христа» (III и IV) мы имели два совершенно различных по фактическому материалу и конечным результатам размышления об естественных причинах возникновения этой треклятой Романской (Римской или Румынской) империи[2]. Основной вывод, касающийся древней истории итальянского города Рима в дохристианский период, формулируется Морозовым ясно и точно — «величайший исторический мираж» (IV—375).

Признав, что положенные в основу данного вывода соображения (многочисленные астрономические определения, почти аналогичные императорские и прочие родословные и т. п.) являются совершенно точными, не допускающими никаких ошибок (стать на другую точку зрения, значит «возвращаться к мистике средних веков и приняться за восстановление древней кабалистики»), Н. Морозов дает следующую теорию происхождения нашей современной истории древнего мира:

«Латино-эллино-сирийско-египетские властелины со времени Аврелиана, короновались четырьмя коронами: латинской в Риме (или в Помпее, или в Равенне), эллинской в Константинополе (или в Никее), сирийской в Антиохии (или в Кесарии) и египетской в Каире (или в Мемфисе, или в Александрии). При каждом короновании они получали особое официальное прозвище на языке этой страны и выбивали его на медалях, раздававшихся именитым присутствующим и отсутствующим должностным людям. (Мы теперь напрасно принимаем их за монеты в нашем смысле слова, потому что тогда не могло еще быть денежного хозяйства). Таким образом у всех тех, кто единолично царствовал во всей тетрархии, было четыре имени. Когда в каждом из этих четырех, соединенных династических королевств, развилась своя национальная письменность, были написаны четыре истории той же самой империи, но властелины в них вошли под местными официальными прозвищами, и сами истории были написаны с местных точек зрения, т. е. перспективно.

Потом греки, как любознательные мореходы по Средиземному морю, привезли к себе книги италийского, сирийского и египетского вариантов и перевели их в средние века на свой язык, оставив непереведенными собственные имена действующих лиц и даже имена упоминаемых местностей и городов, которые тоже на разных языках имеют разные прозвища. Благодаря этому, а также и местному перспективному колориту каждого варианта, он был принят за отдельную историю и отнесен к отдельному времени» (I, 437—438). Неправда ли, ларчик открывается очень просто?!

Эта «простая» теория, высказанная в конце первого тома «Христа», подвергается, однако, в последующих томах таким существенным фактическим поправ-

---

[1] Очевидно, вспомнив о высказанном в I и III томах своем мнении о богемском происхождении открытия железа, Морозов на стр. 374 отказывается от точного решения вопроса в пользу Богемии или Балкан, однако, уже на следующей, 375 стр. того же тома снова категорически высказывается за балканский приоритет, подкрепляя свой вывод несравненными этимологиями.

[2] Срв. III, 355—360 и IV, 372—375. В последнем рассуждении (стр. 372). Морозова опять коснулось сомнение при решении вопроса о локализации первичного очага империи—Итальянская Романья или Балканская Румыния, однако, он на следующей же странице вновь обретает неизменный реалистический оптимизм и, не вспоминая совершенно о том, что по данным тома III (стр. 357) «железный светский Рим вырос на железных рудах Эльзаса и Богемии», решительно отдает пальму первенства Румынии или Румелии.

кам, что знакомясь с ними, начинаешь с ужасом замечать, как разогнанные ясностью мысли Морозова фантастические суеверия снова овладевают нашим мышлением.

Вот эти поправки по порядку:

1. В теории первого тома Аврелиан—основатель тетрархии; в томе четвертом он оказывается не кем иным, как немецким королем, жившим уже после распадения Западно-римской империи (при нем в 543 г. в Южной Европе была страшная чума) (IV, 376), которая по данным тома III была основана «в Ахене, «в день рождества Христова» 25 декабря 800 года» (III, 356).

Дело с основанием Римской империи становится совсем темной аферой, когда по изысканиям четвертого тома (стр. 412—413) выясняется, что истинными основателями этой всемирной империи являются «смутные фигуры Гелиогабала—верховного жреца Солнца и его преемника Александра Севера, давшего начало легендам об Александре Македонском», а не Аврелиан-Сулла-Саул, который только восстановил империю «благодаря значительно развившейся на Балканах выделке железного оружия и вообще орудий производства». Что касается империи Александра Севера-Македонского, то она тоже основана на изобретении, но не в области металлургии, а в области военного дела—на изобретении конного войска (IV, 373—374, 412). Окончательное же закрепление империи произошло вследствие чудес итальянских вулканических сил (IV, 375). И здесь, как и во всех остальных случаях, решающее значение оказали геологические силы.

Таковы различные результаты исследований Морозова по вопросу о происхождении Римской империи, и это только по первым четырем томам, а, ведь их должно быть семь, так что нас ожидают еще факты и размышления целых трех томов.

2. Властелины тетрархии короновались сирийской короной в Антиохии или в Кесарии (Caesarea), (I, 437), а по данным тома II (стр. 157—158) это является совершенно недопустимым, так как современная сирийская Кесария являлась в те времена только простым захолустным укреплением на отдаленном бедном и пустынном берегу, столичный же город Кесария—центр тогдашних наук—находился не в Сирии, а в Италии, совпадая с Помпеей—Римом (II, 157—158). Вообще, анализируя библейскую этно- и топомимику, Морозов приходит к заключению, что все реальные события, описанные в ветхом и новом заветах, имели театром своих действий не Сирию и Палестину, а территорию нынешних Франции, Италии, Швейцарии[1]. Что же касается Сирии и Палестины, где теперь налицо «значительный набор городов, носящих библейское или евангельские прозвища», то часть их могла быть перенесена туда беглецами после гибели Западной империи» (II, 158). Поэтому, согласно данным тома II, в итоге мы имеем уже не тетрархию, а триархию.

3. Надо сказать прямо, что и с реальным существованием эллинской империи-триархии дело обстоит не совсем благополучно, по крайней мере, в виде полного противоречия собственному утверждению Морозова в томе первом, что и там выбивали медали—«монеты», он, в томе четвертом (стр. 376—377) сомневается в достоверности эллинских медалей—«ведь д е н ь г и (здесь вероятно опечатка вместо «медали» *В. А.*). всегда особенно привлекали к себе фальсификаторов, и подделать такие простые образчики, как древние «монеты», совершенно ничего не стоит, особенно в тех случаях, когда простодушные старинные археологи предлагали жителям деревень, расположенных вблизи каких-либо развалин, большие деньги за всякую «древнюю монетку».

Перейдем к VI веку эры, реконструированному Морозовым.

Относительно мирное процветание населения Римской империи, основанной легендарным Абрамом, родоначальником пап римских (II, 479), было потрясено еще в III веке нашей эры грозными вулканическими явлениями в области горы Синая (ныне Везувий), которые в свою очередь породили сильные религиозно-политические движения.

Детально разобрав при помощи астрономического метода книгу Бытия, Н. Морозов в третьей части II тома «Христа» дает твердую датировку истории религий, устанавливая при этом сейсмическое, метеорологическое и астральное происхождение древнейших христианской, домагометанской, арабской и иудейской религий.

Установив существование христианства, как религии посвященных в тайны оккультных знаний, еще в первом томе, Н. Морозов в последующих томах своего труда устанавливает тождество реальной личности Иисуса Христа (в его переводе «Спаситель-магист оккультных знаний») с Рамзесом, с библейским Иосифом Прекрасным, Иисусом-Рыбой (Навином) и Иаковом, а также с богословским (иудей-

---

[1] См. изумительную по тонкости лингвистического анализа главу V тома II—«Десять заповедей Везувия», где Ханаан оказывается Генуей, Ливан—Монбланом, Иордан—рекой По, Кадеш-Вар—Кадиксом на (в) Роне, народ Енакимы—янками, аммонитяне—французами (от слова ami—друг, как они, вероятно, называли себя).

ским) царем Асой, Василием Великим, и, наконец, со знаменитым астрономом Клавдием Птоломеем, который по вычислению Н. Морозова 21 марта 368 года был «столбован» (посажен на кол) за сделанное им предсказание «гибели Геркуланума[1] или Помпеи от нового извержения Везувия, которое он, повидимому, связывал с осуществлением предвычисленного им лунного затмения» (III, 731).

Здесь нужно особо подчеркнуть что, обвиняя современных историков в вере «в незыблемость того, что им сообщили основные документы, установившие их мировоззрение—Библия и Евангелие», сам Н. Морозов в своем труде выступает фактически, как апологет реального существования основателя современного христианства. Мало того, что во время «оно» существовал Иисус Христос, им же были совершены и все те чудеса, которые приписаны ему евангелистами и которые наш трезвый и критически-мыслящий автор об'ясняет с помощью данных современного естествознания.

Таковы «факты» нового откровения.

III.

Что же представляет собою «труд» Н. Морозова с точки зрения современной науки?

Прежде всего—глубоко ненаучное и ярко реакционное произведение.

Ненаучность и реакционность «Христа» проявляется, во-первых, в создании Н. Морозовым доморощенной теории «преемственной непрерывности в эволюции человеческой культуры», а, во-вторых, в тех совершенно неприемлемых, схоластически-кабалистических приемах, которые он применяет при пользовании данными естественных и прочих наук

Противополагаемая современному научному историческому мировоззрению, созданному Марксом и Энгельсом, реалистически состряпанная теория непрерывности культуры является не чем иным, как своеобразным ухудшенным изданием давно отброшенной наукой средневековых представлений о всемирной истории, как выполнении божественного, заранее предначертанного в книге судеб, плана.

Само собою разумеется, что руководимая промыслом небесным история представлялась умственному взору теологов-историков непрерывно развивающейся, движущейся прямолинейно к предуказанной цели, как-бы разыгрываемой по нотам. Однако, эта простая и цельная концепция, особенно четко развернутая блаженным Августином в его сочинении «De civitate Dei» еще в V веке нашей эры, в котором «вся история есть непрерывное чудо божеского всемогущества над человеческим естеством», развертывающееся «как грандиозный процесс воспитания человеческого рода к спасению, очищению достойных, предопределенных от греха, раздробления, муки к праведности, единству, блаженству» не удовлетворяет в подобном виде реалистические запросы требовательного автора «Христа».

Дело в том, что взгляды блаженного Августина и его последователей хотя в основном и представляются Морозову теоретически правильными, но они чересчур отдают антропоморфизмом в обрисовке божества.

Нет, сам Морозов не может признавать бога в виде некоего почтенного старца, восседающего на облацех; ему, познавшему все фундаментальные теоремы положительного знания, бог рисуется, как бесконечная вселенная, которую наполняет «Первичное Вещество, та и н д у с с к а я Н и р в а н а, п р о с т р а н с т в о, в котором погружено все, к о т о р а я, может быть, я в л я е т с я о с н о в н ы м э л е м е н т о м н а ш е г о с о з н а н и я, нашим чувствующим и мыслящим посредством биологических токов мозга, н а ш и м п с и х и ч е с к и м Я» (I, 19)[2].

Прикрашивая этой вульгарной интерпретацией Веданты и буддизма исторические взгляды гиппонского епископа, наш «ревизор» добавляет еще в приготовляемую им окрошку «исторического реализма» изрядное количество положений вульгарного материализма, и блюдо готово.

Естественно, что сводя все движущие силы исторического процесса к законам географической среды и мистическим предопределениям эволюционной «Судьбы», непосредственно влияющим на все общественные отношения людей, Морозов совершенно не обращает внимания на причины социологические, которые хотя и упоминаются им в числе прочих, однако, в дело никогда не вводятся так как по самому существу своему являются абсолютно излишними в реалистическом мировоззрении.

Не приходится говорить и о диалектике исторического процесса—она полностью заменена вульгарной механистической эволюцией.

---

[1] В т. I, стр. 106—за предсказание лунного затмения, в т. III, стр. 579—за публичную защиту новой астрономической системы, которая обычно приписывалась Птоломею.

[2] Здесь Н. Морозов полностью присоединяется к известной формуле «tat twam asi» (Это—ты сам).

Роль «чудодейственного Провидения» у Морозова играют сейсмические силы; им на помощь, где надо, выступают также и метеорологические,—наконец, общий фон создает небо с созвездиями звезд и планетами.

Было бы ошибочно полагать, что априорная, эклектическая, мистическо-материалистическая теория исторического процесса, развитая Морозовым является просто обратным воздействием на его сознание, изучавшейся им теологической литературы. Напротив, она органически вытекает из тех общих философских воззрений, которые выработал наш автор за долгие годы сидения в Шлиссельбурге и которые в разной степени отражены не только в его «исторических», но и в естественнонаучных работах.

Общая картина мира представляется ему в следующем виде: «Основными элементами всего существующего в природе являются первичные атомы всенаполняющей мировой среды... Это отдельные невообразимо малые сгущения или разрежения чего-то единого, непрерывного, вездесущего, всенаполняющего и бесконечного, того, что современная реалистическая наука называет п р о с т р а н с т в о м, а средневековая мистическая мысль определяла как вездесущего и всенаполняющего «творца неба и земли, всего видимого и невидимого», ошибочно наделяя его сознанием, подобным человеческому»[1]. Здесь древняя теология и современная наука сходятся в некоторых определениях, как только мы придем к убеждению, что наше трехмерное п р о с т р а н с т в о есть основная сущность, а не пустота... Но оно неоднородно. В нем, без разрыва сплоченности, существуют сгущения, как положительные элементы жизни, и разрежения, как ее отрицательные элементы, то сдвигающиеся друг с другом, то отодвигающиеся друг от друга, и называемые первичными атомами всякой жизни во вселенной. Через них все в ней творится и изменяется, и в этом смысле, хотя и с оговоркой, их можно признать аналогичными средневековому богу-сыну, рожденному пространством прежде всех веков, несотворенному, единосущному со своим отцом-пространством, в котором все произошло через него.

Но этот «сын пространства» уже не единичен, а только тожественен сам с собой в своих бесчисленных повторениях в своем отце...

В наших научно-философских выводах мы неизбежно приходим к представлениям о бесконечном и нераздельном пространстве, как о все содержащей и, следовательно, все чувствующей первичной сущности; приходим к представлениям о творческом первичном атоме, этом зачатке нашего разума, бесчисленном в своих проявлениях в пространстве и времени, и многообразном в своих комбинациях, и получаем представление о вечных переменах его комбинаций, о вечном его движении, как о всеоживляющем и всевдохновляющем третьем начале ἄγίας Πνευμα древних алхимиков и философов. Эту «божественную троицу вселенной» увидела человеческая мысль еще в то время, когда наука была одета в мистические покровы» (III, 519—523).

Цитированное у Морозова место почти полностью совпадает со взглядами одного из крупнейших современных восстановителей поповства, главы антропософического движения—Рудольфа Штейнера, который увязывает в одно целое и вульгарный материализм Эрнста Геккеля, и богооткровенные истины религий всего мира.

Установив, таким образом, почти полное тождество своеобразно понимаемых им выводов современного естествознания с мистическими взглядами античных и средневековых теологов и натур-философов, Н. Морозов, желая вскрыть истинное содержание библейской и евангельской литературы, которые и для его критического ума являлись памятниками довольно почтенной древности, должен был притти к заключению, что и Библия и новый завет являются историческими документами исключительной важности.

Существует, однако, по мнению Морозова, коренное различие между этими документами и историческими материалами современной нам эпохи; это различие заключается в том, что исторические и прочие факты даны в Евангелиях, Апокалипсисе и в Библии в астрономически, математически и т. д. зашифрованном виде.

Причина этого факта, с одной стороны, заключается в том, что «древний ученый, как и всякий человек, у которого нет достоверных сведений, старался напускать на себя таинственность, авторитетный вид и затемнял свой крошечный уголок реального знания всевозможными способами, чтобы сделать его недоступным для непосвященных» (I, 25), а с другой,—средневековый террор мрачного церковного самодержавия, который профильтровывал все исторические документы, допуская «до нас лишь те из них, которые были благоприятны господствовавшей церкви, да и то нередко в наполовину подделанном или искаженном до неузнаваемости виде» (I, 9).

Для того, чтобы выяснить их содержание, необходимо, следовательно, произвести их дешифровку.

---

[1] Ср. с приведенным нами выше отрывком о Нирване и пр.

Считая каждое слово в так называемом священном писании отражающим, хотя не совсем правильно, реальную действительность прошлого, Морозов, применяя многочисленный арсенал своих точных методов, отыскивает опорные пункты для дешифровки и находит их в виде многочисленных мест, описывающих различные астрономические и метеорологические явления. Весьма произвольно производя анализ (отожествляя «жену» с «девой», курдюк с урной и т. д., давая одним и тем же данным различные, в зависимости от нужды, толкования —12 сыновей Иакова выявляются, то как двенадцать монотеистических народов средних веков, то как зодиакальные созвездия и т. д., Морозов получает точные астрономические даты для никогда не бывших событий, доказывает mutatis mutandis истинность библейских и евангельских мифов, реалистически трактует «чудеса». Одновременно он, нисколько не смущаясь, использовывает данные, заимствованные из таких источников, которые он же сам признает апокрифическими. Одним из наиболее разительных примеров подобного рода являются его спекуляции с «Церковной историей»—Сократа-Схолистика (или, в переводе Морозова—«ученого спасителя власти), которая то оказывается в числе прочих греческих и латинских книг написанной в эпоху Возрождения, то снабжает Морозова необходимыми сведениями о жизни различных святых и церковных делах. Ковер, по мере надобности, оказывается то целым, то с дыркой. Если добавить к этому еще ничем неограниченную свободу этимологических упражнений и психологическую интроекцию, сравниваемую Морозовым с астрономическим наблюдением, то мы получим ключ к тем, поистине, совершенно невероятным открытиям в области древней и средневековой истории, которые произведены нашим автором. Нам кажется, что применяя все эти «методы», очень трудно показать, что сам Морозов является ни кем иным, как позднейшим отражением знаменитого «пелопонесского» венецианского адмирала и дожа Морозини, «народопобеждающего», сочинение его «Христос»—схоластическим толкованием на Библию и новый завет, написанным не раньше V века нашей эры и т. д. и т. д., и, надо откровенно признаться, читая «Христа» приходится только удивляться, что подобная работа могла быть опубликована в СССР в 1924—28 гг. и напечатана Государственным издательством.

В заключение отметим, что работы, подобные «Христу» вряд ли вообще заслуживают того, чтобы их печатали, читали и рецензировали. Есть, однако, причины, которые заставляют браться и за такую неблагодарную работу, как ознакомление с сумбурными писаниями Н. Морозова. Причины эти следующие:

Нам приходится жить и бороться под знаменем марксизма против весьма многочисленного сонма врагов, один из сильнейших отрядов которых составляют религиозно-верующие. В последнии годы потерпевшая жесточайшие поражения религия и ее жрецы-организаторы и идеологи снова подымают свою голову, искусно применяя наши собственные методы агитации, пропаганды и организации. Не имея силы прямо и открыто выступить против материалистической науки, сторонники религии пытаются в срочном порядке использовать данные науки, подкрепляя ими падающее здание веры. Целый ряд «ученых» попов на всяческие лады заверяет своих прихожан, что они-де находятся в полном согласии с современной наукой, которая не только, что не отвергает догматы церкви, но даже, наоборот, подтверждает их. Следует бояться, что «Христос» Морозова и явится как раз тем «произведением современной точной науки», которое позволит попам горделиво ссылаться на смычку с естествознанием. Понятно, что эти попы возьмут Морозова не целиком, от тождества Христа с Рамзесом и даже с Птоломеем, они, бесспорно откажутся, но очень многое будет ими очень и очень старательно использовано, в частности и доказательства реальности евангельских мифов, и божественная сущность вселенной, и многое другое, что такое щедрою рукою рассовал Морозов в пухлые томы своего «Христа». Особенно ухватятся за ту «разрушительную» критику современного обществоведения, которая столь невежественно преподнесена храбрым реалистическим воителем. После выступления Морозова самый термин «реализм» надолго будет скомпрометирован, так как в «христовой» практике он стал идентичен с самым разнузданным мракобесием.

В. Аптекарь.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ, ВЫШЕДШЕЙ В СВЯЗИ С 25-ЛЕТИЕМ 2-го С'ЕЗДА РСДРП

В. Астров. Второй с'езд партии. Изд. «Правда» и «Беднота». Москва, 1928, цена 10 коп.

П. Лепешинский. У истоков большевизма (к 25-летию 1-го с'езда). Истпарт, УК ВКП. ГИЗ.

К. Розенблюм. О втором с'езде РСДРП. «Прибой», 1928.

Рецензируемые популярные работы различного достоинства будут нас интересовать с той точки зрения—в какой мере им удалось преподнести в доступной форме «генезис» большевизма. Брошюра тов. Астрова состоит из пяти глав: введения программных вопросов, вопросов тактики, организационных вопросов и вопросе о расколе партии. Написанная вполне популярно, хорошим понятным языком, она тем не менее недостаточно охватывает круг вопросов, стоящих перед II с'ездом. Пусть для этого потребовалось бы даже несколько увеличить об'ем, зато брошюра много выиграла бы, поскольку в действительно популярной форме были бы даны «научные» обоснования возникновения большевизма, а не просто обычный перечень «разногласий» и «оттенков». Особенно это важно было бы для таких разделов, как предпосылки, программные и организационные разногласия, это лучше помогло бы уяснить и многие вопросы современности. Совсем слабо дана в брошюре «Партия, как она была» накануне с'езда и мало подробно об'яснена причина столь сложной структуры центральных органов партии. В настоящее время в свете лозунга большевизации компартий эти вопросы приобретают огромный интерес. Нужно сказать, что вообще все разбираемые брошюры совсем слабы по части увязки вопросов II с'езда с современностью. К этому вопросу мы еще вернемся в конце обзора.

* * *

Более полна и подробна брошюра тов. Лепешинского. Больше предыдущей по об'ему (59 стр. вместо 32) она разбита на следующие главы: В какой исторической обстановке подготовлялся II с'езд партии; Старая «Искра» за работой по подготовке ко II с'езду, первая половина с'езда; Бунт с'ездовской оппортунистической коалиции против ленинизма; Историческая роль и значение II с'езда в жизни партии.

Однако от этой «полноты» брошюра тов. Лепешинского по сравнению предыдущей не всегда выигрывает. Правда, здесь более подробно даются социально-экономические предпосылки, дается полнее картина: «Партия, как она была накануне II с'езда», тем не менее «пропорции» не всюду соблюдены у тов. Лепешинского. Много лишнего, совершенно ненужного в популярной брошюре, много абсолютно необходимого нет; пример: в брошюре уделяется свыше 4 стр. инциденту с О. К. (вопрос о приглашении на с'езд группы «Борьба»). В то же время программному вопросу уделено несколько строк (буквально!), а тактическим вопросам уделено еще меньше, чем программным.

Затем, хотя и популярный, но какой-то «фельетонный» тон брошюры, по-нашему мало помогает уяснению вопросов, освещаемых автором, а иногда и просто мешает (между прочим от этого теряют и заголовки брошюры). Приведем пару примеров на стр. 22. «Мартынов и Акимов (продолжающие быть верными рыцарями своей тред-юнионистской политики) только ждали благоприятного случая, чтобы снова вытащить опрокинутую лодченку оппортунизма и, окрасив ее заново, пустить в благополучное плавание по застойным водам оппортунистического болота. Загнанный в угол искровским хлыстом бундовский сепаратизм, щелкал зубами и не обнаруживал признаков прирученности». «Почти» искровский «Южный рабочий» хотя и искренне старался подделаться под искровский колер, хотя время от времени и выкрикивал своим охрипшим голосом «осанна» по адресу торжествующей «Искры», тем не менее со страхом и обидою помышлял о том моменте, когда всепоглощающий «империализм»... и т. д.

* * *

Брошюра К. Розенблюма наименее удовлетворительна из всех разбираемых работ.

Если общим недостатком для всех брошюр является то, что они слишком много уделяют внимания слишком уж хорошо известным вопросам непосредственно самого II с'езда, забывая, что дело не только в юбилее II с'езда самого по себе, а именно в «оформлении большевизма как политической партии», «как политической мысли» (что и нужно показать!), то к брошюре Розенблюма это относится сугубо. Самая большая по размерам—95 стр.—она разбивается на следующие отделы: Предисловие, I. Рабочее движение в 1900—1903 гг., II. Борьба за с'езд и роль «Искры», III. Состав второго с'езда, IV. Вопросы, разбиравшиеся на с'езде, V. Организационные вопросы, VI. Тактические вопросы, VII. Внутрипартийная борьба после с'езда, VIII. Итоги второго с'езда. Приложения: 1. Схема голосований на втором с'езде, 2. Программа РСДРП, принятая с'ездом, 3. Организационный устав, принятый на с'езде. Приложения занимают около $^1/_3$ всей книжки. Нам кажется, что едва ли нужно было в популярной брошюре, где, по мнению автора, «дается в общем связное изложение того, что было, основываясь на протоколах второго с'езда и материалах, опубликованных в «Ленинских сборниках» и других изданиях (кстати сказать, это не совсем верно, так много места уделять «приложениям»). В самом деле. Ну какой смысл отводить 12 страниц программе, когда в тексте о программных разногласиях несколько строк. Дальше, к чему эта детальная картина голосований, когда совсем не показана «механика» работы местных организаций. В остальном, несмотря на «исключительную полноту», брошюра отнюдь не использовывает, как это говорится в предисловии, «весь опубликованный материал», довольно-таки поверхностно пересказывает хорошо известные из любого «краткого учебника» факты о работах II с'езда партии. Нам кажется, что Лен. обл. истпарт мог бы подготовить даже из популярной литературы кое-что посолидней и не без использования местного материала.

* * *

Два слова в заключение. Мы не ставили себе задачей подробного критического разбора каждой из названных работ «из страницы в страницу». В данном случае нас интересовало нечто другое. Мы уж кажется покончили с «обилием» литературы к «юбилеям», не пора ли еще «шаг вперед»—борьба за качество выпускаемой литературы. Не пора ли перейти от изготовления брошюр «на заказ» к действительно научной популяризации ленинизма, чтобы огромный научный материал, который является достоянием «немногих», мобилизовывался и действительно доходил до «низов», когда речь идет даже о «самых простых» «массовых» брошюрах, а в особенности по таким вопросам, как история большевизма.

Н. Люсьин.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В СССР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА 3-й ТРИМЕСТР 1928 г.

«Пролетарская революция», №№ 6/77—7/78 и 8/79.
«Каторга и ссылка», №№ 6/43 и 7/44.
«Красная летопись» № 2/26.
«Красный архив», т. XXVIII.

«Пролетарская революция», №№ 6/77—7/78 и 8/79. Очередные 2 тома «П. Р.» посвящены, главным образом, 25-летию II с'езда РСДРП. В передовой статье № 6/77 т. М. Савельев совершенно правильно отмечает, что «период второго с'езда... имеет решающее значение для всего последующего развития нашей партийной истории». Дальнейшая аргументация автора идет по линии доказательств значения и роли второго с'езда в истории партии. Автор тщательно подбирает факты из области идеологической борьбы между революционным и оппортунистическим крылом партии еще до с'езда и на самом с'езде, доказывая, что в тогдашних исторических условиях «раскол» на II с'езде не был ни «неожиданным», ни случайным. К сожалению, из-за краткости статьи «исторические условия» т. М. Савельева, как он сам отмечает, перечислены лишь в общих «тезисных» формулировках.

В № 8/79 помещена большая статья Д. Кардашева—«К истории развития организационных идей В. И. Ленина». Автор весьма тщательно анализирует историю зарождения и развития раскола РСДРП на II с'езде во всех его перипетиях и отражениях этой истории на эволюции идей В. И. Ленина в области организационного строительства партии.

В том же номере И. Волковичер дает интересную справку о журнале «Заря» в свете взаимоотношений двух главных редакторов журнала—В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

В обеих рецензируемых книжках помещены воспоминания и материалы, касающиеся II с'езда. Из последних большую ценность представляет переписка «Искры» с местными организациями и представителями О. К., переписка «Искры» с «Южным рабочим» и новый документ «Доклад о II очередном с'езде и положении дел в партии», изданный Одесским комитетом РСДРП в 1904 г.

Из других статей в №№ 6/77—7/78 интересна работа С. Рабиновича о большевистских военных организациях в 1917 г.—главы из подготовляемой к печати его книги «Борьба за армию в 1917 г.», причем автор больше всего уделяет внимания организационным вопросам. Очень живо написан К. Еремеевым очерк «Буревестники» о подготовке к восстанию в Балтийском флоте в 1910—12 гг. Материалами для очерка послужили обвинительные акты и др. документы военно-морского суда, а также личные воспоминания участников событий.

Очень содержательна статья М. Гольденберг о ликвидаторах. Однако в ней недостаточно полно дан анализ складывавшихся новых капиталистических отношений в эпоху столыпинщины. Привлечь к этому анализу новые работы о финансовом капитализме в России более чем необходимо.

Хорошо написаны воспоминания Г. Котова «Партийная и советская работы в Уфе в 1918 г.»; он освещает ряд малоизвестных моментов из истории нашей борьбы с белыми в 1918 г. в этом районе.

Из более ранних периодов деятельности РСДРП, освещенных в рецензируемых книжках, интересен материал о социал-демократической газете «Новый день», издававшийся в 1909 г. во время дополнительных выборов в III государственную думу, и статья Г. Саар «Возникновение саратовской организации РСДРП» (№ 6/77—7/78).

В № 8/79 помещена статья П. Алексеенкова—«Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 г.». Автор подробно разбирает политику временного правительства по национальному вопросу и доказывает, что правительство Керенского не разрешило ни одного из противоречий, накопи-

шихся в Туркестане со времени Февральской революции, причем вся эта политика почти ничем не отличалась от старой колониальной политики царизма.

В рецензируемом номере Н. Сергиевский опубликовал статью «Плеханов и группа Благоева» (глава из подготовляемой к печати Истпартом ЦК книги того же автора—«Партия русских социал-демократов (группа Благоева)». Эту же тему освещает в своих воспоминаниях участник группы Благоева—В. Харитонов.

В связи с исполнившимся в августе текущего года десятилетием со дня организации компартии Финляндии публикуются тезисы, представляющие выдающийся интерес для ознакомления с финляндской революцией.

В обоих рецензируемых номерах журнала достаточно полно дан раздел критики и библиографии.

В номере 8/79 следует отметить серьезный критический обзор А. Панкратовой о 6-ом и 7-ом номерах нашего журнала.

«Каторга и ссылка»—«Историко-революционный вестник», №№ 6 (43) и 7 (44). В обоих томах «К. и С.» наиболее ценны материалы и статьи о Чернышевском и Бакунине. Первому посвящена значительная часть № 7 (44). После краткой передовой Б. Горева о Чернышевском—«политическом преступнике» идет ценное исследование С. Чернова—«К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли». Речь идет, главным образом, о «Замечаниях» Н. Г. Чернышевского на статью кн. П. Долгорукова, которая была принята редакцией «Современника», но не напечатана вследствие протеста П. Долгорукова по поводу «Замечаний» Н. Г. Чернышевского. Как самая статья, так и «Замечания» представляют большой научный интерес для всякого, занимающегося историей освобождения крестьян.

Также большую ценность для характеристики Н. Г. Чернышевского представляют его письма к П. Л. Лаврову за период август 1888 г.—январь 1889 г., три письма Н. Г. Чернышевского к Пекарскому за 1857 г. и несколько писем к Чернышевскому от арестованных студентов в 1861—1862 гг. Для характеристики отношений цензуры к Н. Г. Чернышевскому, в связи с его романом «Что делать», любопытны опубликованные в этом же № журнала отзывы цензора О. А. Пржецлавского об этом романе.

В обеих рецензируемых книжках «К. и С.» В. Полонским опубликована «Политическая исповедь» Бакунина, которая является не менее ценным документом для характеристики деятельности и воззрений Бакунина в эпоху 1848—1849 гг., чем известная исповедь Бакунина Николаю I. Излагать «Политическую исповедь» мы не имеем возможности и отсылаем к подлиннику. Следует лишь добавить, что с ее помощью может быть произведена историческая проверка «Исповеди», написанной в Петропавловской крепости.

В номере 6 (43) заканчивается живо написанная автобиография Г. Ф. Чернявской-Бохановской. В том же номере даны материалы о Горьком и тифлисской жандармерии, обработанные Эбергардтом Клейном. О. Лившиц в № 6 (43) печатает продолжение своей работы—«Подпольные типографии 60-х—80-х гг.». Там же известный в Крыму врач С. А. Никонов рассказывает об обстоятельствах первого покушения Е. А. Измайлович на адмирала Чухнина в Севастополе.

В связи с 25-летием в № 7 (44) Г. Г. Сушкин дал небольшой очерк всеобщей забастовки в Одессе в июле 1903 г. В этом очерке совершенно недостаточно освещена деятельность Одесского комитета партии РСДРП—главного организатора забастовки—и неправильно охарактеризована роль в ней известного зубатовца Шаевича, который, по существу, к этой забастовке не имел никакого прямого отношения. Точно так же в очерке преувеличена стихийность стачки.

Обычные отделы «К. и С.», посвященные тюремному и каторжному режиму царского правительства, а также ссылке и эмиграции и биографии скончавшихся революционеров представлены достаточно полно и интересно. То же самое следует сказать о библиографии и хронике рецензируемых номеров журнала.

«Красная летопись» № 2/26. 25-летний юбилей II с'езда партии отмечен в журнале двумя статьями прагматического характера: Ильина-Женевского — «Второй с'езд партии и петербургская с.-д. организация» и И. И. Егорова — «В рядах петербургских социал-демократов накануне II с'езда (воспоминания)». Большая же часть книжки посвящена революционному движению 1917—1919 гг. в Ленинграде и области. Любопытен материал в статье И.—Ж. А. — «Большевики в тюрьме Керенского», который дает справки о количестве арестованных, их социальном положении и самом тюремном режиме в период керенщины. В непосредственной связи с этим интересны воспоминания об июльских днях 1917 г. Т. Граф.

В разделе «История революционного движения в Ленинградской области» ценна работа А. П. Чулошникова—«Аграрное движение 1917 г. и земельные комитеты в Озерной области». Статья снабжена целым рядом архивных документов, характеризующих деятельность земельных комитетов этой области. Точно так же

много ценного материала имеется в работе В. Позднякова «О Ново-Ладожской организации большевиков 1918 г.» и, в частности, о комбедах в этом уезде.

В рецензируемом номере начаты печатанием очерки К. И. Шелавина— «Из истории петербургского комитета большевиков в 1918 г.», носящие характер изложения фактов.

Особое внимание Ленинградский Истпарт уделяет революционному движению на ленинградских заводах. В № 2/26 «Кр. Л.» помещены очерки, касающиеся 70-х — 80-х гг. на Трубочном заводе.

Начатая в предыдущих номерах статья Корбута «Страховые законы 1912 г. и их проведение в Петербурге» в рецензируемом номере закончена. Как эта, так и значительная часть других работ выполнены на основании разработки архивных данных. Судя по № 2 (26), «Красная летопись» выполняет с должной добросовестностью кропотливую работу по истории столь богатого революционными событиями Петербурга-Ленинграда, и необходимо высказать пожелание о желательности более частого выхода в свет книжек журнала и некоторого увеличения его об'ема.

«Красный архив», т. XXVIII. В предыдущем обзоре мы уже отмечали большую ценность начатых «К. А.» публикаций материалов под заголовком «Ставка и министерство иностранных дел». В рецензируемом номере опубликованы письма Кудашева и Базили за период сентябрь 1915 г.—июнь 1916 г.

В этом же номере помещено окончание «Журналов» Московской городской думы после Октябрьского восстания. Документы читаются с захватывающим интересом: картина разложения правых политических партий после Октября и их бессилие против революционных масс вырисовывается со страниц документа с поразительной яркостью.

Затем идут материалы о деятельности Временного правительства по подготовке Учредительного собрания и будущей конституции «Российской республики». Документы очень красочно отображают мечты и чаяния русской буржуазии перед Октябрем. Как расценивалось Юридическим совещанием при Временном правительстве Учредительное собрание, видно из следующей формулировки этого совещания: «Учредительное собрание исторически призвано к ликвидации великой революции, переживаемой Россией». Интересно отметить, что большинство членов Юридической комиссии высказалось за двухпалатную систему. Комиссия по вопросу о федерации приняла принцип автономии в кадетской трактовке—компетенция областных учреждений целиком зависит от центральной власти. «Российская республика,—говорит автор в предисловии к документам,— в мечтах к.-д. (преобладавших в Юридической комиссии), как две капли воды походила на III республику версальцев».

Ал. Гуковский продолжает публикации о Крыме в период 1918—19 гг. В т. XXVIII «К. А.» он публикует материалы осведомительных органов добровольческого командования в Крыму. Материалы дают характеристику различных сторон жизни Крыма в этот период. В них приводится множество фактов о конфликтах между добровольческой армией и крестьянством, причем иногда дело доходило до настоящих сражений, когда в ход пускались артиллерия и минометы, когда целые деревни сносились с лица земли. Много ценного в материалах и о рабочем движении, о профорганизациях и деятельности большевистского подполья в Крыму. Интересна также информация относительно настроений в рядах татарского и немецкого населения Крыма.

Б. Романов подготовил к печати «Журнал» военного совещания в Царском Селе 24 мая (ст. ст.) 1905 г. в связи с вопросом о заключении мира с Японией.

В продолжающихся печатанием материалах о перлюстрации писем департаментом полиции за 1908 г. историк найдет много ценных сведений об отношении различных партийных течений к столыпинской реформе, к государственной думе и пр.

В «Записной книжке архивиста» любопытен доклад помощника начальника развед. отд. начальника штаба Омского военного округа о состоявшемся в середине июля 1919 г. совещании представителей осведомительн. орг. колчаковских армий по вопросу об организации «осведомления и под'ема духа» среди белых войск на фронте и рабоче-крестьянских масс, а также о мерах к разложению «коммунистической армии».

А. Шестаков.

РЕЦЕНЗИИ

В. П. ВОЛГИН. История социалистических идей, часть первая. ГИЗ, 1928, стр. 299. **ЕГО-ЖЕ.** Предшественники современного социализма, часть первая, ИМЭ, 1928, стр. 309.

Обе книги предназначены служить учебным пособием по истории социализма для учащихся вузов. В первой из них дано связное, систематическое изложение истории социалистических идей от античной древности и до конца XVIII века, во второй приведены и снабжены об'яснениями отрывки из наиболее значительных произведений социалистической мысли этого же периода. Вторая книга дополняет и иллюстрирует первую, давая возможность на первоисточниках проверить характеристики и заключения автора. Значение первой из рецензируемых работ выходит, однако, за пределы первоначально поставленной автором задачи. «История социалистических идей»—не просто учебное пособие. Роль составителя обычного учебника сводится лишь к популярному, сжатому педагогически оправданному изложению твердо установленных предшествующими научными исследованиями взглядов и фактов; он лишь препарирует материал для наиболее легкого и эффективного усвоения.

Иначе обстоит дело в настоящем случае. Ни в одной области исторического знания не господствует, пожалуй, в такой мере личный вкус и произвол исследователя, как в истории социализма. Будучи до сих пор в большей мере уделом публицистов, чем историков, эта дисциплина не определила поныне с необходимой точностью ни основных употребляемых ею терминов—понятий, ни даже самого предмета исследования. Возьмите любое из распространенных пособий (научных, научно-популярных) по истории социализма и вас поразит обилие трактуемых в них не связанных с социализмом теорий: вы не найдете в большинстве этих работ ни достаточно отчетливой терминологии, ни ясного отграничения собственно социалистической идеологии от идейных систем, ей в том или ином смысле родственных, но по существу все же несоциалистических.

Сплошь и рядом книга, носящая название «истории социализма», в действительности представляет собой более или менее полную историю социальных систем вообще. Это обстоятельство вытекает из молодости данной дисциплины, отчасти же из причин, указываемых в рецензируемых работах: «В истории социалистические идеи возникают и развиваются в тесной идейной и социальной близости с учениями иного порядка, заимствуя у последних то свои аргументы, то частности своих идеальных построений, то, наконец, критическую оценку существующего строя». Само собой разумеется, что в научно-безупречном учебнике такого рода исторически-обусловленная связь с несоциалистическими идеями должна быть учтена возможно более полно и учащемуся следует дать надежный критерий для анализа. Лучшим средством ориентации в этой области нужно признать предварительное определение понятий, которыми оперирует автор. Эта задача превосходно выполнена В. П. Волгиным во введении к первой из рецензируемых книг. (Ист. соц. идей, стр. 5—28) Изложив новейшие данные о происхождении слова «социализма», автор переходит к анализу существующих в литературе определений этого понятия; вскрыв их ошибочность или недостаточность, он предлагает следующую формулировку: «Социализм есть такой общественный строй, в котором частная собственность на средства производства и обмена замена общественной; в котором установлена общественная организация труда при равном праве и равной обязанности всех принимать в нем участие; в котором отсутствуют классы и эксплоатация одних членов общества другими. Социалистическое учение есть учение, считающее необходимым осуществление такого общественного строя» (там же, стр. 12). Пространность этого определения нам представляется не недостатком, а достоинством; только в таком виде формула эта сможет служить действительным средством для отмежевания социализма от других социальных учений. Попутно с определением понятия «социализма» автор намечает четкую грань, отделяющую социализм от потребительского коммунизма и эгалитаризма. Введение в широкий обиход последнего понятия является специальной заслугой автора, это дает ему воз-

следствии при анализе систем огромное преимущество над теми, кто грань между эгалитарными и социалистическими учениями игнорируют или недостаточно замечает.

Этими определениями не исчерпывается, однако, содержание введения. В нем точно расшифровываются и весьма употребительные термины: «коммунизм» и «коллективизм». Автор сохраняет их в роли понятий видовых (родовое понятие—«социализм») и их квалификацию основывает, развивая мысль Маркса о двух последовательных стадиях в развитии коммунистического общества, каждой из которых присуща своя особая система распределения. «Коллективизмом» в соответствии с этим В. П. Волгин обозначает социалистическую систему, в которой сохранено еще денежное хозяйство, «коммунизмом»—высшую ступень развития, на которой элементы капитализма бесследно исчезли, где распределение основано на принципе—«всякому по потребностям».

В дальнейшем изложении автором производится квалификация социалистических систем в двух направлениях: 1) квалификация, имеющая «в своей основе те или иные признаки социализма, как строя общественных отношений, как положительной конституции» и 2) квалификация в соответствии с характером аргументации, с методами доказательства необходимости или желательности социализма. С точки зрения первого признака социалистические системы делятся или на социализм общинный, централистический и федералистический (принцип хозяйственной организации), на социализм авторитарный и анархизм (позиция в отношении государства). По второму признаку социализм делится на религиозный, рационалистический и исторический (научный).

Установив во введении принципы квалификации систем, автор переходит к изложению истории социализма; следует не упускать из виду, что в книге трактуется лишь история идей, а не движений, о социальных движениях в ней говорится лишь постольку, поскольку это необходимо для выявления идейных мотивов движения. Отсюда не следует, конечно, что в рецензируемой работе совершенно отсутствует исторический фон и, что теории подвергаются одному лишь логическому разбору,—нисколько. Каждому направлению в социализме или группе систем предпослана характеристика социально-экономической обстановки и идейной среды, их взрастившей. Эти вводные главы при всей их сжатости вполне достаточны для уяснения социально-классового фундамента того или другого идейного течения. С литературной точки зрения главы эти (впрочем как и вся книга) сделаны мастерски, нечего говорить о том, что все они вполне на уровне современного состояния исторического знания. Мы не вполне согласны лишь с характеристикой, даваемой автором хозяйственному и классовому строению греческого общества VI—IV вв.; нам кажется, что им допущено некоторое преувеличение роли и значения торгового капитала в хозяйственной жизни греческих общин. Порабощение свободного ремесленника и крестьянина торговцем, не было в действительности так велико, как это изображено в книге. Подавляющая часть дошедших до нас сведений о социальных движениях в греческом городе и деревне говорит о выступлениях масс против ростовщического капитала, т. е. против исторически более ранней формы капитала, чем капитал торговый. Именно это обстоятельство и об'ясняет, почему «... мы в массовых социальных движениях древней Греции не находим не только идей социализма или коммунизма, но даже последовательно проведенной уравнительности...». Если стать на точку зрения автора в оценке удельного веса торгового капитала в экономике греческих общин, то трудно будет об'яснить, почему при господстве домашнекапиталистической системы производства и распространения мануфактур, в среде ремесленного и рабочего люда не обнаруживаются столь естественные стремления, как стремления эгалитаристские и социалистические. Во всяком случае об'яснение тоже придется искать за пределами действия социальных факторов.

Перейдем к основной части книги—к разбору социалистических систем. Здесь автор стремится наметить закономерность в развитии социалистической идеологии. Его интересует каждая социалистическая система не только сама по себе, не только как любопытный памятник общественных настроений той или иной эпохи, он задается целью вскрыть и внутреннюю взаимосвязь идей и пути их развития в ряду общей эволюции человеческого общества. «История развития социалистических идей,—говорит автор,—есть история общественного самосознания человечества. Первые проблески этих идей связаны с возникновением общественных (классовых) противоречий, развитие первых идет в полном соответствии с ростом и обострением вторых. «Развитие денежного хозяйства и торгового капитала формирует из первоначальных элементов первые системы (разрядка наша—*С. К.*); развитие промышленного капитализма подводит под них прочный социальный фундамент и выковывает из них практическую программу непрерывно растущего, непрерывно усиливающегося общественного класса». Но социалистические теории возникнув на базе общественных противоречий, связанных с появлением и развитием денежного хозяйства,

при всем своем разнообразии разбиваются на два основных направления. Первое направление, основанное на теории естественного права, рационалистическое, творцами которого, по преимуществу, являются представители интеллигенции, другое—религиозное, в основном базирующееся на социальных идеях первоначального христианства и отражающее, как правило, чаяния и стремления народных низов. Обе эти тенденции существуют самостоятельно и одновременно, часто влияют друг на друга, заимствуют одна у другой детали аргументации и конструктации, а иногда под влиянием высокого под'ема общественного движения (английская революция) даже сливаются как бы в едином потоке. Примером такого слияния обоих социалистических направлений может служить замечательное произведение Уинстенли «Закон свободы».

Рационалистический социализм представлен в истории рядом выдающихся литературных произведений («Государство»—Платона, «Утопия»—Мора и т. д.), но наивысшего расцвета это направление достигает в социализме XVIII в., когда социалистические теории получают «законченный вид определенного учения об обществе и его судьбах». Этой разновидности социализма чужд исторический подход к решению социальной проблемы (естественное следствие исторической незрелости и несвоевременности социалистичских устремлений), социалисты обосновывают свой социалистический идеал, исходя из нескольких отвлеченных идей о сущности человеческой природы.

Как уже отмечалось выше, рационалистическому социализму автор противопоставляет комплекс социальных идей, связанных с первоначальным христианством. Возникнув как протест социально-обездоленных слоев иудейского народа, христианство вскоре сделалось идеологией не только иудейской бедноты, но и демократических низов всех народностей, входивших в состав римской империи. Дальнейшая эволюция христианства приводила ко все большему и большему забвению его первоначальных социальных принципов, деятели церкви вступили в союз с имущими классами и превратили церковную организацию в аппарат эксплоатации и закабаления масс. Тем не менее, социальная программа первоначального христианства не подвергалась окончательному забвению, и подавляющее большинство народных движений в эпоху средневековья и реформации заимствует свое идейное оружие из арсенала первоначально-христианской политики и морали. Основные черты этого направления в социализме таковы: обычный его идеал— мелкая коммунистическая община, где осуществлен коммунизм потребления; ему свойственно отрицательное, анархистское отношение к государственной власти; он предпочитает мирные средства преобразования общества. Религиозно-философские основы его довольно пестры, но все же в основном он либо дуалистическое (мир взаимодействия двух начал: материального—зла и духовного—добра), либо пантеистическое; оба эти мировоззрения обычно пронизаны еще и хилиастическими чаяниями. «Христианский коммунизм в XVI веке доживает последнюю главу своей истории».

Содержание рецензируемых книг не ограничивается одним логическим разбором систем, в них устанавливается классовая природа теорий. Вот эта-то квалификация по классовому признаку уже вызывала и, очевидно, вызовет в будущем наибольшее число возражений. Ополчаются, главным образом, против характеристики рационалистического социализма, как социализма интеллигентского, но нужно прямо сказать, некоторые из возражений основаны на явном недоразумений. Упрек, сводящийся к тому, что такое определение (интеллигентский социализм) лишает социалистические теории классового характера, совершенно необоснован. Он был бы верен, лишь в том случае, если бы автор, наряду с этим признавал бы над- или внеклассовый характер интеллигенции, как социального слоя, этого же в действительности нет; автор неизменно устанавливает ее (интеллигенции) классовое происхождение, симпатии и связи. Остается второе возражение: понятие интеллигентский социализм все же предполагает существование некой более или менее самостоятельной, более или менее единой, связанной общими экономическими, правовыми и профессиональными интересами интеллигенции—единой в смысле социально-классовом, короче говоря, недифференцированной еще по классовым связям группы. Что интеллигенция в эпоху развитого капитализма не составляет такого слоя, в этом не сомневается ни один марксист, но так ли обстояло в этом отношении дело на заре капитализма? Нам представляется, что для эпохи, идеологические продукты которой мы изучаем (читатель должен иметь в виду, что речь идет о социалистических системах до промышленного переворота, следовательно, мы говорим о классовом расслоении общества в эпоху торгового капитализма), такое интегральное понятие интеллигенции вполне соответствует исторической истине.

В самом деле, эпоха торгового капитализма характерна деформацией и разложением феодальных отношений и классов и конституированием капиталистического общества в смысле техниче-

ском, экономическом и социально-классовом. В этом хаосе процессы классовой кристаллизации протекают довольно медленно, обломки старого крепкого цепляются за жизнь, новые формы складываются в результате медленных изменений и преобразований. Все более и более развивающееся на базе роста новых производительных сил общественное разделение труда и отделение труда умственного от труда физического приводит к образованию нового социального слоя—умственных работников. Персонально слой этот вербуется из обломков самых различных общественных групп, преимущественно же из рядов мелкопоместного дворянства, (что особенно характерно для России) и городского бюргерства; образуется он еще задолго до того, как совокупное общественное производство в состоянии поглотить эту массу предлагаемого умственного труда (здесь налицо полная аналогия с процессом образования пролетариата: число освобождающихся от собственности ремесленников и крестьян далеко превосходит потребности растущей промышленности). Указанное обстоятельство надолго задерживает процесс классовой дифференциации интеллигенции и, в частности, процесс ее обуржуазивания, в ее среде продолжают жить разнообразные классовые влияния, но вместе с тем, и именно потому, чрезвычайную роль в определении общественной физиономии интеллигенции приобретают узко профессиональные, групповые черты, не затемняемые пока более повелительными приказами классового интереса. Отсюда и характерная для интеллигенции этого периода «независимость», свободолюбие и активное участие в освободительных движениях. Этим же и об'ясняется тот повышенный интерес к рационализации общественного строя, который выразился в создании длинного ряда утопических систем. Чтобы убедиться, что именно такова общественная физиономия авторов утопий (Мор, Кампанелла, Морелли и др.), достаточно лишь обратить внимание на ту исключительную роль, какую они отводят представителям умственного труда в идеальном обществе. Повсюду в этих утопиях интеллигенция — организатор производства, воспитатель новых поколений, хранитель культурных традиций, ей же, наконец, в огромном числе случаев принадлежит фактически и верховная власть.

В дополнение к сказанному отметим, что в позднейших социалистических системах, созданных другими поколениями, интеллигенция (напр., сенсимонисты), роль организаторов будущего общества уже принадлежала в основном банкирам и промышленникам.

Все сказанное выше о принципах построения и содержания учебника относится в равной мере и к хрестоматии, составленной параллельно и в дополнение к нему. Непонятно только, почему в хрестоматии совершенно опущен отдел «коммунистического течения в эпоху реформации», этот пробел мы полагаем, следовало бы заполнить при повторном издании.

Хотелось бы отметить попутно исключительную тщательность составления этого пособия, выгодно отличающегося от обычных, столь распространенных в наше время хрестоматий. Переводы, как правило, безукоризненны, отрывки подобраны с полным учетом своеобразия каждого автора, вводные главы, при всей их максимальной сжатости, достаточно ориентируют читателя. Русский читатель, не владеющий языками, по этой книге, впервые получит возможность познакомиться в подлиннике с такими социалистами, как Уинстенли, Корнелис, Беллерс, Бауссель, Стенс, Голл и т. д. Большую пользу принесет лицам, начинающим изучение истории социализма, прилагаемая в конце книги, умело составленная и аннотированная библиография.

Подведем итоги. Появление в свет рецензируемых книг ставит преподавание истории социализма на твердые научные основания и дает интересную, научноценную концепцию развития социалистических теорий. Чрезвычайно важной и плодотворной представляется нам также попытка автора внести систему в понятия и термины, употребляемые в этой отрасли знаний. Успех этим превосходным книгам обеспечен. Нам остается лишь пожелать скорейшего появления в свет второй части.

С. Красный

BELLONI, GEORGES. Le Comité de Sûreté Générale de la Convention Nationale. Paris, 1924. 620 стр.

Комитету общественного спасения и его работе посвящено свыше 20-ти томов оларовского издания, где тщательно собраны не только протоколы заседаний Комитета, но и его переписка с народными представителями в миссии.

Иначе обстоит дело с другим «правительственным Комитетом» той эпохи—с Комитетом общественной безопасности, осуществлявшем вместе с первым диктатуру мелкой буржуазии в наиболее острый период Великой французской революции. Если не считать статьи Guillaume во II серии его Etudes révolutionnaires («Le personnel du Comité de Sûreté Génerale»), то сведения о деятельности Комитета можно найти лишь в общих работах по Великой революции. Поэтому понятно, что книга Belloni, специально посвященная Комитету общественной безопасности и охватывающая

весь период его деятельности (с 2/X 1792 г. по брюмер IV-го года), должна остановить на себе внимание всех, кто интересуется «революционным правительством» и его органами.

Однако, внимательный просмотр книги Беллони вызывает полное разочарование.

На 600 страницах этого об'емистого труда мы не находим почти ничего нового. Книга разбита на 8 отделов: (1. Les origines du Comité, 2. Composition, organisation intérieure et fonctionnement du Comité, 3. Activité du Comité en général, 4. Activité du Comité contre les ennemis intérieurs, 5. Les principaux auxiliaires du Comité, 6. Arrestations et mises en liberté, 7. La police à Paris, 8. Le Comité et les prisons),—Belloni в каждом отделе либо отводит много места техническим, мало интересным деталям, относящимся к внешней стороне деятельности Комитета, либо же останавливается на общеизвестных событиях, перенося на страницы своей книги или оларовское освещение их, или даже уходя далеко вправо. Так, причиной 9-го термидора для Беллони является «личная политика Робеспьера» (стр. 213); прериальские казни II года—«роковым результатом диктатуры Робеспьера» (стр. 438); по мнению Беллони, «Олар доказал, что убийцей Дантона был Робеспьер—что бы ни говорили Луи-Блан, Амель и Матьез» (стр. 418); для Беллони переворот 9-го термидора, открывший дорогу реакции, лишь освободил Комитет общественной безопасности от подчинения Комитету общественного спасения и этим дал ему возможность более прямым путем служить «торжеству Республики» (стр. 608).

Вопросы о причинах разногласий внутри Комитетов накануне 9-го термидора, о социальном составе арестованных и выпущенных на свободу заключенных, (а их списки были в руках у Беллони см. разд. VI книги)—даже не ставятся автором монографии. Беллони скользит по верхам событий, не уделяя достаточного внимания ни одному из них и даже не пытаясь дать их классовый анализ. Поэтому, хотя его книга и написана на основании разработки архивных документов (серии AFII*, F7 и F7* Archives Nationales и часть департаментских архивов), она мало что даст русскому читателю. Из всех разделов книги несколько более интересным является второй, трактующий о составе и внутренней организации Комитета. Здесь даются подробные сведения о личном составе Комитета за весь период его существования, характеризующие зимой и весной 1792/93 г.—борьбу между жирондистами и монтаньярами, а осенью 1793 года кампанию против «pourris», проведенную в Конвенте; здесь излагается план работы и внутренней организации, принятые Комитетом общественной безопасности в сентябре 93 года, после того, как террор был поставлен в порядок дня и издан декрет «о подозрительных»; здесь же описывается лихорадочная работа Комитета зимой 93—94 года в эпоху наивысшего напряжения террора, когда членам Комитета приходилось ежедневно устраивать заседания, длившиеся далеко за полночь.

Что же касается V-го раздела, говорящего о деятельности гражданских и революционных Комитетов парижских секций, то здесь не дается ничего нового по сравнению с давно уже вышедшей книгой Mellié «Les sections de Paris».

Подлинных и неопубликованных еще документов в книге приведено чрезвычайно мало.

Н. Фрейберг.

А. ВОЛЬСКИЙ. История мексиканских Революций. ГИЗ, М.-Л., 1928 г., стр. 209.

Русская литература по истории Мексики крайне скудна. Недавно изданные яркие красочные очерки покойного Джона Рида несколько приподняли завесу над этой мало известной страной, познакомив читателя с крестьянским движением Виллы. Тем более надо приветствовать книгу, написанную по испанским источникам автором, который подобно Дж. Риду, непосредственно знаком с жизнью Мексики (см. разговор автора с генералом Агиларом, стр. 155).

Хотя первоначальным намерением автора, судя по заглавию книги, было написать историю мексиканских революций, но стремясь естественно придать книге законченный вид, автор посвятил несколько вступительных глав географии, древней истории (империя Ацтеков) Мексики, ее завоеванию Испанией, так что быть может, против воли самого автора получилась краткая история Мексики. Это обстоятельство не могло не повредить содержанию первых глав, отличающихся схематичностью и страдающих от чрезмерного упрощения. Так, описывая социальный строй Испании, автор благополучно миновал испанский город и городское движение; анализируя первые революционные движения в Мексике, не выясняет, как проникли в Мексику «якобинские идеи» и в каких организациях нашли они распространение (впоследствии, мельком автор говорит о масонских ложах). Совершенно опущена характеристика периода 20-х, 40-х гг. XIX столетия, начиная с диктатуры Августина Итурбиде и кончая президентством Санта-Анны. Непонятно почему автор считает провозглашение доктрины Монроэ началом американского империализма, — колониальная экспан-

сия Северо-американских соединенных штатов вовсе не носила в то время империалистического характера. Много неясностей и в анализе мексиканской буржуазии. Как бы ни была слаба, по мнению автора, мексиканская торговая буржуазия, ее социальную и политическую позицию необходимо указать. Нет экономической мотивировки эволюции мелкой буржуазии: в эпоху президентства Диаца, она, по словам автора, разложилась, почему же потом от нее отслоилась оппозиционная группа? Неясна социальная подоплека партии «ученых», равным образом мало мотивировано, лишь констатировано появление группы крупных либерально-настроенных помещиков. Наиболее разработаны, конечно, главы, посвященные революционным движениям, в особенности, начиная с эпохи империализма. Хорошо изложена история крестьянского и рабочего движения, хотя и здесь встречаются некоторые погрешности: следовало бы уточнить взаимоотношения отдельных слоев крестьянства, бегло очерченных во вступительной главе; неясна окончательная судьба законистов и виллистов.

Глава, посвященная политике группы Обрегона-Койесы, разумеется, после событий 1927—28 года будет пересмотрена и дополнена в новом издании. И все же, несмотря на эти недостатки, книга должна быть признана полезной для широкого круга читателей. Основная мысль автора, красной нитью проходящая в последних главах книги—«главной слабостью мексиканской революции являлось отсутствие единого рабоче-крестьянского фронта»,— аргументирована обстоятельно и убедительно.

А. Васютинский

М. ЦВИБАК. Рожков—историк. Издание Саку. Ташкент. 1927 г., стр. 24.

Вопросы русской историографии еще мало разработаны в марксистской литературе. Поэтому нельзя не приветствовать небольшую по размерам, но насыщенную большим содержанием брошюру М. Цвибака о Рожкове.

Примыкая в основном к трактовке, данной Рожкову М. Н. Покровским в заключительной главе «Борьба классов в русской исторической литературе», работа М. Цвибака содержит ряд интересных мыслей, к сожалению, зачастую неразвернутых в силу небольшого размера. Брошюра разделена на главы, посвященные: 1-я общей оценке Н. А. Рожкова, 2-я—теоретическим взглядам Рожкова и 3-я—историческим работам Рожкова и анализу социальных корней «рожковщины».

М. Цвибак правильно, на наш взгляд, отмежевывается от взгляда М. В. Нечкиной на Рожкова, как «видного теоретика марксизма» [1].

Такая оценка М. В. Нечкиной органически вытекала из самого подхода ее к теме. Центр тяжести в марксизме для М. В. Нечкиной лежал в приоритете экономики над политикой, теория классовой борьбы затрагивалась ею лишь мимоходом, а зачастую совершенно выпадала. Поэтому у Нечкиной наряду с Лениным, Покровским, Рожковым, фигурируют, в качестве марксистов, Струве и Туган-Барановский. Ту же позицию, что и в 1923 г., заняла М. В. Нечкина и в 1928 году, когда в рецензии на данную работу М. Цвибака писала, что «М. Цвибак развязно утверждает, что Рожков пришел к марксизму не в 90-х годах минувшего века, а гораздо позже» [2]. Основанием для такого утверждения послужило свидетельство самого Н. А. Рожкова, писавшего и в своей автобиографии (Каторга и Ссылка 1927 г., кн. 32) и в воспоминаниях о 1905 годе (Н. Рожков, А. Соколов. О 1905 годе. М. 1926), что марксистом сделало его специальное исследование о сельском хозяйстве в Московской Руси XVI века.

Против этого взгляда совершенно правильно выступил М. Цвибак, указывая, что «исследование Рожкова было начато и кончено, как типичное историко-экономическое исследование 90-х годов, в этом смысле оно ничем не отличается ни от «Государственного хозяйства» Милюкова, ни от «Прямого обложения» Лаппо-Данилевского» (стр. 10).

Другое также совершенно правильное положение М. Цвибака—«Н. А. не был типичным легальным марксистом, наоборот, во время марксистской весны Петра Струве, он еще не подходил к марксизму, а когда «марксизм» Струве уже отцвел, Н. А. только стал ориентироваться в сторону марксизма. Тем не менее Н. А. Рожкова можно признать принадлежащим к своеобразной небольшой группе, если хотите, легальных марксистов» (стр. 4),—следовало бы подробнее развить и аргументировать. Выдвинутое же в такой форме оно остается догматичным.

Между тем, его легко было бы подкрепить ссылками на социологические статьи Рожкова из «Образования» и «Мира Божьего».

Признание в марксизме только принципа зависимости политики от экономики, отказ от теории классовой борьбы, отказ от его «практических выводов»—все это типичные черты «легального

[1] Русская история в освещении экономического материализма, Казань, 1923, стр. 36

[2] Печать и Революция 1927, № 1, стр. 146.

марксизма»; специфически рожковским можно признать только его трактовку взаимозависимости экономики и идеологии,—трактовка, толкнувшая его к созданию теории «психических типов»[1].

К сожалению, М. Цвибак не анализирует исторических работ Н. А. Рожкова начала XX в., работ, которые носят тот же «легально-марксистский» характер,—работ, по которым чрезвычайно удобно проследить претворение теоретических взглядов Рожкова в историческое построение («Город и деревня в русской истории», «Развитие экономических и социальных отношений в России XIX в.», «Денежное хозяйство и формы землевладения в новой России» и т. д.). Анализируя их, можно вскрыть выведение зависимости политики от экономики, причем вне связи с классовой борьбой, смазывание классовых противоречий (движение декабристов носит «подражательный» и «утопический» характер, в XVIII и XIX вв. «нельзя подметить никакой особенной борьбы, никакого противоречия между городским строем и деревенским бытом: общая гармония и единство выражены достаточно ясно»—Город и деревня), трактовку государства, как организации, выполняющей функции «общего блага».

Перейдем теперь к центральному положению, выдвинутому М. Цвибаком—«Еще в 90-е годы... в Н. А. ярко были видны два, мало связанные между собой, круга идей. В одном из них историк-исследователь, талантливый, рано зарекомендовавший себя в печати, плоть от плоти академической науки в ее определенной школе. Таков Н. А., автор ряда исторических статей, напечатанных в профессорском журнале министерства народного просвещения. В конце 90-х годов в Н. А. выявляется другой круг мыслей, чрезвычайно малосвязанный с первым; он, вероятно, подготовлялся еще раньше, но выявился только в самом конце 90-х и начале 900-х годов, в т. н. толстых журналах. Тут мы видим Рожкова-публициста, радикально-демократического толка, не всегда передового, скорее популяризатора, чем самостоятельного мыслителя. К этому, в 1904—05 гг. присоединяется еще третий круг, навеянный революционным под'емом, приведшим Н. А., хотя и не надолго, в большевистскую партию. Школа Ключевского, радикальная публицистика с популяризацией юридического позитивизма и, наконец, марксизм и большевизм—три элемента, так и не переборовшие друг друга в системе взглядов Рожкова. Механическая связь их—основа эклектизма Рожкова» (стр. 7—8).

М. Цвибаку следовало бы вскрыть тот путь, который привел Рожкова от буржуазного демократизма к большевизму. Тогда можно было бы указать, что платформа Рожкова, сближавшая его с большевизмом, по существу была принципиально отличной от революционно-марксистской формулировки. В связи с этим М. Цвибак выдвигает одно интересное, но крайне спорное положение.

«Переход Н. А. Рожкова к марксизму произошел оторванно от историко-исследовательской работы, под влиянием революционного под'ема 1905 года. Одна сторона его социалистической идеологии вскрывает путь, приведший критического позитивиста к социализму. Не экономика и анализ классовой структуры общества привели Н. А. к социализму. Его социализм индивидуален и вытекает из начисто мелкобуржуазной теории эволюции психических типов. Эта теория зародилась еще в критико-позитивистические годы Рожкова, ей он оставался верен, будучи большевиком, ею же он закончил свой двенадцатый том, появившийся не больше, чем за год до смерти Н. А.» (стр. 11).

Теория эволюции психических типов действительно «зародилась» еще в критико-позитивистические годы Рожкова, т.-е. в конце XIX и начале XX вв., но значение ее, как этапа в развитии мировоззрения Рожкова, несколько иное, чем то, какое ей приписывает М. Цвибак.

Теория эволюции психических типов была данью, отданной Рожковым, как он говорил—«психологическому направлению» или, переводя на наши термины, идеализму в истории. Психологическое направление так же, как и марксизм, по Рожкову стремится «об'яснить всю историю из одного принципа, указать между отдельными эволюционными историческими процессами один основной, сильнее всех и даже исключительно воздействующий причинно на все остальные процессы». В попытке Тэна психологически истолковать исторический процесс Рожков, однако, видит «несоответствие результатов поставленной задаче», вытекающее «из несовершенств метода» Тэна, в силу чего необходимо сделать в методе «известные поправки». Эти поправки и должна внести «научная классификация человеческих характеров или типов», которая дает возможность построить «историческую эволюцию» таких типов и установить «причинную связь ее моментов с другими эволюционными процессами». «Тогда надо думать,—писал Рожков,—выяснится, какой из эволюционных процессов в общественной жизни человечества наименее подвержен причинному воздействию со стороны других эволюционных процессов.

---

[1] Срвн. Успехи современной социологии в их соотношении с историей. «Образование» 1898—XII. Несколько спорных социологических вопросов — «Образование» 1899—III.

Я лично убежден, что, по некоторым признакам, в таком положении окажется психологический эволюционный процесс»[1]. Отсюда и вытекла попытка Рожкова создать, в основном на материале литературных образов, классификацию человеческих типов («Психология характера и социология»—Исторические и социологические очерки, ч. 1), приложить ее к реальным историческим личностям (протопоп Аввакум—рецензия на книгу Бороздина «Протопоп Аввакум»—«Жизнь» 1900—XII, Лассаль «Этический индивидуализм»—«Образование» 1901—78, Ламеннэ—рецензия на книгу Котляревского «Ламеннэ и новейший карлицизм»—«Правда» 1904—V) и, наконец, дать первый абрис «эволюции психических типов» в «Обзоре русской истории с социологической точки зрения» («Мир Божий», 1903—1904 гг.).

Правда, в процессе работы над «теорией психических типов» у Рожкова целевая установка видоизменилась. Безнадежность попытки поставить историю на голову, вывести экономику из психологии при посредстве «теории психических типов» заставили Рожкова уже в 1903 г. в «Обзоре русской истории с социологической точки зрения» подчинить идеологию, правда механически, не расчленяя ее по классовым группировкам, а также и «эволюцию психических типов»—экономике. Такой же «надстройкой», но уже разбитой по классовым этажам, является эволюция психических типов в «Русской истории с сравнительно исторической точки зрения». При таком значении теории «эволюции психических типов» в развитии мировоззрения Рожкова, более чем странным кажется утверждение М. Цвибака,—«от стремления об'яснить эволюцию психологии общества, Рожков подошел к социализму и марксизму» (стр. 13). Не помогает ему и искусственно притянутая цитата из XII тома Рожковской истории.

Где же, однако, тот путь, который привел Рожкова к марксизму и большевизму в 1905 году?

Прекрасный материал в этом отношении дают совершенно не использованные М. Цвибаком рожковские «Воспоминания о 1905 годе». Вступив в 1905 год, как буржуазный демократ, начав ее участием в том движении, которое метко названо М. Н. Покровским «бунтом просветительных обществ», он закончил его как большевик участием на партийном конспиративном собрании в Твери[2]. В процессе развертывания революции Рожков последовательно левел. Революционный под'ем и рабочие массы,—вот та движущая сила, которая толкнула Рожкова к большевикам. Организационная связь с ними была облегчена знакомством Рожкова с 1903 года с А. Богдановым и И. Степановым-Скворцовым, и Рожков весной 1905 года вступает в партию по предложению Шанцера[1].

«Теория психических типов» таким образом к процессу эволюции Рожкова к марксизму и большевизму не имеет ни малейшего отношения.

«Теория психических типов» Рожкова служит для М. Цвибака—и на этот раз более удачно—также и для характеристики социальных корней «рожковщины». «Теория психических типов» характеризуется им как мелко-буржуазная теория (стр. 11). Доказательству же мелкобуржуазных корней «рожковщины» посвящен и разбор экономического анализа у Рожкова («чисто техническая постановка анализа экономических явлений» стр. 15) и разбор социологии Рожкова (отсутствие диалектики, стр. 16—17). Присоединяясь ко всем этим правильным, на наш взгляд положениям, укажем, что общее положение о мелкобуржуазных корнях «рожковщины» надо было связать с разбросанными в разных местах у М. Цвибака замечаниями о политической деятельности Рожкова.

М. Цвибак сближает Рожкова с Богдановым,—сближение, собственно говоря, уже не новое (Горбачев—«Капитализм и русская литература»—этюд о М. Горьком).

Эту характеристику Рожкова периода революции 1905 года, следовало на наш взгляд, углубить и расширить анализом Рожкова периодов ликвидаторства (1910—1914 гг.), оборончества (1914—1916 гг.)[2] и меньшевизма (1917—1921 гг.), следовало, наконец, вскрыть политическую физиономию Рожкова последнего периода (хороший материал дает XII т. «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», частично подвергнутый анализу в рецензиях М. Н. Покровского в «Большевике» и П. О. Горина в «Историке-марксисте»).

---

[1] Успехи современной социологии в ее соотношении с историей и несколько спорных социологических вопросов.

[2] Русская история в старом очерке, ч. III, стр. 110. Воспоминания о 1905 годе, стр. 28.

[1] Воспоминания о 1905 годе, стр. 10—15. М. Цвибак неправильно указывает 1904 год.

[2] Неверным является утверждение Б. И. Горева об анти-антантовской, резко противоречившей «позиции русского с. д. оборончества», тенденции Рожкова в его сибирский период. См. статьи Рожкова в «Современном Мире» за 1914 и 1915 гг., где Рожков занимает позицию оборончества, правда, как он сам пишет, «позицию чистой обороны, без завоеваний (аннексий)».

Все это дало бы прекрасный материал для подтверждения положения В. И. Ленина, что «переход от либерализма к марксизму, и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход—специфическая особенность России конца XIX и начала XX века».

В период революции 1905 года Рожков был крупным революционером (аналогично и А. Богданов), в феврале—июле 1917 года Рожков—проводник буржуазного влияния на пролетариат и стоит за соглашение Советов с Временным Правительством, в Октябре 1917 г. и далее Рожков играет на руку реакции.

Следовало бы проделать чрезвычайно интересную работу: проследить зависимость исторических построений Рожкова от эволюции его политических взглядов (аналогично той, какую проделал М. Н. Покровский относительно эволюции своих исторических взглядов в «Ответе т. Рубинштейну»). Бесспорным, на наш взгляд, является, например, тот факт, что на годы большевизма Рожкова (1905—1908 гг.) падает его наибольшее приближение к ортодоксальному марксизму. В таких работах его, как «Дифференциация либеральной буржуазии», «Текущий момент» (Сборник «Текущий момент» 1906 г.), «Судьбы русской революции» (1907 г.) мы имеем четкий, марксистский анализ. «Теория психических типов» совершенно не появляется в эти годы в построениях Рожкова.

Бесспорно также, что в годы «академизма» Рожкова (1895—1898 гг.), Рожков находится «в плену» у наиболее правой в то время исторической школы—«юридической школы» («Очерки юридического быта по «Русской Правде»).

Бесспорно и то, что в годы «легального марксизма» Рожкова, в годы его связи с земцами (чтение лекций на учительских земских курсах), в годы его связи с буржуазно-демократическим движением (1900—1904 гг.) мы имеем выведение политики из экономики, отсутствие анализа классовых противоречий, трактовку государства, как надклассовой организации.

В период ликвидаторства у Рожкова опять намечается тяга к «академическим» темам («Народное хозяйство в России в XVI в.»,—Книга для чтения по истории нового времени, т. I 1910 г.), опять вытаскивается «теория психических типов» («Император Александр I»—«Совр. Мир»—1910—XI).

И, наконец, в 12-томнике, отошедший от политической деятельности Рожков собирает весь обширный исторический багаж, накопленный им за 30 лет работы «на ниве» русской истории. Тут мы найдем и клятвы заветами «учителя»—Маркса (Предисловие к I тому), и одновременно «теорию психических типов», и самозакрепощение дворянства, и раскрепощение его государством и т. д., и т. д.

Если бы эта работа была проделана М. Цвибаком и развитие исторических взглядов Рожкова было бы вытянуто параллельно политической эволюции Рожкова и затем устойчивые элементы исторических построений Рожкова были бы фиксированы, как «рожковщина», то более убедительной звучала бы оценка М. Цвибаком системы взглядов Рожкова—«Они по существу не совпадают с марксизмом. Его экономика, анализ социальных отношений, взаимоотношений базиса и надстроек, учение о государстве, индивидуалистическая теория психологических типов, представляют собой своеобразную систему ревизионистской эклектики, характерной своим отсутствием диалектики и отличающейся от революционного марксизма тем, что в ней «идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы» (стр. 22)[1].

Чрезвычайно любопытной представляется попытка М. Цвибака выяснить отношение Рожкова-историка к передовым течениям буржуазно-исторической науки. М. Цвибак приводит несколько примеров,—и их можно было бы умножить,—доказывающих, что как историк Рожков по существу остановился на школе Ключевского, не учтя результатов новейшей буржуазной историографии.

Неверным является указание М. Цвибака, что проблема влияния сельского хозяйства на общественный и государственный строй в XVI в. не была Рожковым «затронута» (стр. 10). Не была «затронута» она Рожковым в работе «Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI в.», но зато ей Рожков посвятил специальную статью «Сельское хоз-во Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени» («Мир Божий» 1900—XVI).

Достоинство брошюры М. Цвибака заключается в марксистской постановке вопроса о Рожкове как историке. Автор решительно отмежевывается от попыток выставить Рожкова ортодоксальным марксистом. Нельзя не присоединиться к заключительной части брошюры—«Ни «рожковщина», ни «плехановщина» не

---

[1] Срвн. политическую позицию Рожкова в годы войны, позицию сотрудничества с буржуазией (оборончество), в период февраля—июля (товарищ м-ра почт и телеграфов), наконец в 1925 году. «Мыслимо в будущем распространение избирательных прав и на ту новую буржуазию, которая на деле, при развитии практики концессионного права, явится силой, содействующей социалистическому хозяйственному строительству»—XII т. Русской истории, стр. 330.

могут, конечно, стать хозяевами ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня, но они могут и становятся и сегодня, и завтра основными противниками революционного марксизма в нашей исторической литературе. Преодоление их и решительная борьба с их просачиванием—задача нашей марксистской историографии».

Большое количество затронутых вопросов в небольшей работе, естественно, привели к тому, что ряд вопросов остался мало разработанным, ряд положений остался не раскрытым.

Н. Степанов.

Г. ЛАДОХА.—Разинщина и пугачевщина. Стр. 72, ГИЗ, 1928, ц. 20 к.

Повышенный интерес к изучению крестьянских революционных движений России в XVII—XVIII вв., получил наиболее полное свое оформление, главным образом, в отношении пугачевщины, ставшей за последние годы предметом многих, хотя и небольших, по об'ему, исторических работ. Выход в свет первого тома пугачевских документов, дальнейшая публикация которых, кстати сказать, оборвалась вот уже на целых два года, содействовал этому в немалой, кажется, степени. Но в основном здесь дала себя чувствовать не столько публикация новых, сколько переоценка старых материалов о пугачевщине. Пугачевщина, как наиболее зрелое и могучее крестьянское восстание, дворянско-буржуазной концепцией старой исторической школы было затемнено насколько это было возможно, и, вульгаризированная до последних пределов научной недобросовестности, пугачевщина была потоплена в мутной воде «стихийного бунта», и пресловутого крестьянского террора. Реакция была неизбежна и необходима. Переоценка ценностей в пугачевщине далеко еще не закончена. В марксистском лагере она началась с легкой руки М. Н. Покровского, пересмотревшего весьма радикально старое свое отношение к пугачевщине. Оставшаяся незаконченной работа Г. Меерсона (в «Вестн. Комм. Акад.», кн. 13, 1926 г.) и ответная на нее статья С. Томсинского, опубликованная в «Историке-Марксисте» (№ 6, 1927), показывают, насколько спорными остаются еще многие вопросы пугачевщины. Но уже сейчас пугачевщина сделалась «модной темой», и для некоторых—в худшем смысле этого слова. Такой она пока что остается в театре (Тренев) и литературе (Есенин), такой же, если не хуже, бессмысленно героической и сусальной подана она в путанной и фиглярствующей, написанной заумным языком, книжке Н. Чужака («Правда о Пугачеве»), получившей уже достойную отповедь в рецензии М. Н. Покровского (см. «Ист. Маркс.». № 3, 1927). Вместе с этим, однако, мы имеем уже попытки продвинуть пугачевщину в массы.

Рецензируемые книжки, особенно вторая из них, делают первый почин в этой несомненно важной области. Начнем с книжечки Ладохи, задавшегося целью популяризировать не только пугачевщину, но и разинщину. Историческая аналогия между двумя, в очень многом сходными, восстаниями XVII и XVIII столетий в соответствующей литературе была использована уже неоднократно. Больше того, на эту тему написаны переиздавшиеся по нескольку раз книжки проф. Н. Н. Фирсова, а в 1923 г. вышла под тем же названием и книжка М. Я. Феноменова, (в изд. «Н. Москва»). Книжечка Ладохи, свободная от основных дефектов психологических и всяких иных немарксистских, то есть идеалистических в конечном итоге, конструкций упомянутых авторов, заслуживает тем не менее серьезных упреков. Прежде всего в части языка, стиля, который далеко не подстать массовому, низовому читателю. Что же касается содержания, то здесь автору можно поставить в вину целый ряд неосторожных эпитетов и выражений, непродуманных формулировок, неверных выводов. Бросается в глаза с самого же начала вольное обращение автора с существительным «революция», которым он явно злоупотребляет, идя, впрочем, по стопам своих предшественников.

В своем анализе разинщины, автор, несмотря на отсутствие единства в определениях социологической природы восстания, остается все же на высоте, довольно удачно оттеняя при этом некоторые штрихи (своеобразный коммунизм разинцев, подлаживанье Разина под монархическую идеологию крестьянских низов и т. п.). Но совершенно ошеломляет, зато, конечный вывод Ладохи, который стоит привести целиком: «Крестьяне, на спинах которых развивалось денежное хозяйство, капитализм, боролись за такое развитие капитализма, которое шло бы не через крепостное хозяйство, а через вольное, крестьянское. Экономически этот путь был, пожалуй, возможен, но общественное развитие не создало еще силы, которая сорганизовала бы крестьянство для победы. И вследствие этого (?!) господствующие классы победили и заковали народ в цепи крепостного рабства». Так модернизировать разинщину, как делает это Ладоха, и без всяких решительно оснований, нельзя ни в какой, тем более популярной книжке, где такое рассуждение, нисколько не вяжущееся, между прочим, с предыдущим изложением, является просто вредным. И при всем том его меньше всего можно назвать оригинальным. Г. Меерсон в вышеупомянутой работе («Ранняя буржуаз-

ная революция в России»)., почти полностью прилагал этот тезис к пугачевщине на более, однако, устойчивой базе архивного материала (хоть и тенденциозно подобранного) и научной его переработки. Ладоха более смел и переносит тезис огульно еще дальше назад на столетие. С капитализмом он церемонится еще меньше чем с революцией, которая в ходе его изложения становится синонимом восстания, что вовсе не одно и то же, но разберем положение автора по существу. Что означает, прежде всего, высказываемое категорически суждение о том, что «крестьяне.... боролись за такое развитие капитализма, которое шло бы не через крепостное хозяйство, а через вольное, крестьянское? Что крестьянство экономически до того времени крепло и в разинщину почувствовало себя уже как бы конкурентоспособным по отношению к помещикам, что разинщина, таким образом, была для крестьянства только политическим выражением давно назревавшего экономического конфликта. Но ведь это совершеннейший, «чистый» абсурд. Нелепо уже то, что в претендующей на популярность брошюре сложная экономическая проблема ставится автором, как сознательная задача крестьянства (XVII столетия!). В такой же степени, конечно, не могла быть эта проблема и скрытым фактором борьбы, экономической ее подосновой. Торговое накопление крестьянства в эпоху разинщины только начиналось и на общем фоне почти на сто процентов еще феодального, полунатурального хозяйства ничего значительного, естественно, не представляло, тем более, что оно (накопление) было накрепко заключено в аграрную оболочку помещичьего хозяйства, соками которого только и питалось. Но Ладоха «ничтоже сумняшеся» признает, что «экономически этот путь (развития «капитализма» через крестьянское хозяйство) был, пожалуй, возможен». Каких-нибудь двести лет спустя «предсказание» автора действительно оправдалось, но нельзя же так жонглировать целыми столетиями. У Ладохи выходит, что в разинщину это не случилось только из-за отсутствия настоящего пролетариата, который смог бы повести крестьянство к победе. Это все равно, еслиб Ладоха стал об'яснять задержку пролетарской революции в какой-нибудь современной и воистину капиталистической стране отсутствием в ней... социализма.

Переходя к пугачевщине, автор неверно рисует роль Пугачева, когда пишет, что он «решил попытать счастья—стать во главе вспыхивавших крестьянских бунтов, превратив их в общее крестьянское восстание» (стр. 52). Можно определенно сказать, что Пугачев никогда, а тем более в 1773 г., не задавался такой ответственной и высокой задачей, и если решил встать во главе чего либо, то не крестьянского в собственном смысле, а казацко-инонационального восстания. Всего меньше Пугачев был организатором восстания помещичьего крепостного крестьянства, скорее наоборот, исторически (не по злому умыслу, а об'ективно) он оказался его д е з о р г а н и з а т о р о м, когда в самый ответственный момент покинул его (после казанского поражения), на произвол судьбы. Сопоставляя монархическую идеологию пугачевщины с разинщиной, автор указывает не без основания, что в разинщину «массы шли в бой больше во имя программы, выдвинутой атаманом Степаном Тимофеевичем, чем во имя царевича Алексея, который будто бы помещался на одном из разинских стругов», в то время, как в пугачевщине «игра на монархических настроениях крестьянства выдвигается на первое место» (стр. 64). Все это так, но ведь читателю нужно как то раз'яснить такой «сдвиг к старому», как выражается автор, такое явное нарушение закономерности исторического процесса в части идеологии.

Несколькими строками ниже Ладоха, правильно указывая на то, что «возможность осуществления мужицкой монархии в сознании крестьян, связывалась с подлинностью об'явившегося «царя», пишет: «поэтому-то разоблачение Пугачева убило в крестьянстве стремление итти в бой». От истины эта последняя фраза далека так же, как далеко было тогда крестьянство от разоблачавших Пугачева документов «с той стороны». Правительственными манифестами Пугачев был разоблачен с самого же начала, но крестьянство до конца видело в этом только «извет» на «истинного царя-батюшку».

Что же, однако «убило в крестьянстве стремление итти в бой»? Да ничего и не «убило», все это только плод богатой фантазии нашего автора. Крестьянство н е м о г л о итти в настоящий бой, ибо было предоставлено самому себе, а, главным образом, потому, что это было именно крестьянство, распыленная и неорганизованная масса крепостных людей—но это дело уже другое.

И. Беркман.

А. Ф. ТЮТЧЕВА. П р и д в о р е д в у х и м п е р а т о р о в. Воспоминания-дневник. Перевод Е. В. Герье. Вступ. статья и примечания С. В. Бахрушина. Издание М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 220.

Нельзя не приветствовать появления в свет воспоминаний и дневников Анны Федоровны Тютчевой, дочери известного поэта, фрейлины императрицы Марии Александровны и жены славянофильского публициста И. С. Аксакова. Правда, к сожалению, печатается далеко не все литературное наследство

А. Ф. Тютчевой. По словам С. В. Бахрушина, без предварительного научного обследования сохранившихся рукописей А. Ф., разбросанных по разным архивам, издание всех ее записок было бы затруднительно. Но следует приветствовать появление того, что мы получаем в настоящем издании. Перед нами отрывки из дневника 1853—55 гг. и незаконченные воспоминания, написанные в 1878 году, составленные очень тщательно, после изучения автором своих дневников и семейной переписки. В общем автор воспоминаний, А. Ф. Аксакова, верен мировоззрению и оценкам лиц и событий автора дневника, фрейлины А. Ф. Тютчевой, но стиль воспоминаний, характер отношения к окружающему свободен от «сентиментальности и мистической наивности», которыми, по собственному выражению автора, проникнут дневник. «Сентиментальность и мистическая наивность» были подготовлены воспитанием и усилены молодым возрастом автора дневника и не помешали проявлению критической работы ума. По справедливому замечанию С. В. Бахрушина, А. Ф. Тютчеву «интересуют, главным образом, ее собственные переживания: в дневниках ее мы находим анализ чувств и ощущений, вызываемых в ней придворной жизнью, а не описание в строгом смысле слова этой жизни,—не хронику двора, а психологию фрейлины, неудовлетворенной условиями своей службы и мечущейся бессильно в узких рамках традиционного быта дворца». Записки А. Ф. Тютчевой, как письма ее отца и мужа, как дневник сестры последнего, В. С. Аксаковой, и т. п ценны прежде всего, как отражение отношения определенной части русской дворянской интеллигенции к перелому, происшедшему в русской жизни в середине прошлого века. Но А. Ф. Тютчевой суждено было пережить этот перелом при дворе, в близком общении с вершителями судеб страны, и это придает ее записям особый интерес: перо наблюдательной фрейлины не только регистрирует ее отношение к событиям эпохи, но и дает оценку лиц и среды, управлявшей государством.

А. Ф. Тютчева по происхождению принадлежала к тому слою русского дворянства, который связями и служебным положением был близок к высшим сферам, а умственными интересами связан с литературными кругами. Ф. И. Тютчев состоял на службе в дипломатическом ведомстве, но больше известен, как поэт. А. Ф. воспитывалась в Мюнхенском королевском институте и находилась под влиянием католических патеров, внушивших ей отвращение к светской жизни, нарядам и удовольствиям. В момент своего возвращения в Россию (18 лет) А. Ф. плохо знала русский язык, была проникнута религиозными интересами и, по собственному выражению «несколько искусственной экзальтацией» относилась с глубоким осуждением к той системе светского аристократического воспитания, которая царила в Смольном, где воспитывали ее младших сестер. Эту систему она впоследствии оценивала, как один «из многих результатов чисто внешней и показной цивилизации», царящей в высших кругах русского общества. Труды славянофила Хомякова и, повидимому, влияние отца направили духовные интересы А. Ф. в сторону православия и России, и она, по ее словам, стала верить, что «Россия есть живой организм, что она таит в глубине своего существа свой собственный нравственный закон, свой собственный умственный и духовный уклад», и что историческая миссия России и заключается в выявлении этих самобытных русских идеалов, придавленных и непонятных «всеми нашими реформаторами и реорганизаторами на западный образец». Славянфильство—этот—протест русской помещичьей усадьбы против петербургской бюрократической монархии и ее неуклонной эволюции в сторону буржуазного запада, протест во имя патриархального московского самодержавия—стало мировоззрением А. Ф. Тютчевой.

С таким настроением в 1853 году, 24-х лет от роду, она попала, в качестве фрейлины невестки Николая I, цесаревны Марии Александровны, к императорскому двору, где и пробыла 13 лет. А. Ф. Тютчева, сентиментально настроенная, горячая и убежденная монархистка, восторженно полюбила цесаревну, с удивлением и благоговением взирала на «величественную» фигуру Николая I, но не изменила своему критическому отношению к его политике и тяготилась придворной жизнью. Формы придворного этикета подчас даже оскорбляют ее. Ее религиозное чувство задето пышностью и торжественностью придворной обедни и скованностью молящихся предписанными им рамками. «На колени становиться нельзя, это было бы нарушением этикета, и здесь перед богом стоишь в полном параде». Пустота содержания этой блестящей жизни скоро бросается в глаза наблюдательной фрейлине: «вот шесть месяцев, как я при дворе и ничего выдающегося я не заметила», пишет она. «Наряды, наряды и еще наряды». «Как только я попадаю в это море движущихся лиц, цветов, драгоценных камней, газа, кисеи и кружев, я сама превращаюсь в тряпку, становлюсь куклой, наряженной в платье и прическу. Мною овладевает чувство совершенной пустоты».

Политические взгляды А. Ф. целиком заимствованы у отца. Она строго консервативна, 14 декабря 1825 г. для нее —

«злосчастное событие», «о котором хорошо было бы позабыть». Центр политических интересов Тютчевых—восточный вопрос, историческая миссия России, призванной сокрушить Турцию, освободить славян и захватить Константинополь.

«И своды древние Софии
Вновь осенит Христов алтарь,—
Пади пред ним, о царь России,

И встань, как всеславянский царь»,—писал Тютчев. А первые годы пребывания А. Ф. при дворе и были годами оживления восточного вопроса. Это были годы Крымской войны. Для Ф. И. Тютчева эта война вызвана «чем то общим и неизбежным, а именно—вечным антагонизмом» между Востоком и Западом, и победителем в ней должна быть «Великая Греко-Российская Восточная Империя». Но внешняя политика Николая I глубоко осуждалась Ф. И. Тютчевым. Он видел в ней забвение национальных интересов во имя ложных и вредных России принципов Священного Союза. Севастопольская катастрофа, с его точки зрения, создана «невероятной ограниченностью» «этого злополучного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался, и все пропустил, чтобы начать борьбу при самых невозможных обстоятельствах». Наблюдая настроение дворцовых сфер в начале войны, Тютчев находит, что там «безалаберность, равнодушие, застой в умах прямо феноменальны». Столкновение России с Западом для него—«война крестьян с подлецами». А. Ф. вторит своему отцу. По ее словам, Николай «сделался как бы опекуном государей и полицеймейстером народов», вооружив против себя и тех и других. Она видит в его ошибках «честные побуждения», «порывы благородные и великодушные», но порицает его систему, как антинациональную. В своих воспоминаниях А. Ф., указывая, что Николай соединял «с душою великодушной и рыцарской характер редкого благородства и честности», называет его, однако, «тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни». Убежденная, что «Россия сражается не за материальные выгоды и человеческие интересы, а за вечные идеи», А. Ф. Тютчева, однако, не находит в высшем обществе понимания этих идей. «Восточный вопрос—вопрос совершенно отвлеченный для ума петербургского и особенно для ума «гвардейского». Этот бедный ум, крылья которого постоянно обрезались, перед ним никогда не открывалось других горизонтов, кроме Марсова поля и Красносельского лагеря, не вырисовывалось других идеалов, кроме парадов и фойе оперы или французского театра». Война обнаруживает перед А. Ф. всю гниль николаевского порядка. «Вот тридцать лет, как Россия играет в солдатики», а в минуту опасности оказывается неспособной к защите, т. к. «вахтпарады не создают солдат», страна угнетена деспотизмом, а правители «окружены такой искусственной атмосферой, что дневной свет действительной жизни никогда не может к ним проникнуть». Славянофильская утопия близкого к народу самодержавия не выдерживала соприкосновения с действительной жизнью, и чуткая, умная фрейлина задыхалась в дворцовой атмосфере.

Воцарение Александра II Тютчева приветствовала, надеясь, что он и его жена «будут руководствоваться национальным сознанием страны и что в общении с народом они почерпнут необходимую им силу». Но в воспоминаниях, искренне преклоняясь перед реформами Александра II, Тютчева отмечает противоречия и непоследовательность его политики, об'ясняя их «недостатком широты» и малой просвещенностью его ума.

Будем с нетерпением ожидать следующего выпуска записок А. Ф. Тютчевой.

А. Шебунин

ЮРИЙ СОЛОВЬЕВ. 25 лет моей дипломатической службы (1893—1918). ГИЗ, 1928 г., стр. 301.

Мемуары Ю. Соловьева принадлежат к известной категории «служебных» воспоминаний, которые когда-то заполняли страницы «Исторического вестника». Автор не занимал сколько-нибудь видных постов в министерстве иностранных дел, он делал карьеру на дипломатических «окрайнах». Естественно, что работа в Пекине, Афинах, Цетинье, Штутгарте, Мадриде, Бухаресте не могла дать материала для более или менее широких исторических мазков, тем более, что и в этих посольствах Ю. Соловьев занимал второстепенную должность секретаря.

Недостаточное поле для наблюдений или личные качества наблюдателя тому виной, но факт остается фактом—воспоминания Ю. Соловьева лишены решительно всякого интереса. В самом деле требуется резкая любознательность, чтобы заинтересоваться консульской практикой пекинской миссии в 90-х гг., дипломатическим «инцидентом» из-за экспорта греческой коринки, семейным бытом румынской аристократии.

А, ведь, подобными сообщениями пестрит вся книга. Автор лишь изредка решается выйти из рамок узкого (и добавим в скобках—скучного) «бытовизма». Но и эти редкие вылазки не говорят в пользу книги. Мысли, высказываемые Ю. Соловьевым по поводу «высокой политики», весьма наивны. Так,

например, он полагает, что, если бы Германия не заняла Цзяо-Джоу, то, вероятно, и Германии и России не пришлось бы пережить тех тяжелых испытаний, от которых они еще до сих пор не оправились. Международную ситуацию автор чрезвычайно смутно уяснил даже в 1917 году. «Я должен сознаться,—пишет он,—что тот психоз, который овладел союзниками к концу 1917 г. (речь идет об интервенционистских тенденциях Антанты—*Н. Р.*), оставался для меня не понятным». Это значит, что автор не уяснил мотивов союзнической интервенции, стремления союзников вновь активизировать восточный фронт.

Автора трудно упрекать за то, что его воспоминания превратились в «послужной список», несколько расцвеченный бытовыми мелочами и заметками туриста: он сам ограничил свою задачу. «Я,—пишет Ю. Соловьев,—постарался без прикрас описать жизнь рядового дипломата, какой она была до войны, т.-е. дать очерк дипломатического быта эпохи, отошедшей безвозвратно в прошлое». Скромность автора не может изменить оценки его произведения.

Иного мнения о книге придерживается тов. Ротштейн, написавший предисловие, к воспоминаниям Ю. Соловьева, которые по словам тов. Ротштейна, «в русской мемуарной литературе займут не последнее место».

Отмечая сдержанность, проявленную Ю. Соловьевым, в оценке дореволюционной внешней политики и ее руководителей, тов. Ротштейн считает, что рассказа Соловьева достаточно, чтобы видеть все ничтожество старого дипломатического мира и проникнуться сознанием неизбежности его гибели. В этом подсказываемом всеми страницами книжки выводе заключается, пожалуй, ее главная политическая ценность и вместе с тем содержится оправдание ее выпуска в свет для читателя.

С т. Ротштейном трудно согласиться. Чтобы убедиться в ничтожестве старого дипломатического мира, право же не стоило издавать скучную, малосодержательную, неинтересную, как для историка, так и для широкого читателя, книгу почти в двадцать печатных листов.

Н. Рубинштейн.

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ С оружием в руках. Повести моей жизни, т. III. Проблески, «Земля и Воля». В Алексеевском равелине. Государственное издательство. М.—Л., 1928 г., стр. 152, цена 1 руб.

Воспоминания известного народовольца и шлиссельбуржца Н. А. Морозова—не новость в нашей историко-революционной литературе. Первое издание их, как известно, вышло еще в 1917—1918 гг. Оценка этих воспоминаний в качестве исторического источника давно уже установилась и, кажется, ни в ком не вызывает сомнений. Это—очень живо написанная книга, отвечающая всем требованиям читателя, ищущего легкого чтения, и довольно ярко рисующая своеобразный духовный облик ее автора, игравшего в революционном движении 70-х годов незаурядную роль. Написанная под беллетристику, эта книга отнюдь не может претендовать на значение серьезного исторического источника. Читателя, который приступит к чтению воспоминаний Морозова с целью ознакомиться с развитием нашего революционного движения в соответствующую эпоху, неминуемо постигнет жестокое разочарование.

Рецензируемый нами том может служить блистательным доказательством справедливости такой оценки воспоминаний Морозова. Он посвящен событиям с начала 1878 и по начало 1879 гг. Известно, что этот год имел весьма большое значение в истории нашего революционного движения, переживавшего тогда переломный момент, который принято характеризовать, как переход «от пропаганды к террору». Известно также, что этот переход знаменовал собою не только коренное изменение тактики революционной борьбы, но и изменение общих взглядов на задачи и движущие силы революции. Почувствует ли читатель воспоминаний Морозова, какое значение имел описываемый им в III томе исторический момент? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы с уверенностью дать на него отрицательный ответ. Кроме нескольких интересно рассказанных драматических эпизодов нашего прошлого и суб'ективных переживаний автора за описываемое им время, из книги Морозова читатель не может ничего почерпнуть. Мы не говорим уже о том, что беллетристическая манера изложения автора, не стесняющегося по прошествии полувека восстанавливать на протяжении ряда страниц разговоры, которые, якобы, вели между собой деятели революционного движения той далекой от нас эпохи, невольно вызывает в читателе вполне законное сомнение в точности передачи автором этих разговоров.

Очень мало дают воспоминания Морозова и для характеристики его товарищей по революционной работе. В его воспоминаниях проходят не живые лица, отмеченные индивидуальными чертами, а лики, описанные автором по определенному и неизменному трафарету. Живых людей читатель не чувствует, ибо в изображении Морозова они утрачивают свою индивидуальность.

Наоборот, с личностью самого автора воспоминаний они знакомят читателя в полной мере. Вопрос только в том—насколько эта личность интересна и типична для своего времени. В этом отношении возможны весьма большие сомнения. Н. А. Морозов с его оригинальной и сумбурной теорией революционной борьбы «по способу Вильгельма Телля», теорией, сводившей революционное движение исключительно к террористической борьбе кучки интеллигентов и ярко свидетельствующей о поразительной теоретической беспомощности ее автора,—вряд ли типичен для своего времени. Ни для кого не тайна, что товарищи Морозова по революционной работе, высоко ценившие его литературный талант, старательно отгораживались от его революционной теории, чувствуя, что эта теория—не что иное как reductio ad absurdum их взглядов на террор, как на средство революционной борьбы.

Новое издание мемуаров Морозова отнюдь не является полным повторением первого издания. В нем автором проведен ряд весьма существенных сокращений. Против большинства из них возражать не приходится, так как от этих сокращений издание только выигрывает. Однако, в первом издании имеется ряд мест, выкинутых во втором, об исчезновении которых можно лишь сожалеть.

Так, мы не можем, не выразить сожаления об удалении автором главы «В редакторском звании», излагающей его разговор с Александром Михайловым о постановке революционной работы, а также главы «Тайное редакционное собрание», ярко рисующее отношение товарищей Морозова по «Земле и Воле» к Ткачеву и «Набату». Особенно же приходится сожалеть о том, что в новом издании мы не находим бывшего в прежнем эпилога «Возникновение Народной Воли». Несомненно, что этот эпилог в воспоминаниях Н. А. Морозова является наиболее ценной в историческом отношении частью. В новом издании он заменен другим эпилогом, в котором автор, перескочив в своем изложении через три года повествует о пребывании своем в 1882 г. в Алексеевском равелине.

В заключение нельзя не отметить досаднейшую опечатку, которая в неприкосновенности из старого издания перешла в новое: известный революционер-семидесятник Н. К. Бух на протяжении ряда страниц упорно именуется «Бахом».

Б. Козьмин.

Б. П. КОЗЬМИН. С. В. Зубатов и его корреспонденты. **ГИЗ. 1928 г. стр. 143. Ц. 1 р. 10 к.**

Зубатов является одной из выдающихся фигур охранно-полицейского мира конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. С его именем связана целая полоса борьбы царского самодержавия с революционным движением в России; борьбы не только посредством широчайше расставленной сети шпионства и провокаторства, но и при помощи т. н. «полицейского социализма». Личность Зубатова и его деятельность безусловно имеет значительный исторический интерес. Этим оправдывается появление в свет рецензируемой книжки, содержащей переписку Зубатова с рядом видных деятелей охранно-полицейского мира.

Правда, в большинстве случаев эта переписка носит случайный характер; она содержит всего 2—3 письма, а то и по одному, от каждого корреспондента; писем самого Зубатова очень мало, значительная часть писем относится к тому периоду, когда Зубатов уже был «не у дел», находился в отставке. Тем не менее, опубликованные письма имеют определенную историческую ценность, способствуя, во-первых, уяснению роли Зубатова в охранно-полицейских кругах, во-вторых, они в определенной степени вскрывают завесу над тем, что тогда происходило в правительственных сферах и охранно-полицейских в первую голову.

Наибольший интерес имеет стоящая немного в стороне прочего материала переписка Зубатова с В. Л. Бурцевым. Она занимает свыше 50 стр. текста (из общего количества 120 стр.) и содержит 7 писем Зубатова к Бурцеву и 16 писем Бурцева к Зубатову, причем хронологически переписка растянулась на целое десятилетие (1906—1916 гг.).

Воспользовавшись тем, что в конце 1906 г. Зубатов обратился к нему, как к редактору «Былого», с письмом по поводу напечатанных в последнем воспоминаний Гоца о провокаторстве Зубатова в восьмидесятых годах, Бурцев предлагал Зубатову написать свои воспоминания для «Былого». На этой почве и завязалась между ними крайне любопытная переписка.

Бурцев думал, что ему удастся «обойти» Зубатова и получить от него интересный материал. Но обмануть такую старую лисицу, как Зубатова, было не так легко. Сколько Бурцев ни убеждал Зубатова в том, что он «очень интересный человек», что он «один из самых любопытных свидетелей 80-х, 90-х и начала 900-х годов», что он «пишет прекрасно», что ему «следовало бы сидеть за столом и писать, писать и писать»... и т. п.—ничего не помогло. Зубатов вежливо и твердо отклонял предложения Бурцева.

В своих ответных письмах Бурцеву он пускается в пространные рассуждения, мотивируя свой отказ писать воспоминания. А в письме к своему прия-

телю и бывшему сослуживцу по Московской охранке Медникову он следующим образом определил характер своей переписки с Бурцевым: «Ума и здравой памяти я не терял, как и политических способностей. Поэтому отвечать на внимание политического врага скандалом не находил политичным, полагая, что отвести от порога можно не только дерзостью, но и вполне благопристойно» (подчеркнуто нами).

Рецензируемая книжка составлена довольно удачно. Составителем проделана, и довольно хорошо, большая работа по комментированию документов. Возражения вызывает лишь помещение в книжке стихотворения одного из главарей московской зубатовщины Слепова—«Контр-мина»: по форме это стихотворение не имеет отношения к переписке Зубатова, по содержанию оно относится к материалу о зубатовском движении, между тем как книжка почти исключительно освещает Зубатова лишь как «охранника».

Следует также отметить, что при комментировании этого стихотворения составитель допустил большую ошибку. При характеристике автора стихотворения он пользовался опубликованными воспоминаниями Слепова. Если из последних можно еще черпать сведения о детстве и юности Слепова, то во всяком случае—описание Слеповым зубатовщины и своей роли в ней не заслуживает никакого доверия. А между тем комментарий всецело следует за воспоминаниями Слепова и даже приводит некоторые отрывки из них.

Книжка снабжена обширной вводной статьей составителя, удачно характеризующей Зубатова и его историческую роль. Нам лишь кажется, что автор значительно преувеличивает значение публицистических упражнений Зубатова на страницах «Гражданина» в 1906 и 1907 гг. Что Зубатов был монархистом и реакционером,—это вполне понятно. «Бытие определяет сознание». Человек, ведший столько лет активную борьбу с революцией в защиту устоев царского самодержавия, не мог не быть монархистом и реакционером. Но Зубатов вообще был «человеком дела», а не «идеологом». «Даже идеологическое и теоретическое» обоснование зубатовщины было выполнено не Зубатовым, а Тихомировым.

Публицистические же упражнения Зубатова на страницах «Гражданина» являлись лишь случайными эпизодами, не имеющими почти никакого значения для раскрытия исторической роли Зубатова.

Нам кажется также неправильным утверждения автора вводной статьи, что причиной ухода Зубатова со сцены в 1903 г. являлись его интриги против своего начальства В. К. Плеве.

Зубатов был старым «интриганом». В бытность свою помощ. нач. Московской охранки он интриговал против своего начальства—начальника Московской охранки Бердяева, и наконец, занял его место. После этого он опять интриговал против своего начальства—зав. особым отд. деп. полиции Л. Ратаева, пока он также не занял его место.

Окончательный уход со сцены Зубатова в 1903 г. нужно об'яснить не его интригой против Плеве,—тем более, что и карьера последнего вскоре была насильственно прервана бомбой революционных террористов,—а более глубокими причинами. В 1903 г. окончательно выяснился крах зубатовщины. И в Москве, и в Минске, и в Одессе зубатовщина потерпела полное фиаско. Особенно сильный удар зубатовщина получила в Одессе во время всеобщей южной забастовки в 1903 г. Вполне понятно, что после полного провала главной затеи Зубатова последний потерял всякий кредит в правительственных сферах и был вынужден сойти со сцены вслед за своим любимым детищем. Интриги же его против Плеве могли играть лишь роль конкретного предлога для отставки Зубатова, но не основной причиной ухода его с политической арены.

С. Айнзафт.

З. СЕРЕБРЯНСКИЙ. От Керенщины к пролетарской диктатуре. Очерки по истории 1917 г., изд. «Московский Рабочий». М.—Л. 1928 г., 228 стр., цена 2 руб.

Автор этой книги в предисловии сообщает, что настоящие очерки «представляют собой попытку дать для широкого читательского круга подготовительную работу обобщающего характера по истории периода февраль 1917 г.—январь 1918 г.». Попытка эта автору не удалась. Книга—и в этом ее основной недостаток—не представляет единого целого, не пронизана единой мыслью, не связана в своем построении рядом обобщающих идей. К сожалению, книга эта оказалась не более, как арифметической суммой отдельных очерков, связанных между собой лишь внешне. Полной и цельной характеристики—даже в основных моментах освещаемого автором периода—не получилось.

В работе обобщающего характера, да и к тому же рассчитанной на потребление широким читательским кругом, абсолютно необходимо было дать главу, в которой трактовались бы не только конкретно-политические предпосылки Октябрьской революции, но и социально-экономические, в которой широ-

кий читатель познакомился бы как с технико-экономической базой страны, со степенью развития производительных сил, так и со специфическими условиями военной экономики. В начале книги почему-то таких сведений нет и только в начале II отдела помещено нечто вроде экономического анализа, имеющего своим назначением доказать обоснованность социалистического переворота. Но именно эта часть, о которой нам придется ниже подробно говорить, наименее интересна и наиболее ошибочна.

Для автора ключем к разрешению всех проблем является роль в экономической жизни иностранного капитала, и к тому же он некритически принимает безусловно преувеличенные цифры Ванага (о распоряжении, например, европейским капиталом ¾ всей банковской системы России), а иногда и сам непозволительно переоценивает эту роль (напр. он пишет: «иностранный капитал держал в своих руках все ее (русской промышленности) судьбы: система управления, нормы производства, расценки, рабочий день,—все важнейшие мероприятия по управлению предприятиями не только контролировались, но и прямо предписывались из-за границы» (115 стр.).

Ссылаясь на Гольмана, автор подчеркивает, что «с 1912—14 гг. тяжелая индустрия на 75—80%, а легкая на 40% были охвачены картелями и трестовидными группами». Эти цифры, вероятно, близки к действительности, хотя на наш взгляд также несколько преувеличены (особенно в отношении легкой индустрии). Но одни эти цифры, при всем их огромном значении, не могут дать полной—а потому и правильной—характеристики экономики и экономических отношений России...Автор обязан был познакомить читателя с техникой, экономикой, производственными отношениями, существовавшими и господствовавшими в *сельском хозяйстве* страны, а об этом у автора несколько строк, весьма общих и из которых он делает недостаточные выводы. «В деревне мы встречаем еще немало докапиталистической паутины»—пишет автор. Но суть вопроса не просто в утверждении наличия докапиталистических отношений в России, а в степени их распространения, в их социальном значении, в общей картине хозяйственного и политического развития страны. На *основной*, как для понимания своеобразия развития русской революции, так и для понимания конкретного соотношения классов на каждом из этапов 1917 г., вопрос, каким является вопрос о значении пережитков докапиталистических отношений в сельском хозяйстве, автор ответа не дает. Косвенно ответ он дает, и ответ совершенно неудовлетворительный. Этот ответ автор дает, разбирая вопрос о существовании, роли, значении в старой царской России финансового капитала.

Быстрый темп капиталистического развития привел к тому, что в стране и развились монополии, и получило огромное развитие сращение банковского капитала с промышленным. Из четырех, указываемых Лениным, признаков финансового капитала, эти два, совершенно правильно говорит автор, «неоспоримо имели место в индустрии и банках дореволюционной России». Но автор доказывает и существование и двух других признаков. Существовала колониальная политика, и она «достаточно характеризуется» 1) ее империалистическими тенденциями в отношении «Константинопольской губеринии», Вост. Галиции, Манчжурии, Монголии, Кореи, Средней Азии и т. д., 2) теми 17,4 млн. кв. км. с 33,2 млн. жителей, которые составляли колонии и хозяйственные территории российского империализма и, наконец, 3) 63 тыс. км жел.-дор. пути, которые тоже являлись выражением колониальной политики России» (117—118 стр.). По поводу этой цитаты можно сказать только одно: автор не совсем понимает, что ему нужно доказать—ведь его задача показать наличие не просто колониальной политики, а колониальной политики, присущей финансовому капиталу, а для этого не может служить ни один из трех указанных им пунктов. Тяготение России к «Константинопольской губернии» существовало, ну, хотя бы, чтобы не уходить в туманные дали «времен Очакова и покорения Крыма», и во все время царствования Николая I и во времена Александра II, колонии существовали, насколько нам известно, вовсе не с XX века, а в XX веке царская Россия напротив, не столько приобрела, сколько потеряла, территориальное расширение России было закончено, в основных чертах, еще в 80 гг. XIX в., а главнейшие из них были сделаны даже до XIX в., что же касается ж.-д. пути, то даже современным школьникам известно, что как раз с колониями царская Россия была связана весьма тонкой ниточкой (кстати, к прежним колониям царской России автор, видимо, не относит Украину, Белоруссию, Латвию и др).

Но еще более «оригинально» автор доказывает наличие у нас такого признака, как экспорт капиталов. У нас он, собственно, не существовал, но зато он существовал в других, более развитых странах. Автор буквально пишет следующее: «отсутствие же экспорта капитала не может служить решающим доводов против наличия финансово-капиталистического типа развития; ведь индустрию и банки дореволюционной России нам приходится рассматривать как звенья западноевропейского импе-

риализма—об отсутствии же экспорта капитала у этого последнего, никто, разумеется, говорить не станет». При таком доказательстве все остальные делаются излишними. Раз «финансовый капитал дореволюционной России следует рассматривать в очень большой мере, как «дочернее предприятие» европейского и в первую очередь англо-французского империализма» (119 стр.), то это уже освобождает, повидимому, автора от значительной доли работы. К сожалению, автор не поясняет, что это за такая система «европейского» или даже «англо-французского» империализма, совместно владеющего таким «дочерним предприятием», как царская Россия.

Итак, вместо того, чтобы прямо признать своеобразные черты русского империализма, заключающиеся в весьма любопытном переплетении капиталистического империализма и военно-феодального (выражение Ленина), вместо того, чтобы вспомнить то, что Ленин говорит в том же самом месте, где дает определение империализма—что нельзя забывать «условного и относительного значения всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии (XIII т., 305 стр.), вместо этого автор совершенно искусственно подбирает все до одного признаки в доказательство существования у нас стопроцентного империализма и финансового капитала. А как же быть с царизмом, крепостничеством в экономике и политике? Автор дает следующий ответ на эти вопросы: «царизм олицетворял в себе, п р е ж д е в с е г о, власть помещичье-крепостнических слоев. Но финансовый капитал находил достаточно путей и средств, чтобы подчинять крепостников своим интересам», существование же царизма только определяло своеобразную черту финансового капитала в России «ц а р и с т с к у ю, ф е о д а л ь н о-к р е п о с т н и ч е с к у ю о б о л о ч к у» (120 стр.). Мы не думаем, что феодально-крепостнические отношения были только оболочкой финансового капитала и империализма, и полагаем, что это мнение отнюдь не согласуемо с высказываниями Ленина. О военно-феодальном империализме (царизм, как пишет в одном месте Ленин) Ленин упоминает неоднократно, и именно это переплетение военно-феодального и капиталистического империализма представляет собою одно из наиболее интересных и своеобразных явлений в жизни царской России последнего, предвоенного периода. Без уяснения себе этого переплетения ничего нельзя понять, например, в такой маленькой вещи, как анализ военной политики России, особенно начиная с 1907 г. Подыскивать признаки для конструирования в России «чистого» империализма, с небольшими только своеобразиями—по меньшей мере неразумно. Отсутствие «чистого» империализма в России сказывалось более, чем где-либо.

К сожалению путаница автора насчет экономики России увенчивается следующим заключительным аккордом: «какой же получается общий вывод из приведенных данных? Вывод тот, что несмотря на царистско-феодальную государственную оболочку, мы имели еще до войны сравнительную зрелость российского монополистического капитализма для социалистической революции. Еще до начала империалистической войны 1914 г. развитие капитализма подготовило в России достаточно внутренних противоречий, выход из которых мог быть найден т о л ь к о (подчеркнуто нами) пролетарской революцией». Смысл этого заключения только один: Россия еще перед войной стояла н е п о с р е д с т в е н н о перед социалистической революцией. Вывод этот целиком вытекает из вышеразобранных моментов—игнорирование характера деревенской экономики, непонимание роли крепостничества в экономике, сведение царизма к существенной роли оболочки при сконструированном полновесном финансово-капиталистическом империализме царской России. Вывод этот неправилен. Не имея, понятно, возможности в рецензии опровергать этот вывод конкретным материалом, мы думаем, что в нашей среде достаточно установить, что вывод этот противоречит выводам Ленина. А что он противоречит этого не будет отрицать ни один человек, знающий Ленина. Вместо того, чтобы вскрыть неизбежность перерастания первого буржуазно-демократического этапа революции, вскрыть кратковременность его, показать конкретный переплет экономических, политических, международных отношений, обусловивших, кратковременность буржуазно-демократического этапа и неизбежность его перерастания, вместо этого автор упростил всю проблему до того, что вопрос о перерастании оказался вообще снятым.

Таковы основные ошибки в книге. Но она не свободна и от других, менее существенных, ошибок и недочетов, довольно многочисленных.

При определении керенщины необходимо было выяснить социальную сущность бонапартизма, без чего правильно определить керенщину нельзя. Ленин говорил о министерстве Керенского, что это министерство первых шагов бонапартизма. Но министерство Керенского и собственно период керенщины ведет свое начало с июльских событий. Между тем автор под керенщиной, видно, понимает весь период до Октября, но тогда он должен был выделить период керенщины в ее более узком понимании,

иначе совсем непонятна связь между керенщиной и бонапартизмом. Есть и много других недочетов—не оттенена, прим., связь коалиции с войной (15 стр.), сильно преувеличено влияние духовенства (55) в период керенщины—статистика выборов в городские думы, земства, а позже в Учред. собрание наглядно показывает, что в тот период деятельность духовенства была лишь мышиной возней. Совершенно неверно замечание автора о 8-час. раб. дне, что «Временному правительству ничего не оставалось, как post factum его (8-час. рабочий день. *М. Ю.)* санкционировать в форме закона». 8-час. рабочий день нашел, однако, при этом (повидимому, при санкционировании его в форме закона) ряд существенных ограничений (56 стр.). Все это пустяки, об'ясняемые, видно, большой небрежностью автора. На следующей же странице автор сообщает, что в декрете Временного правительства об отмене национальных ограничений «не было точно и определенно оговорено право наций на самоопределение». Можно подумать,что не точно и неопределенно оно было оговорено. Не совсем ясно выражено у автора соотношение между экономической и политической борьбой. Совершенно неверно замечание автора, что «после июльских дней советы стали явно агонизировать и п р е в р а т и л и с ь (подчеркнуто нами) в простой и маловажный придаток бюрократической машины Временного правительства» (86 стр.). Есть ряд и других, более мелких неправильностей, иногда попадаются просто странные замечания. Например, автор пишет: война, устранившая иностранную конкуренцию и создавшая принудительную трезвость, создала для той части промышленности, которая обслуживала внутреннее потребление, особо благоприятные условия для обирания «оставшегося в тылу крестьянского населения». Конкуренция иностранцев здесь, понятно, ни при чем, так как промышленность и раньше была ограждена высокими пошлинами, трезвость же неожиданно выступает в качестве агента по обирательству мужика.

Нужно отметить чисто школьническую манеру пользования материалом. Автор иногда цитирует мемуары в доказательство той или иной мысли о соотношении классов (напр., на стр, 23, 36, 38, 128), приводит цифры из непроверенных источников.

Автор сам указывает в предисловии на неизбежность ошибок, но некоторые из ошибок автора, так сказать, капитальны, другие же—менее существенны, но их слишком много. Они обесценивают книгу, именно как обобщающую и предназначенную для широкого читательского круга. Это не значит, однако, что книга не имеет достоинств, книга, во-первых, написана весьма литературным языком—по нынешним обстоятельствам достоинство немаловажное, в книге есть ряд удачных формулировок, правильных мыслей (не всегда, правда, обоснованных фактическим материалом), некоторые очерки представляют весьма интересные обзоры, и, наконец, как на достоинство книги, нужно указать на умелое извлечение автором интересных цитат из меньшевистско-эсеровской прессы.

М. Ю.

О. ЧААДАЕВА. П о м е щ и к и и и х о р г а н и з а ц и и в 1917 г о д у. Международный аграрный институт. Изд. «Моск. Раб.», 1928, стр. 176, тир. 4000, цена 1 руб.

К серии работ по революции 1917 г. прибавилась еще одна полезная книжка т. О. Чаадаевой. Ее нельзя назвать монографией, так как она построена скорее в плане популярной брошюры, но автор использовал при составлении богатый архивный материал, который, кстати, по всей видимости, был ею использован далеко не полно. Разделы книжки построены тематически и в них трактуются следующие вопросы: политика Временного правительства по земельному вопросу об организации власти на местах, о настроениях и тактике помещиков в первый период Февральской революции, о помещичьих организациях по районам их организационных принципов, основных тактических установок и т. д. Затем весьма сжато выявлена земельная программа помещиков и их организаций, обрисован общий характер деятельности союза землевладельцев, их участие в корниловщине и в заключительной статье дан недостаточно глубокий анализ причин разгрома помещиков победоносной Октябрьской революцией.

В самой планировке материалов, как видно из описания отдельных глав книжки, допущена некоторая расплывчатость в тематике, что является еще более заметным при чтении самого текста. Повторения, отступления в сторону, некоторая неувязка отдельных фактов, приводимых автором, с основным содержанием (напр., движение военных кругов) ослабляют ценность книжки. Встречаются и такие ляпсусы, как, напр., причисление П. Струве к столпам «дворянского сословия» (стр. 64). Но основное, по поводу чего необходимо сделать серьезный упрек автору, это недоработка им важнейшей проблемы о взаимоотношениях кулачества с помещиками и их организациями в 1917 г.

Вопрос об охвате помещичьими организациями верхушечных слоев деревни—кулачества, которые в целом ряде районов весьма и весьма близко смыкались с контрреволюционными зубрами, имеет большое методологич-

ское значение для изучения революции 1917 г. В выпускаемой нами в издании Коммунистической Академии документации по кулацким организациям можно видеть, что кулачество, несомненно, вкупе и влюбе с помещиками, а иногда и раздельно от них, стремилось организовать свои силы и в Поволжье, и на Украине, и на Кубани, и на Дону. Некоторые из этих организаций, именовавших себя союзами земледельцев-хлеборобов, просто хлеборобов и т. п., охватывали значительные группы крестьянства и в их числе, несомненно, были и хуторяне середняки. О. Чаадаева несколько иронически относится к документу, исходящему якобы от партии хлеборобов-собственников Зеньковского уезда Полтавской губ. в числе 16 волостей с 40 тыс. единомышленников. Если здесь с агитационными целями может быть и преувеличивалось число «единомышленников», то все же по ряду отчетов на уездных с'ездах союза земледельцев можно видеть картину значительного процента участников с'ездов крестьян кулаков. Помещики не были так изолированы от крестьян земельных собственников разных групп землевладения, как это получается у О. Чаадаевой. Классовая борьба в самой деревне в 1917 г. и, особенно, на юге, намечалась значительно раньше, чем в 1918 г. 1917 г. был не совсем похож на 1905 г., когда крестьянство выступило «единым фронтом» против помещиков. Столыпинская реформа и военный период не могли пройти бесследно для классовой физиономии деревни и взаимоотношений кулачества и помещиков. Проблему о влиянии помещиков и их организаций на крестьянство в 1917 г. О. Чаадаевой необходимо было развернуть во всей полноте и может быть тогда ей пришлось бы коснуться вопроса о помещичьем землевладении более углубленно, чем она это дала в своей работе. Кроме того, нельзя пройти мимо вопроса о классовом расслоении крестьянства к революции 1917 г. по отдельным районам, оставить совсем в тени роль кулачества в крестьянском движении в 1917 г. и т. д. Ставить изолированно вопрос о помещиках в 1917 г. от кулачества это значит пропустить важнейшую проблему не только крестьянского движения в 1917 г., но и революции вообще.

О. Чаадаева не отметила в своем очерке истории союза землевладельцев ни попыток их организации в 1916 г. «аграрной партии» (об этом см. нашу работу «Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 г.», стр. 166—169), ни их организации в особый союз землевладельцев по снабжению армии, который также вовлекал в свои ряды кулачество (в том же 1916 г.) и т. д.

Несомненно, что будь наши аграрии несколько дальновиднее, их «союз» мог бы возникнуть еще и при Столыпине, а тогда их смычка с кулачеством (хотя бы по проекту кн. Щербатова) могла доставить нам в 1917 г. и в последующие годы гораздо более хлопот, чем это случилось. Помещики спохватились на этот счет с явным опозданием, что О. Чаадаевой не подчеркнуто. Отсутствие **такой** установки в работе О. Чаадаевой, несомненно, ее основной недостаток. Попутно следует заметить, что к вопросу о смычке кулачества с помещиком в 1917 г. подходил в своей брошюре «Крестьянство в 1917 г.» и С. Дубровский, который, к сожалению, этого вопроса также не осветил с необходимой полнотой.

Возвращаясь к общей оценке книжки О. Чаадаевой, все же следует ее признать полезной работой, главным образом, за опубликованный в ней ряд новых материалов, извлеченных из архивов, и за характеристику взаимоотношений помещичьих организаций с Временным правительством буржуазии, хотя последний момент освещен все же недостаточно четко для популярной работы.

А. Шестаков

М. РЕЙСНЕР. Идеологии Востока. Очерки восточной теократии. ГИЗ. 1927 г., стр. 341.

Работа покойного М. А. Рейснера «Идеологии Востока» открывает собой ряд задуманных им и отчасти уже выполненных, отчасти же оставшихся незаконченными работ по истории политических учений. В «Идеологиях Востока» религия интересует тов. Рейснера постольку, поскольку учение о государстве и праве излагается древними в форме божественного откровения, поскольку конституции древних государств принимали характер законов или сурового Ягве, или Брамы, не пожелавшего равенства между людьми и родившего поэтому жрецов-брахманов из головы своей, а плебеев-судр из ступней ног. С этой точки зрения и подходит тов. Рейснер к религиям древнего Египта, Вавилонии, Иудеи, к брахманизму, конфуцианству, буддизму и первоначальному исламу. Благодаря этому работа Рейснера приобретает большой интерес, как одна из первых попыток дать марксистский анализ классового содержания религий Востока. Как первая попытка «Идеологии Востока» не лишены недостатков. Имеется большая схематичность при решении отдельных проблем, что об'ясняется широким охватом темы при отсутствии детальной ее проработки. Существенный недостаток в работе М. А. Рейснера—это отсутствие исторического подхода к идеологиям, идеологические системы рассматриваются не

в процессе их развития и дальнейшего перерождения, а в стационарном состоянии, так, как они запечатлены в «священном» писании. В то же время не дается критической истории и самого «священного» писания с его различными напластованиями, дополнениями и сокращениям.

В методологическом отношении это крупный недостаток. Нельзя, разумеется, требовать от марксиста полной истории той или другой идеологии, когда еще приходится поднимать поистине девственные нови, и прежде, чем делать выводы, пересматривать критически груды «фактического» материала, предоставленного нам буржуазной наукой. Сообщает же, например, общепризнанный в буржуазном ученом мире, как крупнейший исламовед, проф. Гутсм, что евреи не поддержали Магомета во время мединских операций потому, что он провалился на экзамене у их раввинов, обнаружив свое невежество в генеалогии библейских патриархов. (Иллюстр. «История религий» Шантеи-де-ля-Соссей, ч. I стр. 278). Это пишет главный редактор большой энциклопедии по исламу, выходящей сразу на трех языках. И это преподносится не в качестве идеалистического вывода, а как самый настоящий факт. Идеалистическая методология, разумеется, влияет не только на создание теорий, но и на подбор материала. Марксистский исследователь не может без критического анализа просто оперировать так называемым фактическим материалом и только строить те или другие выводы. К сожалению тов. Рейснер этой стороне дела в своей книге уделил минимум внимания. И тем не менее «Идеологии Востока» представляют значительную ценность. Мы имеем общую постановку проблемы, далее целый ряд удачных, в марксистском отношении, разрешений отдельных моментов. И в то же время по всей книге разбросаны богатейшие отдельные мысли, касающиеся тех или иных спорных вопросов в области истории восточных религий. В данной рецензии мы не имеем возможности проследить детально аналитическую работу Рейснера над теми семью идеолигическими системами Востока, которые он избрал для изучения в своей книге. Мы остановимся преимущественно на двух из них: на идеологии корана и идеологии законов древнего Ягве. Возникновение ислама т. Рейснер выводит из движения арабского торгового капитала в VII столетии нашей эры. В ярких образах он показывает, как нашла свое отражение в коране психология богатого арабского купечества, представители которого в силу обстоятельств должны были орудовать не только весами, но и мечом, чаще сидеть на боевых арабских скакунах, чем восседать за прилавком. Наряду с купечеством упоминаются вскользь кочевые бедуинские племена. И все. Т. Рейснер проглядел еще третью силу в первоначальном движении ислама, которая по существу и была «движущей силой» того социального движения Аравии VII века, которое положило начало исламу. Социальное движение было в интересах торгового капитала. Торговому капиталу необходимо было об'единение Аравии и дальнейшая экспансия. Но «сущность» революции и ее «движущие» силы не всегда совпадают. Так было, по нашему мнению, и в социальном движении Аравии VII века. Фактическое движение начала мекканская беднота и начала его против крупного капитала. Этому моменту т. Рейснер отвел всего две строчки, заметив что Магомет принадлежал к рядам мелкого купечества. Магомет со своими приверженцами из купеческой Мекки бежит в Медину, город населенный ремесленниками и земледельцами. В своей борьбе эти мелкобуржуазные слои населения об'единяют целый ряд бедуинских племен, т.-е. делают то, что было в интересах крупного капитала Мекки. Немудрено, что в скором времени состоялось примирение между мекканцами и Магометом, и что руководство дальнейшим движением ислама перешло в руки бывших заклятых врагов Магомета. Но мелкобуржуазное течение не сразу сдало свои позиции и история первоначального халифата есть не что иное, как продолжение борьбы внутри ислама между крупным капиталом и мелкой буржуазией. Борьба эта временами принимала кровавые формы, иногда же переходила на путь дипломатничания и компромиссов. Ведь не из-за религиозного же усердия, например, халиф Осман из враждебного пророку рода Омейядов во время борьбы своей с приверженцами Алия составляет новую, якобы единственно верную, редакцию корана и приказывает уничтожить все другие списки. И не на почве исключительно религиозного фанатизма, не из-за исправления корана был убит затем Омейяд Осман. Таким образом, происхождение ислама значительно сложнее, чем это рисуется у Рейснера. И эта сложность перипетий борьбы интересов находит свое отражение и в идеологии корана. Ведь недаром в коране запрещается взимание процентов за капиталы, отданные в ссуду, мероприятие совсем не в интересах крупного капитала. Таким образом, т. Рейснер здесь дает далеко не полный очерк идеологии корана. Он не отмечает многих его сторон. Дальнейшие исследователи внесут, разумеется, необходимые дополнения. Но при этом не потеряет своей ценности и характеристика идеологии корана, как идеологии преимущественно торгового капитала, данная Рейснером. Ведь как-

никак коран в его окончательной редакции выходит из крупно-капиталистических кругов, группировавшихся вокруг рода Омейядов и его лидера Османа.

Обратимся теперь к идеологии библейского Ягве. Основной недостаток очень интересной главы, посвященной этой теме, в том, что отсутствует всякая историческая перспектива. Теократы-жрецы, цари, пророки проходят как в калейдоскопе, не подчиняясь никакой хронологии. Пророки Амос, Исайя и др., как известно, действовали до установления теократии. Тов. Рейснер начинает характеристику идеологии древнего Ягве с теократии, а заканчивает пророками. Кроме того, мы не находим у него и социального анализа причин, под влиянием которых возникает иудейская теократия. Между тем эта проблема интересна сама по себе. Нет сомнения, что иудейское жречество выдвигается, обслуживая интересы господствующих классов иностранных государств: персидского, сирийского и др. Взамен этого, оно получает привилегии и поддержку, при помощи которой становится во главе государства. Нечто подобное начинало намечаться и у нас в эпоху татарского ига, когда Золотая Орда стала вдруг осыпать милостями русских митрополитов и православную церковь. Ведь, разумется, не за то только, что митрополит Алексей лечил ханше глаза святой водой и лампадным маслом. Блестяще написан тов. Рейснер небольшой экскурс о библейских пророках. С легкой руки Мауренбрехера они обычно рисуются, как некие великие революционеры, как выразители «великого пролетарского гнева», (см. Макс Мауренбрехер «Пророки», очерк развития Израильской религии; Н. М. Никольский. «Древний Израиль». У Луначарского в его «Религии и социализме» в главе об еврейских пророках сказано ровно одна строчка о том, что пророки были по своим идеалам реакционеры)

Тов. Рейснер показывает подробно на протяжении нескольких страниц мелкобуржуазную косность идеалов библейских пророков. Никаких социальных переворотов они не предлагали. Общественные идеалы они искали не в будущем, а в прошлом. Характеристику пророка Исайи он заканчивает следующими словами: «Это в значительной степени непротивление злу вместе с воздержанием от него, т. е. нечто, весьма напоминающее нам извечный крестьянский идеал, совершенно в духе мелкобуржуазных воззрений. И «огненный» Исайя по существу чрезвычайно скромен в своих требованиях. Меньше всего можно признать его революционером в стиле тех египетских мятежников, которые как-никак сумели хотя на время занять место своих господ и притеснителей» (стр. 109).

Таких блестящих мест, подобных экскурсу о библейских пророках, мы найдем в книге т. Рейснера немало. Удачна характеристика конфуцианства, как феодальной крестьянской религии. Убедительно и сильно написан очерк по идеологии буддизма, зарождающегося в Индии вместе с развитием торгового капитала. Буддизм рисуется, как оппозиция феодально-кастовой организации брахманизма и с этой стороны он соответствует интересам торгового капитала. Но и дворянское «оскудение» той эпохи нашло в буддизме свое отражение, выразившееся в проповеди подавления всяких желаний и страстей и полного погружения в нирвану. Недаром основание буддизма, как и близкого ему другого учения, джаинизма, легенда приписывает выходцам из царского рода.

В заключение еще остановимся на двух спорных местах. Тов. Рейснер в своей книге очень много говорит о магии. Но его понимание магии черезчур расплывчато. Под магией тов. Рейснер разумеет чуть ли не всю культовую сторону религии. «В магии—истинный корень восточных религий»—пишет он (стр. 16). И дальше он рассказывает, что благодаря незнанию законов природы у народов древнего Востока «строилась магическая физика, изготовляемая произволом божеств» (стр. 191). Но там, где произвол богов, там магия бессильна, там на ее место должны притти молитвы и воздаяния. В магии человек уверен, что он подчиняет явления природы своей воле только одним актом тех или других магических действий. В отношении богов тоже могут совершаться магические операции, но именно при уверенности, что боги неизбежно должны подчиняться магическим законам сходства и контраста. Понятие же произвола богов в корне противоречит понятию магии.

Спутанно проработан тов. Рейснером и вопрос о влиянии географической среды на человеческую культуру. Многое тут у него от Мечникова и Бокля. Зачем-то ему понадобилось присоединиться к русскому агроному И. Клингену, провозглашавшему в своей книге «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока» (изд. 1898 г.), что географическая среда «была той настоящей восприемницей, мудрости которой культура и цивилизация местного народа обязана своим рождениеем в мир», (стр. 8). В другом месте тов. Рейснер прямо пишет по Боклю: «Причина такого развития мистико-религиозных воззрений коренится в двух моментах: во-первых, в той стране естественных условий, которую можно свести к катастрофическим силам азиатской породы». Правда, дальше т. Рейснер добавляет: «а во-вторых, в социальной структуре

общества» (стр. 14). Маркс, как известно, такого разделения не признавал. «По Марксу», говорит Плеханов,—в «Основном вопросе марксизма», «географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды».

Но все же работа тов Рейснера, несмотря на ряд недостатков, из которых мы указали далеко не все, заслуживает самого внимательного к себе отношения и изучения. «Очерки восточной теократии» тов. Рейснера есть те именно кирпичи, при помощи которых будет воздвигаться здание марксистской истории религии.

А. Лукачевский.

А. МАРТЫНОВ. Современный II Интернационал. ГИЗ, М.-Л., 1928 г., стр. 269, цена 1 р. 75 коп.

Партии Коммунистического Интернационала. Справочник пропагандиста. Сборник статей о важнейших секциях Коминтерна, под редакцией Д. Петровского, ГИЗ, М.-Л., 1928 г., стр. 205, цена 1 руб.

Коммунистический Интернационал и война. Документы и материалы о борьбе Коминтерна против империалистической войны и в защиту СССР. ГИЗ, М.-Л., 1928 г., стр. 108, цена 75 коп.

Закончившийся недавно VI конгресс Коминтерна усилил внимание к вопросам международного революц. движения. 3 рецензируемые книги должны содействовать ознакомлению широкого рабочего читателя, в первую очередь, актива, с этими вопросами.

* * *

Работа т. Мартынова представляет собой талантливо написанный памфлет о II Интернационале и его деятельности за последние годы и в настоящее время, когда II Интернационал превратился в открытую агентуру буржуазии, когда произошла «консолидация руководства социал-демократических партий на основе буржуазной платформы».

Тов. Мартыновым привлечен обильный материал для того, чтобы в яркой форме нарисовать широкое полотно измен и предательств, которыми II Интернационал и отдельные его партии ознаменовали последние полтора десятка лет своего существования. Умелым подбором материалов и документов т. Мартынов заставляет деятелей II Интернационала «собственными словами» расписаться в предательстве и измене интересам пролетариата и революции, в ревизии и в отказе от марксизма.

Первый раздел книги—«Первый цикл измен», состоящий из трех глав, посвящен банкротству II Интернационала в 1914 году и его причинам, саботажу и предательству революции и ревизии марксизма. Это наиболее сильная часть работы т. Мартынова.

Здесь приходится указать лишь на некоторые недочеты. Тов. Мартынов почему-то упорно избегает даже упоминания о позиции во время войны русских меньшевиков, группы Плеханова и троцкистов-центристов из РСДРП.

Если автору нужно было доказать, что партии II Интернационала с началом войны стали социал-шовинистическими, заключили «гражданский мир» со своей буржуазией и привели к величайшему кризису социализма, то в числе прочих он мог найти не мало и достаточно ярких примеров и в тогдашней русской секции II Интернационала.

Автор утверждает, что центристы «на словах признавали империалистический характер эпохи и грядущей войны, непримиримость интересов пролетариата и буржуазии и неизбежность социальной революции в результате военной катастрофы. На деле, однако, на практике они тем более скатывались на путь реформизма, чем больше обострялись противоречия империалистической эпохи, и чем больше приближалась война» (стр. 11, разрядка автора). Но не на последнем месте в качестве материала для иллюстрации этой мысли мог бы служить троцкизм, позицию которого В. И. Ленин в те времена охарактеризовал как позицию «беспомощного прислужника социал-шовинистов» (В. И. Ленин, т. XIII, стр. 78).

Между тем т. Мартынов сравнивает позицию Каутского лишь с таким явлением, как позиция кадетов в 1905 г.

«Позиция Каутского и других «центристов» во время войны, как две капли воды напоминала позицию кадетской партии в России во время октябрьской забастовки 1905 года, когда Центральный комитет кадетской партии заявил в своем отчете, что он о деятельности партии за время октябрьской забастовки ничего сообщить не может, ибо условия забастовки неблагоприятны для работы кадетской партии, ибо эти условия „ненормальные"» (стр. 23).

Во втором разделе «На страже стабилизации капитализма» особенные возражения вызывает глава I—«Частичная стабилизация капитализма, ее противоречия и ее отражения на социал-демократии».

В своем докладе на VI конгрессе Коминтерна т. Бухарин дал для настоящего времени следующее определение стабилизации капитализма:

«Каковы были несколько лет назад наши представления о процессе даль-

нейшего развития или дальнейшего распада капиталистической системы? Я, прежде всего, беру время разработки первого проекта нашей программы. Мы тогда формулировали тезис о положении капитализма таким образом: капиталистическая система находится в процессе распада—в процессе распада без всяких оговорок. Наше тогдашнее представление о дальнейших судьбах капитализма можно было бы изобразить в виде непрерывно падающей кривой.

Но уже при вторичном обсуждении проекта мы пришли к заключению, что нужны некоторые коррективы. Уже на V мировом конгрессе наши тезисы о положении и судьбах капиталистической экономики были формулированы несколько иначе. Затем вошло в оборот и слово «стабилизация» с различными ограничениями: «частичная», «временная» и т. д.

Теперь я ставлю следующий вопрос: какой смысл имеют в данный момент эти определения и эти ограничения? Имеют ли они вообще какой-нибудь смысл? Если они имеют смысл, то тот ли это смысл, что и прежде, или до некоторой степени другой? На мой взгляд эти определения теперь имеют смысл несколько иной, чем прежде» (стр. 16, разрядка автора»[1].

«Прежние формулировки были основаны, таким образом, на некотором преувеличении известных реальных фактов. Теперь прежняя форма кризиса заменена другой формой—в этом дело» (стр. 19, разрядка автора).

В связи с этим Н. И. Бухарин выдвинул положение о трех периодах послевоенного развития, охарактеризовав третий современный период, как «период капиталистической реконструкции, выражающейся в качественном и количественном выходе за довоенные рамки» (стр. 6).

Этого понимания стабилизации капитализма у т. Мартынова нет.

Проанализировав положение в ряде стран Европы, т. Мартынов заключает: «В общем, говоря об Европе в целом, можно сказать с полной определенностью, что европейский капитализм, несмотря на его частичную стабилизацию, продолжает катиться вниз» (страница 101).

Такое представление как раз соответствует тому, что т. Бухарин назвал «нашей прежней установкой»: «Предполагалось, что некоторый рост производства мы наблюдаем только в той или иной стране да и то почти в виде исключения. Этот рост казался не особенно характерным, это считалось лишь привходящим «условным» обстоятельством. Завтра же или послезавтра, ведь, будет другой процесс. Если сегодня мы наблюдаем в какой-либо стране рост техники, рост производительных сил, хорошую кон'юнктуру, то это—«экономическая однодневка», которую нельзя брать всерьез. Можно и нужно сказать, что тогда были определенные основания так оценивать положение вещей, но эта оценка стабилизации, относительной стабилизации уже во многом не соответствует нынешнему положению» (стр. 17).

Для большей ясности сравним оценки положения в Германии и С.-А. соед. штатах у т. Бухарина и у т. Мартынова:

Германия, — Бухарин: «Теперь надо быть слепым, чтобы не видеть, что германский капитализм довольно быстро развивается, и отнюдь не случайны разговоры о новом империализме, не случайно вожделение к «мандатам», тоска по колониям, не случайна стройка броненосцев и т. д.» (стр. 18).

Мартынов: «Германский капитализм, таким образом, зашел уже сейчас в тупик. Именно поэтому мы наблюдаем в последнее время повышенную нервность во внешней политике Германии» (стр. 101).

С.-А. С. Ш.,—Бухарин: «С.-А. С. Ш. идут вперед. Пусть те или иные предсказания относительно кризиса в Америке верны. Это не исключено, более того, это даже очень вероятно, но общий курс развития—это рост промышленности, рост производства» (стр. 17).

Мартынов: «До сих пор идеологи капитализма могли отдохнуть душой только на С.-А. соединенных штатах, которые одни выиграли от войны и в которых капитализм до настоящего времени быстро подымался в гору... Но сейчас и американскому благополучию наступает, видимо, конец» (стр. 102).

Таким образом, т. Мартынов видимо не понял своеобразия той новой формы кризиса капитализма, которую он сейчас переживает.

«Не следует представлять себе общий кризис капитализма и капиталистической системы так, что почти во всех странах или в большинстве стран капитализм все идет на-нет. Положение другое. Кризис капитализма заключается в том, что мы имеем теперь в результате прежней, непосредственно военной и послевоенной фазы коренные структурные изменения во всем мировом хозяйстве, — изменения, которые неизбежно тысячекратно заостряют всякое противоречие в капиталистической системе и ведут в конце концов к ее гибели» (Бухарин, стр. 19—20, разрядка автора).

---

[1] Здесь и в дальнейшем цитировано по брошюре Н. И. Бухарина—«Международное положение и задачи Коминтерна. Отчетный доклад и заключит. слово на VI конгрессе Коминтерна» ГИЗ. 1928 г.

* * *

Сборник под редакцией Д. Петровского представляет собой ценный справочник, дающий довольно свежий материал по истории, практике и задачам компартий свыше 30 стран. Приложенные к справочнику «хронология Коминтерна» и «из библиографии Коминтерна», делают эту книгу незаменимым справочником в руках не только партийного пропагандиста и агитатора, но и в руках преподавателя комвузов и совпартшкол при проработке соответствующих отделов учебных программ.

* * *

Сборник «Коммунистический Интернационал и война», по словам редакции, «призван служить не источником материала для историка, но вспомогательным оружием в практической работе партии. В связи с VI всемирным конгрессом Коминтерна, он познакомит членскую массу и делегатов с материалом, необходимым для предварительной и последующей проработки одного из существеннейших вопросов порядка дня конгресса—вопроса о войне» (стр. 5).

Сборник не претендует на полноту, «он охватывает не все документы Коминтерна по вопросу о войне, а лишь важнейшие» (стр. 6). Но определенного критерия для отнесения того или иного документа к «важнейшим» у редакции не было. Правда, редакция (анонимная) успокаивает читателя тем, что «дальнейшее изучение облегчается прилагаемым указателем всех воззваний и резолюций ИККИ и главнейших документов секций по вопросу о войне» (стр. 6). Однако этого «прилагаемого указателя» в лежащем перед нами экземпляре сборника мы не нашли, не значится он и в оглавлении.

Пользование сборником было бы облегчено и он бы принес некоторую пользу, если бы приведенные в нем документы, охватывающие период с 1914 по 1928 г., сопровождались комментариями или историческими справками. Однако, и этого в сборнике нет.

Л. Мамет

ИНТЕРЕСНЫЙ ОПЫТ

(Исторические книжки — приложение к газете «Гудок»)

В последнее время в кругах московских историков-марксистов обсуждаются планы издания массового, широко-популярного исторического журнала. Есть скептики, которые сомневаются в жизненности нового журнала. Их главное возражение: журнал не найдет своего читателя, не превратится в массовый орган. Это совершенно напрасное опасение. Вот пример, подтверждающий, что научно-популярная историческая литература, при удачном ведении дела, легко может быть распространена среди читателей рабочих в многотысячных тиражах.

Газета железнодорожников «Гудок» уже третий год выпускает для своих подписчиков «художественно-литературную и историко-политическую библиотечку», в которой значительное количество книжек исторического содержания. Интересна, прежде всего, организация издания. Книжки высылаются только по подписке и в розницу не поступают. Цена установлена 20 коп. за 4 книжки, т. е. 5 коп. за книжку в 2 печатных листа. По нынешним временам это очень низкая цена, в особенности, если учесть приличную бумагу, довольно четкую печать и изящную обложку. Такая цена достигается дешевым способом печатания книги (на ротационных машинах) и большим тиражем, достигающим 50—60 тысяч экземпляров. Если принять во внимание, что читателями библиотечки являются одни только рабочие-железнодорожники, то вполне очевидными станут те возможности, которые существуют у хорошей дешевой исторической книжки. Она легко может получить распространение не только в десятках, но и в сотнях тысяч экземпляров.

Переходим к содержанию рецензируемой «библиотечки». До настоящего времени вышло уже свыше двадцати книжек исторического характера. Общее впечатление от содержания серии вполне благополучное, отдельные книжки даже хороши, но не обошлось и без досадных провалов. Темы большинства книжек историко-революционные. Больше всего книжек посвящено политической каторге и ссылке. Здесь выделяется «На полюсе холода» В. Ногина. Это поразительно яркая, увлекательная картина Верхоянской ссылки, оставляющая у читателя не только неизгладимое впечатление, но и дающая ему немало знаний об условии жизни ссыльных, о крае, о быте туземцев и т. д. Книжка В. Ногина—одна из лучших в серии. Удачны в этом же ряду несколько книжек Н. Ростова: «Заарентуйская трагедия», «Техник Григорович», «Карийская трагедия», «Тайна Трубецкого бастиона», «Алексеевский равелин». С подкупающей простотой, подчеркивающей значительность фабулы, автор рассказывает о трагичных эпизодах царской каторги и отдельных моментах революционной борьбы. Приводятся новые малоизвестные факты, рисующие судьбу Егора Сазонова, Марии Ветровой, железнодорожника Костюшки-Волюжанича. Эти книжки вполне могут быть причислены к числу научно-популярных. Затем идут не плохие книжки Я. Свердлова «Царская ссылка»

и Вл. Виленского-Сибирякова «Ленин в сибирской ссылке».

Непростительно мало книг посвящено великой Октябрьской революции и гражданской войне. «Октябрьские дни» С. Мстиславского — неудачная попытка дать анализ процесса нарастания революционного под'ема вместе с изложением внешних факторов октябрьских дней. Совершенно правильное по существу стремление связать воедино два эти момента оказалось невозможным осуществить на двух печатных листах. Для такой темы надо было отвести тройной или, по крайней мере, двойной размер книги. Серая книжка А. Богдасарова «От февраля к октябрю» (вып. I; второй не вышел). Наконец еще одна книжка из того же цикла—«Убийство Мирбаха» Влад. Бонч-Бруевича. Большая ошибка издательства, выпустившего такую книжку (кстати, эту же ошибку успели повторить еще два издательства, частично поместившие у себя эти же мемуары). Бонч-Бруевич выступает в качестве мемуариста худшего пошиба, стремящегося поставить свою собственную персону обязательно на первое место. Когда, дескать, начался мятеж левых эсеров, все члены советского правительства совершенно растерялись. Один Бонч-Бруевич сохранил твердость духа и в полном спокойствии давал всем советы, указания и распоряжения. Подвойский действовал недостаточно решительно и вместо того, чтобы прямо (по указаню Бонч-Бруевича) двинуть военные силы против восставших, начал сосредоточивать войска за Москвой-рекой и этим затянул подавление восстания. Свердлов совершенно не понимал серьезности положения и вместо того, чтобы двинуть войска (по предложению того же Бонч-Бруевича) обещал «все в два счета успокоить» одним фактом появления Дзержинского перед восставшим отрядом ВЧК. «Ни в коем случае вам ехать не надо,—сказал я Дзержинскому,—вы только испортите дело... Свердлов присоединился к мнению Дзержинского, говоря, что все это пустяки, что стоит Феликсу приехать и все будет в порядке». Совета Бонч-Бруевича не послушали и Дзержинский был арестован. Все потеряли голову. «Владимир Ильич, нельзя сказать побледнел, а побелел... Он ринулся ко мне...—Но власти мы не отдадим! — почти крикнул Владимир Ильич, подходя ко мне вплотную и судорожно схватил меня за руку выше кисти, сильно сжимая, гневно и решительно блестя глазами... — Конечно, — ответил я ему спокойно, — об этом никто и не думает». Затем Бонч-Бруевич предлагает ряд решительных мер и Владимир Ильич тотчас же их утверждает. В таком стиле написана вся книжка.

Совершенно отсутствует в серии Запад. Единственная книжка Д. Готлобера «Парижская коммуна» очень слаба и по форме и по содержанию.

Особняком стоит «Черная раса» Нюэнай-Квака. Автор рассказывает о «современных рабах»: о туземцах Африки и американских неграх, о методах империалистического ограбления колоний. В книжке собрано много ярких фактов, но кое в чем допущено совершенно напрасное упрощение. «Домашняя» жизнь негров обрисована в идиллических тонах. Негры живут в условиях какого-то «первобытного коммунизма», не знают ни частной собственности на землю, ни каких-либо экономических расслоений. Процветает правило—от каждого по способностям, каждому по потребностям. В политической организации царит «демократизм в полном смысле этого слова». Редакции следовало бы в предисловии вместо того, чтобы бесцельно излагать содержание книжки, отметить ее слабые места и исправить заблуждения автора. Это намного подняло бы достоинство книжки со столь интересной темой.

Отдельным эпизодам из истории революционного и профессионального движения среди железнодорожников посвящено всего две книжки: «Союз мастеровых и рабочих» Ал. Хаина полумемуарная, полу-исследовательская работа, имеющая несомненную ценность и «Пролог первой революции» Н. Ростова, которая выясняет роль железнодорожников в первой всеобщей забастовке в 1905 году. Здесь автор впервые собрал воедино рассеянный в разных местах материал. Этому же автору принадлежат, наконец, и три книжки, посвященные общим вопросам русской истории: «Крещенная собственность» (освобождение крестьян), «От Ипатьевского монастыря к дому купца Ипатьева» (история дома Романовых за 300 лет—в связи с десятилетием со дня свержения самодержавия) и «Мятежная Русь» (восстания Степана Разина и Пугачева). Из этих книжек научно-популярной можно назвать лишь последнюю.

Интересно отметить, что «Гудок» в своем начинании имеет уже подражателей. «Рабочая Москва» тоже начала выпускать «библиотечку» в качестве бесплатного приложения для своих подписчиков, поступающую и в розницу (20 коп. книжка). В этой «библиотечке» отдана дань истории. Это переводная с немецкого, книжка А. Неймана «Убийство Павла I». Написанная в стиле бульварного детективного романа, она одинаково далека и от художественной беллетристики и от научно-популярной литературы. Это особенно печально видеть в книжке с тиражем в 150000 экземпляров.

Ал. Гуковский

ХРОНИКА

Отчет Института истории РАНИОН за 1-ю половину 1928 г.

За истекшее полугодие (январь—июнь 1928 г.) в институте состоялось 47 заседаний с научными докладами.

В Секции древней истории были заслушаны следующие доклады: 1) Д. П. Кончаловского «О сельскохозяйственном сочинении Катона—De agricultura» (23/I), 2) его же «Труд в сельском хозяйстве в конце Римской республики» (7/III) и 3) С. А. Никитина «Римские коллегии, связанные с продовольствием, в III и IV вв.». (10/II).

Цель доклада Д. П. Кончаловского о книге Катона—путем исследования некоторых характерных особенностей книги (в частности, содержания гл. 10 и 11) подтвердить справедливость теории Notizbuch и определить значение книги в качестве источника аграрной истории.

В другом своем докладе Д. П. Кончаловский приходит к выводу, что конкуренция рабского труда со свободным в сельском хозяйстве II в. до Р. X. не представляла нового явления, т. к. уже в III веке рабство имело значительное распространение в Италии. Вопреки обычному взгляду, военная служба свободных не являлась препятствием для применения их в качестве наемных рабочих в сельск. хозяйстве. Данные о с.-х. приводят к заключению, что наличие свободных рабочих являлось conditio sine qua non хозяйства более крупных экономий, тогда как рабский труд мог быть заменен и заменялся свободным. Помимо найма свободный труд находил себе применение в формах т. наз. полиции и аренды. В конечном итоге гораздо более вероятной представляется нужда работодателей в свободных рабочих, нежели нужда последних в заработке.

С. А. Никитин, на основании эпиграфических данных, а также юридических источников, дает характеристику внутреннего устройства римских ремесленных коллегий III—IV веков нашей эры. Докладчик останавливается на тех изменениях в этом устройстве, какие происходят во второй половине III века в связи с привлечением коллегий к обслуживанию нужд государства; указывает те обязанности, какие несут коллегии, связанные с продовольствием, в IV в.: устанавливает, что в эту эпоху у коллегий продолжала еще оставаться известная автономия, все время сокращавшаяся, и что процесс закабаления приводил к разложению коллегиального строя.

В Секции средневековой истории были заслушаны доклады: 1) Н. П. Фрейберг «К вопросу о расслоении цеховой среды» (5/V), 2) И. С. Звавича «Хозяйственный и социальный строй Верхнего Дофинэ в XII—XV вв.» (4/V), 3) В. В. Стоклицкой-Терешкович «К вопросу о социальной структуре немецкого города XIV—XV вв.» (11/V), и 4) Е. А. Косминского «Уорвикширская деревня XIII в.» (28/V).

На основании изучения хроник и документов XIII—XIV вв. Н. П. Фрейберг приходит к выводу, что уже в эту эпоху имело место внутреннее расслоение цехов, приведшее в XVI в. к резкому разделению ремесленной массы на мастеров и подмастерьев. Шла борьба за сокращение рабочего дня, за увеличение заработной платы и т. д. И если в XIII в. противоречия интересов между мастерами и подмастерьями еще сглаживались легкостью перехода из одного слоя в другой, то в XIV и в XV вв. возникает стремление закрыть доступ в цех новым возможным конкурентам; это стремление окончательно расслаивает цех, противопоставляя друг другу мастеров и подмастерьев. В XV—XVI вв. подмастерья выделяются в особые союзы, ставя тем самым цехи в разряд организаций, отражающих интересы одних только хозяев-предпринимателей.

Доклад И. С. Звавича представляет собой критический разбор книги Th. Sclafert «Le Haut-Dauphiné au Moyen-Age»[1]. Работа Терезы Склафер интересна тем, что дает образчик локального исследования. Это последнее позволяет нам уловить конкретные очертания той тенденции к хозяйственному районированию, которая столь характерна для феодализма. Своеобразные географические условия Верхнего Дофинэ (горный климат, частые наводнения и т. п.) создали особый тип хозяйства. Оно характеризуется преобладанием скотоводства и виноделия над хлебопашеством и сравнительно высокой то-

[1] См. рецензию И. Звавич в «И. М.» т. VII.

варностью (сбыт вина, шерсти, леса). Отсюда—значительное развитие арендной системы, отсутствие обширной барской запашки и незначительные размеры барщины (в среднем 3 дня в году). Строй Верхнего Дофинэ—яркий пример отклонения от обычного типа феодального уклада, как он рисуется в свете общепринятых представлений.

В. В. Стоклицкая-Терешкович, посвятив начало своего доклада историографическому обзору литературы вопроса, переходит затем к рассмотрению социального строя ряда немецких городов, для характеристики которых с этой стороны имеется достаточный материал (Франкфурт, Галль, Базель, Мюльгаузен, Костанц, Равенсбург и Герлиц). В результате докладчица приходит к выводу, что социальная структура крупных и средних городов средневековой Германии совершенно опровергает схему Зома-Бюхера. В этих городах мы наблюдаем «сильную имущественную диференциацию, большую разницу между крайними социальными полюсами, наличие широкого слоя неимущих». В небольших городах грани менее резки, но однородности в структуре и здесь нет, и процент неимущих и здесь значителен. Эта мысль доказывается статистическими данными по Дрездену, Эслингену, Шлетштату, селениям Мангеймского округа. Из данных по этим последним делается вывод, что взгляд Бюхера на социальную структуру средневекового города применим лишь к небольшим городкам аграрного типа с населением человек в 1000 или около этого.

Доклад Е. А. Косминского основан на архивном материале: докладчик подверг анализу кодекс, представляющий собой копию одного из «свитков» того же типа, что и «Rotuli Hundredorum», относящегося к 1279 г. Памятник содержит описание гор. Уорвика и сотни Стэнлей. Анализ памятника приводит Е. А. Косминского к следующим выводам: 1) В сотне Стэнлей наряду с несколькими типичными манорами имеются вотчины, которые трудно подвести под обычные представления о маноре. 2) Даже и в типичных манорах нет указаний на барщину по нескольку дней в неделю; имеются лишь данные о нескольких днях барщины в году (от 9 до 99 дней). 3) По всей сотне Стэнлей свободные земли преобладают над вилланскими держаниями, что противоречит представлениям П. Г. Виноградова о манориальном строе. 4) Денежные платежи по всей сотне преобладают над барщинными повинностями. 5) Размеры домениальной запашки сильно колеблются (от 8 до 500 акров). 6) Размеры вилланских держаний невелики (средний размер—15 акров), но у свободных держателей малоземелье еще сильнее, чем у вилланов.—Сделанные наблюдения позволяют поставить вопрос, чем об'ясняется своеобразие аграрного уклада сотни Стэнлей: неполной манориализацией или разложением манориального строя. Докладчик относится скептически к обычному решению этого вопроса в духе второй из намеченных возможностей, ибо рост денежного хозяйства не обязательно приводит к уничтожению барщины. Наблюдения над «сотенными свитками» ставят на очередь пересмотр прежних представлений о сущности самого манориального строя.

В Секции новой истории были заслушаны следующие доклады: 1) П. Ф. Преображенского «Бисмарк и европейский кризис 1887 г.» (1/II), 2) С. Д. Куниского «Общинные земли в эпоху Великой французской революции» (9 и 16/II), 3) С. М. Моносова «Гильдейский социализм в Англии» (29/III), 4) А. С. Бернштейна «План курса по истории Западной Европы в эпоху империализма» (24/V), 5) В. Х. Стального «Попытки англо-германского сближения в 1898—1901 гг.» (31/V), 6) Б. Г. Вебера «Лютер и социальная действительность его эпохи» (7/VI), 7) В. М. Хвостова «Ближне-восточный кризис 1895—1897 гг.» (14/VI), 8) И. С. Макарова «Французская эмиграция в Англии в эпоху Второй империи» (18/VI) и 9) Н. М. Дружинина «Комитет труда при Конституанте 1848—1849 гг.» 21/VI).

П. Ф. Преображенский, на основании огромного материала, опубликованного после войны, дает анализ условий, при которых произошло заключение т. н. «Союза перестраховки» («Rückversicherungvertrag») между Россией и Германией 6/18 июня 1887 года. Выводы докладчика: союз перестраховки нельзя рассматривать изолированно от общей международной ситуации в 1887 г. Заключая соглашение с Россией с обязательством нейтралитета в случае, если бы Россия оказалась вынужденной вести войну из-за проливов, Бисмарк в то же время способствует австро-англо-итальянскому соглашению, направленному к поддержанию status quo на Востоке. Попутно докладчик развивает мысль, что обычная уступчивость Бисмарка в отношении русской политики на Востоке об'ясняется тем, что, по его мнению, активная политика России на Балканах была источником ее слабости в Европе.

С. Д. Куниский дал изложение своей книги: «Общинные земли в эпоху Французской революции», написанной им совместно с В. Н. Позняковым. Задача докладчика—дать анализ документов по разделу т. наз. «biens communaux», осветив их с точки зрения социального расслоения во французской деревне и классовой борьбы, обострившейся во время революции. Основной вывод доклада: за раздел общинных угодий стояла ос-

новная масса крестьянства за исключением ее наиболее обеспеченной верхушки. Закон конвента 10/VI 1793 г. о разделе общинных угодий был выразителем этого общего настроения.

С. М. Моносов, на основании внимательного изучения трудов гильдейских социалистов, нарисовал общую историю развития этой группировки и дал характеристику ее воззрений. Основные выводы докладчика: взгляды гильдейских социалистов на такие коренные вопросы, как будущее государство и распределение средств производства, очень путаны; наиболее сильная часть их теории—критика учреждений современного общества (парламентаризм, политические партии и т. п.), но т. к. они боятся революции и враждебны марксизму, то положительная сторона их учения является очень слабой. Гильдейский социализм представляет течение, стремящееся смягчить острые противоречия классовой борьбы, т. е. является оппортунистическим, мелкобуржуазным и антиреволюционным; естественно, что оно не пользуется никаким влиянием в рабочих массах.

А. С. Бернштейн представил подробно разработанный план курса по истории Западной Европы в эпоху империализма, прочитанного им в одном из вузов Москвы в 1927/28 уч. году, и познакомил секцию с пособиями и материалами, положенными в его основу.

Доклад В. Х. Стального написан на основании вновь опубликованных германских (Die grosse Politik) и английских (Engl. Documents of the Origins of the War) дипломатических документов и посвящен выяснению тех обстоятельств, при которых произошло крушение попыток Дж. Чемберлена в конце XIX и начале XX вв. заключить соглашение с Германией. Основная причина этой неудачи в том, что германская дипломатия не дооценила опасности сближения между Англией и Россией и не учла этой возможности. Она рассматривала англо-русский антагонизм, как фактор постоянный в международных отношениях, и вследствие этого держалась в отношении к этим двум державам политики свободных рук.

Б. Г. Вебер, исходя из того положения, что у Лютера была законченная и вполне последовательная система универсального и энциклопедического религиозного об'яснения общества, попытался интерпретировать миросозерцание Лютера и его догматическую систему, как логику простого товарного хозяйства.

Задача доклада В. М. Хвостова—выяснение обстановки, при которой произошло австро-русское сближение в 1897 г. Воспользовавшись документами Герм. мин. ин. дел. (Die grosse Politik der europäischen Kabinette) и архивными материалами русского министерства иностран. дел, автор осветил остающееся еще до сих пор не вполне выясненным предложение Сольсбери о разделе Турции, сделанное им русскому правительству в 1895 г. Именно под угрозой этого предложения Австрия и поспешила сблизиться с Россией и застраховать себя от неожиданностей в Восточном вопросе, предложив России status quo на Балканах. Россия, занятая дальневосточными делами, пошла на соглашение.

И. С. Макаров использовал записки и воспоминания главных участников французской эмиграции Ледрю-Реллена, Луи Блана, Ф. Пиа, Лефрансе и др. и газеты «Le Proscrit» и «Voix de Proscrit» за 1850—51 гг. На основании этого материала докладчик дает характеристику основных направлений в эмиграции: ролленистов, братского общества социалистов-демократов во главе с Бартелеми, Вилликом и Шапиром, революционной коммуны во главе с Ф. Пиа и Коссидьером, группы Union Socialiste во главе с Л. Бланом, П. Леру и Кабэ,—и выясняет положение группы т. наз. «независимых»—наиболее левой группы в эмиграции.

Н. М. Дружинин, на основании протоколов комитета труда 1848—1849 гг., дает характеристику социального состава и деятельности комитета. Перевес монархических и умеренно-республиканских элементов сделал комитет проводником реакции. Принужденный принять проект рабочих ассоциаций с целью примирить пролетариат с буржуазной республикой, комитет в то же время стремился отменить декрет об ограничении рабочего дня.

В Секции русской истории были прочитаны следующие доклады: 1) В. Н. Бочкарева «Торговые ряды в Ярославле в XVII в.» (16/I), 2) Б. Б. Кафенгауза «Записки певца-итальянца Филиппо Балатри» (30/I), 3) М. Я. Феноменова «Рост домена и барщины в конце XV и начале XVI вв. в Новгородской области» (20/II), 4) Н. Ф. Яницкого «Хозяйство Дорогобужского Болдина монастыря в конце XVI и начале XVII вв.» (27/II), 5) И. М. Троцкого «Возникновение новгородской республики» (19/III), 6) И. И. Полосина «Сообщение о работе «Centre International de synthèse historique» (2/IV), 7) И. С. Макарова «Подготовка закона о земских начальниках 12 июля 1889 г.» (23/IV), 8) Н. И. Приваловой «Касимовские цари и царевичи и население г. Касимова в XVII в.» (14/V), 9) В. И. Шункова «Ясачное население Сибири в XVII в.» (21/V) и 10) А. Н. Сперанского «Торговля Устюжны Железнопольской в первой половине XVII в.» (28/V).

В. Н. Бочкарев, на основании статистического изучения писцовых книг, изображает изменения в составе торгового населения и специализацию торговых рядов, исследует связь торговых людей

с ремесленным производством и отмечает укрепление торговых предприятий к концу XVII в.

Б. Б. Кафенгауз дает критическое исследование записок жившего в России при Петре I юноши-итальянца, опубликованных в Италии в 1924 г. Основной вывод доклада: записки очень стилизованы и по форме (написанны стихами) и по содержанию (отражают на себе монашеское миросозерцание автора); тем не менее они дают некоторый материал для характеристики времени Петра, сообщая, главным образом, отдельные картинки из боярского и придворного быта.

М. Я. Феноменов, на основании изучения Новгородских писцовых книг конца XV и начала XVI вв., доказывает, что рост барщины и барской запашки в изучаемой им местности в этот период происходил под действием, с одной стороны, дробления крупных владений, после их конфискации и раздела между массой служилых людей, с другой—появления множества мелкопоместных владений.

Н. Ф. Яницкий, на основании статистического анализа приходо-расходных книг 1585—1607 гг., дает общую картину денежной части бюджета Дорогобужского Болдина монастыря, констатирует его устойчивость в это время, бездефицитность, и дает группировку приходных и расходных статей денежной части бюджета.

И. М. Троцкий, на основании тщательного пересмотра летописных данных, следуя методу А. А. Шахматова, приходит к выводу, что вовлечение Новгорода в сферу киевского влияния относится к более позднему времени, чем обычно полагают, а именно только к концу X в. Рост новгородской вольности развивается затем постепенно в атмосфере напряженной социальной борьбы; события 1136 г. являются одним из ярких эпизодов в истории возникновения новгородской вольности, но не решающими.

И. И. Полосин сделал информационное сообщение о работе «Centre International de synthèse historique! (Paris) по составлению словаря исторических терминов. Основной частью этой работы является историко-семансиологический анализ терминов.

И. С. Макаров коснулся в своем докладе различных публицистических течений в связи с подготовкой закона о земских начальниках, но преимущественно исследовал прохождение его в бюрократических сферах, борьбу вокруг него либерального и реакционного чиновничества. Наибольшее внимание уделено работам Кохановской комиссии.

Н. И. Привалова в первой части своего доклада, на основании жалованных грамот касимовским царям и царевичам, устанавливает об'ем их фискальных и административных прав по отношению к населению Касимовского посада и постепенное сужение их в течение XVII в. Вторая часть исследования посвящена выяснению состава посадского населения, его занятий и промыслов и, главным образом, торговли Касимова по данным таможенной книги и выписей из писцовых книг.

В. И. Шунков в своем докладе прослеживает изменения в составе и численности ясачного населения Сибири, а также в размерах и характере его обложения в течение XVII в., под влиянием проникновения в Сибирь торгового капитала.

А. Н. Сперанский, на основании сопоставления таможенных книг по Устюжне Железнопольской с таможенными книгами других городов, исследует вопрос об об'еме, характере и направление торговли Устюженского посада в первой половине XVII в., касаясь попутно также и развития железоделательного промысла в Устюженском крае.

В Секции новой русской истории были заслушаны доклады: 1) Б. И. Горева «Русский анархизм и Октябрьская Революция» (23/I), 2) Н. Г. Буркина «Социальная характеристика нечаевского движения» (10/II), 3) Б. П. Козьмина «Зайчневский и Молодая Россия» (17/II), 4) А. А. Кирова «Деятельность Румчерода и С. Н. К. Одесской области» (2/III), 5) М. М. Клевенского «Московский кружок «вертепников» 1855—1858 гг.» (26/III), 6) В. Ю. Гессена «Из истории Красной гвардии» (13/IV), 7) Б. П. Козьмина «Раскол в нигилистах» (27/IV), 8) А. В. Ефимова «Утопист 60-х годов Соколов» (14/V), 9) Р. А. Авербух «Эволюция социологических воззрений Н. А. Рожкова» (28/V) и 10) Н. А. Знаменского «Революционное движение в войсках Казанского военного округа 1905—1907 гг. и с.-д. военная организация» (5/VI).

Б. И. Горев, на основании анархической прессы и др. материалов, поставил в своем докладе интересную методологическую задачу—проследить развитие анархического движения в наиболее свободной обстановке—от октября 1917 г. до лета 1918 г. Анархизм, имевший некоторый успех в 1917 г. (благодаря максималистическим лозунгам), после октября становится в оппозицию к большевизму и быстро теряет организационное влияние.

Н. Г. Буркин, на основании архивных материалов, дал анализ социального состава и положения студенчества 60-х и 70-х годов и, в частности, участников нечаевского движения, которых характеризовал, как представителей разоряющегося, беднейшего слоя «разночинцев».

Б. П. Козьмин в докладе о Зайчневском, поставил себе задачу разрешить

ряд спорных вопросов, относящихся к кружку Зайчневского и революционному движению начала 1860-х гг. Доклад является отрывком из большой работы, подготовляемой к печати. Докладчик останавливается на идеологии кружка Зайчневского, его работе и разногласиях между Зайчневским и Аргиропуло; доказывает, что автором «Молодой России» был Зайчневский, кружок которого, продолжавший работать после ареста руководителя, напечатал и распространил прокламацию; анализируя «Предостережение», докладчик находит, что оно вышло не из кружка Зайчневского, а из кружка, выпустившего прокламацию «К образованным классам»; наконец, на основании нового архивного материала (донос Александровой), докладчик сообщает новые данные о кружке Зайчневского и его связях с Петербургом.

А. А. Киров в своем докладе обрисовывает ход Октябрьской революции в г. Одессе (с октября 1917 г. до прихода немцев в марте 1918 г.), формирование органов советской власти и их деятельность, работу Румчерода, как внутреннюю, так и международную (переговоры и проч.).

М. М. Клевенский, на основании архивных и мемуарных данных, обрисовал деятельность почти неосвещенного в литературе кружка «вертепников» в Москве, служащего как-бы промежуточным звеном между движением 1840-х и 1860-х гг., и тем заполняющего пробел 50-х годов. «Вертепом» назывались собрания у студента Рыбникова (впоследствие известного фольклориста), наиболее активными участниками которых были П. Рыбников, А. Козлов, П. Свириденко, Власьев, Потехин, Котляревский, Рассадин и др. Участники кружка увлекались идеями утопического социализма, читали Прудона. Собрания посещал Хомяков, с которым студенты спорили. Характеризуя воззрения виднейших участников кружка, докладчик приходит к выводу, что в этом кружке намечались уже элементы народничества и писаревщины.

В. Ю. Гессен в своем докладе, основанном на архивном материале Петроградского о-ва заводчиков и фабрикантов, показал борьбу между рабочими и предпринимателями Петрограда на протяжении всего 1917 г. из-за оплаты красногвардейцев (интересный и малоизученный эпизод классовой борьбы).

Б. П. Козьмин в очень интересном докладе, посвященном нигилистам, подробно осветил полемику «Современника» с «Русским Словом» в начале 1860-х гг. Дав ряд характеристик публицистических направлений и виднейших публицистов (Елисеев, Писарев, Зайцев, Салтыков и др.), автор устанавливает наличие очень большого расхождения двух передовых журналов по коренным вопросам. «Современник» характеризуется докладчиком, как журнал перерождающийся в народнический, а группа публицистов «Русского Слова»—как представители «индустриализма».

А. В. Ефимов осветил взгляды почти забытого экономиста-утописта 1860-х гг. сотрудника «Русского Слова»—Соколова. Философия Соколова—нигилистическое отрицание, его теоретические экономические взгляды по отношению к России—защита аграрно-капиталистического, провинциально-промышленного пути развития, в противовес индустриализму (он против железных дорог, напр.). Докладчик не согласен с характеристикой Писарева и др., как «индустриалистов». От Писарева также тянется линия к народничеству, как представителю «американского типа» развития капитализма (Ленин). «Современник» также стоит на этой точке зрения, но более оппортунистичен.

Р. А. Авербух, на основании изучения исторических и социологических работ Н. А. Рожкова, приходит к выводу, что основной струей в социологических взглядах Н. А. Рожкова был позитивизм. Марксизм был усвоен Н. А. Рожковым не как революционный, а как легальный марксизм 90-х—900-х гг.,—только как идея о приоритете экономики. Одновременно, однако, происходило усвоение им идей психологической школы социологии («психологические типы»). Сильное влияние на философские взгляды Н. А. Рожкова оказал махизм. В своих построениях Н. А. Рожков выступает, как мелкобуржуазный идеолог капиталистического пути развития России («культурный капитализм»). Особенно подчеркивает докладчица не-диалектичность построений Н. А. Рожкова.

Н. А. Знаменский в своем докладе, основанном на изучении очень большого материала местных и центральных архивов, дал картину движения в разных частях войск Казанского округа на фоне общероссийского революционного движения в войсках в 1905—1907 г.г. Наиболее интересной частью доклада является изображение работы с.-д. «военки» и тех изменений, которые в ней происходили под влиянием общепартийных событий в России и в Казани.

В Секции этнологии были заслушаны доклады: 1) Л. С. Выгодского «Психология примитивного человека» (22/II), 2) М. Д. Сигорского «Обрядовая борьба с засухой на Кавказе» (14/III), 3) М. О. Косвена «Проблема рода» (28/III), 4) А. Н. Максимова «Происхождение оленеводства» (25/IV), 5) Л. В. Черепнина «Колдовство в народной русской жизни XVII в.» (16/V) и 6) А. С. Самойло «Экономика и общественные организации островитян Торресова пролива» (23/V).

Л. С. Выгодский, как психолог, сосредоточил свое внимание на том, чтобы дать мышлению примитивного человека психологическую квалификацию. Новые исследования в этой области за последнее время все больше и больше приходят к такому заключению, что мышление современного дикаря вполне логично с точки зрения психологии самого дикаря, ибо существенной разницы между физиологическими функциями примитивного и культурного человека нет. Из этого докладчик делает тот вывод, что об'ектом культурно-исторического развития будет являться не основа памяти, а экономика и техника памяти, и различие психологии примитивного и культурного человека—различие историческое, а не биологическое.

М. Д. Сигорский собрал более 100 описаний обрядов борьбы с засухой, извлеченных из литературы и его собственных записей. Обряды разделены по мотивам на 15 групп и картографированы на специальной карте, приложенной к докладу. Обряды борьбы с засухой являются частью земледельческого культа божества луны на Кавказе и Передней Азии. Божеством, которое по народным воззрениям подает дождь, является луна (мужчина), получившая с христиаством на Кавказе новые названия. Женские элементы обрядов—остатки более старой системы культуры, соответствовавшей особому социальному строю, в котором женщина играла важную роль. Культ луны на Кавказе сближается в одном пласту с культом лунного божества Передней Азии—Анагит и Син, в другом пласту—с богиней Междуречья Иштар.

М. О. Косвен констатировал, что проблема рода, несмотря на ее социологическое значение, мало разработана. Существующие определения рода основаны на чисто-формальных признаках. Анализ характерных черт экономического, правового и военно-политического единства приводит к концепции рода прежде всего, как социально-политической организации. Союзы родов стоят на пороге возникновения государства. Идея единого происхождения, счет родства, общее имя и культ предка оказываются идеологическими надстройками. Ряд явлений, связанных с родовым бытом, экзогамия, тотемическое начало, особая динамичность рода и пр.,—а равно вопрос о происхождении рода, подлежат еще специальному доисследованию. Монографическое изучение истории родов и родового строя у отдельных народов—очередная задача этнологии.

А. Н. Максимов указывал в своем докладе, что оленеводство современных народов происходит из двух совершенно независимых друг от друга источников. Лопарское оленеводство исторически совершенно не связано с оленеводством самоедов и сибирских народов. Но и в том и в другом случае оленеводство не было самостоятельным изобретением: наоборот, и на Скандинавском полуострове и в глубине внутренней Азии оно возникло в результате прямого подражания скотоводству в его других, более древних и более прочно сложившихся формах, т. е. коневодству и разведению крупного рогатого скота. Лопари, заимствовав у норманов оленеводство, заимствовали у них также и молочное хозяйство, для езды же на оленях они приспособили свои собственные охотничьи санки, таскавшиеся первоначально человеком. Из современных сибирских оленеводов раньше всех пришли к оленеводству самоеды (в широком смысле этого слова) и тунгусы. Первоначально оленеводство у них было верховым, и доение важенок отсутствовало. С переселением на север появилось, в подражение собачьей запряжке, запрягание оленя в нарты, а у оленеводов, оставшихся на юге, создалось под влиянием соседей, обыкновение доить оленей.

Источником доклада Л. В. Черепнина послужили судебные дела о колдовстве, частью опубликованные (главным образом Новомбергским), частью извлеченные из московских архивов и впервые привлеченные к изучению. Задачей доклада являлось применить к конкретному материалу, извлеченному из колдовских процессов, классификацию магических обрядов, выработанную в трудах западно-европейских этнологов (Vierkandt, Hubert и Mauss, Frazer).

А. С. Самойло в начале своего доклада указал, что на небольшом пространстве Торресова пролива существуют две совершенно различные социальные системы: на Западе—тотемная родовая организация; на Востоке—территориальная организация общества в чистом виде. Это различие в социальной организации соответствует различию хозяйства в обеих группах. На Западе основа хозяйства—морской промысел, на Востоке—морской промысел и земледелие. Сопоставление этих двух, рядом развивающихся культур, дает возможность выяснить конкретные процессы взаимодействий хозяйственной системы и социальной организации. Докладчик дал детальный анализ материалов кембриджской экспедиции на острова Торресова пролива с этой точки зрения и выявил ряд пробелов в работе экспедиции, вызванных недостаточным вниманием исследователей к вопросам экономики первобытного общества. Ряд вопросов, касающихся производственных отношений туземцев, экономической роли вождей, тотемных групп и т. д., остался совершенно вне поля зрения экспедиции. Поэтому, несмотря на обширность трудов экспедиции, выводы по

теме доклада приходилось строить на отрывочных, иногда косвенных данных, пользуясь аналогиями из новейших работ по соседним группам островов.

В Совете Института были заслушаны доклады: 1) Н. П. Грацианского «Земельные распорядки и система открытых полей в Бургундии X—XI вв.» (7/II), 2) Его же «Поместный строй в Бургундии в X—XI вв». (3/IV), 3) В. М. Лавровского «Коммутация десятины, как один из факторов обезземеления английского крестьянства» (25/IV) и 4) В. Н. Бочкарева «К методологии изучения декабризма» (12/V).

Доклады Н. П. Грацианского представляют отдельные главы большого исследования, основанного преимущественно на картулярном материале. Наблюдения над Бургундским материалом привели докладчика к следующим выводам: в Бургундии X в. нет правильной единообразной надельной системы: и тяглые земельные единицы, и mansus indominicatus, отличаются большой текучестью состава, что об'ясняется, повидимому, сильной мобилизацией земельной собственности. Теми же причинами (дроблением земельной собственности) об'ясняется и чересполосица. Пахотная земля является индивидуальной собственностью владельца; наличие общего пользования угодьями несомненно, но их собственником нередко был помещик, уступавший право пользования ими ряду лиц—своего рода земельным товариществам (vicini, socii, consortes). Земельные распорядки Бургундии X века представляют более сходства с галлоримскими порядками.

В другом своем докладе Н. П. Грацианский, на основании изучения Клюнийских грамот, набрасывает конкретную картину поместного строя Бургундии X—XI вв., во всем его локальном своеобразии, стремясь установить степень его отклонения от типического поместного строя средневековой Франции, как он рисуется в свете общепринятых представлений. Особенности географического положения и исторических судеб Бургундии (страна защищена горами с с.-з. и лежит на перепутьи дорог в Рим и св. землю из Франции, Англии и Германии) вызвали скопление беглецов из незащищенных районов, а также пилигримов и купцов; те же условия уберегли Бургундию от ряда военных погромов. Развитие виноградарства, торговые сношения с Англией, Италией, Испанией, роль Клюнийского монастыря, как крупного банкира в эпоху, предшествовавшую 1-му крестовому походу,—все это привело к интенсификации сельского хозяйства, ранней коммутации и имущественному расслоению вилланов в начале XI в. Соц.-экономические отношения Бургундии X—XI вв. не укладываются в рамки поместного строя: серваж не типичен для Бургундии и появляется лишь в конце XI в., когда начинается господство сеньерии феодального типа. Но и внутренняя структура поместья сложнее, чем принято думать; в частности бургундское поместье очень далеко от замкнутости и самодовления.

Задача доклада В. М. Лавровского—на основании приговоров об огораживании установить, каким путем производилось вознаграждение церкви за десятину, уплата которой часто прекращалась со времени огораживания. В результате анализа своих источников и статистических подсчетов докладчик устанавливает, что коммутация десятины производилась путем передачи церкви, взамен десятины, части земельных угодий прихода, причем в среднем приходы отдавали около $^1/_7$ части своих земель, а в некоторых случаях доля их, отданная церкви, повышалась до $^1/_5$ и даже до $^1/_4$. Из'ятие этой земли тяжелее всего ложилось на мелких непривилегированных собственников и держателей, т. к. благородные держатели часто были светскими владельцами десятины и ничего не теряли, или очень мало теряли от ее коммутации. Все эти наблюдения позволяют говорить о коммутации десятины, как одном из важных факторов обезземеления крестьянства в Англии.

В. Н. Бочкарев сделал попытку применить статистический метод к обработке биографических данных о 293 участниках декабристского движения. В результате своих подсчетов докладчик приходит к выводу, что инициатива восстания 14 декабря и восстания Черниговского полка принадлежит молодому дворянству, с мелкопоместным уклоном, связанному с центрально-земледельческим районом, разоренному, обремененному долгами, с невысоким служебным положением.

3 февраля состоялось заседание Института, посвященное памяти Н. А. Рожкова. Были заслушаны доклады М. В. Нечкиной («Значение Н. А. Рожкова в русской историографии»), А. И. Яковлева («Работы Н. А. Рожкова по русской истории»), В. И. Невского («Н. А. Рожков—революционер») и А. И. Гайсиновича («Н. А. Рожков—учитель»).

В семинариях продолжалась работа, начатая в предшествовавшем полугодии. В семинарии В. Н. Познякова по теоретической экономии были обсуждены доклады А. В. Ефимова («Теория ценности Маркса»), М. К. Рожковой («Теория земельной ренты Маркса»), А. В. Преображенской («Ссудный капитал и проценты»), Б. Ф. Поршнева («Цена производства»), В. В. Жукова и В. К. Доброва («Теория накопления капиталя Р. Люксембург»), Э. А. Бернштейн («Теория империализма Р. Люксембург»), Т. Т. Скубицкого и В. И. Шункова («Теория австрийской школы»), П. Г.

Андреева («Туган-Барановский и народники»). В семинарии А. Д. Удальцова по историческому материализму—доклады М. М. Смирина и В. И. Кошелева («Естествознание и обществоведение»), Н. И. Городиловой («Производительные силы»), П. Г. Андреева и А. З. Манфреда («Учение Маркса и Энгельса о классах»), А. И. Гайсиновича («Теория классов А. А. Богданова и ее критика»), А. В. Эммаусского («Проблема возникновения классов), Г. К. Селезенева («Проблема происхождения государства»), М. М. Шейнмана («Уч. Маркса и Энгельса о государстве»), М. Т. Маркелова, Т. В. Милицыной и Н. Н. Степанова («Учение об общественных формациях»), И. Г. Кизрина («Общественное сознание»), П. Н. Ратнера («Теория социальной революции»), П. Н. Иванова («Теория русского исторического процесса у Плеханова»), Б. Ф. Поршнева («Методология М. Вебера и марксизм»). В семинарии П. Ф. Преображенского по этнологии — доклад С. А. Токарева («Общественный строй меланезийцев»). В его же семинарии по истории международных отношений эпохи империализма—доклады В. Х. Сталиного («Попытки англо-германского сближения в 1898—1901 г.»), В. М. Хвостова («Ближневосточный кризис 90-х годов и австро-русские отношения») и Э. Рейхберг («Англо-германские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX и начале XX вв.»). В семинарии Д. М. Петрушевского по истории раннего средневековья—доклады А. С. Нифонтова («Южнофранцузское поместье в IX в. по данным полиптика Виктора Марсельского») и студентов IV курса Этнологического факультета: Л. В. Рубинштейна («Административно-хозяйственный строй королевского поместья по Capitulare de villis»), Р. И. Перельман, Г. М. Мильмана и А. И. Рабиновича («Анализ полиптика Сен-Жерменского монастыря»). В семинарии Д. Б. Рязанова по истории рабочего движения в Западной Европе—доклад А. С. Самойло («Организационный вопрос в германской социалдемократии»). В семинарии А. Е. Преснякова по истории России в эпоху торгового капитала—доклады И. М. Троцкого («Возникновение Новгородской республики») и В. З. Зельцера («Из экономических журналов 40-х годов»). В семинарии В. И. Невского по истории революционного движения в России—доклад Э. А. Бернштейн («Петрашевцы»). В семинарии М. Н. Покровского по русской историографии—доклады С. В. Захарова («Петровская реформа в русской историографии»), П. П. Парадизова («Декабристы в русской историографии»), М. Л. Циписа («Славянофилы») и П. Г. Иванова («Народники»).

В истекшем полугодии Коллегией Института был переработан план подготовки аспирантов, произведены некоторые изменения в организационной структуре Института и выработан производственный план на 1928—29 академический год.

По новому плану подготовки каждый аспирант за время своего пребывания в Институте (3 года) должен выполнить следующие работы: 1) проработать двухгодичный семинарий по историческому материализму по специальной программе; 2) прочесть в соответствующей секции два доклада по избранной им специальности, которые должны носить исследовательский характер и обнаруживать достаточно широкое знакомство аспиранта с литературой вопроса и уменье пользоваться источниками; 3) разработать детальную программу самостоятельного специального курса вузовского типа по одному из вопросов избранной им специальности, с приложением подробного библиографического указателя, включающего не только основную литературу, но и необходимые источники; 4) изучить основную литературу и познакомиться с основными источниками по двум достаточно широко поставленным вопросам из других отделов истории или этнологии; 5) представить отчет о работе над диссертацией на избранную им тему по своей специальности. Подготовка докладов по специальности может производиться либо в исследовательских семинариях, посвященных изучению специальных проблем или носящих историографический характер,—либо в индивидуальном порядке (если соответствующего семинария не имеется). В последнем случае аспиранты делают предварительные сообщения о своей работе на специально созываемых конференциях. Избранные аспирантами вопросы вне своей специальности разрабатываются либо в особых семинариях, в которых изучается основная литература по важнейшим проблемам данного отдела истории, с привлечением необходимых источников и попутным ознакомлением с основными течениями исторической мысли,—либо в индивидуальном порядке. В последнем случае аспирант представляет письменный отчет о своей работе, который должен содержать обзор основных направлений в разработке данного вопроса, критическую оценку изученной литературы с методологической точки зрения и краткую характеристику привлеченных к изучению источников. Отчет предварительно обсуждается на специально для этого созванной конференции. К концу второго года пребывания в Институте каждый аспирант должен овладеть по крайней мере двумя иностранными языками (немецкий, французский, английский) в об'еме, необходимом для свободного чтения соответствующей литературы. Со второго года пребывания в Институте аспиранты командируются на производственную практику в

вузы и научно-исследовательские учреждения, которую они проходят под руководством Методического бюро Института.

В организационной структуре Института весною 1928 г. произведены следующие изменения: секции русской истории и новой русской истории об'единены в одну секцию, во главе которой поставлено бюро в составе М. Н. Покровского (председатель), В. И. Невского, А. Е. Преснякова, С. В. Бахрушина и С. А. Пионтковского (секретарь). Обсуждался также вопрос об об'единении секций древней истории, истории средних веков и новой истории в одну секцию истории Запада, но оставлен пока открытым до начала будущего академического года.

Согласно выработанному Коллегией Института производственному плану, исследовательская работа Института в предстоящем 1928—29 ак. году будет производиться в двух основных направлениях: 1) Разработка общих проблем социологического характера на конкретном историческом материале: а) проблема родового строя, б) экономические предпосылки и экономическая структура феодализма, в) эволюция социально-экономических отношений в эпоху торгового капитала и промышленного переворота. 2) Разработка проблем, связанных с интересами современности: а) социальная борьба и б) международные отношения.

Основной задачей секции этнологии в 1928—29 г. будет разработка проблемы родового строя, которая будет вестись в трех направлениях: 1) исследование теоретических вопросов, связанных с родовым строем, на сновании уже имеющихся в печати материалов, 2) конкретное изучение современных пережитков родового быта, главным образом у народов СССР, и 3) изучение этих пережитков в связи с нормами советского законодательства по этому вопросу. В разработке этой проблемы, кроме секции этнологии Института истории, примут участие следующие учреждения: Этнографическое отделение Этнологического факультета 1-го МГУ, Антропологический Институт им. Д. Н. Анучина и Институт Народов Востока СССР. Для конкретно-полевого изучения родового строя у народов Средней Азии, осенью 1928 года членами секции, под руководством П. Ф. Преображенского, предпринята экспедиция в Среднюю Азию. Научная обработка экспедиции явится для секции исходным моментом исследования современных пережитков родового строя у изучаемых народов.

В области древней истории намечена коллективная разработка проблемы о социально-экономических предпосылках феодализма в Средиземноморьи эллинистическо-римской эпохи. В качестве дополнительной темы намечена разработка проблемы о капитализме в античном мире на римском материале конца республики.

В области средневековой истории будет продолжаться разработка проблемы об экономических предпосылках и экономической структуре феодализма в Западной Европе. В пределах этой задачи намечаются две работы: 1) по изучению аграрных отношений в различных странах средневековой Европы (Англии, Франции, Фландрии и Чехии) и 2) по изучению городского строя средневековой Германии.

В области новой истории, намечены две основные темы для коллективных работ на предстоящий год: 1) Социальные движения Великой французской революции и 2) Международные отношения второй половины XIX—начала XX вв. В качестве дополнительной намечена тема: Аграрная эволюция Англии в новое время.

Основной задачей секции русской истории будет разработка проблемы: «Эволюция экономических отношений в России в эпоху торгового капитала и промышленного переворота» (XVI в.—первая половина XIX в.). Эта проблема расчленяется на три части: а) история вотчинного хозяйства и крестьянства, б) история торговли, в) история промышленности. По истории вотчинного хозяйства и крестьянства в эту эпоху работа будет вестись как по линии изучения отдельных вотчин—церковных и светских, так и по линии изучения аграрных отношений в отдельных районах; будет также продолжаться коллективная работа по изучению уставных грамот Тверской, Ярославской и Нижегородской губ. По истории торговли в предстоящем году предполагается продолжать коллективную разработку таможенных книг XVII и начала XVIII вв. По истории промышленности работа будет сосредоточена главным образом на изучении проблемы промышленного переворота в России; в пределах этой же темы предполагается продолжение коллективной работы по изучению Прохоровской мануфактуры.

Кроме того, секцией намечены для коллективной разработки в предстоящем году также следующие проблемы: 1) Народничество и рабочее движение 60—80-х годов, 2) История программы ВКП(б) и 3) История Советской России в эпоху гражданской войны.

В качестве дополнительной темы намечено продолжение работы д. чл. М. М. Богословского по истории международных отношений России в конце XVII и начале XVIII в.в. (в порядке индивидуальной работы).

Ученый секретарь Института Истории *Е. Мороховец.*

УКАЗАТЕЛЬ

Материалы к библиографии М. Н. Покровского; Указатель книг по истории за июль — декабрь 1926 г.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО 1896—1928 гг.

Труды М. Н. Покровского расположены в хронологическом порядке их опубликования в печати, причем последующие повторные издания, хотя бы и измененные, дополненные, или переработанные, перечисляются для удобства пользования библиографическими материалами под одним годом, вслед за первым изданием, т. е. под годом первого опубликования того или иного труда.

Почти все работы М. Н. Покровского, описаны—de visu.

Так как для работы был предоставлен очень короткий срок, пришлось ограничиться разысканием и описанием трудов М. Н., вышедших отдельными изданиями, журнальных статей, статей и предисловий в сборниках и книгах.

Из газетных статей указаны статьи, опубликованные в заграничной с.-д. прессе и в «Правде», на просмотр других газет, к сожалению, не было времени. Почти не указаны рецензии: из публичных выступлений М. Н. указаны только те, которые опубликованы в журналах, отчетах с'ездов и сборниках. В материалах почти не отражена деятельность М. Н. по Наркомпросу и ряду научных учреждений, где М. Н. вел и ведет руководящую работу. По этим же причинам, недостатка времени, материалы не указывают литературу о М. Н. Покровском других лиц.

По причинам крайней спешности, с которой производилась работа по составлению материалов—возможны пропуски и недостатки в об'еме описанных трудов.

Несмотря на все вышеприведенные оговорки, нижеприводимые материалы дают все основное в трудах М. Н. Покровского.

Материалы составлены коллективом работников Библиотеки Института Красной Профессуры.

Восстановление Западной Римской империи. Книга для чтения по истории средних веков... под ред. П. Г. Виноградова. М. 1896 г., стр. 413—421.

То же. Изд. 2-е. М. 1898 г.
То же. Изд. 3-е. М. 1901 г.
То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.
То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

1897 г.

Симеон, царь болгарский. Книга для чтения по истории средних веков... под ред. П. Г. Виноградова. М. 1897 г. Вып. 2, стр. 221—246.

То же. Изд. 2-е. М. 1903 г.
То же. Изд. 3-е. М. 1903 г.
То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.
То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

Средневековые ереси и инквизиции. Книга для чтения по истории средних веков... под. ред. П. Г. Виноградова. М. 1897 г. Вып. 2, стр. 644—687.

То же. Изд. 2-е. М. 1903 г.
То же. Изд. 3-е. М. 1903 г.
То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.
То же. Изд. 5-е .М. 1915 г.

Четвертый крестовый поход. Книга для чтения по истории средних веков... под ред. П. Г. Виноградова. М. 1897 г. Вып. 2, стр. 600—619.

То же. Изд. 2-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 3-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.

То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

1899 г.

Господство Медичи во Флоренции. Книга для чтения по истории средних веков... под ред. П. Г. Виноградова. М. 1899 г. Вып. 3, стр. 185—223.

То же. Изд. 2-е. М. 1902 г.

То же. Изд. 3-е. М. 1910 г.

То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.

То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

Греки в Италии и возрождение платоновской философии. Книга для чтения по истории средних веков... под ред. П. Г. Виноградова. М. 1899 г. Вып. 4, стр. 220—248.

То же. Изд. 2-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 3-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.

То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

Турки в Европе и падение Византии. Книга для чтения по истории средних веков... под. ред. П. Г. Виноградова. М. 1899 г. Вып. 3, стр. 535—562.

То же. Изд. 2-е. М. 1902 г.

То же. Изд. 3-е. М. 1910 г.

То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.

То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков. Книга для чтения по истории средних веков... под редак. П. Г. Виноградова М. 1899 г. Вып 4, стр 400—486.

То же. Изд. 2-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 3-е. М. 1903 г.

То же. Изд. 4-е. М. 1914 г.

То же. Изд. 5-е. М. 1915 г.

1901 г.

Вейнгартен, Герман. (Ред.). **Народная Реформация в Англии XVII века** Перев. с немецкого под. ред. М. Н. Покровского и Н. Н. Шамонина. М. 1901 г.

1903 г.

Местное самоуправление в древней Руси. В кн. «Мелкая земская единица» СПБ. 1903 г. Вып. 2, стр. 186—293.

То же. Изд. 2-е. СПБ. (б. г.). Вып. 2, стр. 224—274.

Бутми, Е. (Ред.). **Развитие государственного и общественного строя Англии.** Перев. с нового франц. Изд. под ред. М. Н. Покровского. М. 1903 г.

1904 г.

Идеализм и законы истории. (Критика книги Г. Риккерта: «Границы естественно-научного образования понятий»). «Правда». М. 1904 г. II, стр. 124—141; III, стр. 112—126.

1905 г.

Земский собор и парламент. В кн.: «Конституционное государство». (СПБ. 1905 г.) стр. 313—341.

То же. Изд. 2-е. СПБ (1905 г.), стр. 431—459.

Профессиональная интеллигенция и социал-демократы. (Письмо в редакцию). «Пролетарий». 1905 г. № 13.

(Подписано—Учитель).

То же. «Пролетарий», ГИЗ, М.—Л., 1925. Вып. IV., стр. 112—114.

1906 г.

Военная техника и вопрос о милиции. Сборн. «Текущий момент». М. 1906 г., стр. 1—17. (Подписано—М—ый).

Идеализм и мещанство. (Ответ на статью И. Покровского «Этические основы политики», в «Полярной Звезде». 1906 г. № 4). В сборн. «Текущий момент». М. 1906 г., стр. 1—7.

Кадеты и соглашения. «Вопросы дня». М. 1906 г. № 4, стр. 3—6.

К университетскому вопросу. «Русская Мысль». 1906 г. кн. XII, стр. 16.

Оппозиционные партии конституционалисты-демократы «кадеты». (О программе и тактике). «Вопросы Дня». М. 1906 г. № 3, стр. 4—7. (Подписано -П. М.).

Оценка политического положения в стране, правительство и выборы в 2-ю думу. «Вопросы дня». М. 1906 г. № 1, стр. 1—3.

Победители. В сборнике: «Вопросы Дня». М. 1906 г., стр. 25.

Экономический материализм. М. 1906 г., стр. 38. 8⁰. (Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии. Вып. 3).

То же. ГИЗ. ПГ. 1920 г., стр. 40, 8⁰ см.

То же. Агитпропотдел Калужского Губкома РКП. Калуга. 1922 г., стр. 29. 8⁰ см.

То же. Изд. 2-е. Ярославский Губ. К-т РКП(б). Ярославль. 1923 г., стр. 31. 8⁰ см. 2000.

То же. «Звезда» Пермь. 1923 г., стр. 24. 26 см. 1000.

То же. Харьков «Молод. Рабоч.» 1924 г., стр. 44. 26 см. 10 000 экз.

1907 г.

Александр 1-й. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910 г. т. 1, стр. 31—66.

Восточный вопрос от парижского мира до берлинского конгресса (1856—1878). «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910 г. т. 6, стр. 1—68.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст.» М. 1923, стр. 230—302.

Внешняя политика России в конце XIX века. «История России в XIX веке». СПБ., Гранат. 1907—1910 г. т. 9, стр. 164—236.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст.» М. 1923, стр. 302—379.

Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века. «История России в XIX веке». СПБ., Гранат. 1907—1910 г. т. 2, стр. 508—606.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст» М. 1923, стр. 3—84.

Где скрывалась черносотенная опасность? (Закон 11 декабря 1905 г. и его использование партиями кадетов и октябристов). «Истина». М. 1907 г. № 3, стр. 2—3.

Г. Кизеветтер перед красной опасностью (Предвыборная кампания во 2-ю Думу в Москве) «Истина». М. 1907 г. № 2, стр. 3—4. Подписано—П. М.

Декабристы. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910, т. 1. Ст. Левин, К. Н. и Покровский, М. Н.... стр. 67—137.

Завоевание Кавказа. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат 1907—1910 г. т. 5, стр. 272—338.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст.» М. 1923 г., стр. 179—230.

Крестьянская реформа. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910 г., т. 3, стр. 68—179.

То же. Харьков «Пролетарий» 1925, стр. 149 (2) 8⁰ 4.000.

Крымская война. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910 г. т. 3, стр. 1—68.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX столетии». М. 1923, стр. 106—179.

Наши друзья справа. По поводу статьи В. Городецкого в газете «Наша Доля» от 19 XII 1906 г. «Образцовые воспитатели рабочего класса». «О сотрудниках большевистской газеты». «Вопросы Дня». «Истина» М. 1907 г. № 1, стр. 7—8.

Общая политика правительства 1866—1892. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. (1907—1910 г.) т. 5, стр. 1—78.

Павел Петрович. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910, т. 1, стр. 21—30.

Россия в конце XVIII века. Хозяйство. Общество. Государственная власть. «История России в XIX веке». СПБ. Гранат. 1907—1910, т. 1, стр. 1—20.

1908 г.

Религия и Революция. (Д. Мережковский «Не мир, но меч»). В кн. «О веяниях времени». СПБ. 1908, стр. 19—38.

Строго-научный метод. А. А. Кизеветтер. «Царствование Александра I в новом освещении» («Рус. Мысль». 1908. Январь). В кн. «О веяниях времени». СПБ. 1908, стр. 101—112.

1910 г.

Александр I. Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е. М. (б. г.), т. 2, стр. 118—134.

Александр II. Энциклоп. словарь Гранат 11-е изд. М. (б. г.), т. 2, стр. 134—165.

Александр III. Энциклоп. словарь Гранат 11-е изд. М. (б. г.), т. 2, стр. 165—187.

Русская история с древнейших времен М. Н. Покровского при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, т.т. 1—5. М. «Мир» (1910—1912) 5 тт. 4°.

То же. 1913—1914.

То же. 2-е изд. 1913—1915.

Русская история с древнейших времен М. Н. Покровского при участии Н. М. Никольского. Тт. 1—4. Изд. 2-е. М. «Мир», 1918, 4 тт. 4°.

То же. Изд. 2-е (б. г.). 4°.

То же. Изд. 3-е 1920 г. 8°.

То же. Изд. 3-е (б. г.). 8°.

Русская история с древнейших времен. Т. 1—4, изд. 4-е. М. ГИЗ. 1922—1923. 4 тт. 8°. 10 000 экз. (на обл. 4-го тома М.—П. ГИЗ. 1923).

То же. Т. 1—4, изд. 5-е. М.—Л. ГИЗ. 1923. 4 т. 8° см. 15000 экз.

То же. Т. 1—4, изд. 5-е. М.—П. ГИЗ. 1923—1924. 4 т. 8° см. 15000 экз.

То же. Т. 2—4, изд. 5-е. М. ГИЗ. 1924. 3 т. 20 000 экз. (4-й т. Л. ГИЗ. 15000 экз).

То же. Т. 1—3, изд. 6-е. Л. ГИЗ. 1924. 3 т. 15.000 экз.

То же. 1—4, изд. 7-е. М. ГИЗ 1924. 4 т. 20.000 экз.

То же. Т. 1—4, изд. 7-е. М. ГИЗ. 1924—25 г. 2 т. 20 000 экз.

Финляндский вопрос. В сб. «Вперед» б. м. 1910, стр. 10—15. (Подписано—Домов).

Франко-русский союз (по поводу «французских гостей»). «Социал-демократ». Париж, 1910, № 12 от 23/5 апр. (Подписано—Домов).

1911 г.

Бакунин. Энциклоп. словарь Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 4, стр. 53—67.

Беннигсен. Энциклоп. словарь Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 5, стр. 350—352.

Бецкий (Бецкой). Энциклоп. словарь Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 5, стр. 534—536.

Блудов. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 6, стр. 65—66.

Борис Федорович Годунов. Энциклоп. словарь Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 6, стр. 305—307.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. (К пятидесятилетию). В сб. «Вперед» б. м. 1911, № 2, стр. 6—15. (Подписано—Домов).

То же. Париж. 1911, 16 стр. 24 ст. (Российская социал-демократическая рабочая партия). Оттиски из сборн. «Вперед».

Россия и Китай. «Правда» Вена, 1911, № 21 от 25.VI (8/VII). (Подписано—Домов).

1912 г.

Триста лет Романовых и лжеромановых. В кн.: «Юбилей позора нашего» (1613—1913). «Правда», 1912 (Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия), стр. 3—16 (Подпись—Домов).

1913 г.

Рецензия на книгу Gaston Cahen. Histoire des relation de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris Felix Alcan 1911. Его же. Le livre de comptes de la caravane russe a Pekin en 1727—1728. Paris. Felix Alcan. 1911. «Голос Мин.». 1913, кн. 4, стр. 243—245.

Новый труд по экономической истории России. (Проф. М. В. Довнар-Запольский «История русского народного хозяйства», т. 1, Киев 1911). «Голос Минувш.», 1913, № 6 ,стр. 270—282.

О значении эпохи отечественной войны. (По поводу статьи А. А. Корнилова «Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России», помещ. в «Рус. Мысли», 1912, ноябрь). «Голос Минувшего», 1913, № 1, стр. 257—264.

По поводу «Ответа», г. Довнар-Запольского. (Письмо в редакцию). «Голос Минув.», 1913, № 12, стр. 305. (См. «Ответ М. Н. Покровскому» в «Гол. Мин.», 1913, № 10, стр. 309—313).

1914 г.

Из истории общественных классов в России. (Очерки). «Борьба». СПБ, 1914, № 1, стр. 13—17; № 2, стр. 8—12; № 4, стр. 14—18; № 5 стр. 10—13; № 7—8, стр. 10—14.

Кавказские войны. Энциклоп. слов. Гранат, 7-е изд. М. (б. г.), т. 23, стр. 34—48.

Катков. Энциклоп. слов. Гранат, 7-е изд. М. (б г.), т. 23, стр. 620—625.

К выступлению Турции. «Голос», Париж, 1914, № 47 от 6/XI; № 48 от 7/XI. (Подписано —П. М.).

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. 1928, стр. 19—24.

Комментарий не надо. «Голос», Париж, 1914, № 71 от 4/XII (Подписано—П. М.).

Очерк истории русской культуры. Ч. 1-я, М. «Мир», 1914. V + 283 стр. 8⁰. 3 000 экз.

Крымская кампания. Энциклоп. словарь Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 26, стр. 78—93.

То же. Ч. 1-я, М. «Мир», 1915, 283 стр. 8⁰ см. (б. о. т.).

То же. Ч. 1-я, изд. 3-е, «Мир», (б, г.), 8⁰ см. (б. о. т.).

То же. Ч. 1-я, изд. 4-е, стереот. М., ГИЗ, 1921, 8⁰ см. 10 000 экз.

То же. Ч. 1-я, изд. 4-е доп. М.—Л. ГИЗ, 1925, 202 стр., 8⁰ 35 000 экз.

То же. Ч. 1-я, изд. 5-е, стереот. П. «Прибой», 1923, 8⁰ см. 5 100 экз.

То же. Ч. 1—2, изд. 5-е, стереот. П. «Прибой», 1923, 204 + 169 стр. 8⁰ см. 5 000 экз.

То же. Ч. 1—2, изд. 6-е стереот. Курск. книг-во при Курском Губкоме РКП(б), 342, XV стр. 8⁰ см., 10000 экз.

Русский империализм в прошлом и настоящем. «Просвещение», СПБ, 1914, № 1, стр. 18—27.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст.» М. 1923, стр. 379—390.

Статистический мираж. (По поводу военной статистики «большой» прессы). «Голос», Париж, 1914, № 81 от 16/XII. (Подписано—П—ский, М.).

Торг идет. «Голос», Париж, 1914, № 72, от 5/XII. (Подписано—П. М.).

Экономическое положение Германии и русские экономисты. «Голос», Париж, 1914, № 51 от 11/XI. (Подпись—П—ский, М.).

1915 г.

Еще раз по поводу «астрономических цифр». «Наше слово», Париж, 1915, № 36 от 11 III. (Подписано—П—ский, М.).

В последний раз об «астрономических цифрах» (Ответ Волонтеру). «Наше слово», Париж, 1915, № 43 от 19 III. (Подписано П—ий, М.).

Исторические задачи. «Голос», Париж, 1915 г. № 95 от 1/I; № 96 от 3/I. (Подписано П—ий, М.).

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. М. 1928, стр. 25—31.

Лейб-гвардия Романовых. «Наше слово», Париж, 1915, № 139 от 14 VII; № 140 от 16/VI. (Подписано П—ий, М.).

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. М. 1928, стр. 32—35.

Лорис-Меликов. Энциклоп. слов Гранат, изд. 7-е М. (б. г.), т. 27, стр. 386—390.

Масоны. Энциклоп. слов Гранат, изд. 7-е М. (б. г.), т. 28, стр. 290—306.

Мешиков. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е М. (б. г.), т. 28, стр. 479—481.

Погодин. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е М. (б. г.), т. 32, стр. 402—406.

1916 г.

Запоздалый некролог (В. И. Семевский). «Начало», Париж, 1916, № 32 от 7/XI.

Из истории русско-германских отношений. I. Россия и Пруссия перед войной. «Голос Минувшего». 1916, № 3, стр. 5—47. (Продолжение см. «Голос Минувшего», 1917, № 5—6).

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Внешняя политика». Сборн. ст. М. 1918 г., стр. 87—118.

Михаил Федорович. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.) т. 29, стр. 105—111.

Муравьев. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 29, стр. 397—399.

Потемкин-Таврический. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 33, стр. 147—150.

Константинополь. «Летопись», П. 1916, № 10, стр 228—339; № 11, стр. 171—189.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Внешняя политика». Сборн. ст. М. 1918 г., стр. 3—26.

1917 г.

Восточный вопрос (1854—1878 г.г.). Книга для чтения по истории нового времени под ред. Бердоносова, М. В., Васютинского, А. М. и др. М. 1917, стр. 477—517.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Внешняя политика». Сборн. ст. М. 1918, стр. 26—54.

Демократический мир. «Извест. Сов. Раб. Депутат.». 1917 г. № 198 от 27 октября—9 ноября.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. М. 1928, стр. 77—79.

Из истории русско-германских отношений. 1863 год. «Голос Минувш.», 1917 г., № 5—6, стр. 107—153. (См. «Голос Минувш.», 1916, № 3).

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Внешняя политика». Сборн. ст. М. 1918 г., стр. 119—153.

Письмо в редакцию «Начало». (По поводу статьи т. Залевского: «Новый маневр германского империализма» и примечания к ней редакции, помещ. в № 52 от 30/XI 1916 г. «Начало», Париж, 1917, № 88 от 13/I.

Письмо в редакцию «Начало». (По поводу ответа редакции на 1-е письмо в № 88 от 13/I). «Начало». Париж, 1917, № 102 от 30/I.

1918 г.

Внешняя политика. Сборник статей (1914—1917). М. «Денница», 1918 (1919), 192 стр. 8°.

Содержание. Константинополь.—Восточный вопрос от Парижского мира до Берлинского конгресса.—Из истории русско-германских отношений: 1. Россия и Пруссия перед Крымской войной. 2. 1863 г. Русский империализм.—Виновники войны.

Маркс, как историк. «Памяти Карла Маркса», М. 1918, вып. 2, стр. 41—49.

Новая речь Вильсона. «Правда» 1918. № 29 от 19/II.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. М. 1928, стр. 80—83.

Очерк истории русской культуры. Ч. II, изд. (2-е) М. «Мир», 1918, стр. 231, IV. 8°.

То же. Изд. 5-е, стереот. Пг. «Прибой», 1923 (об'единены ч. 1—2), 25 см. 5 000 экз.

То же. Изд. 6-е, стереотип. Курское кн-во, при Курском Губкоме РКП(б), 342 + IV стр. (об'един. ч. 1—2), 27 см. 10 000 экз.

Речь тов. Покровского на 4-м Всероссийском С'езде Советов С. Р. и К. Д. «Социал-Демократ», 1918 г. № 46, 15 марта.

То же. Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного С'езда Советов Р. С.—К. Д., М. 1920 г., стр. 3—4.

Тайна меньшевиков. «Правда», 1918, № 61, 2 апреля.

По поводу закрытия юридических факультетов. «Народ. Просвещ.» (Еженед. Наркомпроса), 1918, № 23—25, стр. 2—3.

Реформа высшей школы. «Народ. Просв.» (Еженедел. Наркомпроса) 1918, № 4—5, стр. 31—33. (Подписано: Домов).

Франция до и во время войны. Пг. «Новая Жизнь», 1918, 110(I) стр. 8°.

То же. 2-е изд. Пг. Коммунистич. Ун-т им. т. Зиновьева, 1923, 108 (I) стр., 8°. 6 000 экз.

То же. 3-е доп. изд., с прилож. очерка Ж. Садуля «Франция как страна тяжелой индустрии», Л. «Прибой», 1924. 130(I) стр., 8°.

Царизм и революция. М. ВЦИК Советов РСК и КД, 1918, (I), 32 стр. 24 см.

То же. Изд. Харьков. «Пролетарий». 1926.

1919 г.

Кадетский заговор. «Правда», 1919, № 213 от 25/IX и № 216 от 28/IX. Заговор шпионов Антанты.

Диктатура пролетариата и культура буржуазии. «Народ. Просв.». (Еженед. Наркомпроса) 1919 № 56—58, стр. 1—3.

История повторяется. «Народ. Просв.». (Еженед. Наркомпроса) 1919 № 32, стр. 2—5.

К вопросу о реформе высшего образования. «Народ. Просв.». (Еженед. Наркомпроса) 1919, № 30, стр. 6—8. Подписано:М. П-к.

К вопросу о виновниках войны. «Еженед. Правды», 1919, № 5, стр. 2—4, продолж. № 6, стр. 2—5, оконч. № 7, стр. 4—5.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. М. 1928 г., стр. 84—102.

Три совещания. «Вестник Наркоминдела». 1919.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». Сборн. ст. М. 1928, стр. 103—111.

1920 г.

Вождь. К 50-летию В. И. Ленина. «Правда», 1920. № 86 23/IV.

То же. В кн.: «Товарищ Ильич». М. 1924 стр. 18—24.

Задачи высшей школы в настоящий момент. Письмо с'езду коммунистического студенчества. «Народ. Просв.» (Еженед. Наркомпроса) 1920 № 18—19—20, стр. 3—9.

Клементий Аркадьевич Тимирязев. Некролог. «Правда», 1920. № 91, 29/IV.

К проектам захвата Константинополя в 1912—14 г.г. Предисловие к дипломатическому документу эпохи 1912 г. «Вестник Наркоминдела» 1920. № 3, стр. 24.

Московская интеллигенция и контрреволюция. О деле «Совета Общественных Деятелей». «Правда», 1920, № 66, 26/III.

Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1—2 (От древнейших времен до второй половины XIX столетия). М., ГИЗ, 1920, 224 стр., 8°. 10000 экз.

Старое о Наркомпросе. Ответ на статью т. Сосновского. «Новое среди интеллигенции» «Правда», 1920. № 150, 20/VII.

Трудовая повинность в высшей школе. «Народ. Просв.» (Еженед. Наркомпроса) 1920. № 59—61, стр. 1—3.

Федор Иванович Калинин. 5 февраля 1920 г. Некролог. «Правда», 1920. № 27, 7/II.

То же. (Б. м.). Политуправление всех вооруженных сил Украины и Крыма, 1921, 126 стр., 8°.

То же. (2-е доп. изд. М.), ГИЗ, 1921 г., 335 стр., вкл. табл., 3 л. карт. Доп. 1. Рабочее движение. 2. Когда и кем писалась русская история до марксистов. Синхронист. табл. и 3 карт. 5 000 экз. 8°.

То же. (2-е доп. изд. М.) ГИЗ, 1921 (1922). 15 000 экз.

То же. 2-е доп. изд., Харьков—Киев, Военно-Редакционный Совет КВО, 1923, 208 стр., вкл. табл., 3 л. карт, 4°. 10 000 экз.

То же. 2-е доп. изд. (М.), ГИЗ, 1922, 115 000 экз.

То же. 2-е доп. изд. М.—П., ГИЗ, 1923, 239 стр. вкл. табл., 3 л. карт., 8°. 150.000 экз.

То же. 2-е изд. доп. Семипалатинск, Семгубком РКП, 1923, 188, 40 стр. вкл. табл., 4°, 5 000 экз.

То же. 3-е стереот. изд. М.—П., ГИЗ, 1923, 251(3) стр., 8, 5 000 экз.

То же. 3-е стереот. изд. М.—П., ГИЗ, 1923, 100 000 экз.

То же. 4-е стереот. изд. М. ГИЗ, 1923, 50 000 экз.

То же. 4-е стереот. изд. М.—Л. ГИЗ, 1923, 10 000 экз.

То же. 4-е стереот. изд. М.—П. ГИЗ, 50 000 экз.

То же. 4-е стереот. изд. М. ГИЗ (1924), 50 000.

То же. 4-е стереот. изд. М. ГИЗ, 1925, 50 000.

То же. 5-е стереот. изд. М. ГИЗ, 1925.

То же. 6-е стереот. изд. М.—Л., ГИЗ, 1925, 50 000 экз.

То же. 6-е стереот. изд. М.—Л., ГИЗ, 1925, 150 000 экз.

1921 г.

Академический центр Наркомпроса. «Народ. Просвещ.» (Еженед Наркомпроса) 1921. № 80, стр. 3—6.

Кающаяся интеллигенция. «Смена вех», сборник. Прага, 1921, «Смена вех», еженед. журнал №№ 1—3. Париж. окт.—ноябрь 1921. (Комм. Интернационал, 1921. № 20, стр. 5 279—5 292).

То же. В кн «Интеллигенция и революция», сборн. стат. М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, А. В. Воронского, Вяч. Полонского. М. (1922) стр. 5—32.

Н. А. Некрасов. 5 декабря 1821—5 декабря 1921. «Правда», 1921. № 275 от 6/XII.

То же. В кн. «Пролетарские писатели—Некрасову» М. 1928, стр. 5—18.

Контрреволюция за 4 года. «Правда» 1921. № 251—6—7/XI.

То же. М. ГИЗ (1922). 12 стр. 8°. (Глав. Политико-просв. Комитета Республики. Серия агитационно-пропаганд.).

Организация научной деятельности в Советской России. (Из доклада тов. Покровского на с'езде Губоно). «Нар. Просвещ.» (Еженед. Наркомпроса) 1921. № 89—90, стр. 18—20.

Пролог Октябрьской революции. 27 февр. (12 марта). 1917—1921 гг. «Вестн. агит. и проп.», 1921, № 7—8, стр. 1—6.

Противоречия г. Милюкова. «Кр. Новь», 1921, № 2, стр. 284—300.

То же. Отд. изд., М., ГИЗ 1922; 45 стр. 16 см. (Главполитпросвет. Серия политическая, № 13) 10 000 экз., (по поводу кн.: Милюков, П. Н. «История второй русской революции», т. 1, вып. 1, Противоречия революции. София, Российско-болгарское книгоиздательство, 1921).

То же. В кн. «Интеллигенция и революция», сборник статей М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, А. В. Воронского, Вяч. Полонского. М. (1922), стр. 5—32.

Рецензия на книгу Платонов, С. Ф. Образцы прошлого. Борис Годунов. Пг. К-во «Огни», 1921 154 стр. «Печать и Рев.», 1921., № 2, стр. 136—140.

1922 г.

Рецензия на книгу **Верховский, А., Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.** Отдел военной литер. при. Рев. Воен. Совете Республики, г. изд. 1921.—«Печ. и Рев.», 1922, № 2, стр. 279—281.

Рецензия на кн. **Р. Виппер «Иван Грозный».** Изд. «Дельфин» 1922, Кр. Новь, 1922, № 3 (7), стр. 275—276.

Гражданин Чернов в июльские дни. «Правда», 1922. № 157 от 16—VII.

Граф С. Ю. Витте. Воспоминания. Царствование Николая II, т. II, изд. 2-е, кн-во «Слово», 1922. «Печ. и Рев.», 1922, кн. 7, стр. 11—21.

То же. Как предисловие к I—II т.т. Витте, С. Ю. Воспоминания, т. I. Л. ГИЗ 1923, стр. XIII—XXVII.

То же. Изд. 2-е Л. Гиз. 1924. (Продолжение см. Труды, опубликов. за 1923 г. «Из прошлого» С Ю. Витте. Воспоминания, т. III).

Предисловие к ст. «Дневник Куропаткина». «Кр. Арх.». 1922, № 2, стр. 5—8.

Граф С. Ю. Витте. В кн. «Дневник Куропаткина». Н.-Новгород. 1923, стр. 3—7.

Институт Красной Профессуры. К первой годовщине. «Правда», 1922, № 273 от 2—XII.

То же. В кн.: «Труды Института Красной Профессуры» т. I. М.-П. 1923 г. стр. 3—10.

Контрреволюция за 4 года. (М). ГИЗ. (1922) 12 стр., 16°. (Главный Политико-Просветительный Комитет Республики. Серия агитационно-пропагандистская, № 6), 5 000.

То же. В кн. Пуанкаре, Р. «Происхождение мировой войны» М. 1924. стр. 11—21.

Мемуары царя Андрона. Генерал А. И. Деникин. «Очерки русской смуты», т. 1, вып. 1 и 2. Крушение власти и армии. Париж. б. г. «Печ. и Рев.», 1922, № 2, стр. 19—31.

Наши спецы в их собственном изображении. (Рапопорт «Полтора года в советском главке». Архив русск. револ. издаваемый И. В. Гессеном, т. II, М Смилы-Бенарио «На советской службе» там же т. 3). «Кр. Новь», 1922, № 1, стр. 146—154.

О мемуарах Витте (Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания. Царствование Николая II», т. 1, кн-во «Слово», Берлин). «Печ. и Рев.», 1922 № 1 (4), стр. 54—58.

Обвинительная речь... на процессе социалистов-революционеров. В кн. Речи государственных обвинителей Луначарского, Покровского, Крыленко, представителей Коминтерна: К. Цеткин, Муна Бокани. М., 1922, стр. 79—129.

Общественные науки в России за 4 года. В кн. «Наука в советской России». М. 1922 (РСФСР Глав. Полит. Просвет. Ком. Респ. Серия Агитпропагандистская № 2).

Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. Вест. Соц. Ак., 1922 № 1, стр. 40—54; 1923 № 2, стр. 1—17; 1923. № 4, стр. 13—27.

Правда ли что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию. (По поводу вступит. главы последней книги т. Троцкого: « 1905»). «Кр. Новь», 1922, № 3 (7), стр. 144—151.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Марксизм и особенности исторического развития России». Л. 1925, стр. 20—30.

Проф Р. Виппер о кризисе исторической науки. (Проф Р. Виппер: Кризис историч. науки. Казнь. ГИЗ. 1921. Сборники Ассоциации для изучения обществен. наук при высших учебн. завед. гор. Казани т. 1, вып. 4 «Под. Зн. Маркс»), 1922, № 3, стр. 33—36.

Путь социалистов революционеров (К итогам процесса). «Мол. Гвард.», 1922., № 4—5, стр. 238—246.

Пятая годовщина Отябрьской Резолюции и 4-й Конгресс Коминтерна. «Спутн. Коммун.» 1922. № 18, стр. 19—40.

Страх страха смерти и производственное значение религии. «Под. Зн. Маркс.», 1922, № 9—10, стр. 113—124.

Разложение продолжается. В кн. «Интеллигенция и революция». Сборник статей М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, А. В. Воронского, Вяч. Полонского. М. (1922), стр. 121—128.

Предисловие к статье: **«Русско-германские отношения».** Секретные документы. Красный Архив, М. 1922, т. 1, стр. 5—9.

То же. Отдельный оттиск из журнала «Красный Архив», 1922, т. 1.

Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма. (Нечто вроде ответа т. Троцкому). «Правда», 1922 от 5 VI.

Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма. Нечто вроде ответа т. Троцкому. «Правда», 1922, № 147 от 5—VII.

Ответ на статью т. Троцкого: «Об особенностях исторического развития России». «Правда», 1922, № 144—145 от 1 и 2 июля. По поводу заметки М. Н. Покровского о книге Троцкого «1905» «Красная Новь», 1922, кн. 3.

То же. В кн.: «Марксизм и особенности историч. развития России». Л. «Прибой», 1925.

Кончаю. «Правда», 1922, № 154 от 13—VII.

Продолжение полемики с т. Троцким, см. «Правда», 1922, №№ 144—145, 147, 149.

То же. В кн.: «Марксизм и особенности исторического развития России». Л. «Прибой», 1925 г.

Система вооруженного мира. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.) т. 39, стр. 53—66.

Смутное время. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 39, стр. 644—658.

Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров». «Кр. Новь». М. 1922, 75 стр. 24 см. 5 000.

Японская война. Настоящая статья представляет собой главу из подготовлен. М. Н. Покровским к печати II части Русской истории в самом сжатом очерке. «Мол. Гвард.», 1922, № 3, стр. 91—112.

1923 г.

(Ред. и предисл.). **Астров, В. «Экономисты» предтечи меньшевиков.** («Экономизм» и рабочее движение в России на пороге XX века). Под ред. и с предисл. М. Н. Покровского. Изд. 2-ое. М. 1923, стр. 3—5.

То же. Изд. 2-ое 1924.

Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Комм. ун-те им. т. Зиновьева 3—7 мая 1923 года. Пг. «Прибой». 1923 г., стр. 137.

Генерал А. И. Деникин. (Генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. II. Борьба генерала Корнилова, август 1917—апрель 1918 г. Париж, 1922). «Печ. и Рев.», 1923, кн. 2, стр. 1—5.

Государственный Ученый Совет и его работа. «Народное Просвещение» 1923 г. № 9, стр. 16—19.

Декабристы. (Легенда и действительность). В кн. «Коммунистический Университет им. Свердлова». Записки... М. 1923, т. I, стр. 5—20.

Предпосылки и результаты революции 1905 г. доклад тов. М. Н. Покровского на об'единенном заседании Моссовета и МГСПС 14 декабря 1925 г. «Правда». 1925. № 289. 18/XII.

Революция 1905 года. Доклад М. Н. Покровского 28 ноября в театре им. Каляева. (Изложение). «Правда». 1925 г. № 274. 1/XII.

Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М. «Красная Новь», 1923 (1924), стр. 392.

Содержание: «Внешняя политика России в первые десятилетия XIX века»—Ламартин, Кавеньяк и Николай I.—Крымская война.—Завоевание Кавказа.—Восточный вопрос.—От парижского мира до берлинского конгресса (1856—1878).—Внешняя политика России в конце XIX в.—Русский империализм в прошлом и настоящем.—Послесловие.

Доклад и заключительное слово на публичном заседании Соц. Акад., посвященное памяти В. В. Воровского (31 мая 1923 г.). Вестн. Соц. Ак. № 5 1923, стр. 178—185, 202—203.

Доклад о работе президиума (Соц. Акад.) (за время с 23/II по 11/X 23). (Вестн. Соц. Ак. № 6 1923, стр. 417—421, 433—435).

Идеология эсеров за два последние года (1921—1922). (В сб.: «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией». М. 1923, стр. 127—150).

Из истории общественного движения в России начала XIX века. Две лекции из курса М. Покровского, читанные 23 ноября и 1 декабря 1922 г. в Ком. ун-те имени Я. М. Свердлова. «Молод. Гвард.», 1923, № 4—5, стр. 90—106.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М.—Л. 1927, стр. 5—32.

Из прошлого С. Ю. Витте. Воспоминания. Царствования Александра II и Александра III. 1923 г. «Печ. и Рев.» 1923, № 6, стр. 20—25.

Предисловие к кн. **«Институт Красной Профессуры».** Москва. Семинарий по революции 1905—1906 гг. Работы за 1921—1922 гг. (I курс). М.—П. 1923, стр. 177—178.

История религии на холостом ходу (Нечто вроде резюме). («Под Знам. Маркс.» 1923, № 2—3, стр. 202—210).

Корни большевизма в русской почве. «Правда». 1923. № 56. 14/III.

К с'езду рабочих факультетов. «Правда». 1923. № 35. 16/II.

Ламартин, Кавеньяк и Николай I (страничка из истории февральской республики 1848 г.). В кн.: «1848—1923 гг. К 75-летию революции 1848» М. 1923), стр. 63—86.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Дипломатия и войны в царской России в XIX ст.». М. 1923, стр. 85—105.

Предисловие к кн. **«Лопухин, А. А.—отрывки из воспоминаний».** (По поводу воспоминаний гр. С. Ю. Витте). М.—П. 1923, стр. III—VIII.

Маркс как историк. Доклад 14 III 1923 г. на торжеств. заседании Ин-та Кр. Профессуры и Соц. Акад. к 40-й годовщине смерти Маркса. «Вестн. Соц. Ак.» 1923, № 4, стр. 372—384.

Наука в России за 5 лет (1918—1923). «Призыв» 1923. № 1, стр. 70—78.

О книге академика Лаппо-Данилевского (стенограмма сообщения на заседании редакции с сотрудниками 21 апр. 1923 г.). «Под Зн. Маркс.» 1923, № 4—5, стр. 190—196.

О пятом томе «Истории» Ключевского. (В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. ГИЗ, Пг. 1922 г.). Заметка. «Печ. и Рев.» 1923, № 3, стр. 101—104.

Ответ тов. Степанову. «Под Знам. Маркс.» 1923, № 1, стр. 142—160.

(Ред.). **Очерки по истории России XX века.** Пг. 1923. (Институт Красной Профессуры).

Памяти М. Н. Коваленского. (В кн.: «Коваленский», М. «Русская революция в судебных процессах и мемуарах». М. 1923, т. II, стр. III—V).

(Ред.). **Панкратова, А. М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику.** М. 1923 г.

Предисловие к кн.: **«Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894—1914 гг.»** М.—П. 1923 г. (Центрархив), стр. 3—7.

Предисловие к кн.: **«Переписка Николая и Александры Романовых».** М.—П. 1923—1927 (Центрархив), т. 3, стр. III—XXXII; т. 4, стр. III—XI,

Плеханов— русский историк. «Под. Знам. Маркс.», 1923, №6—7, стр. 5—18.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Марксизм и особенности исторического развития России». Л. 1925 г., стр. 5—20.

Предисловие к кн.: **«К. П. Победоносцев и его корреспонденты».** Письма и записки. М.—П. 1923. (Труды Государственного Румянцевского музея. Вып. 2, т. I полут. I), стр. V—XI.

Программы II ступени. (Из доклада М. Н. Покровского). «Народ. Просв.» 1923 г. № 4—5, стр. 66—74.

Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. XX век. Вып. I. 1896—1906. М. «Красная Новь», 1923. 295 стр. вкл. табл. I и карт. 8° 75 000.

То же. М. «Крас. Новь», 1923, 295 стр. 1 карт. 50000.

То же. М. «Крас. Новь», 1923, 295 стр. 1 карт. 15 000.

То же. Изд. 2-е перераб. М.—Л. ГИЗ, 1926, 268 стр. 1 карт. 25000.

То же. Изд. 3-е. М.—Л. ГИЗ, 1926, 268 стр. 1 карт. 25000.

То же. Изд. 3-е. перераб. и доп. Л. ГИЗ, 1928, 317 стр. 1 карт. 35000.

Савин, А. Н. Некролог. В кн. «Институт Красной Профессуры» Труды. М. 1923, т. I, стр. 327—328.

Семейная переписка Романовых. (Предисловие к «Переписке Николая Романова с Ал-дрой Федоровной»). «Красн. Арх.» 1923, т. IV, стр. 157—158.

(Ред.). **Труды Института Красной Профессуры.** Т. I. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921—1922 гг. (I курс). М. Пг. 1923.

Что нужно ждать от Свердловцев. «Свердловец», 1923, № 5—6.

1924 г.

Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции. «Пролет. Револ.» 1924, № 11, стр. 5—13.

12 марта 1917 г. «Правда», 1924. № 59. 12/III.

Доклад на совещании наркомов просвещения союзных и автономных республик. (Содержание доклада). «Правда», 1924. № 247. 29/X.

Историческая обстановка к моменту взрыва в сентябре 1919 года. (Из речи М. Н. на пленуме МК, посвященном памяти погибших при взрыве в Леонтьевском пер. 25/IX 1919 г.—25 IX 1924 г.). «Спутн. Комм.», 1924, № 8, стр. 88—97.

Как готовилась война. «Правда». 1924. № 171 от 30/VII.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928 г., стр. 162—168.

Как началась война 1914 года. «Пролет. Рев.», 1924. № 7 (30), стр. 5—35.

То же. В кн. «25-е сентября 1919 г.». М. 1925, стр. 23—30.

Кач русский империализм готовился к войне. «Большев.», 1924, № 9, стр. 25—34.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 150—161.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М.—Л. 1927, стр. 32—53.

Предисловие и вступит. статья к кн. **Каутский, К.: «Как возникла мировая война».** По документам германского Министерства иностранных дел. Перев. А. Пригожина, под ред. Шерера. М. 1924, стр. 3—38.

К пятилетию рабфаков. «Правда». 1924. № 50. 1/III.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 121—149.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 112—118.

Культурная революция (Речь на юбилейном заседании Ц. К. союза раб. просв.). «Народ. Учит.» 1924, № 7, стр 56—58.

Ленин в русской революции. «Вестн. Комм. Ак.» 1924, № 7, стр. 7—21.

То же. «Молод. Гвард.», 1924, № 2—3, стр. 241—249.

Ленин и народное просвещение (Беглые заметки)). «Комм. Просв.» 1924, № 1 (13), стр. 14—19.

То же. «Знамя Рабфаковца», 1924, № 1—2, стр. 3—9.

Ленин, как тип революционного вождя. (Из лекции на курсах секретарей укомов). «Под. Знам. Маркс.» 1924, № 2, стр. 63—73.

Марксизм в программах школ I и II ступени. Доклад на с'езде центральных и местных ОПУ и представителей бюро Губоно 28 мая 1924 г. «На Пут. к нов. шк.» 1924, № 4—5, стр. 161—183.

То же. Отделный оттиск из журн. «На Путях к новой школе». 1924, № 4—5, М. 1924, 15 стр. 8°.

То же. М. «Работн. Просв.» 1924, 24 стр.

То же. М., «Работн. Просв.» 1925, 24 стр.

То же. (В кн. «Программы ГУС'а и общественно-политическое воспитание». М. 1925. «На путях к новой школе» Педагогическая б-ка по ред. Н. К. Крупской), стр. 21—37; 43—50.

Марксизм в школе. Л., ГИЗ, 1924, 31 стр. (Библиотека педагога).

То же. Изд. 2-е. М.—Л. ГИЗ. 1925.

То же. Изд. 2-е. М.—Л. ГИЗ. 1925.

То же. Л. ГИЗ, 1924, 31 стр. (Под названием: «Марксизм в школе». Библиотека педагога).

О комплексном методе. (Из речи М. Н. Покровского на всероссийском с'езде завгубно 29—XI—23). «На пут. к нов. школе» 1924. № 1, стр. 8—11.

Предисловие к сборн. **«Октябрь за рубежом».** (Сборник воспоминаний). М. (1924) (О-во бывших российских солдат во Франции и на Балканах), стр. 3—7.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 240—243.

О пользе критики об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и о прочем. (Нечто вроде хрестоматии). «Под Знам. Маркс.» 1924, № 12, стр. 250—259.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Марксизм и особенности исторического развития России». Л. 1925, стр. 132—142.

О реформе высшей школы. Доклад на Москов. губ. конференции Пролетстуденчества. «Красн. Молодежь» 1924, № 1, стр. 98—107.

Очерк русского революционного движения XIX—XX вв Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923—24 г. М. «Красн. Новь», 1924, 232 стр.

(На обл. загл.: Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в.).

То же. М. «Красн. Новь». 1924.

Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923—24 г. Изд. 2-е перераб. М.—Л. ГИЗ, 1927, VIII, 200 стр.

Предисловие к кн **Павлов-Сильванский, Н. «Феодализм в древней Руси».** П. 1924, стр. 3—5.

Письмо в редакцию (Журн. «Пролетарская Революция») (Опровержение сообщения тов. Ливщица о том, что М. Н. Покровский был «отзовистом-ультиматистом»). «Пролет. Рев.» 1924, № 7 (30), стр. 286.

По поводу статьи тов. Рубинштейна. «Под Знам. Маркс.» 1924, № 10—11, стр. 211—212. (В оглавлении статья называется «Несколько замечаний на статью т. Рубинштейна»).

Предисловие к кн. **Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II.** Л. 1924, т. I, стр. 3—7.

То же. Изд. 2-е, Л. 1924, стр. XIII—XXVIII.

Предложение ГУС'а о постановке исследовательской работы по изучению Ленинизма. Доклад на общем собрании членов Соц. Ак. 17 апр. 1924 г. «Вестн. Ком. Ак.» № 8, 1924, стр. 388—390.

Программно-методическая работа ГУС'а. Доклад на с'езде завгубоно. 20 XI—23 г. Метод. сборн. Тверск. Губ. Отд. Нар. Обр. 1924. № 6, стр. 1—7.

Проект анкеты по революции пятого года. «Пролет. Рев.» 1924, № 11, стр. 14—18.

Происхождение и характер войны. (Доклад собранию московской интеллигенции 4 августа 1924 г.). «Народ. Учит.», 1924, № 8, стр. 29—42.

Речь на VI Всесоюзном с'езде РЛКСМ. «Правда». 1924. 158. 15/VII.

Письмо в редакцию. (Поправки и речи на VI с'езде РЛКСМ). «Правда». 1924. 160. 17/VII.

Семь лет Пролетарской диктатуры. (Тезисы). «Спутн. Комм.», 1924, № 8, стр. 3—7.

Советская глава нашей истории. «Большевик», 1924, № 14, стр. 10—19.

(Ред.) **Томсинский, С. Г. Борьба классов и партий во второй Государственной Думе.** М. 1924.

Царская Россия и война. М. ГИЗ, 1924, 87 (1) стр. 8°.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928 г., стр. 169—211.

Чем был Ленин для нашей высшей школы. «Правда» 1924. № 22 от 27/II.

То же. (Под назван. «Ленин и высшая школа»). Л. ГИЗ. 1924, стр. 10—16.

То же. «Красн. Студ.». 1925. № 1, стр. 6—7.

То же. «Нашей школе» Одесса. 1925. № 1—2.

То же. «Студ. Рабочий». Екатеринбург. 1925, стр. 4—5.

1925 г.

Аграрный капитализм в крепостной деревне. В кн. Черновский А. и Гаврилов, М. Четырнадцатое декабря. Л. 1925, стр. 25—27.

Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве (Две речи на с'езде архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г.). Архив. дело 1925, вып. 3—4, стр. 3—10.

(Ред. и предисл.) **Восстание декабристов.** Материалы (По истории...) под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. М.—Л. 1925—1927. (Центрархив) т. I, стр. VII—XII; т. 4, стр. VII—XI.

Вступительная речь на I библиотечном с'езде РСФСР. В кн. Первый библиотечный с'езд РСФСР с 1 по 7 июля 1924 г. М. 1925 (Главполитпросвет) стр. 7—9.

Предисловие к кн. **Герцен А. И. Русский заговор.** 1925. М.—Л. 1926. (1825—к столетию восстания декабристов—1925), стр. 3—6.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М. 1927, стр. 58—62.

Два вооруженных восстания (1825—1905). «Под Знам. Маркс.», 1925, № 12, стр. 5—16.

Двадцать лет назад 4/17 февраля 1905 года. (Воспоминания о террористическом акте С. Каляева). «Правда» 1925. № 39. 17/II.

Доклад (Изложение доклада) на заседании, посвященном 20-летней годовщине революции 1905 г. Пленум. Моссовета и МГСПС 14/XII—1925 г. «Правда». 1925. № 286. 15/XII.

Значение революции 1905 года. Из доклада на совещании при Отделе Печати ЦК РКП(б) 7 октября с. г., Л. ГИЗ, 1925, 34 (1) стр. 8° 10 000.

То же. Л. ГИЗ. 1925. «(Под названием «Значение Революции 1905 г.») 34 (1), стр. 8° 10 000.

К вопросу об особенностях исторического развития России. 1. О пользе не быть профессором, с некоторыми историческими замечаниями о природе русского самодержавия. «Под Знам. Маркс.» 1925, № 4, стр. 123—141.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Марксизм и особенности исторического развития России». Л. 1925, стр. 92—132. II. где уже только одни исторические замечания. «Под. Зн. Маркс.», 1925 № 5—6, стр. 89—109.

Континентальная блокада и развитие русского капитализма. В кн. Черновский, А. и Гаврилов, М. Четырнадцатое декабря. Л. 1925, стр. 17—22.

Кто вел деревенскую революцию 1905 г. Из доклада М. Н. Покровского, читанного 23 октября 1925 г. «Вестн. Комм. Ак.» 1925, № 13, стр. 223—230.

К Учительскому С'езду. «На путях к нов. шк.» 1925, № 1 стр. 4—9.
То же. «Комм. Рев.», 1925, № 2 (7), стр. 3—6.

Марксизм и особенности исторического развития России. Сборник статей 1922—1923 г. Л. Прибой 1925, 142 (1) стр. 8° см. 8000. **Содержание.** Предисловие—Г. В. Плеханов, как историк России.—Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию». Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма (нечто в роде ответа т. Троцкому).—Кончаю...—Троцкизм и «особенности исторического развития России».—Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия.—К вопросу об особенностях исторического развития России.—О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и о прочем. (Нечто вроде хрестоматии).

Начало Пролетарской революции в России. (Доклад на общем собрании Ассоциации Научно-исслед. Ин-тов обществоведения 16 января 1926 г.) «Красн. Архив» 1925 г., т. 4—5 (11—12) стр. V—XVI.

Новые данные о Пугачевщине. (Доклад М. Н. Покровского, прочитан. в О-ве историков-марксистов) 1/VI 1925. «Вестн. Комм. Ак.» 1925, № 12, стр. 219—235.

О наших научных кадрах. «Правда», 1925, 5/VII.

Опыт Якушкина. В кн. Черновский, А и Гаврилов, М. Четырнадцатое декабря, Л. 1925, стр. 132—133.

Предисловие к кн. **Письма Победоносцева к Александру III.** (М.) 1925. (Центрархив) т. 1, стр. V—XI.

Политическое значение архивов. (Речь, произнесенная на открытии архивных курсов при Центрархиве РСФСР 21 ноября 1924 г. В кн Архивное дело 1925 г. вып. 2, стр. 1—7).
То же. В кн. Политическое значение архивов М. 1925 (Центрархив), стр. 5—11.

Политические итоги учительского с'езда. «Большев.» 1925, № 2 (18), стр. 56—62.

Предисловие к XIII книге «Красного Архива». «Кр. Арх.», 1925, т. 13, стр. V—VIII.
То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М. 1927, стр. 84—89.

Предпосылки и результаты революции 1905 г. Доклад М. Н. Покровского на об'единенном заседании Моссовета и МГСПС, 14 декабря 1925 г. «Правда», 1925, № 289, 18/XII.

Революция 1905 г. Доклад М. Н. Покровского 28 ноября в театре имени Каляева. «Правда», 1925 г. № 274, 1/XII.

Революция 1905 года и буржуазная Европа. «Комм. Интерн.» 1925, № 11, стр. 47—56.

Предисловие в кн «Русско-японская война». Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л. 1925. (Центрархив), стр. III—VII.

Речь т. Покровского на 1-м Всесоюзном Учительском с'езде «Правда» 1925 г. № 10 13/I.

Семеновская история 1820 г. В кн. Черновский А. и Гаврилов М. М. Четырнадцатое декабря. Л. 1925, стр. 69—71.

Семь лет диктатуры пролетариата. В кн. Луначарский А. В. и Покровский М. Н. Семь лет пролетарской диктатуры (М.) 1925, стр. 44—78.
То же. М. ГИЗ (1925) 31 стр. 8°. 10 000.

Северная война. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е, М. (б. г.), т. 41, стр. 661—668.

17/30 октября 1905 г. «Правда», 1925 г. № 249, 30/X.

Система народного образования в СССР. Тезисы к докладу на предстоящем партсовещании по народному образованию. «Народное Просвещение». 1925 г. № 3, стр. 9—16.

София Палеолог. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е, М. (б. г.), т. 40, стр. 262—265.

Сперанский, М. М. Энциклоп. слов. Гранат, изд. 7-е. М. (б. г.), т. 41, стр. 111—117.

Средняя Азия. Энциклопед. слов. Гранат, изд. 7-е, М. (б. г.), т. 41, стр. 268—278.

Стрельцы. Энциклопед. слов. Гранат, изд. 7-е, М. (б. г.), т. 41, стр. 16—19.

Строганов. Энциклопед. слов. Гранат, изд. 7-е, М. (б. г.), т. 41, стр. 31—33.

Студенчество и исследовательская работа. «Кр. студ-во», 1925, № 6—7, (10—11) стр. 10—15.

Троцкизм и «особенности исторического развития России». «Комм. Интерн.» 1925, № 3 (40), стр. 21—35.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Марксизм и особенности исторического развития России» Л. 1925, стр. 40—54.

(Ред.) **1905. История революционного движения** в отдельных очерках т. I—IV. М.—Л. 1925—1927 (Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия револ. 1905 г. и Истпарта ЦК РКП(б).

Предисловие к кн. «Царская Россия в мировой войне» т. I. Л. ГИЗ. 1925, стр. VII—XXIV.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 212—232.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М. 1927, стр. 69—76.

14/26 декабря 1825 г. «Правда» 1925, № 297.

Экономическое положение России перед революцией. Предислов. к ст. 1. Записка М. В. Родзянко, 2. Записка В. Степанова: «Кр. Арх.». 1925, гл. 3, стр. 67—68.

1926 г.

Абсолютизм. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. I, стб. 87—90.

Александр I. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. II, стб. 153—156.

Александр II. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. II, стб. 156—161.

Александр III. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. II, стб. 161—165.

Антанта. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. III, стб. 23—32.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 250—260.

Бакунин в русской революции (к 50-летию со дня смерти). «Правда» 1926 г., № 148 (3377) от 1/VII, стр. 2. В кн. Михаил Бакунин 1876—1926. Неизданные материалы и статьи. М. 1926, стр. 179—185.

Балканские войны. Больш. Сов. Энц. М. 1926, т. IV, стр. 501—510.

Внешняя политика России в XX веке. Популярный очерк. М. Комун. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1926, 95, П. стр. 23, см. 6000.

Выступления..... на 5-ой Методической конференции преподавателей Совпартшкол по докладам К. А. Попова и Ц. Фридлянда. В кн. «Вопросы преподавания исторических дисциплин» М. 1926 (Главполитпросвет, 5-ая Методическая конференция преподавателей совпартшкол), стр. 93—95; 129—137.

Предисловие к кн. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е исправл. и доп. М.—Л. 1926, стр. 3—8.

Предисловие к статье **«Записки Ф. А. Головина»** «Красн. Архив» 1926, т. VI (19), стр. 110—111.

Задачи Общества историков-марксистов (Речь произнесенная на открытии О-ва в заседании 1 июня 1925 г.). «Ист.-маркс.» 1926, № 1, стр. 3—10.

(Ред. и предисл.) **1905. История революционных движений в отдельных очерках.** Под ред. и с предисл. М. Н. Покровского, М. 1926. (Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК РКП(б), т. I, стр. V—VII).

«Казанская» демонстрация 6—18 декабря 1876 г. «Правда» 1926 г. № 293 от 18 дек.

(Ред.). **Исторические и юридические науки.** Отдел Большой Советской Энциклопедии.

К девятой годовщине. (Доклад на собрании научных работников г. Москвы 6 ноября 1926 г. «Народ. Учит.» 1926, № 11, стр. 4—16).

К преподаванию обществоведения в наших школах. «На путях к нов. шк.» 1926, № 11, стр. 40—45.

То же «Комм. Револ.» 1926. № 19, стр. 55—61. (Под названием: «Об обществоведении»).

Ленин и Маркс, как историки. «Правда» 1926. № 92 от 22 апр.

Ответ тов. Томсинскому. «Вестн. Комм. Ак.» 1926 г., № 15, стр. 284—299.

Отчет о годичной работе Коммунистической академии за 1925/26 г. на пленуме К. А. 15 июня 1926 г. «Вестн. Комм. Ак.» № 16, 1926, стр. 281—289.

Предисловие к кн. **Плеханов, Г.** 14 декабря 1825 года М.—Л. 1926, стр. 3—8.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М. 1927, стр. 53—58.

Предисловие к статье **«Политическое положение России накануне февральской революции в жандармском освещении.** «Кр. Арх.» 1926, № 4 (17), стр. 1—4.

Предисловие к кн. **«Практика лабораторных работ в школе».** Опыт применения лабораторной системы на рабфаке им. тов. Бухарина под ред. Былинского, Я. Менделеева, С. Стародубцева. М. 1926, стр. 3.

(Ред. и вступительная статья) **Пугачевщина,** т. I. Из архива Пугачева. Манифесты, указы и переписка. Подготовлен к печати С. А. Голубцовым под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона. М.—Л. 1926. (Центрархив. Материалы по истории революционного движения в России в XVII и XVIII вв. под общ. ред. М. Н. Покровского), стр. 3—13.

Речь и выступления на XIII С'езде РКП. Секция по работе среди молодежи. ВК. Бухарин, Н. Борьба за кадры. М.—Л. 1926, стр. 313—316, 318, 320—321, 332.

1905. Доклад на Красной Пресне от 21 ноября 1925 г. М.—Л. Моск. Раб. 1926, 39 стр. 18 см. 15000.

(Ред.) **1905. Материалы и документы.** М.—Л. 1925 (Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. Истпарт. ЦК РКП(б).

(Ред.) **1917 г. в документах и материалах.** М.—Л. 1925—1927 (Центрархив).

Хозяйство России накануне XIX века. В кн. Черновский А. и Гаврилов М. Четырнадцатое декабря, Л. 1925, стр. 7—13.

Предисловие к кн. **«Царская Россия в мировой войне».** Л. 1925 (1926) (Центрархив) т. I, стр. VIII—XXIV.

Предисловие к статье **«Царская дипломатия о задачах России на Востоке 1900 г.».** «Кр. Арх.» 1926, № 5 (18), стр. 3—4.

14 декабря 1825 года. «Известия» ЦИК, 1926 г. № 1.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Декабристы». Сборн. М. 1927, стр. 62—69.

Японская война. В кн. 1905. История революционных движений в отдельных очерках под ред. М. Н. Покровского М.—Л. 1926, (Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК РКП(б), т. I, стр. 507—609.

1927 г.

Н. Н. Авдеев, как историк. «Пролет. Револ.» 1927, № 5 (22) стр. 217—221.

Архивное дело в Рабоче-крестьянском государстве. В кн. «Архивное дело». М. 1927, вып. III—IV, стр. 3—10.

Бог. Больш. Сов. Энц. М. 1927, т. VI, стб. 568—569.

Большевики и фронт в октябре—ноябре 1917 года. «Кр. Новь» 1927, № 11, стр. 157—170.

Буржуазия в России. Больш. Сов. Энц. М. 1927, т. VIII, стб. 181—194.

Буржуазная концепция пролетарской революции. (Стенограмма доклада в О-ве ист. марксистов 5 ноября 1926 г. «Ист.-маркс.» 1927, № 3, стр. 56—77).

Бюрократизм. Больш. Сов. Энц. М. 1927, т. VIII, стб. 468—480.

(Ред.) **Восстание декабристов.** Исследования. Под. общ. ред. М. Н. Покровского, М. 1927 (Центрархив).

ВЧК—ГПУ (20 декабря 1917—20 декабря 1927 г.) «Правда» 1927, № 290, 19 декабря.

Выход России из войны. «Прол. Рев.». 1927, № 10.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 263—283.

Грузия под английским владычеством. «Правда» 1927, № 133, 16/VI.

Декабристы. Сборник статей. М.—Л. ГИЗ., 1927. (Центрархив). 94 (1) стр. 8°. 3000. **Содержание:** Предисловие.—Из истории обществен-

ного движения в России в начале XIX века.—Декабристы (легенда и действительность).—Предисловие к брошюре Г. В. Плеханова: 14 декабря 1825 года.—Предисловие к брошюре А. И. Герцена о декабристах.—14 декабря 1825 года.—14 26 декабря 1825 года.—Из статьи 2 вооруженных восстания (1825—1905). Предисл. к XIII т. Кр. Арх.—из предисл. к IV т. «Восст. декабр.».

Десять лет Наркомпроса. Речь на торжественном заседании коллегии Наркомпроса. «Нар. Просв.». 1927, № 11—12, стр. 5—6, 21—24.

«Добросовестное оборончество» и солдатская масса перед февральской революцией. «Правда» 1927, № 59, 12 марта.

Задачи преподавания истории в школе II ступени. В кн. «Обществоведение в трудовой школе» под общ. ред. М. Н. Покровского, М. 1927 (Главсоцвос и Ин-т методов школьной работы РСФСР). Сборн. I, стр. 5—10.

(Предисловие). **Из дневника А. Н. Куропаткина.** «Кр. Арх.» 1927, № 1 (20) стр. 56—59.

Историзм и современность в программах школ II ступени. М. «Новая Москва» 1927, 22 стр. 23 см. (Центральная педагогическая лаборатория Соцвоса МОНО. Кабинет обществоведения). 5000 экз.

Историческое значение Октябрьской революции. «Комм. Рев.» 1927, № 20, стр. 3—13.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 284—289.

Исторический смысл Февраля. (Царизм и буржуазия в февральской революции). «Пролет. Рев.» 1927, № 2—3, 6—62, стр. 5—16.

(Ред.). **История гражданской войны.** Под ред. М. Н. Покровского. Л. (1927). (Истпарт. Отдел ЦК ВКП(б) по изучению Октябрьской революции и ВКП(б).

Как возникла Советская власть в Москве. «Правда». 1927, № 255, 6—7/XI.

Как рождался «Империализм». (Воспоминания о В. И. Ленине). «Правда» 1927, № 17, 21/I. В кн. «Архивное дело». М. 1927, вып. 10,

То же. В кн. «О Ленине». Сборн. воспомин. М. 1927, стр. 76—83.

Предисловие к № 23 Крас. Архива, Красный Архив, 1927 г. т. (23) стр. III—XI.

Культурное и политическое значение архивов. (Речь, произнесенная при открытии 2-й конференции архивных деятелей РСФСР 11 января 1927). В кн. «Архивное дело». М. 1927, вып. 10, стр. 3—10.

Ленин и внешняя политика. (Доклад на курсах марксизма при Ком. Акад. 22 янв. 1927 г.). «Вест. Ком. Ак.». 1927, № 19, стр. 3—20.

А. В. Луначарский в Наркомпросе. (Стенограмма речи на заседании посв. десятилетию Наркомпроса. «Печ. и Рев.». 1927 г., № 8, стр. 5—8.

Неправда об историках-марксистах. Чуглин, Н. «Правда о Пугачеве». «Истор. маркс.», 1927, № 3, стр. 218—222.

Несколько маленьких поправок. (К статье тов. Шляпникова «Ответ критикам», в № 11—12 «Большевика», за 1927 г.). «Большевик», 1927, № 14, стр. 86—89.

(Ред.). **Обществоведение в трудовой школе.** Сборн. 1—3 под общ. ред. М. Н. Покровского. М. 1927. (Главсоцвос и Ин-т Методов школьной работы РСФСР).

О деятельности Коммунистической Академии. «Вестн. Ком. Ак.», 1927, № 23, стр. 5—18.

Октябрьская революция в изображениях современников. «Ист.-маркс.» 1927, № 5, стр. 3—35.

Октябрьская революция и Антанта. (Доклад М. Н. Покровского для членов Об-ва историков-марксистов в Коммунистической Академии 7 октября с. г.). «Правда», 1927, № 235. 14/X.

То же. «Пролет. Рев.», 1927, № 10/69, стр. 3/25.

То же. М.—Л. ГИЗ, 1927, 45 стр. 8°.

О научной работе коммунистов в области общественных наук. «Комм. Рев.». 1927, № 5, стр. 21—28.

О подготовке новых кадров научных работников. (Доклад на втором Всесоюзном с'езде научных работников). «Научн. Работн.» 1927, № 3, стр. 37—47.

Опубликование тайных договоров. (10—13 ноября 1917 г.). «Правда», 1927, № 268, 23/XI.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 290—296.

Организация Науки в СССР. «Красн. Студ-во». 1927/28, № 8.

Ответ тов. М. Ф. Владимирскому. Письмо в редакцию о его заметке «К вопросу об образовании советской власти в Москве». «Правда», 1927, № 269, 24/XI.

Отчет о работе Коммунистической Академии за время с сентября 1926 г. по янв. 1927 на пленуме К. А. 29 янв. 1927 г. Вестн. Ком. Ак. 1927, № 20, стр. 287—295, 311—314.

Памяти Куртинского расстрела. (18 сентября 1917 г.—18 сентября 1927 г.). «Правда» 1927, № 213, 18/IX.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928 г., стр. 244—249.

Панславизм на службе империализма. (О варшавской конференции «историков государства Восточной Европы и славянского мира»). «Правда», 1927, № 142, 26/VI.

(Ред. и Предисл.). Очерки по истории Октябрьской революции. Работы историч. семинар. Инст. кр. проф. под общей ред. и с предисл. М. Н. Покровского, тт. 1—2, М.—Л. 1927, т. 1, стр. III—XI, т. 2, стр. III—V.

(Предисл.). **Переписка Николая II и Марии Федоровны.** «Кр. Архив» 1927, т. 3 (22), стр. 153—158.

Подготовка новых кадров научных работников. «Кр. Студ-во» 1927, № 5, стр. 12—15.

Речь на общем собрании членов О-ва историков - марксистов (29 апреля 1927 г.). Общая характеристика О-ва ист.-марксистов. («Ист.-маркс.»., 1927 № 4, стр. 268—271).

Николай Александрович Рожков. (Речь М. Н. Покровского, произнесенная на гражданской панихиде, 4 февр. 1927 г. «Ист.-маркс.», 1927, № 3, стр. 254—260.

Н. А. Рожков. (Стенограмма доклада на заседании О-ва историков-марксистов от 14-го февраля 1927 г., посвященном памяти Н. А. Рожкова). «Ист.-маркс.», 1927, № 4, стр. 179—186.

(Ред. и предисл.). **Русская историческая литература в классовом освещении. Сборник статей.** С предисл. и под общ. ред. М. Н. Покровского, М. 1927. (Труды Ин-та Кр. Проф.), т. 1, стр. 5—18.

Предисловие к кн. «Солдатские письма 1917 года». Подготовленные к печатанию О. Н. Чаадаевой. М.—Л. 1927. (Истпарт. Отдел ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской. Revол. и ВКП(б), стр. 5—14.

То же. 1927. (Центрархив), стр. 5—14.

То же. В кн. Покровский, М. Н. «Империалистическая война». М. 1928, стр. 233—239.

(Ред. и предисл.). **Справочник аспиранта.** С предисл. и под ред. М. Н. Покровского, М.—Л. 1927 (Народный Комиссариат Просвещения РСФСР).

То же на 1928—29 г., М. 1928. (Государственного Учен. Совета НКП РСФСР РАНИОН).

Через семь лет. (По поводу писем Н. Жордания). «Правда», 1927, № 137. 21/VI.

А. П. Щапов. «Истор.-маркс.». 1927, № 3, стр. 5—13.

1928 г.

Выставка советских исторических книг и документов в Нем. Акад. Наук. «Правда», № 163 от 15 июля 1928 г.

Десять лет Коммунистической Академии. Вступит. слово М. Н. Покровского на юбилейном заседании пленума Коммунистической Академии 25-го мая 1928 г. Вестн. Ком. Ак. 1928, кн. 4, стр. 7—20.

Империалистская война. Сборник статей 1915—1917. М. Ком. Ак. 1928. 296 стр. 8°. (Ком. Ак. О-во историков-марксистов). 5000 экз. **Содержание:** Предисловие.—К выступлению Турции. Исторические задачи.—Лейб-гвардия Романовых.—Виновники войны.—Демократический мир.—Новая речь Вильсона.—К вопросу о виновниках войны.—Три совещания.—Кто такой Пуанкаре.—Как возникла мировая война.—Как русский империализм готовился к войне.—Как готовилась война.—Царская Россия и война зимою 1914—1915 г. (К подготовке секретного соглашения о Константинополе и проливах).—Предисловие к сборн. Центрального Архива «Царская Россия в мировой войне».—Предисловие к «Солдатским письмам».—Предисловие к сборнику «Октябрь за рубежом».—Памяти Куртинского расстрела (18 сент. 1917 г.—18 сент. 1927 г.). Антанта.—Выход России из войны.—Историческое значение Октябрьской революции.—Опубликование тайных договоров (10—12 нояб. 1927 г.).

«Новые» течения в русской исторической литературе. «Ист.-маркс.». 1928 г., № 7, стр. 3—17.

Общественные науки в СССР за 10 лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений. Вестн. Ком. Акад. 1928. Кн. 2, стр. 3—30.

О Свердловском университете. (К 10-летию Свердловского Университета). «Правда», № 122 (3954) от 27.V—28 г.

Г. В. Плеханов. (К 10-летию со дня смерти). «Правда», № 124 от 30.V—28 г.

(Ред. и предисл.). **Справочник аспиранта на 1928/29 г.** Под ред. и с предисл. М. Н. Покровского, М. 1928. (Государственный ученый совет НКП РСФСР РАНИОН), стр. 3—8.

(Предисл.). **Ставка и министерство иностранных дел.** «Кр. Арх.» 1928 г. № 1 (26), стр. 3—8.

Речь на XV С'езде ВКП(б). (О планировании научно-исследовательской работы в СССР). Пятнадцатый с'езд ВКП(б). Стенографический отчет. М. ГИЗ. 1928.

То же. «Нар. Просв.» 1928, № 1.

Николай Гаврилович Чернышевский. (24 июля 1828 г.—24 июля 1928 г.). «Правда», № 170 (4002), от 24 июля 1928.

Н. Г. Чернышевский как историк. «Историк-марксист» 1928, т. 8, стр. 3—26.

ОТ РЕДАКЦИИ

Биография М. Н. Покровского составлена коллективно разными лицами, в отсутствие М. Н. Поэтому в ней возможны неточности и неправильности.

У К А З А Т Е Л Ь

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ ПО ИСТОРИИ, вышедших в Англии, Германии, САСШ, СССР и Франции за **июль—декабрь 1926 г.** (Продолжение; см. № 6—8 Ист.-Марксист»).

Россия

Краеведение

Бочкарев, В.—Ярославское наместничество в последней четверти XVIII века. Ярославль. 20 стр.

Город Пермь.—Сборник очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь. О-во краеведения. VI+360 стр.

Гриневич, К. Э.—Что такое Херсонес? Общие предварительные сведения. 2 изд. исправл. и допол. Севастополь. 23 стр.

Гурко-Кряжин, В. А.—Абхазия. М. Научн. Ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 24 стр.

Донецкий, М.—Донское казачество. Историко-публицистические очерки. Ростов-на-Дону. «Севкавкнига». 69 стр.

Емельянов, В. Д.—Прошлое нашего края. Сборник статей по геологии, археологии и обществоведению Нолинского уезда. Нолинск. IV+72 стр.

Ешкилев, В. А.—Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Историко-культурный очерк. В.-Устюг. «Сов. Мысль» 40 стр.

Иваново-Вознесенское губернское научное о-во краеведения.—Труды... Вып 4. Историко-революционный сборник [Село Иваново в жизни С. Г. Нечаева. Шуйский кружок 80-х годов. Из школьных лет К. Д. Бальмонта]. Иваново-Вознесенск. «Основа». 77+[1] стр.

Известия Краеведческого Института изучения Южно-волжской области при Саратовском государственном университете.—Т. I. Саратов. 193 стр.

[Иркутский госуд. университет.—Студенческий научн. кружок краеведения].—Краеведение в Иркутской губернии. Записки студенческого научного кружка краеведения при Иркутском госуд. университете. № 3. Иркутск. 48 стр.

Калинин, Н. Ф.—Спасская башня Казанского кремля. Историко-археологический очерк. Казань, автор. 66+[2] стр.

Київ та його околиця в історії і пам'ятках.—Під редакцією голови секції академика М. Грушевського. Художня ред. О. Гера. (Записок Українського наукового товариства в Київі (тепер Історичної секції Української академії Наук), том XXII]. [Харків—Київ]. X+[2]+475+[1] стр.

Кокиев, Г.—Очерки по истории Осетии. Ч. I. Владикавказ. 150+[5] стр.

Ленинградский государственный университет, Географический факультет. Этнографическое отделение.—Материалы, собранные во время летних экскурсий студентами Этнографического Факультета бывшего Географического института (1923—1926 г.). Научная серия. Под ред. проф. В. Г. Богораза и проф. Л. Я. Штернберга.—Вып. I. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л. Комиссия по устройству студенческих этнографич. экскурсий. 266 стр.

Ложкин, Я.—Червоное козачество. Краткий популярный очерк по истории червоного козачества. [Харьков]. «Пролетарий». 95+[1] стр.

Луппов, П.—О собирании материалов по истории Вятского края. Вятка. 5 стр.

Марти, Ю.—Путеводитель по керченским древностям. Керчь. 60+[2] стр.

Марти, Ю.—Сто лет Керченского музея. (Исторический очерк). Керчь. IV+ +96 стр.

Мещанинов, И. И.—Доисторический Азербайджан и ураржская культура. Изд. О-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку. «Бакинский Рабочий». 15+1 стр.

Нижегородское научное о-во по изучению местного края.—Труды. Т. I. Вып. I исторический. Н.-Новгород. 80 стр.

Николаевщина.—Краеведческий сборник, составленный преподавателями Николаевского института народного образования Л. П. Гармашевым, Ф. К. Гейстом и др. Под ред. и с предисловием В. М. Фидровского и А. В. Кокорева. Николаев. V+[1+210+[8] стр.

Пермский краеведческий сборник.—Вып. II. Изд. «Кружка по изучению Северного края при Пермск. ун-те». Под общей ред. проф. П. С. Богословского. Пермь. IV+184 стр.

Петров, Д. П.—Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М. «Красный Пролетарий». 104 стр.

Полканов, А.—Судак (Сугдейя—Сурож—Солдайя). Исторический очерк и путеводитель по крепости. Симферополь. 48 стр.

[Ржевское О-во Краеведения]. Сборник Ржевского О-ва Краеведения. № 1. Под ред. Шульц, Н. П., Абрамова, Б. И., Вишнякова, Н. М. Ржев. Ржевск. О-во Краеведения. 236 стр.

Северо-Двинское О-во Изучения Местного Края.—Записки Северо-Двинского О-ва Изучения Местного Края. Вып. II. Великий-Устюг. «Сов. мысль». 114+[1] стр.

Сибирская живая старина [Сборник]. Год изд. IV. Вып. I(V). Под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Иркутск. 184 стр.

Сивков, К. В.—Культурно-историческое изучение небольшого района. Л. «Брокгауз—Ефрон». 103 стр.

Смирнов, В. А.—Исторический очерк Приенисейского края. Ч. 1. (Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках). Красноярск. бюро краеведения при Красноярск. отд. рус. географич. О-ва. 24 стр.

Собянин, В. А.—Ростовский уезд. (Краткий краеведческий очерк). Ростов-Ярославский. 56 стр. (Ростовск. научн. о-во по изучению местного края).

Спицын, А. А.—Древности севера Вологодской, Архангельской, Сев.-Двинской губ. и области Коми. Тотьма. Музей имени А. В. Луначарского. 17 стр.

Тынышпаев, М.—Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда. Кзыл-Орда. О-во изучения Казакстана. 12 стр.

Тютюник, Ю.—Нариси Західньої України. З додатком статті М. Луцкевича. [Харків]. «Книгоспілка». 166 стр.

Фирсов, Н. Н.—Прошлое Татарии. Казань. 45 стр.

Merhart, G. V.—Bronzezeit am Ienissei. Ein Beitr. zur Urgeschichte Sibiriens. Wien. Schroll et C°. 191 стр.

Национальный вопрос и национальные меньшинства. См. также местную историю и краеведение

Алиев, У.—Национальный вопрос и национальная культура в Северо-кавказском крае. (Итоги и перспективы). К предстоящему с'езду горских народов. Вместо предисл.—речь тов. А. Микояна. Ростов-на-Дону. «Севкавкнига». 128 стр.

Башкирское национальное движение.—Уфа. «Башкнига». 27 стр.

Гераклитов, А. А.—Саратовская мордва. (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае). [Саратов]. 21 стр.

Гросс, Э.—Авт. соц. сов. респ. немцев Поволжья [Исторический и политико-экономический очерк]. Покровск. «Немгосиздат». [4]+II+125 стр.

Елбоев, Е.—Родословная одной бурятской семьи. Иркутск. «Власть Труда». 7 стр.

Ербанов, М. Н.—Вопросы культурно-национального строительства Бурятии. Краткий очерк. Верхнеудинск. Буробком ВКП(б). III+52 стр.

Ербанов, М. Н.—Пять лет автономии Бурятии. (Краткий очерк). Верхнеудинск. Буробком ВКП(б) [1]+25 стр.

Землявицкий, Т. А.—Чуваши в Самарской губернии [Исторический очерк]. Самара. 4 стр.

Общество изучения Казакстана.—Труды О-ва Изучения Казакстана (Киргизского края). Отдел истории и этнографии. Т. VII, вып. II [А. Ф. Рязанов. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797—1838 г.)]. Очерки по истории национального движения Казакстана. В 2-х частях. Кзыл-Орда. [7]+(5—298)+[2] стр.

Пальмов, Н. Н., проф.—Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Часть I. Астрахань. Калмыцк. областн. исполн. ком-т. VI+265 стр.

Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века.—Вып. I. Под ред. и с примеч. В. П. Гирченко. Верхнеудинск. Центр. архивное упр-ние Бурят-монгольск. А. С. С. Республики. II+ +III+42 стр.

Сысоев, В. М.—Тюркское население Азербайджана в XVII веке. Изд. О-ва обсл. и изуч. Азербайджана. Баку. 18 стр.

Тынышпаев, М.—Киргиз-казаки в XVII и XVII веках. Кзыл-Орда. О-во изучения Казакстана. 14 стр.

Тынышпаев, М.—Отзыв о труде А. П. Гулошникова по истории казак-киргизского народа. Кзыл-Орда. О-во изучения Казакстана. 15 стр.

Хвыля, А.—Национальный вопрос на Украине [Харьков]. Гос. изд-во Украины. 129+[3] стр.

Хороших, П. П.—Литература о революционном и общественном движении в Бурятии. Иркутск. «Власть Труда». 13 стр.

Leibbrandt, G.—Die deutschen Kolonien in Cherson u. Bessarabien. Berichte d. Gemeindeämter über Entstehg. u. Entwickeg. d. luther. Kolonien in d. ersten Hälfte d. 19 Jh. Stuttgart. Ausland u Heimat Verlags-A.-G. 197 стр.

Richter. H.—Aus der Wolgadeutschen Sowjer-Respublik. Voltr. Berlin. Diplomatisches Archiv. 28 стр.

Рабочее движение

Николаенко, А.—Краткая история рабочего класса в России. Под ред. и с предисл. И. Флеровского. М. «Гудок». 323 стр.

Пажитнов, К.—Робітничий рух за кріпацтва. (Скорочений переклад з російської). [Харків]. «Книгоспілка». 34 стр.

Плеханов, Г. В.—Російські робітники в революційному Русі. (За особистими спогадами). Переклад з російської М. Авдієнка. За редакцією П. Пеца. [Харків]. Держ. вид-во України. 85+[3] стр.

Рабочее движение в России.—Биографии виднейших деятелей. Под ред. Б. П. Козмина. [Харьков]. «Пролетарий». Вып. 1—84+[4] стр. Вып. 2—77+[3] стр.

Стальной гигант (125-летие «Красного Путиловца»).—Л. «Прибой». 32 стр.

Шувалов, И.—Рабочее и профессиональное движение на бумажных фабриках 1750—1914 гг. Материалы истории. Составлено и обработано Ив. Шуваловым под ред. Истпрофа ВЦСПС. М. ЦК Союза Бумажников. 200 стр.

19 век

Айнзафт, С. — Великая забастовка питерских текстильщиков в 1896 г. (К тридцатилетию стачки). М. 16 стр.

Айнзафт, С. — Великая забастовка питерских текстильщиков в 1896 г. (К тридцатилетию стачки). М. ЦК Союза текстильщиков. 33—47 стр.

Айнзафт, С. — Стачечное движение девяностых годов и социал-демократия. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 31 стр.

Ельницкий, А.—Первое мая в России. С перераб. и дополн. изд. [Харьков]. «Пролетарий». 98+[2] стр.

Катин-Ярцев, В. Н. — Историческая стачка. (К тридцатилетию петербургской стачки 1896 г.). М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 32 стр.

Козьмин, Б. — Рабочее движение в России в XIX веке. [Харьков]. «Пролетарий». 109+[3] стр.

Корольчук, Э. А.—Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 декабря 1876 г. Сборник воспоминаний и документов. Составила Э. А. Корольчук. Л. Госуд. Изд-во. 96 стр.

Марков, А.—На Пресне 30 лет тому назад. [Стачка на Прохоровской фабрике]. М. Моск. Губотд. Всесоюзн. профсоюза текстильщиков. 46 стр.

Первое мая (Биб-ка «Красного Горняка», № 4. Май 1926 г.).—Кривой-Рог. 31+[1] стр.

Рабочее движение в семидесятых годах.—Под ред. Ф. Раскольникова. М. «Моск. рабочий». 77 стр.

Федорченко, Л. С. (Чаров, Н.). Рабочий бунтует. (От народничества к рабочему движению). М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 32 стр.

20 век

Агурский, С. — Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917—1921). Перевел с еврейского Г. Майзель. Минск. Госуд. изд-во Белоруссии. [4]+244 стр.

Айнзафт, С.—Историческая стачка иваново-вознесенских текстилей в 1905 г. М. ЦК Союза текстильщиков. 30 стр.

Анисимов, С. — «Горловское дело». Очерк восстания на линии Екатеринославской железной дороги в 1905 году. Харьков. Изд-во ВУСПС.

Б. К.—Профдвижение в эпоху первой революции (конспект). Харьков. «Укр. Рабочий». 16 стр.

Бакинский Рабочий 1906—1926. 20 лет «Бакинского Рабочего».—Баку. 12 стр.

Бухбиндер, Н. А.—Зубатовщина и рабочее движение в России. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 64 стр.

20 лет Союза ленинградских металлистов 1906—1926. Л. 12 стр.

Евсенин, И.—Первые страницы из истории борьбы рабочих фабрики «Эйнем». [в 1905 году]. М. 39 стр.

Колесников, Б.—Профсоюзы в России. Краткий исторический очерк. [Харьков]. «Пролетарий». 98+[2] стр.

Либерман, Л.—В стране черного золота. Очерк развития заработной платы и революционного движения горнорабочих Донбасса. М. Госуд. Изд-во. 194 стр.

Манилов, В.—Киевский совет рабочих депутатов в 1905 г. [Харьков—Киев]. Комиссия по празднованию 20-летия революции 1905 года при Киев. окрисполкоме. Истпартотд. 59+[1] стр.

Морозкин, В.—«Бунт» на Даниловской мануфактуре в марте 1902 г. Воспоминания рабочего В. Морозкина. Вступ. статья С. Спектора. М. ЦК Союза текстильщиков. 30 стр.

Муценек, Я.—Уроки Лены. [Екатеринослав]. Екат. окружком МОПРа. 31+[1] стр.

Никишин, А.—20 лет Азербайджанских горнорабочих. Изд. АзЦП Союза горнорабочих СССР. Баку. 118 стр.

Никишин, А. — Очерк Бакинского горняцкого профдвижения 1917—1920 гг. Материалы по истории профдвижения горнорабочих. Вып. 2. Изд. Азербайджанского ЦП Союза Горнорабочих СССР. Баку. 88 стр.

О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губ. в 900-х годах.—В. I. По архивным материалам и личным воспоминаниям. Под ред. А. Н. Асаткина. Владимир. Владим. Истпарт. 266 стр.

О чем писали рабочие-швейники в 1905—1907 гг. — Вып. I. Листок Союза рабочих портных, портних и скорняков. 1905, 1906 и 1907 гг. М. ЦК СРШП СССР. 7+239 стр.

Осипов, Е.—Рабочее профессиональное движение в Харькове. I вып.: первые этапы рабочего движения. [Харьков]. Истпроф ВУСПС и ХОСПС. 177+[1] стр.

Хождение в народ. — Под ред. Ф. Раскольникова. М. «Моск. рабочий». 38 стр.

Чарушин, Н. А.—Детство в гимназии. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 1870-х гг. М. Всесоюзное о-во политич. каторжан и сс.-поселенцев. 222 стр.

Чужак, Н.—Правда о Пугачеве. Опыт литературно-исторического анализа. М. 80 стр.

Unser Bakunin. — Zur Erinnerung an d. 50 Todestag von Michael Bakunin. Berlin. Verlag. Der Syndikalist. 8 стр.

Декабристы

Багалій, Д.—Декабристи на Україні. [Харків]. Держ. Вид-во України. 56 стр.

Базилевич, В. М. — Декабристы. Очерки I—III. Киев. Тип. Политехн. и-та. 48 стр.

Базилевич, В. — Декабристи на Кївщині. 1825—1925. [Харків]. Держав. вид-во України. 64 стр.

Восстание декабристов. — Материалы. Т. II. М.—Л. Госуд. изд-во. [7]+424 стр. (Центрархив).

Восстание декабристов. — Материалы. Т. V. Л. Госуд. изд-во. 493+[2] стр.

Декабристи на Україні. — Збірник праць комісії для дослідів громадських течій на Україні. За редакцією акад. С. Ефремова та В. Міяковського. (Збірник історично-філологічного відділу Укр. акад. наук). Київ. [4]+206+[2] стр.

Декабристы.—Материалы и документы. Под ред. и с примечаниями М. И. Мебеля. [Харьков]. «Пролетарий». [4]+7+[1]+271+1 стр.

Из эпохи борьбы с царизмом. Сборник № 5. К столетию восстания декабристов. Под ред. Л. Л. Бермана. Киев. Отдел Всесоюзн. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев. 170+[1] стр.

Ладыженский, А. М.—Декабристы. Мировоззрение, организация, выступление. Киев. Тип. Политехн. ин-та. 36 стр.

Лунин, М. С.—Общественное движение в России. Письма из Сибири. С портрет. и пятью снимками. Редакция [предисл.] и примеч. С. Я. Штрайха. М. Госуд. Изд-во. 64 стр.

Маслов, В. И.—Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев. Киев. Тип. Политехн. и-та. 14+[2]+[1] стр.

Памяти декабристов.—Сборник материалов. III. Л. Акад. наук СССР. [3]+258 стр.

Перетц, В. Н. и Л. Н.—Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Л. Акад. наук СССР. 112 стр.

Покровский, М. Н.—Декабристы. Сборник статей. М. Госуд. изд-во. 95 стр.

Пресняков, А. Е. — 14 декабря 1825 года. С прилож. военно-исторической справки Г. С. Габаева. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М. Госуд. изд-во. 226 стр.

Рух декабристів на Україні. [З матеріялів Укрцентрархиву].—Повстання декабристів на Україні. З матеріялів Київського центрального історичного архіву. За редакцією В. Базилевича, Л. Добровольского та В. Міяковського. Ювілейне видання. Харків. «Укрцентрархів». 184+103+[1] стр.

Филипович, П.—Шевченко і декабристи. [Харків]. Держ. вид-во України. 106 стр.+[2].

«Народная Воля»

Аптекман, О. В.—Мои первые шаги на пути пропаганды. С прилож. краткой автобиографии. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 63 стр.

Ашенбреннер, М. Ю.—Военно-революционная организация партии «Народной Воли». М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 31 стр.

Беркова, К. Н.—А. Д. Михайлов. [Очерк жизни и деятельности]. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 64 стр.

Дружинин, Н. М.—Член Исполнительного комитета партии «Народная Воля» Анна Васильевна Якимова (Кобозева). М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 48 стр.

Кантор, Р. М. — Геся Гельфман. [Очерк жизни и деятельности]. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 32 стр.

Прибылева-Корба, А. П.—«Народная Воля». Воспоминания о 1870—1880-х гг. С прилож. план. тюрем на Каре и 4 портр. А. П. Прибылевой-Корба. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 232 стр.

Фигнер, В. Н.—Николай Александрович Морозов. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 32 стр.

Фигнер, В. Н.—Член Исполнительного комитета партии «Народная Воля». Михаил Федорович Фроленко. М. Всесоюзное о-во политкаторжан и сс.-поселенцев. 29 стр.

Figner, W.—Nacht über Russland. Lebens-erinnergn. (Uebers. aus d. Russ.). Berlin. Malik-Verlag. 416 стр.

Революция, 1905 г.

Антонов-Саратовский, В. П.—Красный год. Из серии «Под стягом пролетарской борьбы». Ч. I. Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 года в Саратове и Саратовской губ. М. Госуд. изд-во. [4]+211 стр.

Березовский, Ф. — Таежные застрельщики. Очерки революционной борьбы 1905 года. Л. «Прибой». 134 стр.

Беренштам, В. В.—1905 год в Прибалтике. М. Латиздат. 28 стр.

організації святкування 20-ліття революції 1905 року та Істпартвідділ. XI+[1]+402+[6] стр.

Хоткевич, Г.—Спомни з революції 1905 року. [Харків]. Держ. вид-во України. 184 стр.

Шліхтер, А. — Київ за жовтневих днів 1905 року. [Харків]. Держ. вид-во України. 48 стр.

Lenin [W. I. Ul'janov]. — Das Jahr 1905. Pokrowsk. «Nemgosisdat». 24 стр.

Lenin, W. I. — Ueber die Revolution 1905/06. Reden Lenins auf dem 3 und auf dem Londoner Parteitag. Mit Resolutionen ders lben. Deutsch von A. Klein. M. Nemgosisdat. 135 стр.

Slang, F. — Panzerkreuzer Potemkin. Der Matrosenaufstand von Odessa 1905. Nach authent. Dokumenten mit 5 Orig. Photogr. и 10 Filmbildern. 3 erg. Aufl. Berlin: Malik-Verlag. 78 стр.

Stabunski, T. — O roku 1905. M. «Trybuna». 81 стр.

Революция, 1917. Февраль—октябрь

Война крестьян с помещиками в 1917 году. (Воспоминания крестьян).—Подготовлено к печати И. А. Козловским и М. И. Беккером, под ред. и с предисл. Я. А. Яковлева. М. «Крестьянская газета». 76+[3] стр.

Новицкий, К. П. (К. Петровин).—Февральская революция. Популярный очерк. 2 дополн. изд. [Харьков]. «Пролетарий». 61+[3] стр.

Шляпников, А.—Семнадцатый год. Кн. 3. М. Госуд. изд-во. 380 стр.

Экономическая история

Большаков, А. М. и Рожков, Н. А.—История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 3 (1905—1925 гг.). Л. Госуд. изд-во. 395 стр.

Пьянков, А. П.—«Хозяйство уральской деревни в эпоху торгового капитала». (Очерк из экономической истории Урала XVII века). Пермь. 35 стр.

Сарабьянов, В.—История русской промышленности. Краткий очерк. [Харьков]. «Пролетарий». 290+[2] стр.

Туган-Барановский, М. — Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Перепечатано с 3 изд., вышедшего при жизни автора. [Харьков]. «Пролетарий». 448 стр.

СССР.—Октябрьская революция

Вокруг Октября. [Сборник статей].—Хабаровск. 31 стр.

Грачев, Е.—Казанский октябрь. (Материалы и документы). Ч. 1. Март-октябрь 1917 года. Казань. «Гажур». 252+[2] стр.

9 лет пролетарской революции. 1917—1926. Л. 53 листа.

Историческое значение Октябрьской революции и путь к социализму. — Конспект доклада. [Харьков]. «Пролетарий». 15+[1] стр.

Каменев и Зиновьев в 1917 г.—Факты и документы. М. «Московский рабочий». 61 стр. То же самое. 2 изд. М. «Московский рабочий». 61 стр.

Киселев, А. С.—Девятая годовщина Октября. Международное положение и рост хозяйства СССР. М. Госуд. изд-во. 80 стр.

Корушин, Т. Д.—Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926). Ишим. «Серп и Молот». 76 стр.

Лозовский, А. Девять лет. [К девятой годовщине Октябрьской революции]. М. Госуд. изд-во. 62 стр.

Мстиславский, С. Д.—1917. Арест Николая II—25 октября. (Из книги «Пять дней»). М. «Огонек». 48 стр.

Гражданская война 1917—1922 гг.

Анощенко, Н.—Красные воздушники. [Воспоминания военного летчика]. М. Авио-изд-во. 95 стр.

Арсеньев, М. — Форт Краснофлотский. (Краткий исторический очерк с прилож. архивных материалов Морской историч. комиссии). Л. Ред.-изд. отд. Морских Сил РККА. 94 стр.

Большевистское подполье. (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге). 1918—1919 г. Под ред. К. Губарева и Ф. Глушко. Таганрог. Истпарт Тагокружкома ВКП (б). 88+[3] стр.

Владимиров, И.—Молодежь в гражданской войне. Сборник. Составил И. Владимиров. Л. Госуд. изд-во. 120 стр.

Гай, Г. Д. — Первый удар по Колчаку. Л. Воен. тип. Упр-ния делами Наркомвоенмор и РВС СССР. 98 стр.

Гончаров, П. — Пятьдесят три погибших за революцию. [В 1919 г.]. М. «Крестьянская газета». 18 стр.

Еврейские погромы. 1918—1921. [Альбом].—М. «Школа и книга». 135 стр.

К процессу Ф. Фунтикова. — 1) Предисловие. 2) Обвинительное заключение. 3) «Дневник» Фунтикова. 4) Убийство 26 бакинских комиссаров. Баку. «Бакинский рабочий». 64 стр.

Максаков, В. и Турунов, А. — Хроника гражданской войны в Сибири (1917—1918). Вступ. статья Б. Шумяцкого. М.—Л. Госуд. изд-во. 299+[2] стр.

Одинец, Г.—Мої спогоді про центральну раду. Харків. Держ. вид-во України. 38 стр.+[1].

Последние дни колчаковщины. [Сборник документов]. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С прилож. статьи А. А. Ширямова. М. Госуд. изд-во. 231 стр.

Рагозин.—Партизаны Степного Баджея. (Записки участника). Под ред. и с предисл. К. Молотова. М. «Новая Москва». 208 стр.

Семеновский, Д.—По следам мятежа. [В Ярославле после восстания 1918 года]. М. «Огонек». 32 стр.

Philippe-Egalité (1747—1785), d'après des documents inédits. Paris. Payot. 418 стр.

Dechappe, Mme et Dechappe, L. —L'histoire par les textes. La France contemporaine. 1814—1914. Histoire politique. Paris. Delagrave. 694.

Dietrich, L.—Le siècle de Louis XIV. Auszüge aus Lavisse, Rambaud, Duruy u. Voltaire. Bielefeld. Velhagen et Klasing. 32 стр.

Dill, sir Samuel.—Roman society in Gaul in the Merovingian age. N. Y., Macmillan. 579 стр.

Dill, S.—Society in Gaul in the Merovingian age. Macmillan. 580 стр.

Faubert, C. et Huleux, E.—Histoire de France et notions d'histoire générale. Cours supérieur. Paris. Libr. d'éducation nationale. 390 стр.

Fontana, P.—Un document inédit. Les cortes et la première intervention française au XVIII-e siècle. Grenoble.

Granger, E.—Histoire de France. Paris. Hachette. 64 стр.

Hanotaux, G.—Histoire de la fondation de la Troisième République. III et IV. L'echec de la Monarchie et la fondation de la république (mai 1873—mai 1876). T. 1 et 2. Paris. Plon-Nourrit et C-ie. V+299 стр; 368 стр.

Huby, A.—La fin du moyen âge, la Renaissance, la Réforme. Histoire de l'Europe et particulièrement de la France pendant les XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. Paris, Delagrave. 576 стр.

Huddleston, S.—France (The modern world: a survey of historical forces, vol. 7). Benn. 625 стр.

Jullian, C.—Histoire de la Gaule. VII. Les Empereurs de Trèves. 1 Les chefs. Paris. Hachette. 325 стр.

La Gorce, P. de.—La Restauration Louis XVIII. Paris. Plon—Nourrit et C-ie. 331 стр.

Langlois, M.—Louis XIV et la cour, d'après trois témoins nouveaux: Bélise, Beauvillier, Chamillart. Paris. A. Michel. 335 стр.

Lelièvre (abbé Pierre).—Histoire de la France catholique. Paris. «Spes». 438 стр.

Luquet, P.—La Commune de Paris. Paris. «l'Humanité». 56 стр.

Marx, K.—The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte; tr. by Eden and Cedar Paul N. Y., Internat'l Publishers. 192 стр.

Martin, G. — La Franc-Maçonnerie française et la préparation de la révolution. Préface de M. Philippe Sagnac 2 ed. Paris. XVI+294 стр.

Nolhac, P.—Versailles et la cour de France. 2-e vol. Versailles, résidence de Louis XIV. Paris. L. Conard. 371 стр.

Perreux, G.—Les conspirations de Louis-Napoléon Bonaparte. Strasbourg. Boulogne. Paris. Hachette. 126 стр.

Roux, marquis de.—Louis XVII et la légende des faux dauphins. Paris. 91 стр.

Saint-Simon, L.—Miniaturen vom Hofe Ludwigs XIV. München. G. Müller. 210 стр.

Soulié, M.—La grande aventure. L'epopée du comte de Raousset-Boulbon au Mexique (1850—1854). Paris. Payot. 255 стр.

Valois, G.—La révolution nationale. Paris, Nouvelle Libr. nationale. 199 стр.

Voltaire, F. M. A. de.—The age of Louis XIV; tr. by M. P. Pollack. N. Y., Dutton. 489 стр.

Zévaès, A.—Histoire de la Troisième République (1870—1926). Paris, les éditions Georges-Anquetil. 643 стр.

Биографии, воспоминания, письма и т. п.

Дешевов, К. М.—Жюль Гед (Біографії революційних діячів. За загальною редакцією М. Равич-Черкаського). [Марьків] «Книгоспілка». 16 стр.

Дешевов, К.—П. Лафарг (Біографії революційних діячів. За загальною редакцією М. Равич-Черкаського). [Харьків] «Книгоспілка». 16 стр.

Andrieux, L.—A travers la République. Mémoires. Paris. Payot. 359 стр.

Apponyi (comte Rodolphe). Vingt-cinq ans à Paris (1826—1852). Journal du comte R. Apponyi, attaché de l'ambassade d'Autriche à Paris. Publié par E. Daudet. IV (1844—1852). Paris. Plonr Nourrit et C-ie. 552 стр.

Beausire-Seyssel. — Madame Clotilde de France, reine de Sardaigne (1759—1802). Paris. 91 стр.

Bordeaux, H. Une vie politique brisée. Louis Bordeaux (1878—1924). Souvenirs fraternels. Paris. «Spes». 111 стр.

Bourgogne,—Memoirs, 1812—1813. Trans. from the French, with intro. by Hon. У. W. Fortescue Davies. 372 стр.

BuckleУ, E. R.—A lily of old France N. Y., Appleton. 221 стр. [The story of Marie Leckzinska, Queen of France, in the court of Louis XV].

Chaussade, A.—Un étudiant au XVI siècle. Toulouse. E. Privat. 24 стр.

Commynes, Ph. de.—Mémoires édités par Y. Calmette, professeur à la Faculté des lettres de Toulouse, avec la collaboration du chanoine G. Durville, conservateur du musée Dobrée T. 3. (1484—1498). Paris. H. Champion. 446 стр.

Constantin, У.—Les otages de Louis XVI. Lettres inédites des otages périgourdins. Extraites des archives nationales. Périgneux. 24 стр.

Crow, Mrs. M. F.—Lafayette. [new. ed]. 210 стр. (True Stories of great Americans). N Y., Macmillan.

Du Roscoät. — Souvenirs. Silhouettes et anecdotes par le comte Du Roscoät, ancien député ancien vice-président du Conseil général des Côtes-du-Nord. Saint-Brieuc. 127 стр.

Dumas, A., père.—Henri III et sa cour; ed. by M. Baudin and E. E. Bran

don. 184 стр. (Oxford French ser) N.Y., Oxford.

France, A.—«Das Leben der heiligen Johanna Ubers. u. bearb. v. F. M. Zweig. Bd. 1, 2. Berlin. I. M. Spaeth. 480 стр.

Jongleux, E.—Jacques Coeur, «citoyen de Bourges». Bourges au XV siècle. La vie de l'argentier. Son hôtel. Bourges. 72 стр.

La Rochefoucauld.—Mémoires. Paris. Bossard. 319 стр.

La Rochejaquelin, M-me la marquise. Mémoires de M-me la marquise de la Rochejaquelin. Paris, Albin Michel. 255 стр.

Lafayette, mme de.—La princesse de Clêves. Paris. 221 стр.

Loliée, F.—La vie d'une impératrice (Eugénie de Montijo) d'après des mémoires de cour inédits. Paris. У. Tallandier. 346 стр.

Lorédan, У.—Brigands d'autrefois. La Fontenelle, seigneur de la Ligue (1572—1602). Documents inédits. Paris. Perrin et C-ie. VIII+285 стр.

Louis, G. Botschafter.—Die Notizbücher. 2 Aufl. Aus dem Franz. von M. Brahm u. E. W. Bergmann. Berlin. Verlag für Kulturpolitik. 213 стр.

Marie Antoinette.—The Lettres of Marie Antoinette. Fersen and Barnave. Edit with foreword by O.-G. de Heidenstam. Trans from the French by W. Stephens and Mrs W. Jackson Lane. 259 стр.

Mercy Argenteau, L. de.—The last love of an empereur; ed. by la comtesse de Montrigand. N. Y. Doubleday. 317 стр.

Mercy-Argenteau, L. — The last love of an Emperor: reminiscences of the Comtesse L. de M.-A. nee princesse de Caraman-Chimay, describing her association with the Emperor Napoleon III and the Second Empire. Ed. by comtesse de Montrigand. Heinemann 319 стр.

Midol, D.—La vie d'un ouvrier Gargan (Louis-Xavier), 1816—1886, chevalier de la Légion d'honneur. Le Raincy (Seine-et-Oise), société historique du Raincy. 50 стр.

Mir, Jaime.—Mémoires d'un condamné à mort (1914—1918). Préface de Valère Gille, de l'Académie de Belgique. Paris. Plon-Nourrit et C-ie. 256 стр.

Pimodan, G. de.—La mère des Guise. Antoinette de Bourbon 1494—1583. Paris. 426 стр.

Poincaré, R.—Au service de la France. Neuf années de souvenirs. III L'Europe sous les armes. 1913. Paris. Plon-Nourrit. et C-ie. 367 стр.

Poincaré, R.—The memoirs of R. Poincaré (1912) tr. and adapted by sir G. Arthur. N. Y. Doubleday. 383 стр.

Pompadour, [I. A. Poisson].—Briefe. München. G. Müller. 221 стр.

Saint-René Taillandier (M-me). La princesse des Ursins, Une grande dame française à la cour d'Espagne sous Louis XIV. Paris. Hachette. 246 стр.

Saint-Simon, Duke of.—Memoirs on the Reign of Louis XIV and the regency. Trans. from the French by Baylo St. John. 3 vols. Allen et U. 410, 391, 437 стр.

Sindral, I.—Talleyrand. 7 éd. Paris, libr. Gallimard. 221 стр.

Tower, Ch.—The marquis de La Fayette in the American revolution. 2 v. 1031 стр. Phil. Lippincott.

Wille, I.—Elisabeth Charlotte Herzogin von Orleans. (Die Pfälzer Liselotte) 4 erw. Aufl. Bielefeld. Velhagen et Klasing. X+178 стр.

Внешняя политика

Павлович, М. (Вельтман, М.).—Собрание сочинений т. VII. Французский империализм (Франция до и после войны). Л. Госуд. изд-во. 260 стр.

Bapst, E.—Le siége de Metz en 1870, d'après les notes manuscrites laissées par G. Bapst. Paris. A. Lahure. 560 стр.

Koerlin, K.—Zur Vorgeschichte des russisch-französischen Bündnisses 1879—1890 Halle [Saale]. X+241 стр.

Origines (les) diplomatiques de la guerre de 1870—1871. Recueil de documents, publié par le ministère des affaires étrangères. T. 18. 17 juillet 1867—15 octobre 1867. Paris. H. Charles-Lavauzelle. 472 стр.

Schaer, W.—Katechismus zur Kriegsschuldfrage. 1 Abschn: Die auswärtige Politik Russlands, Frankreichs, Englands 1900—1914 in Selbstzeugnissen. 2 Abschn: Die internationalen Streitpunkte in der Kerigsschuldfrage. Berlin. Verlag d. Arbeitsausschusses Deutscher Verbände. 160 стр.

Scott, J. B. Comp.—The United States and France; some opinions on international gratitude. N. J., Oxford. 250 стр.

Scott, J. B. ed.—The United States and France With foreword. Oxford Univ. Pr.

Smogorzewski, C.—La politique polonaise de la France. Déclarations d'hommes d'etat, savants, écrivains et publicistes français. Introduction de M. Z.-L. Zaleski, homme de lettres. Paris. Société anonyme. 120 стр.

Колонии

Doublet, E.—Le cardinal de Richelieu et les colonies. Bordeaux, 9 стр.

Franck, H. A.—East of Siam: ramblings in French Indo-China. Unwin. 375 стр.

Fröhlich, A.—La France coloniale 1. 2. Frankfurt a/M. Diesterweg. VII+73+19 стр.

Moulis, R. F.—Le ministère de l'Algèrie (24 juinl 858—24 novembr 1860). Paris. Rousseau et C-ie. 396 стр.

Odinot, P.—Le monde marocain. Paris. 264 стр.

Ossendowski, F. — Flammendes Afrika. Quer durch Marokko. Dresden. C. Reissner. 334 стр.
Vanlande, R.—Au Maroc. Sous les ordres de Lyautey. Avec une lettre du maréchal. Paris. I. Peyronnet et C-ie. 222 стр.
Westermarck, E. Ritual and belief in Marocco 2 voes. Macmillan. 640 стр.+647 стр.

Крестьянство

Gobé, J.—Histoire du paysan français à travers les âges. Compositions de J. Lacroix. Paris. Gedalge 127 стр.

Местная история и краеведение

Bey, G.—Résumé d'histoire de Franche-Comté. Poligny. 95 стр.
Boucher, L.—Aubigny-Sur-Mère-en Berry. Son histoire. Les Stuarts en France. Rouen. 24 стр.
Bulletin et mémoires de la Société archéologique et historique de Clermont-de-l'Oise.—Année 1925. Laval. XXVII+140 стр.
Chaboseau, A.—Histoire de la Bretagne avant le XIII siècle. Paris. 239 стр.
Cortès, L.—Bourg d'Oisans. L'Oisans. Recherches historiques. Tourisme. Préface de H. Ferrand. Grenoble. 368 стр.
Dard, Ch.—Uchizy en Mâconnais, Histoire du bourg et de la commune, suivie d'une étude sur la population, le patois et le folklore, par M. Brun Mâcon. 160 стр.
Galendo, Roméo (P) et Meillon, A.—L'abbaye de Saint-Savin de Lavedan et ses possessions à Saragosse et à Cortada au XII siècle. Tarbes. 46 стр.
Hollier (Chanoine Emile).—Abbaye de Saint-Geniès des Mourgues (Essai historique). Avignon. Aubanel fils aîné. 119 стр.
Martin, O.—Histoire de la coutume de la prévôté et vicomté de Paris. T. 2. Fascicule 1. Paris, editions E. Leroux. IV+303 стр.
Mellerio, A.—Marly-le-Roi. Histoire. Curiosités et promenades. Le château de Louis XIV. La forêt. Marly-le-Roi. L. Desveaud. 163 стр.
Midol, D.—L'abbaye de Livry depuis la révolution à nos jours. Le Raincy (Seine-et-Oise). Société historique du Raincy et environs. 42 стр.
Prévost (Chanoine A).—Le diocèse de Troyes. Histoire et Documents. III-Domois par Ouges (Côte-d'Or). 447 стр.
Richault, G.—Histoire de Chinon. Paris. 84 стр.
Risch, L; Brétignière, L, Guicherd, I, Jouvet, F.—Grignon. Histoire du domaine de Grignon Paris. Aux éditions de «la bonne Idée». 302 стр.

Революция 1789 г.

Вороницын, И.—Светский календарь и гражданская религия Великой французской революции. М. 32 стр.
Ламышан, А.—Очерк истории Великой французской революции. [Харьков]. Юн. Сектор Изд-во «Пролетарий». 96 стр.
Муценек, Я.—Взятие Бастилии (14 июля 1789 г.—14 июля 1926 г.). Екатеринослав. Окружком МОПР'а. 36 стр.
Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794).—Сборник документов и материалов. Перев. Н. П. Фрейберг, под ред. Н. М. Лукина. М. Коммун. акад. 719 стр.
Фридлянд, Ц.—Ж-П. Марат до Великой французской революции. М. Коммун Ун-т им. Я. М. Свердлова. 66 стр.
Фрязинов, С.—Великая французская революция. Научно-популярный очерк. М. «Пучина». 311 стр.
Bradby, E. D.—A Short history of the French Revolution, 1789—1795. Oxford Univ. Pr. 387 стр.
Cochin, A.—Les sociétés de pensée et la Révolution en Bretagne (1788—1789). T. 1. Histoire analytique. T. 2. Synthèse et justification Paris. H. Champion. 470+390 стр.
Combet, J.—La révolution dans le comté de Nice et la principauté de Monaco (1792—1800). Paris. F. Alcan. XXVII+528 стр.
Günther, A.—Scènes de la révolution française. Hrsg. Bielefeld. Velhagen et Klasing. 33 стр.
Lenotre, G.—Le mysticisme révolutionnaire. Robespierre et la «Mère de Dieu». 9 éd. Paris. Perrin et C-ie. 335 стр.
Mathiez, A.—Autour de Danton. Paris. Payot 285 стр.
Meunier, D.—Autour de Mirabeau. Documents inédits. Paris. Payot. 271 стр.
Webster, (Nesta H) (Mrs. Arthur Webster).—The French Revolution: a study in democracy. 4 th. ed. Constable. 535 стр.

Консулат и империя

Bradi, L.—La vraie figure de Bonaparte en Corse. Paris. E. Flammarion. 236 стр.
Constant.—Napoléon intime, raconté par son valet de chambre. Paris. F. Rouff. 48 стр.
Fain, A. I. F.—Neun Jahre Napoleons Sekretär 1806—1815. Memoiren. Hrsg. von E. Klarwill. Berlin. Trowitzsch et Sohn. 301 стр.
Die Franzosenkriege 1806—1815.—Der Raubmord im Kühnauer Schlosse und seine Sühne. Dessau. B. Heese. стр. 129—160.
Meyrac, A.—Les amours secrètes de Napoléon I-er d'après les pamphlets de l'époque et ceux de la Restauration. Paris. A. Michel. 315 стр.
Phipps, R. W.—The armies of the First French Republic and the rise of the Marshalls of Napoleon I. Oxford Univ Pr.

Vellein, G.—Retour de l'île d'Elbe. De Grenoble à Lyon. Séjour de Napoléon I er à Bourgouin, le 10 mars 1815. Bourgouin. 48 стр.

Революция 1848 г.

Айзенштат, М. М.— Революция 1848 г. во Франции (История Франции 1-й половины XIX века), Л. Брокгауз-Ефрон. 103 стр.

Парижская Коммуна, 1871 г.

Вiтик, С.—Паризька комуна—день МОПР'у Харкiв. Всеукр. Ц.К. МОПР'у., 46+[2] стр.

Маркс, К.—Гражданская война во Франции в 1871 г. С введением Ф. Энгельса. М.—Л., Госуд. изд-во. 163 стр.

Муценек, Я.—Парижская коммуна и МОПР. Изд. 2, исправленное и дополненное. [Харьков] ЦК МОПР УССР. 79+[1] стр.

17. Чехо-Словакия

Местное самоуправление.— Труды Об-ва для изучения городск. самоуправления в Чехословацкой республике. Вып. III. Прага.

Capek, Th.—Origins of the Czechoslovak state N.I. Revell. 104 стр.

Lockart, D.—Seeds of war: a political study of Austria, Hungary, Czechoslovakia, Roumania, Jugo-Slavia Intro. by Col. the Hon. Aubrey Herbert Gandy. 184 стр.

Mothersole, J. — Czechoslovakia, the land of an unconquerable ideal N. I., Dodd, Mead. 317 стр.

Pergler, Ch.—America in—the Struggle for Czechoslovak independence. Phil., Dorrance. 113 стр.

18 Швейцария

Berlepsch- Balendas, H.—Kämpfe der Schweiz mit Karl dem Kühnen. Jena. E. Diederichs. 80 стр.

Bibliographie der Schweizergeschichte von H. Wild.—Jg. 1924. Zürich:. Gebr. Seemann et C°. IV+153 стр.

Gifford, G.—Das Schloss und der Gefangene von Chillon. Lausanne. E. Frankfurter. 46 стр.

Hammer, C.—Die Entwicklung der handelspolitischen. Beziehungen zwischen Deutschland und der Schweiz seit Ende des Welt.Krieges. Bern. P. Haupt. VIII+193 стр.

Historisch-Biographisches Lexikon der Schweiz.—Fasz. 30. Hartmut-Helvetische Republik. Bd. 4. Neuenburg. 81—160 стр.

Largiadèr, A.—Geschichte der Schweiz. Berlin. W. de Gruyter et C°. 132 стр.

Nabholz, H.—Die Helvetische Gesellschaft. 1761—1848. Zürich. 35 стр.

Peuckert, Will-Erich.— Andreas Hofer oder der Bauernkrieg in Tirol. Alten u. neuen Berichten nacherz. Jena. Diederichs. 88 стр.

Schnyder, W.—Die Bevölkerung der Stadt und Landschaft Zürich vom 14—17 Jahrhundert. Zürich-Selnau. Gerbr. Seemann et C°.

Schwaighofer, H.—Berg Isel. Kurzgef. Beschreibg. d. Tiroler Freiheitskämpfe u. Führer durch d. Tiroler Kaiserjäger-—Museum. Innsbruck. Wagner'sche Univbh. 40 стр.

Stern, A.—Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschichte der Schweiz. Aaran. H. R. Sauerländer et C°. VIII+254 стр.

Stolz, O.—Politisch-historische Landesbeschreibung von Tirol. Tl. 1. Nordtirol. [2 Hälfte»]. Wien. Hölder—Pichler—Tempsky. V—XXII, 397—885 стр.

Tschumi, O.—Urgeschichte der Schweiz. Frauenfeld. Huber et C°. 195 стр.

VIII. История еврейского народа

Albrecht, L.—Die Geschichte des Volkes Israel von Mose bis auf die Gegenwart. Allgemeinverst. erz. 2, erw. Aufl. Gotha. Evang. Buchh. P. Ott. XV+654 стр.

Bell, H. I.—Iuden und Griechen im römischen Alexandreia. Eine histor. Skizze d. alexandrin. Antisemitismus. Leipzieg 52 стр.

Bergin, A.—Up to Jerusalem, or, at the fountains of our civilization; a travllog. Lindsborg, kan. Bethang. BK. et Pr. C°. 120 стр.

Bertholet, A.—A history of Hebrew-civilization Trans. by Rev. A. K. Dallas. Harrap. 400 стр.

Dubnow, S.—Weltgeschichte des jüdischen Volkes. Von s. Uranfängen bis zur Gegenwart. Bd. 4. Berlin. Jüdischer Verlag. 504 стр.

Goodsall, R. H.—Palestine memories, 1917—1918—1925. (Canterburq), Cross et Jackman. 232 стр.

Herzl, Th.—L'etat juif. Essai d'une solution de la question juive. Edition augmentée d'une introduction par Baruch. Hagani et ornée d'un portrait de l'auteur. Paris, libr. Lipchutz. 239 стр.

Honor, L. L.—Sennacherib's invasion of Palestine; a critical source study. (Contribs. to oriental history and philology). N. Y. Columbia Univ. Press. 137 стр.

Jirku, A.—Der Kampf um Syrien-Palästina im orientalischen Altertum. Leipzig. Hinrichs Verl. Bd. 25. H. 4.

Josèphe, F.—Oeuvres complètes, traduites en français sous la direction de Th. Reinach. T. 2. Antiquités judaïques. Livres VI. X Traduction de J. Weil. Paris. E. Leroux. 360 стр.

Krauss, S.—Ioachim Edler von Popper. Ein Zeit u. Lebensbild aus d. Geschichte d. Juden in Böhmen. Wien. Selbstverlag. IV+152 стр.

Lane-Poole (Stanley).—Saladin and the fall of the Kingdom of Jerusalem. Putnam. 440 стр.

Letellier, A.—Juifs et Chrétiens inconciliables. Paris. E. Gründ, éditeur. 255 стр.

Montet, E.—Histoire du peuple d'Israël, depuis les origines jusqu'à l'an 70, après I.-C. Paris. Payot. 206 стр.
Nathan, P.—Das Problem der Ostjuden. Vergangenheit-Zukunft.—Berlin Philo—Verlag. 38 стр.
Netter, N.—Israël et son Talmud à travers l'histoire. Paris. V+180 стр.
Pedersen, J.—Israel; its life and culture. N. I.; Oxford. 590 стр.
Preiss, L. and Rohrbach, P.—Palestine and Transjordania Sheldon Pr.
Robinson, T. H.—The decline and fall of the Hebrew Kingdoms: Israel in the eighth and seventh centuries. N. Y., Oxford. 286 стр.
Sternberg, A.—Päpste, Kaiser, Könige und Juden. Wien. Ilos-Verlag; Leipzig. 84 стр.
Trietsch, D.—Der Wiedereintritt der Juden in die Weltgeschichte. Mähr [isch]. Ostrau Verlagsbuchh. dr. R. Färber. 16 стр.
Wardle, W. L.—Israel and Babylon. N. I., Revell. 343 стр.
Wundt, M.—Der ewige Jude. Ein Versuch über Sinn u. Bedeutg. d. Judentums. München. I. F Lehmann. 23 стр.

IX. Социализм

Волгин, В. П.—Очерки по истории социализма. 3 изд., дополн. М. и Л. Госуд. изд-во. 282 стр.
Addison, Ch.—Practical socialism. Vol. 1, 2. Labour. Publ. C°. 96 стр.
Bibliography of R. Owen; the socialist, 1771—1858; 2 nd ed., rev. and enl. 98 стр. (Nat'l lib. of Wales). N. Y., Oxford.
Butler, E. M.—The Saint-Simonian religion in Germany: the Joung German Movement. Camb. Univ. P. 460 стр.
Clayton, J.—The rise and decline of socialism in Great Britain, 1884—1924. Faber et G. 263 стр.
Jullien, I.—Saint-Simon et le socialisme. Bordeaux. 125 стр.
Nationalsozialistisches Jahrbuch.—Hrsg. unter Mitwirkg. d. Hauptparteileits. d. N. S. D. A. P. München. Fr. Eher. Nachf. 185 стр.
Ramus, P. [d. i. R. Grossmann].—Die Irrlehre des Marxismus im Bereich des Sozialismus und Proletariats. Vollst. neu bearb. u. erw. Ausgabe. Wien. R. Löwit. XXIV+208 стр.
Weill, G.—Histoire du mouvement social en France 1852—1924. 3 éd. Paris. VIII+512 стр.

X. Рабочее движение, международное

(См. также рабочее движение в отдельных странах)

Андреев, А.—Англо-русский комитет. М. «Московский рабочий». 80+[1] стр.
Берлінський конгрес Комуністичного Інтернаціоналу Молоди.—Переклад О. Ж. [Харків]. Держ. вид-во України. III+[1] стр.
Говард, С. и Дэнн, Р.—Шпионаж в рабочем движении. С предисл. В. Фостера. Перев. с англ. О. В. Шаргородской. М. Профинтерн. 135 стр.
Докукин, В.—Меньшевизм и большевизм в профессиональном движении. Л. «Прибой». 184 стр.
Красный интернационал профессиональных союзов.—Мировое профессиональное движение. Справочник Профинтерна. Под общ. ред. А. Лозовского. Т. III. Испания. Италия. Латвия. Литва. Люксембург. Норвегия. Польша. Португалия. Румыния. Турция. Финляндия. М. Госуд. изд-во. [3]+408 стр.
Мартов, Ю. О.—Очерки международного социализма и рабочего движения (1907—1913). М. «Книга». 251 стр.
Мартынов, И.—Голос казематов. М. ЦК МОПР. 15 стр.
Международный женский день.—Сборник под ред. Центр. отдела работниц и селянок ЦК КП(б) У. [Харьков]. «Пролетарий». 175+[1] стр.
Міжнародній жіночий комуністичний день (Збірка офіційних матеріялів) (1926 р.).—[Харків]. Центр. Від. робітниць і селянок ЦК КП(б)У. 30+[2] стр.
Муценек, Я.—Первое мая и МОПР. Изд. 2, исправл. и дополненное. [Харьков]. ЦК МОПР УССР. 78+[2] стр.
Яроцкий, А. (Чекин).—Красный интернационал профсоюзов. [Харьков]. «Пролетарий». 100+[4] стр.
Archiv für die Geschichte des Sozialismus u. der Arbeiterbewegung.—In Verbindg mit e. Reihe namchafter Fachmänner aller Länder hrsg. von K. Grünberg. Ig. 12. Leipzig. C. L. Hirschfeld. IV+481 стр.
Barnes, G. N.—History of the International Labour Office. Pref. by E. Wandervelde. Williams et N. 106 стр.
Bucharin, N.—Bucharins Antwort an sozial-demokratische Arbeiter. Berlin. Wereinigung Internationaler Verlagsanstalten. 31 стр.
Heimann, E.—Die sittliche Idee des Klassenkampfes und die Entartung des Kapitalismus. Berlin. I. H. W. Dietz Nacht. 94 стр.
Jahrbuch des Internationalen Gewerkschaftsbundes.—Annuaire de la fédération syndicale internationale. Yearbook of the international federation of trade unions. Berlin Verlagsgesellschaft d. Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes. 686 стр.
Losowsky, A.—Das Englich-Russische Komitee der Einheit. M. Rote Gewerkschafts-Internationale; Ausliefg: Berlin. Führer-Verlag. 32 стр.
Périgord, P.—The International Labor Organization: a study of Labor and capital in co öperation: Introd. by H. M. Robinson. N. Y., Appleton. 368 стр.

Perigord, P.—The International Labor Organization: a study of Labor and Capital in cooperation. Intro by H. M. Robinson. Appleton. 371 стр.

Sassenbach, I. — Fünfundzwanzig Jahre internationale Gewerkschafts Bewegung. Amsterdam. Verlag d. Internationalen Gewerkschaftsbundes. 143 стр.

Die sozialdemokratischen Parteien.—Ihre Rolle u. d. internationalen Arbeiterbewegung d. Gegenwart (Hrsg. von E. Varga. 2, durchges. Aufl. Hamburg). C. Hoym Nachf. 318 стр.

Tänzler, F.—Internationale Sozialpolitik. Eine Darst. d. internat. Arbeitsorganisation. N. y., Berlin. 159+IV стр.

Интернационалы I и II

Браславский, И.—Материалы к истории Первого и Второго интернационалов. Составил И. Браславский. Предисл. А. Тальгеймера. М. «Новая Москва». 554 стр.

Раппопорт, И.—Первый интернационал. Его зарождение, деятельность, борьба и распад. М.—Л., Госуд. изд-во. 50+[2] стр.

Фриче, В. М.—Очерки по истории рабочего движения на Западе. Ч. I. Рабочее движение на Западе до распадения I Интернационала. Изд. 2. [Харьков]. «Пролетарий». 131+[1] стр.

Marx, K. and Engels, F.—The essentials of Marx; the communist manifesto; introd. by A. Lee. N. Y., Vanguard Press. 188 стр.

Социалистический Интернационал Молодежи

Три письма.—Переписка Коммунистического интернационала молодежи с «Социалистическим» Интернационалом молодежи. Со вступит. статьями В. Ломинадзе и В. Вуйовича. Л. «Молодая гвардия». 91+[1] стр.

L'action internationale de la jeunesse socialiste.—Rapport de l'Internationale de la Jeunesse Socialiste pour les années 1923 à 1925. Berlin. Sozialist Jugend.-Internationale. Arbeiterjungend-Verlag. 48 стр.

2 Internationaler sozialistischer Jugendkongress der sozialistischen Jugend-Internationale in Amsterdam vom 26 bis 29 Mai 1926.—Die Verhandlungen u. Beschlüsse der Tagung. Berlin. Verlag d. Sekretariats d. Sozialist. Jugend-Internationale. Arbeiterjugend-Verlag. 143 стр.

III Интернационал

Бела-Кун.—Коминтерн в резолюциях. 2 изд. М. Изд-во Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова. 243 стр.

Гуревич, А.—Зарождение и развитие Коммунистического интернационала. 2 перераб. и дополн. изд. [Харьков]. «Пролетарий». 279+[1] стр.

Зінов'єв, Г.—Міжнародні перспективи й більшовизація. Переклад з російської П. Пеца і В. Кириленка, за редакцією І. Дніпровського. [Харків]. Держ. вид-во України. 139 стр.

Зиновьев, Г.—Рабочим и крестьянам СССР о Коминтерне. М. Госуд. изд-во. 48 стр.

Lenin, N.—O Międzynarod'ówce Komunistycznej. [О Коминтерне]. M. Centralne Wydawnitcwo Ludów SSSR. 94 стр.

Girault E.—Pourquoi les anarchistes-communistes français ont rallié la troisième internationale. Paris. «Humanité». 64 стр.

КИМ

Глан, Б.—Письма с того берега. [Переписка заграничных организаций молодежи с ячейками ВЛКСМ]. Составила Б. Глан. М. «Молодая гвардия». 111 стр.

Мирошевский, В.—История КИМ. Популярный очерк. 3 изд. [Харьков]. Юн. сектор изд-ва «Пролетарий». 53+[3] стр.

Мірошевський, В.—Історія КІМ. Переклад О. Правди. (Біб-ка Комсомольця). [Харків]. Держ. вид-во України. Юнсектор. 45 стр.

Три письма.—Переписка Коммунистического интернационала молодежи с «социалистическим» Интернационалом молодежи. Со вступит. статьями В. Ломинадзе и В. Вуйовича. Л. «Молодая гвардия». 91+[1] стр.

Шавыкин, А.—Международный комсомол. (Биб-ка деревенского комсомольца). [Харьков]. Юнсектор изд-ва «Пролетарий». 45+[3] стр.

Шалашев, П.—Массовая работа юнсекции. Л. «Прибой». 46 стр.

Шацкин, Л.—Первые годы Коммунистического интернационала молодежи. Сборник статей и докладов. М. «Новая Москва». 333+2 стр.

XI. Революционное движение, международное. См. также революционное движение в отдельных странах

Моносов, С.—История революционных движений [2 доп. изд.]. [Харьков]. «Пролетарий». 190+[2] стр.

XII. Империализм

Бухарин, Н.—Империализм и накопление капитала. (Теоретический этюд). Изд. 2-е. М. Госуд. изд-во. 136 стр.

Ленін, Н. (В. Ульянов). — Імперіялізм як новітній етап капіталізму. (Популярний нарис). Переклад Мих. Щербака. За редакцією А. Річицького. [Харків]. Ком. партия (б) України. 99+[1] стр.

Павлович, М. (Вельтман, М.).—Собрание сочинений. Т. VII. Французский

империализм. (Франция до и после войны). Л. Госуд. изд-во. 260 стр.
Lenin, N.—Imperialism. N. Y., Vanguard. Press. 231 стр.
Lenin, N, — Der Imperialismus als jüngste Etappe des Kapitalismus. Neue, durchges., erg. u. bericht. Aufl. Wien, Berlin. Verlag f. Literatur u. Politik. 132 стр.
Moon, P. Th.—Imperialism and world politics. N. Y., Macmillan. 597 стр.
Reinhard, E.—Die Imperialistische Politik im Fernen Osten. Leipzig. E. Bircher. 237 стр.

XIII. Международные отношения

(См. также империализм и внешнюю политику в отдельных странах)

Ключников, Ю. В., проф. и Сабанин, А.—Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. Л. V+464 стр.
Baker, P. I. Noel.—Disarmament. N. Y., Harcourt. 366 стр.
Bauer, O.—Locarno. Amtl. Dokumente u. öffentl. Zeugnisse zur Geschichte d. Rheinpaktes u. d. Schiedsverträge. Bielefeld. Velhagen et Klasing. 93 стр.
Bourgeois, Emile.—Manuel historique de politique étrangère. T. 4. La politique mondiale (1878—1919). Empires et nations. Paris. Belin frères. 836 стр.
David, E.—Die Befriedung Europas. Antwort auf d. Wettbewerbs-Ausschreiben Edward Filenes: «Wie kann Friede u. Gedeihen für Deutschland u. Europa durch internationale Zusammenarbeit gesichert werden?». Berlin. Hensel et C°. 31 стр.
Dawes, R. C.—The Dawes Plan in the making. Foreword by F. O. Lowden. Bobbs-Merrill C°. 525 стр.
Dawes, R.—Wie der Dawesplan zustande kam. Mit e. Vorw. von F. O. Lowden. (Aus d. engl. von R. Nutt). Stuttgart. Deutsche Verlags-Anstalt. VI, 203 стр.
Delbrück, H.—Vor und nach dem Weltkrieg. Polit. u. hist. Aufsätze 1902—1925. Berlin. O. Stollberg et C°. 676 стр.
Fiddes, G. V.—The dominions and colonial offices. Putnam's. 288 стр.
Herre, P. — Die südtiroler Frage. Entstehg. u. Entwickeg. e. europ. Problems d. Kriegsu. Nachkriegszeit. München. C. H. Beck'sche Verlh. XI+430 стр.
Iouet, A.—Ce qu'est devenue la victoire. Versailles. Locarno. Genève. Préface de G. Bonvalot, président du comité Dupleit. Paris. I. Peyronnet et C-ie. 349 стр.
Kayser, J.; Franck, P. et Lemercier, C.—Les Etats-Unis. d'Europe (de Versailles à Locarno). 2 éd. Paris, les éditions du Monde moderne. 239 стр.
Péquignot, E.—La conférence internationale de Gênes. Souvenirs et impressions. Causerie donnée à Berne, le 3 mars 1923. La causerie est suivie du texte des résolutions adoptées par la conférence. Bern. J.J. Wyss-Erben. 78 стр.
Schwertfeger, B.—Die diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes 1871—1914. Tl. 5, Abt. 1. Tl. 4, Hälfte 2. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte. 4, 2. Die Isolierung d. Mittelmächte 1904—1908. XV—371 стр. 5, 1. Weltpolitische Komplikationen 1908—1914. XII+428 стр.
Stegemann, H.—Der Kampf um den Rhein. Das Stromgebiet d. Rheins im Rahmen d. grossen Politik u. im Wandel d. Kriegsgeschichte. Stuttgart. Deutsche Verlagsanstalt. XI, 664 стр.
Trogan, E.—Regards sur la vie (1919—1925) de Versailles à Locarno. Paris. Bloud et Gay. VIII+272 стр.

Лига Наций

Пэри, Г.—Лига Наций. Ее слова и дела. С предисл. А. Марти. Перев. А. Н. Карасика. Л. «Прибой». 165+[2] стр.
Baker, P. J. Noel.—The League of Nations at work. Nisbet. 151 стр.
Holjer, O.—Le pact e de la société des Nations. Paris. «Spes». XVI+523 стр.
Koenig, C. u. Fahl, R.—Von Versailles zum Völkerbund. Durch Kartenskizzen u. Tab. erl. Breslau. H. Handel. 64, 8 стр.
Lavallaz, M. de Essai sur le désarmement et le pacte de la société des nations. Paris. Rousseau et C-ie. XLIV+507 стр.
Черня, И.—Лига Наций и разоружение. М. «Моск. рабочий». 13 стр.
Marburg, Th. and Flack, H. E., eds.—Taft papers on League of Nations. N. Y., Macmillan. 360 стр.
Paintin, H. J.—The League of Nations at the bar and the federation of man. Paintin et Simpson. 340 стр.

XIV. Мировая война 1914—1918

Берти, лорд.—За кулисами Антанты. Дневник Британского посла в Париже. 1914—1919. Перев. и примеч. Е. С. Берловича. Л. Госуд. изд-во. 230+[2] стр.
Войтоловский, Л.—По следам войны. Походные записки. 1914—1917. II. Предисл. Демьяна Бедного. Л. Госуд. изд-во. 284 стр.
Гарэцкі, М.—На імпэрыялістычнай вайне. (Запіскі). Менск. Дзярж. выд-ва Беларусі. 185 стр.
Зайончковский, А. — Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С предисл. и под ред. М. П. Павловича. Л. 401 стр.
Петров, М. А.—Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5/IX—1914 и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19/VI—1915). Л. Изд. отд. М. Скл РККФ. 58 стр.
де Пьерфэ, Ж. — Плутарх солгал. Очерки из истории мировой войны. Перев.

с франц. Л. А. Тумермана. С предисл. К. Радека. М. Военный Вестник. 270+[2] стр.
Пирейко, А.—В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л. «Прибой». 63 стр.
Фирле, Р.—Война на Балтийском море. Т. 1. От начала войны и до прекращения в феврале 1915 года навигации. Со вступит. статьей и примеч. к тексту М. А. Петрова. Перев. с немецк. П. В. Гельмерсен и А. В. Тимонова. Л. Ред.-изд-ский отд. Морских сил РККФ. 296 стр.
Arthur-Lévy.—Les coulisses de la guerre. Le Service géographique de l'armée 1914—1918. Nancy—Paris—Strasbourg. Berger-Levrault. 75 стр.
Blankenfeld, W.—Krieg und Kriegsgegner. Mit e. Anh. Ch. F. Dole: Der Wille zum Frieden; H. W. Pinkham: Eine Shylock-Nation Aschersleben. 32 стр.
Charpentier, A.—Les responsabilités de M. Poincaré. Paris. Delpeuch. 20 стр.
Cosmin, S.—L'Entente et la Grèce pendant la Grande Guerre. T. 1. (1914—1915). T. 2. (1916—1917). Paris. Société mutuelle d'édition. T. 1—333 стр. T. 2—539 стр.
Deshalb haben wir den Krieg «nicht» verloren!—Deutschlands Heerführer gegen die Prof. Schmidt'sche Tendenzchrift «Warum haben wir den Krieg verloren?» Hannover. Norddeutsches Druck- und Verlagchaus. 66 стр.
Driault, E. et Lhéritier, M.—Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 5. La Grèce et la Grande guerre. De la révolution turque au traité de Lausanne (1908—1923). Paris. XVI+568 стр.
Dupin, G. (Ermenoville).—Les responsabilités de la guerre. Réponse à Poincaré. Paris. Libr. du travail. 16 стр.
Ehrhardt, W.—Meine Kriegserlebnisse 1914—1918 beim Inf. Rgt. 24, Inf. Rgt. 396, Res. Inf. Rgt. 71 u. Leib.-Gren-Rgt. 8. Pritzwalk. A. Tienken. 131 стр.
Evans, R.—A. Brief outline of the campaign in Mesopotamia, 1914—1918. Sifton Praed. 143 стр.
Frauenholz, E.—Ueberblick über die Geschichte des Weltkrieges. München. R. Oldenbourg. XII+115 стр.
Frothingham, Th. G.—The naval history of the world war: The United States in the war, 1917—1918. 321 стр. Cambridge, Mass., Harvard Univ.
Grande (la) guerre.—Relation de l'état-major russe. Concentration des armées. Premières opérations en Prusse orientale, en Galicie et en Pologne (1-er août—24 novembre 1914). Traduit du russe par le commandant E. Chapouilly. Avec préface du maréchal Foch. Paris. Charles-Lavauzelle et Cie. 582 стр.
Iagow, G.; Marx, W.—C'est l'Angleterre qui a voulu la guerre! Paris. 87 стр.
Lèze, G.—Le coût de la guerre pour la France. Les dépenses de guerre de la France. Paris. XII+229 стр.
Lèze, G. P. A.—Les dépenses de guerre de la France. New Haven, Conn. 241 стр.
Levainville, M. I.—Rouen pendant la guerre. Oxford Uniw. Pr. (Hist. economique et sociale de la guerre mondiale).
Lhéritier, M. et Chautemps, C.—Etudes d'histoire locale. Tours et la guerre. Etude économique et sociale. Paris. XII+71 стр.
Lheritier, M.—Tours et la guerre; etude economique et sociale. Oxford Univ. Pr.
L'héritiér, M.—Tours et la guerre. New Haven. Conn. 68 стр.
Lucas, sir Ch.—The empire at war; v. 5. N. I., Oxford. 514 стр.
Margueritte, V.—Die Verbrecher. Aus d. Franz. von I. Chapiro. Berlin. Verlag f. Kulturpolitik. 310 стр.
Mermeit.—Fragments d'histoire 1914—19. ... VIII. Histoire du Franc depuis le commencement de ses malheurs. Paris. A. Michel. 347 стр.
Mortora, G.—La salute publica in Italia durante e dopo la guerra. (Economic et social hist. of the world war). New. Haven, Conn Iale Univ. Press. 600 стр.
Naudeau, L.—La guerre et la paix. Avec l'opinion des plus illustres penseurs et hommes d'Etat français. Paris. E. Flammarion. 261 стр.
Nogaro, B. et Weil, L.—La guerre et la travail. La main—d'oeuvre étrangère et coloniale pendant la guerre. Paris. XII+79 стр.
Nogaro, B. and Weil, L.—La main—d'oeuvre étrangère et coloniale pendant la guerre. New Haren, Conn., Yall. 91 стр.
Nogaro, B. and Weil, L.—La Main-d'oeuvre etrangère et coloniale pendant la guerre. Oxford Unw.
Du Parquet (lieutenant-colonel).—Der Drang nach Osten. L'Aventure allemande en Lettonie. Préface du général Niessel. Paris. Charles-Lavauzelle et Cie. 346 стр.
Princip, G.—Gavrilo Princips Bekentnisse 2 Ms. Princips, Aufzeichn. seines Gefängnispsychiaters Dr (Martin) Pappenheim aus Gesprächen von Feber bis Juni 1916 über d. Attentat, Princips Leben u. s. polit. u. sozialen Anschanungen. Mit Einf. u. Kommentar von R. P. Wien. R. Lechner et Sohn. 32 стр.
Robertson, Field-marshall sir William.—Soldiers and statesmen 1914—1918. 2 v. N. Y., Scribner. 349 стр. 336 стр.
Savants (les) américains devant le problème des origines de la guerre.—Sydney B. Fay, Harry Elmer Barnes, Frédérick Bausman mettent en pleine lumière la responsabilité de M. R. Poincaré. Paris. Impr. u. Libr. du Travail. 111 стр.
Schaer, W.—Katechismus zur Kriegsschuldfrage. 1 Abschn: Die auswärtige Politik Russlands, Frankreichs, Englands 1900—1914 in Selbstzeugnissen. 2 Abschn: Die internationalen Streitpunkte in der

Kriegsschuldfrage. Berlin. Verlag d. Arbeitsausschusses Deutscher Verbände. 160 стр.
Schnitler, G.—Der Weltkrieg 1914—1918. Aus d. Norweg. von E. Guggenheim. Berlin. Verlag f. Kulturpolitik. 229 стр.
Sellier, H. and others.—Paris pendant la guerre. (Hist. economique et sociale de la guerre Mondiale). Oxford Uniw. Pr.
Stieve, F.—Deutschland und Europa 1890—1914. Ein Handb. z. Vorgeschichte d. Weltkrieges mit d. wichtigsten Dokumenten. Berlin. Verlag für Kulturpolitik. VII+247 стр.
Stoll, A. Th. — Die Entstehung des Weltkrieges und die Zertrümmerung Deutschlands durch innere und äussere Feinde. Bd. 1. T. 2. Zell a. H. Nationaler Verlag A. Th. Stoll. 269—720 стр.
Tirpitz, A.—Politische Dokumente 2. Hamburg. Hanseat. Verlagsanstalt. XXXII+676 стр. 2. Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkriege.
Tragödie (Die) von Verden.—1916. Bearb. L. Gold unter Mitw. von M. Reymann. 3 Tl. 1 Tl. Oldenburg i. O.; Stalling. 272 стр.
Weltkrieg (Der) 1914 bis 1918.—Bearb. im Reichsarchiv. Die militär. Operationen zu Lande. Bd 4. Berlin. E. S. Mittler et Sohn. XII+576 стр.
Wilhelm, Kronprinz. — Der Marne-Feldzug 1914. Berlin. Dob-Verlag. 94 стр.

Дипломатическая история

Foreign Office.—British documents on the origins of the war, 1898—1914. Vol. II, The Outbreak of the war: F. O. documents, June 28—Aug. 4, 1914. H. M. S. O.
Das französische Gelbbuch von 1914.—Berichtigter u. durch die nachträglich bekannt gewordenen Dokumente ergänzter Wortlaut d. ersten amtl. Veröffentlichung d. Französ. Regierung über den Kriegsausbruch. Mit e. Vorw. von A. von Wegerer. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik u. Geschichte. XXXV+208 стр.
Im Dunkel der Europäischen Geheimdiplomatie.—Iswolskis Kriegspolitik in Paris 1911 — 1917. Volksausg. d. im Auftr. d. Dtsch. Ausw. Amtes veröff. Iswolski—Dokumente. Hrsg. von F. Stieve. Bd. 1. 2. Berlin. Deutsche Verlagsges. f. Politik u. Geschichte. Bd. 1. XV+275 стр. Bd. 2. VII+263 стр.

Мирные договоры

Harke, C.—Der Betrug von Versailles. Tl. 2. Hamburg. Lütcke et Wulff. 9 стр.
Ströhle, A.—Der Vertrag von Versailles und seine Wirkungen für unser deutsches Vaterland. Berlin. Zentral-Verlag. 95 стр.
Lucas, Ch.—The empire at war. Edited for the royal colonial Institute. Vol 5. 513 стр. Oxford Uniw.

Репарации

Reparations commission.—Offic cial documents. 12, Report of Agent-general for Reparation Payments. HMSO.
Reparation commission.—Official dokuments, 13 a. Reports of the commissioners for German Railways, 1925—26; Reichsbank, controlled revenues: report of Trustee for German Industrial Debentures. HMSO.
Die Reparationsleistungen in den ersten 9 Monaten des zweiten Planjahres.—Der Bericht d. generalagenten vom 15 Juni 1926 nebst Sonderberichten d. Kommissare u. Treuhänder. Berlin. R. Hobbing. IV+158 стр.

Эльзас-Лотарингия

Aus der Geschichte des Elsasses.—Hrsg. vom Verlag «Die Zukunft». Strassburg. Zabern. Sohn et Robitzer. 42 стр.
Boschmann, F.—Die Zukunft. Ein Beitrag zur elsässischen Kulturgeschichte. Den wackeren Autonomisten im Elsass in deutscher Treue und Ergebenheit gewidmet. Veröffentlicht von H. Zislin. Nanzig in Lothringen. 24 стр.
Defensor. — Elsass-Lothringen im Kampfe um seine religiösen Einrichtungen 1924—1926. Schwerdorff (Lothringen) Verlag: Sekretariat des Lothringer Volksbundes. 416 стр.
Gebwiler, H.—Die Strassburger Chronik des elsässischen Humanisten Hieronymus Gebwiler. Untersucht u. hrsg. von K. Stenzel. Berlin. W. de Gruyter et C[e]. X, 79 стр.
Josbert, L.—Die elsässischen Glaubenshelden der Revolutionzeit. Guebwiller. «Alsatia». 88 стр.
Hilger, G.—Pierre Bucher, der «Apostel» französischer Propaganda im deutschen Elsass 1897—1918. Eine Lebensskizze nach französ. Quellen. Freiburg i. B. «Die Bheinbrücke». 79 стр.
Morizet, G.—Histoire de Lorraine. Paris. Boivin et C-ie. 330 стр.
Spindler, Ch.—L'Alsace pendant la Guerre. Préface de A. Hallays. Strasbourg. libr Treuttel et Würtz. XI+763 стр.
Ville de Turckheim.—Histoire de la ville de Turckheim éditée par ordre du conseil municipal de Turckheim, et publiée par A. Scherlen. Colmar «Alsatia». XIII+337 стр.
Wolf, G.—Das elsässische Problem. Grundzüge einer elsässischen Politik im Zeitalter des Pakts von Lokarno. Strasbourg. 136 стр.

XV. История культуры

Кунов, Г.—Первобытный коммунизм. Перевод с немецкого. И. И. Розенцвейг. [Харьков]. «Пролетарий». 57+[1] стр.
Лозовик, Г. Н.—От палки до машины. Культурно-исторические очерки. М. «Молодая гвардия». 160 стр.

Харнас, А. И.—Первобытное общество. Л. Губпрофсовет. 40 стр.
(Banck, E. C.).—Aegyptische Kultur. Leipzig. R. Voigtländer. 62 стр.
Blümlein, K.—Bilder aus dem römisch-germanischen Kulturleben. 2 verb. Aufl. München. R. Oldenbourg. IV+122 стр.
Bölsche, W.—Der Mensch der Vorzeit. Tl. 1. Stuttgart. Franckh. 82 стр.
Breasted, J. H. and Robinson, J. H.—The human adventure; being the conquest of civilization, and the ordeal of civilization. 2 v. N. Y. Harper. 741+781 стр.
Brogger, A. W.—Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo. H. Aschehoug et C°. Leipzig. O. Harrassowitz. 246 стр.
Buckle, H. Th.—History of civilization in England; Summarized by C. Wood. N. Y., Vanguard Press. 143 стр.
Büttner, E.—Kulturbilder aus dem mittel-alterlichen Hannover in Quellen u. Urkunden. Hannover. XXIV+127 стр.
Contenau, G.—La civilisation phénicienne. Paris. Pagot. 396 стр.
Cranage, D. H. S. rev.—The Home of the monk: an account of English monastic life and buildings in the Middle Ages. 135 стр. Cam. Univ.
Davies (R. Trevor).—Documents illustrating the history of civilization in medieval England, 1066—1500. Methuen. 425 стр.
Friedenthal, H.—Menschheitskunde. Leipzig. Quelle et Meyer. VII+131 стр.
Hearnshaw, F. J. C. ed.—The social and political ideas of Some great thinkers of the 16 th. and 17 th. centuries: lectures delivered at King's College, Univ. of London, 1925—26. Harrap. 220 стр.
Hoernes, M.—Urgeschichte der Menschheit. Völlig neubearb. Aufl. bes. von F. Behn. Berlin. W. de Gruyter et Co. 140 стр.
Karsten, R.—The civilization of the South American Indians: with special reference to magic and religion. Pref. by E. Westermarck. (History of civilization). K. Paul. 572 стр.
Kraft, G.—Die Kultur der Bronzezeit in Süddeutschland. Augsburg. Dr. B. Filser. 153 стр.
Lais, R.—Auf der Spur des Urmenschen.
Freiburb Herden VIII+183 стр.
Legendre, A. F.—La civilisatio chinoise moderne.. Paris. Payof. 299 стр.
Moref, A.—Le Nie et la civilisation égyptienne. Paris. La Renaissance du livre XVII+575 стр.
Pfeil, y.—Was geschah zu gleicher Zeit in Weet- und Kultur-Geschichte? Volkstüme. Zsstellg. Gleichzeit. Ereignisse. 63 стр.
Roland, F. and othrs.—The culture of ancient Greece and Rome; a general sketch; tr. by y. H. Freese. Bost Little, Brown. 334 стр.
Reisinger (F. Poland E.) and Wagner, R. The culture of ancient Greece and Rome: general sketch. Trans. from the and German ed (1924) by y. H. Freese. Harrap. 335 стр.
Renooz, C.—L'ere de vérité. Histoire de la pensée humaine et de l'évolution morale de l'humanité à travers les â ges et chez tous les peuples. Livre IV. Le monde celtique Celtes et Latins. Paris, M. Giard. 458 стр.
Richter, G. M. A., and Barker. A.W. Ancient furniture; a history of Greek, Etruscan, and Roman furniture. N. Y., Oxford. 230 стр.
Sprochoff, E.—Die Kulturen der jüngeren Steinzeit in der Mark Brandenburg. Berlin. W. de Gruyter et Co. XI+183 стр.
Storck, Y.—Man and civilization; v. I futs 1—3; and ed. rev. N. Y., Columbia Univ. Press. 220 стр.
Srewart, Y. L.—Chinese culture and christianity 316 стр. N. Y., Revell.
Thorndike, Lynn.—A short history of civilization N. Y., F. S. Crofts. 633 стр.
Vossler, K.—Die romanichen Kulturen u. der deutsche Geist. München. Verlag d. Bremer Presse. 70 стр.
Wägner, W.—Hellas. Die alten Griechen u. ihre kultur. Nach d 10 von F. Baumgarten verf. Ausg. neubearb. von L. Martens. Berlin. Neufeld et Henuis. VII×406 стр.
Warschauer, A.—Deutsche Kulturarbeit in der Ostmark. Erinnerungen aus 4 Jahrzehnten. Berlin. R. Hobbins. VII+324 стр.
Weule, K.—Cultural element in mankind: Commencements and primitive forms of material culture. Simpkin. 88 стр.
Weule, K.—The culture of the barbarians: a glimpse in the beginnings of the human mind. Simpkin. 80 стр.

XVI. Историография

Институт Истории—Труды Института Истории. Сборник статей. Вып. I. Памяти Александра Николаевича Савина 1873—1923. М. I МГУ и Росс. Ассоциация Науч.-Исследоват. Инст-тов Общественных Наук. 539 стр.×1 стр.
Armel, P.—Les historiens de la révolution et la question des réguliers. Paris. 355—616 и 57—77 стр.
Black, J. B.—The art of history. N.Y. F. S. Krofts. 196 стр.
Iusserand, I. I. and Others.—The Writing of history. Scribners. 157 стр.
Wells, H. G.—Mr. Belloc objects to «The Outline of history». Watts. 63 стр.

XVII. Методология истории

Breysig, K.—Die Macht des Gedankens in der Geschichte in Auseinandersetzg. mit Marx und mit Hegel. Stuttgart. Cotta Nf. XXVIII—622 стр.
Dark, R.—Test papers in history. Pitman.
Jusserand, J. A. A. J., and others. The writing of history. 155 стр. N. Y. Scribner.

Pollard, A. F.—Factors in modern history. New. ed. rev. and enl. Constable. 337 стр.

XVIII. Археология

Бороздин, И. Н.—Солхат. [Отчет о работах археологической экспедиции в Крыму]. М. 31 стр.

Керчь. Конференция археологов.—Бюллетень № 1—6 Конференции археологов СССР в Керчи. [Ред. Ком-т: Н. Я. Марр, Н. Д. Протасов, Н. Л. Эрнст]. Керчь.

Лаптев, С. Н.—Археологические заметки из дневника Монгольской экспедиции 1924 года. Иркутск. 12 стр.

Лунин, Б. В.—К вопросу о задачах русской археологии на Северном Кавказе. I. Доисторическая (первобытная) археология. Ростовдон. 16 стр.

Нижегородская археолого-этнологическая комиссия.—Деятельность Ученого совета нижегородской археолого-этнологической комиссии. 1923—1925. Н.-Новгород. 32 стр.

Рыков, П.—Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет). Саратов. 48 стр.

Смолин, В. Ф.—По развалинам древнего Булгара. Казань. Госиздат. ТССР. [3]+87 стр.

Тынышпаев, М.—Қонсуйские развалины и город Қайлак (Қойлык). Кзыл-Орда. О-во изучения Қазакстана. 8 стр.

Della Corte, M.—Pompeji. Die neuen Ausgrabungen. Valle di Pompei. F. Sicignano. 82 стр.

Gsell, S.—Promenades archéologiques aux environs d'Alger. (Cherchel, Tipasa, le Tombeau de la Chrétienne). Paris. Société d'éditions les Belles-lettres. 168 стр.

Kubitzschek, W.—Römerfunde von Eisenstadt. Mit I. Beitr. von S. Wolf. Wien. Osterr. Verlasgesellschaft. Dr. B. Filser et C°. 130 стр.

Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts.—Athenische Abt. Bd. 49. 1924. Berlin. Archäolog. Institut. IV+252 стр.

Sautel, I.—Vaison dans l'antiquité. T. I. Histoire de la cité, des origines jusqu'aux invasions des Barbares. T. 2. Catalogue des objets romains trouvés à Vaison et dans son territoire. Avignon. Aubanel frères. 2 vol. T. I—311+XXX стр. T. II—XXXI+631 стр.

XIX. Нумизматика

Пахомов, Е. А.—Монетные клады Азербайджана. Баку. Труды О-ва изучения и обследования Азербайджана. 100 стр.

Noss, A.—Die Münzen der Städte Köln und Neuss. 1474—1794. Köln. Selbstverlag. der Stadt Köln. XIII+333+54 стр.

Noss, A.—Die Münzen der Erzbischöfe von Köln. 1547—1794. Köln. Selbstverlag. d. Stadt Köln. 1925. XV+432 стр.

Ответственный редактор **А. В. Шестаков.** Ответственный секретарь **И. Л. Татаров.**